

000431
1171
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦА ДАСЫ

**УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ**

ТОМ XIV

(СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ)

Махачкала — 1965

007
И 71

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
имени Г. ЦАДАСЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XIV

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аликберов Г. А., Гаджиева С. Ш., Гаджиев В. Г.
Даниялов Г. Д. (ответств. редактор),
Шихсаидов А. Р., Омаров А. С., Юсуфов Р. Ф.

34833

Махачкала
научная библиотека
ДагФАН СССР

И С Т О Р И Я

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

РАЗВИТИЕ ЭНЕРГЕТИКИ ДАГЕСТАНА

Великий Ленин еще в начале нашего века дал всестороннее научное обоснование необходимости широкого использования электрической энергии во всех сферах человеческой деятельности и указал на революционное значение электричества в общественном производстве.

Значение энергетики еще больше растет в свете решений декабрьского (1963 г.) Пленума ЦК КПСС о дальнейшем развитии химической промышленности, которая представляет собой одну из наиболее энергоёмких отраслей народного хозяйства.

В связи с задачей ускорения темпов строительства и ввода новых энергетических мощностей, большой научный и практический интерес представляют не только перспективы дальнейшего роста энергетики, но и история осуществления ленинского плана электрификации как страны в целом, так и отдельных республик, краев и областей.

К сожалению, история формирования энергетики и претворения в жизнь ленинского плана электрификации в Дагестанской АССР до сих пор не была предметом специального исследования и поэтому этот важный вопрос не получил почти никакого освещения в литературе.

Отсутствие необходимых литературных данных и крайняя недостаточность архивных документов значительно затрудняют изучение этого вопроса. Тем не менее, имеющиеся статистические и некоторые другие материалы позволяют в известной степени раскрыть данную тему, что безусловно поможет дальнейшему исследованию как этого вопроса, так и вопроса о развитии других отраслей народного хозяйства республики.

Как известно, в наследство от царской России молодая советская республика получила крайне отсталое энергетическое хозяйство. Россия по производству электроэнергии занимала лишь 15-е место в мире. В 1913 г. мощность всех электрических станций России составляла только 1,1 млн. квт.¹ а выработка электроэнергии — 1,95 млрд. квт-часов.

¹ Д. Г. Жимерин. История электрификации СССР. Москва, 1962, стр. 38.

Еще более отсталыми в этом отношении были окраины России, в том числе Дагестан. Электроэнергетика дореволюционного Дагестана находилась в зачаточном состоянии.

Имеющиеся литературные данные о мощности электростанций дореволюционного Дагестана противоречивы и потому достоверность их вызывает сомнения. По одним данным² в 1913 г. мощность электростанций Дагестана составляла 700 квт., по другим³ — 1070 квт.

В целях получения наиболее точных данных, автором проанализированы статистические отчеты,⁴ что позволило определить мощность электростанций Дагестана в 1913 г. в размере 1100 квт. В том же 1913 г. в Дагестане было произведено 3,76 млн. квт.-часов электроэнергии, т. е. столько, сколько в настоящее время вырабатывает дагестанская энергосистема за три дня работы.

Все имевшиеся 14 электростанций находились в городах, и, в основном, использовались на частновладельческих предприятиях. Самую крупную электростанцию мощностью в 443 киловатт в Порт-Петровске имела хлопчатобумажная фабрика, а город освещался небольшой электростанцией мощностью всего лишь 60 квт.⁵

К моменту установления Советской власти в Дагестане и эти небольшие электростанции пришли почти в полную негодность вследствие изношенности машин и их непрерывной эксплуатации в течение многих лет без капитального ремонта. Поэтому с первых же дней Советской власти для восстановления и быстрого развития народного хозяйства республики встал вопрос о необходимости строительства новых электростанций.

Как известно, материально-технические условия построения социализма в Дагестане были значительно менее благоприятными по сравнению с Россией в целом. В Дагестане требовались более ускоренные темпы индустриализации, так как, по определению В. И. Ленина, кавказские республики были еще более крестьянскими, чем Россия.⁶

Развитие промышленности в Дагестане находилось в пря-

---

² Г. И. Милованов. Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане. Махачкала, 1963 г., стр. 98.

³ Р. К. Гаджиев. Энергетические ресурсы Дагестанской АССР, Махачкала, 1941 г.

⁴ Советский Дагестан за 40 лет (статистический сборник), 1960 г.

⁵ В. Муслимов и Э. Зурбян. Энергетика Дагестана. Блокнот агитатора (специальный выпуск, посвященный перспективам развития промышленности Дагестанского совнархоза на 1959—1965 гг.). Махачкала, 1958 г.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 295.

мой зависимости от электроэнергетической базы, расширение которой должно было идти опережающими темпами по сравнению с другими отраслями хозяйства. Таким образом, вопрос о создании мощной энергетической базы в Дагестане стал основным условием промышленного развития республики.

Огромную роль в развитии экономики и культуры Дагестана, как и других республик, сыграл ленинский план электрификации страны.

В феврале 1920 г. I сессия ВЦИК VII созыва приняла по предложению Ленина резолюцию «Об электрификации России», в которой было поручено ВСНХ совместно с Наркомземом и при участии Наркомпути разработать проект строительства сети электрических станций в разных районах страны. Созданная президиумом ВСНХ комиссия из крупнейших специалистов-энергетиков в течение всего 1920 г. работала над разработкой исторического плана ГОЭЛРО. 29 декабря 1920 г. этот план был одобрен VIII Всероссийским съездом Советов, который расценил его как первый шаг великого хозяйственного начинания.

Планом ГОЭЛРО было предусмотрено строительство за 10—15 лет тридцати электростанций общей мощностью в 1500 тыс. квт. и расширение действующих электростанций на мощность 250 тыс. квт. Выработку электроэнергии было запланировано довести до 8,8 млрд. квт.-часов против 0,5 млрд. квт.-часов в 1921 г. и 2,0 млрд. квт.-часов в 1913 г.⁷

В соответствии с указаниями В. И. Ленина о рациональном размещении промышленности комиссия по составлению плана ГОЭЛРО разбила всю страну на 7 основных районов: Северный, Центрально-промышленный, Южный, Волжский, Уральский, Кавказский и Сибиро-Туркестанский.

В плане ГОЭЛРО нашла свое полное отражение ленинская национальная политика, направленная на ликвидацию политического и экономического неравенства народов дореволюционной России.

План электрификации предусматривал сооружение электростанций не только в старых промышленных центрах (Петроград, Москва, Донбасс, Урал), но и в районах Сибири, Туркестана и Кавказа. При разработке плана комиссия по электрификации испытывала большие трудности, так как окраинные районы России были слабо изучены и по ним не было достаточных данных для составления подробных планов развития энергетики и производительных сил. Работа комиссии осложнялась еще тем, что в период составления плана ГОЭЛРО Советская власть была установлена не во

---

⁷ Д. Г. Жимериц. История электрификации СССР. Москва, 1962, стр. 25.

всех национальных областях Кавказа. Поэтому Комиссия составила конкретный план строительства пяти электростанций общей мощностью 120 тыс. квт. только на Северном Кавказе, а для Кавказа в целом были определены общие контуры развития электрификации.

Этот пробел был ликвидирован в процессе выполнения плана ГОЭЛРО, когда местные органы власти настойчиво взялись за дело электрификации. Уже в 1924 г. в Махачкале была построена дизельная электростанция мощностью 140 квт. Несмотря на небольшую мощность, строительство этой электростанции в то время имело не только экономическое значение, но и большое культурное и политическое значение.

Бурный рост энергетических мощностей в Дагестане начался в период претворения в жизнь пятилетних планов.

В 1932 г. в Махачкале, на базе силовой станции бондарного завода, была пущена в эксплуатацию электростанция мощностью 1500 квт.,⁸ на реке Кара-Койсу развернулось строительство Гергебильской ГЭС.⁹

Характерной особенностью развития энергетики Дагестана в первой пятилетке является то, что темп прироста выработки электроэнергии намного опережал темп прироста мощности электростанций за счет увеличения коэффициента использования. Так, если за первую пятилетку мощность электростанций Дагестана увеличилась примерно в 1,8 раза, то производство электроэнергии возросло в 3,15 раза.

Несмотря на расширение энергетической базы, в промышленности республики ощущался дефицит электроэнергии, что создавало большие трудности для дальнейшего развития народного хозяйства. Именно поэтому второй пятилетний план предусматривал еще более быстрые темпы строительства электростанций.

В 1936 г. вступила в эксплуатацию крупная теплоэлектростанция в Каспийске, которая временно разрядила напряженное положение по обеспечению электроэнергией предприятий и коммунально-бытовых нужд Каспийска и Махачкалы. Вслед за этим, в 1937 г., было закончено строительство первой крупной гидроэлектростанции на реке Кара-Койсу—Гергебильской ГЭС мощностью 4500 квт.¹⁰

Строительством двух названных электростанций сравнительно большой мощности не исчерпывается энергострои-

---

⁸ В. Муслимов и Э. Зурабян. Энергетика Дагестана. Блокнот агитатора (специальный выпуск), 1958 г.

⁹ Г. И. Милованов. Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане. Махачкала, 1963, стр. 101.

¹⁰ Структура и энергетический баланс энергосистемы Дагестана и межсистемные связи. Даг. филиал АН СССР, отдел энергетики, Махачкала, 1954 г.

тельство в Дагестане. В предвоенные годы в республике проводилась большая работа по строительству мелких электростанций в сельской местности.

Первая сельская электростанция в Дагестане была сдана в эксплуатацию еще 21 декабря 1931 г. в ауле Ахты.¹¹ Эта небольшая гидроэлектростанция мощностью всего 40 квт. была предназначена главным образом для удовлетворения коммунально-бытовых нужд населения аула.

В предвоенные годы такие же мелкие электростанции были построены во многих селениях — Чохе, Кумухе, Маджалисе, Касумкенте, Хунзахе и в ряде других. В основном сельские электростанции строились на местные средства, по прямому требованию крестьян, поэтому одной из своеобразных черт осуществления плана сельской электрификации являлась мелкая электрификация.

В связи с тем, что строительство мелких электростанций в республике приняло большой размах, в 1935 г. при Народном Комиссариате местной промышленности Дагестанской АССР было организовано «Бюро малых ГЭС», которое проводило значительную работу по изучению природных условий, наиболее выгодных для строительства электростанций в сельской местности.

В 1939 г., в соответствии с решением XVIII съезда партии о строительстве гидравлических, газогенераторных и ветросиловых электростанций малой мощности, масштабы энергостроительства в сельской местности Дагестана заметно расширились. К этому времени в стране уже была создана новая, социалистическая индустрия, полностью разгромлено кулачество, повсеместно победил колхозный строй, в народном хозяйстве утвердилась социалистическая собственность на средства производства. Благодаря этим успехам шире развернулась и работа по электрификации сельского хозяйства.

Происходит строительство колхозных электростанций. К 1941 г. сельская энергетика Дагестана превысила уровень 1936 г. почти в 15 раз. Хотя станции имели малую мощность и могли удовлетворить только незначительную часть потребностей населения, они наглядно показали крестьянству, что Советская страна быстро идет вперед, к оснащению высокой техникой хозяйству.

Таким образом, первые шаги в области сельской электрификации имели большое хозяйственное и политическое значение, способствовали укреплению связи между городом

---

¹¹ Структура и энергетический баланс энергосистемы Дагестана и межсистемные связи. Даг. филиал АН СССР, отдел энергетике, Махачкала, 1954 г.

и деревней и, следовательно, укреплению Советской власти на местах.

Несмотря на всестороннюю помощь, оказываемую республике Советским правительством, в довоенные годы объем энергопотребления в сельской местности Дагестана был крайне недостаточен. Особенно плохо внедрялась электроэнергия в сельскохозяйственном производстве. Только около 2 процентов всей потребляемой сельским хозяйством электроэнергии использовалось для механизации трудоемких процессов.

При значительном дефиците электрической энергии в целом по республике очень слабо использовались имеющиеся генерирующие мощности. Так, в 1940 г. коэффициент использования мощностей электростанций республики не достигал 25%, а по многим мелким колхозным электроустановкам — не превышал 2—3 процентов. Объяснялось это главным образом слабым развитием промышленности, в особенности энергоемких производств. Более полному использованию существующих мощностей мешали также слабое развитие электрических сетей и изолированность работы электростанций.

Несмотря на все эти недостатки, в довоенный период благодаря ленинской национальной политике темпы развития энергетики в Дагестане намного опережали средние темпы развития энергетики СССР. Так, суммарная мощность электростанций Советского Союза в 1940 г. по сравнению с 1913 г. возросла в 10 раз,¹² а в Дагестанской АССР — в 32 раза.¹³ Однако по производству и потреблению электроэнергии на душу населения Дагестан все еще заметно отставал от общесоюзного уровня. Если в 1940 г. в среднем по СССР в расчете на душу населения было произведено 230 квт.часов, то в Дагестанской АССР — только 72 квт.часа, т. е. в три с лишним раза меньше.

Война в известной степени затормозила развитие энергетики не только в прифронтовых районах страны, но и в Дагестане. В годы войны значительная часть энергетического оборудования самой крупной в то время Каспийской ТЭЦ была демонтирована и эвакуирована в восточные районы страны.

Во время войны перед энергетиками была поставлена задача бесперебойно снабжать электроэнергией предприятия, которые прямо или косвенно обеспечивали нужды обороны страны. Проводилась большая работа по уплотнению графиков производства и потребления электроэнергии и увеличе-

---

¹² С. Ф. Шершов, С. Л. Прузнер и И. М. Завадский. Экономика и организация энергетического производства. Госэнергоиздат, 1959 г., стр. 42.

¹³ Советский Дагестан за 40 лет (статсборник), Махачкала, 1960.

нию числа часов использования имеющихся мощностей. В сельской местности не прекращалось строительство маломощных электростанций с тепловым приводом.

После окончания войны партия поставила задачу прежде всего в широких масштабах развернуть тяжелую индустрию, ибо без нее нельзя было решить задачи восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. Предметом особой заботы партии в послевоенный период было расширение энергетической базы.

В 1946 г. Верховный Совет СССР утвердил план развития народного хозяйства на четвертое пятилетие (1946—1950 гг.). В постановлении об утверждении четвертого пятилетнего плана была поставлена задача «форсировать восстановление и строительство электростанций с тем, чтобы рост мощностей электростанций опережал восстановление и развитие других отраслей».¹⁴

В 1947 г. в трудных географических условиях были построены высоковольтные линии электропередачи от Гергебильской ГЭС в Махачкалу, Буйнакск, а также в Гунибский, Гергебильский и Буйнакский районы.

В годы первой послевоенной пятилетки большая работа проводилась по строительству сельских электростанций. Только за три послевоенных года мощность сельских электростанций увеличилась в 1,6 раза. За эти годы протяженность сельских высоковольтных сетей увеличилась в 12 раз, а количество электродвигателей возросло в 6,6 раза, что свидетельствует о более широком применении электроэнергии в производственных процессах.

Колхозное крестьянство, убедившись в выгодности применения электрической энергии, в послевоенные годы развернуло работу по строительству сравнительно мощных межколхозных электростанций. Показательным в этом прогрессивном деле является строительство Курушской межколхозной ГЭС в бывшем Докузпаринском районе.

В 1949 г. по инициативе колхозников селения Куруш группа колхозов района решила выстроить на небольшой горной речке Текипиркент межколхозную электростанцию. Трудящиеся района с радостью поддержали это предложение. Благодаря активности масс и повседневной помощи со стороны местных и областных органов, в труднейших горных условиях за короткий срок (1949—1951 гг.) была построена гидроэлектростанция мощностью 480 квт.

С не меньшим воодушевлением строились Гигатлинская и Ахтынская гидроэлектростанции. Однако темпы роста мощностей в послевоенные годы в целом по республике на-

---

¹⁴ «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 3, М., 1958, стр. 21.

много отставали от роста потребности в электроэнергии. Если к концу первой послевоенной пятилетки (1950 г.) потребление электроэнергии в Дагестане по сравнению с 1940 г. возросло в 2,3 раза, то прирост энергетических мощностей за это же время составил только 15,5 процента.

Недостаток генерирующих мощностей сильно ограничивал и тормозил развитие промышленности в республике и отрицательно сказывался на удовлетворении коммунально-бытовых нужд населения. Для частичной ликвидации такого несоответствия была построена и в 1953 г. введена в эксплуатацию Махачкалинская теплоэлектроцентраль мощностью 8400 квт. Для полного удовлетворения растущей потребности народного хозяйства республики в электрической энергии в 1954 г. приступили к строительству Чирюртовской гидроэлектростанции на реке Сулак.

Наряду с новым строительством, трудящиеся Дагестана проводили большую работу по реконструкции и расширению существующих электростанций. Только в 1957—1958 годах мощности Каспийской и Махачкалинской теплоэлектроцентралей увеличились на 22 тыс. квт. На Гергебильской ГЭС силами коллектива станции были установлены два агрегата общей мощностью в 3200 квт.

Для передачи электроэнергии отдаленным потребителям в республике строились высоковольтные линии. В 1957 г. введена в эксплуатацию линия электропередачи Махачкала — Хасавюрт, что позволило обеспечить электроэнергией как город Хасавюрт, так и близлежащие селения. В 1959 г. включена в работу линия электропередачи Каспийск — Дербент протяженностью около 150 км.

Особенно больших успехов в развитии энергетики наша республика добилась в текущей семилетке. Только за пять первых лет семилетки мощность электростанций Дагестана увеличилась почти вдвое, построено и введено в действие 16 узловых трансформаторных подстанций и около 300 км. линий электропередачи. За эти годы электрифицировано более 130 колхозов и совхозов республики, т. е. столько же, сколько за все предыдущие годы существования Советского Дагестана.

Именно в годы семилетки закончена строительством (1961 г.) и включена в работу крупнейшая в республике Чирюртовская ГЭС им. В. И. Ленина мощностью 72 тыс. квт. С пуском Чирюртовской ГЭС полностью разрядилось напряженное положение в энергоснабжении народного хозяйства и населения. Достаточно сказать, что годовая выработка электроэнергии Чирюртовской ГЭС превышает более чем в два раза выработку всех электростанций Дагестана в 1958 г.

Значение Чирюртовской ГЭС не ограничивается этим.

Строительство этой электростанции было своего рода школой для подготовки высококвалифицированных кадров энергетиков и гидростроителей. На этой стройке наши инженеры и рабочие получили первый опыт строительства крупных гидротехнических сооружений, что, конечно, поможет им в строительстве других, более крупных гидроэлектростанций Сулакского каскада.

Трудящиеся Дагестанской АССР под руководством Коммунистической партии создали мощную энергетическую базу, позволяющую полностью обеспечить потребности республики и передавать большое количество электроэнергии в другие республики Северного Кавказа. В настоящее время около 30 процентов всей вырабатываемой в республике электроэнергии передается в соседнюю Чечено-Ингушскую АССР.

Всего за годы Советской власти мощность электростанций Дагестана увеличилась в 156 раз, а производство электроэнергии возросло более чем в 130 раз.

В настоящее время свыше 80 процентов всех энергетических мощностей республики сосредоточено на пяти электростанциях государственной энергосистемы «Дагестанэнерго». Этими электростанциями вырабатывается около 95 процентов всей производимой в Дагестане электрической энергии.

Несмотря на высокую централизацию производства электроэнергии, в республике продолжает эксплуатироваться большое количество мелких электростанций различных организаций. В 1963 г. в Дагестане имелось 690 электростанций общей мощностью 174 тыс. квт. Только в 274 электрифицированных колхозах и совхозах республики имеются 297 небольших электростанций суммарной мощностью всего 11 396 квт. Средняя мощность сельских электростанций не превышает 40 квт.

Наличие такого большого количества мелких электростанций объясняется главным образом тем, что до последнего времени развитие энергетики осуществлялось по ведомственному принципу—не было организаций, которые отвечали бы за энергоснабжение всех потребителей каждого территориального района. Вместо централизованной и экономичной электрификации от сетей энергосистемы, колхозы сами за счет своих средств строили мелкие, неэкономичные, изолированно работающие электростанции.

Практикой многолетней эксплуатации мелких электростанций установлена нецелесообразность такого способа электрификации. Анализ проектных и эксплуатационных данных показывает, что капитальные затраты на один киловатт установленной мощности мелких электростанций составляют 300—600 рублей, тогда как на крупных современных электростанциях они составляют 60—120 рублей. Так,

на самой крупной сельской электростанции республики — Ахтынской ГЭС мощностью 1420 квт. — удельные капитальные затраты на 1 квт. установленной мощности составляют 386 руб.,¹⁵ на Чирюртовской ГЭС мощностью в 72 000 квт. — 216 руб., а на строящейся Чиркейской ГЭС мощностью в один миллион квт. они составляют только 50,6 руб.¹⁶ При этом количество обслуживающего персонала (в расчете на 1000 квт. установленной мощности) на мелких электростанциях в 20—25 раз больше, а себестоимость вырабатываемой ими электроэнергии в 10—15 раз выше, чем на электростанциях энергетической системы «Дагестанэнерго».

Поэтому расширение энергетической базы республики признано целесообразным осуществить за счет строительства крупных электростанций.

В последние годы основным направлением развития энергетики в СССР принято преимущественное строительство крупных тепловых электростанций по типовым или повторяющимся проектам с использованием унифицированного оборудования. В решениях XXI съезда КПСС указано, что быстрое развитие электрификации должно быть обеспечено «за счет строительства главным образом тепловых электростанций». При этом КПСС исходит из того, что на современном этапе развития тепловые электростанции обладают решающим преимуществом — более короткими сроками строительства при меньших капитальных затратах на единицу вновь вводимой мощности.

Однако, наряду с перечисленными преимуществами, тепловым электростанциям по сравнению с гидроэлектростанциями присущи и некоторые недостатки, основными из которых являются высокая себестоимость производимой ими электроэнергии и большая удельная численность персонала (на 1000 квт. мощности). Например, на самой крупной тепловой электростанции республики — Каспийской ТЭЦ (39 тыс. квт.) себестоимость электроэнергии примерно в семь, а удельная численность персонала — в четыре раза больше, чем на Чирюртовской ГЭС (72 тыс. квт.).

Основные технико-экономические показатели электростанций управления «Дагестанэнерго» приведены в следующей таблице:

---

¹⁵ Принципиальная схема снабжения электроэнергией сельского хозяйства Дагестанской АССР. Пятигорский филиал «Гидросельэлектро», 1957 г.

¹⁶ И. П. Алешин. Проект Чиркейской ГЭС на р. Сулак, журнал «Гидротехническое строительство», 1962 г., № 5.

Наименование электростанций	Установленная мощность (тыс. квт)	Сметная стоимость (млн. руб.)	Кап. вложения на 1 квт. установленной мощности (руб.)	Себестоимость электроэнергии за 1963 г. (коп./квт.-ч.)
Каспийская ТЭЦ	39	4,936	126,6	1,369
Махачкалинская ТЭЦ	18	3,067	170,4	2,522
Чиюртовская ГЭС	72	15,566	216,2	0,1803
Гергебильская ГЭС	8,4	2,925	348,2	0,3892

Во многих районах страны, в том числе и в Дагестане, где имеются большие гидроэнергоресурсы и благоприятные условия для их использования, предусматривается строительство гидроэлектрических станций.

Наша республика располагает довольно большими запасами водной энергии. По насыщенности гидроэнергетическими ресурсами Дагестанская АССР занимает одно из первых мест среди республик и областей Советского Союза. На каждый квадратный километр территории республики приходится около 90 квт. гидроэнергетических ресурсов.

О богатстве Дагестанской АССР гидроэнергетическими ресурсами говорит хотя бы тот факт, что здесь потенциальных запасов гидроэнергии больше, чем в Белорусской, Латвийской и Эстонской союзных республиках вместе взятых.

Потенциальные запасы гидроэнергоресурсов Дагестана оцениваются в 4,5 млн. квт.¹⁷ Из них в настоящее время используется немногим более 2 процентов.

Почти половина (2,2 млн. квт.) гидроэнергоресурсов Дагестана падает на его главную реку — Сулак. По запасам водной энергии эта река в Европейской части СССР уступает только Волге, Днепру и Куре.

Особенностью реки Сулак являются большие уклоны, относительная многоводность и наличие узких, очень глубоких ущелий в крепких известняковых породах. Эти ущелья, в которых будто сама природа выполнила часть гидротехнических сооружений для будущих электростанций, позволяют создать крупные водохранилища для регулирования стока воды.

Схемой комплексного использования энергии этой реки намечено строительство на ней каскада из 10 электростанций суммарной мощностью в 2,2 млн. квт. и с годовой выработкой электроэнергии около 7 млрд. квт.-часов.

Первая ступень этого каскада — Чиюртовская ГЭС —

¹⁷ Структура и энергетический баланс энергосистемы Дагестана и межсистемные связи. Даг. филиал АН СССР, отдел энергетики, 1954 г.

работает уже третий год. В ближайшее время будет закончено строительство Чирюртовской ГЭС № 2 мощностью в 9,4 тыс. квт., которая объединяется с водораспределительным узлом, предназначенным для подачи воды в правобережную и левобережную оросительные системы.

Наиболее эффективной электростанцией каскада как по природным, так и энергоэкономическим показателям является Чиркейская ГЭС, строительство которой началось в 1963 г.

Эта электростанция будет одной из наиболее экономичных электростанций Советского Союза, что хорошо показывает сопоставление ее с некоторыми другими строящимися электростанциями СССР (см. прилагаемую таблицу).

Показатели некоторых гидроэлектростанций.

Наименование ГЭС	Установленная мощность (тыс. квт.)	Выработка электроэнергии в год (млн. квт-часов)	Удельные капитальные затраты (руб/квт)	Себестоимость электроэнергии (коп./квт-ч)
Чиркейская, р. Сулак	1000	2700	50,6	0,06
Нурекская, р. Вахш	2700	11860	69,5	0,03
Красноярская, р. Енисей	5000	20000	82,0	0,03
Саяно-Шушенская, р. Енисей	6360	23500	85 90	0,035
Братская, р. Ангара	4500	22600	140,0	0,04
Ингульская, р. Ингури	1630	5280	129,0	0,08
Плявинская, р. Даугава	600	1400	94,5	0,12

ПРИМЕЧАНИЕ: Техничко-экономические данные гидроэлектростанций (кроме Чиркейской) взяты из книги И. Т. Новикова «Электрификация — важнейший фактор создания материально-технической базы коммунизма», М., 1960, стр. 49, и из «Экономической газеты» от 12 апреля 1964 г.

При установленной мощности в 1 млн. квт. сметная стоимость Чиркейской ГЭС составляет только 50,6 млн. руб.,¹⁸ что примерно на 30 процентов ниже стоимости тепловой электростанции равной мощности. Она ежегодно будет вырабатывать более 2,7 млрд. квт-часов электроэнергии с себестоимостью 0,06 коп./квт-час.

Крупные гидроэлектростанции на Сулаке сооружаются не только для производства дешевой электроэнергии, но и для комплексного решения ряда других проблем, а именно: орошения, водоснабжения и для борьбы с паводками.

Только водохранилище Чиркейской ГЭС площадью 38 кв. км. и объемом 2,6 млрд. куб. м. позволит обеспечить

¹⁸ И. П. Алешин. Проект Чиркейской ГЭС на р. Сулак, журнал «Гидротехническое строительство», 1962, № 5.

водоснабжением весь намечаемый к орошению в этом районе земельный массив и полностью ликвидирует опасность затопления паводками Присулакской низменности.

В настоящее время часть прибрежных земель низменности терпит ущерб от затопления весенне-летними паводками, часть этих земель (около 40 тыс. га) уже сейчас является заболоченной, а остальные прибрежные земли и населённые пункты ограждаются защитными валами, которые ежегодно требуют больших затрат на восстановление и ремонт. С созданием Чиркейского водохранилища появляется возможность самотёчной подачи воды из верхнего бьефа для орошения плодородных земель площадью около 60 тыс. га, расположенных в предгорной зоне Дагестана, которые из-за недостатка или отсутствия воды в настоящее время не могут быть использованы. Кроме того, Чиркейское водохранилище будет оказывать регулирующее влияние на лежащие ниже гидроэлектростанции и предохранит водохранилище существующей Чирюртовской ГЭС № 1 от быстрого занесения речными наносами, объем которых исчисляется в 20 млн. куб. м. в год.

Высокоэкономичными являются и остальные электростанции Сулакского каскада. По проектным данным удельные капитальные затраты на их строительство находятся примерно на уровне тепловых, а себестоимость электроэнергии в три раза ниже, чем на наиболее экономичных тепловых электростанциях страны.

Поэтому Центральный Комитет КПСС поддержал предложение областного комитета КПСС о строительстве в предстоящем пятилетии (1966—1970 гг.) еще трёх гидроэлектростанций Сулакского каскада: Ирганайской ГЭС — мощностью 500 тыс. квт., Миатлинской ГЭС — 250 тыс. квт. и Сагринской ГЭС — 150 тыс. квт.

С вводом в работу указанных электростанций мощность дагестанской энергосистемы увеличится в десять с лишним раз. Дешевая электроэнергия электростанций Сулакского каскада создаёт весьма благоприятные условия для развития высокоэффективной химической промышленности на базе местного сырья. Наряду с химическими предприятиями, крупным потребителем электрической энергии будет Северокавказская железная дорога, электрификация которой будет завершена в ближайшие годы. По данным управления «Дагестанэнерго», потребность железной дороги в электроэнергии к 1970 г. составит более 500 млн. квт-часов. Примерно к этому же времени намечается завершить электрификацию всех колхозов республики.

Для передачи и распределения электроэнергии в республике развернутся большие работы по строительству высоковольтных линий электропередачи. В 1966—1970 гг. в Дагеста-

не будет построено 1125 км. высоковольтных сетей и 2235 км. сельских электрических сетей напряжением 10 кв. и ниже. Для передачи электроэнергии крупным потребителям и соседним республикам намечается строительство ряда линий электропередачи напряжением 330 кв. Такие линии намечено построить из Чиркея в Чирюрт, Грозный, Махачкалу и в перспективе — из Махачкалы в Баку.

Претворение в жизнь намеченной программы развития энергетики явится крупным вкладом в поднятие экономики и культуры республики и создаст мощную материально-техническую базу для дальнейшего развития промышленности и сельского хозяйства Дагестана.

ОБ ОПЕРЕЖАЮЩЕМ РОСТЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Соотношение между ростом производительности труда и ростом заработной платы является важнейшей проблемой, привлекающей к себе в последнее время пристальное внимание многих экономистов. Между этими показателями существует неразрывная связь. Рост производительности труда создает материальную основу для повышения заработной платы, а совершенствование последней является одним из факторов дальнейшего роста производительности труда.

Зависимость между ростом производительности труда и заработной платой в самом общем виде состоит в том, что рост производительности труда должен опережать рост заработной платы. В этом состоит важнейшая закономерность развития социалистической экономики и из этого исходит Программа КПСС при определении задач создания материально-технической базы коммунизма. В решениях ноябрьского Пленума ЦК КПСС (1962 г.), а также декабрьского Пленума ЦК КПСС (1963 г.) еще раз подчеркнута необходимость обеспечить на каждом предприятии опережающий рост производительности труда по сравнению с ростом заработной платы, как необходимое условие правильного руководства народным хозяйством на современном этапе коммунистического строительства. Более быстрый рост производительности труда по сравнению с ростом заработной платы необходим для систематического снижения себестоимости продукции, увеличения накоплений и темпов расширенного социалистического воспроизводства, укрепления денежного обращения в стране.

Важная задача экономической науки состоит в том, чтобы вскрывать резервы дальнейшего развития производства и повышения производительности труда с тем, чтобы способствовать установлению правильного соотношения между ростом

производительности труда и ростом заработной платы. Некоторые важные пути установления такого соотношения и рассмотрены в настоящей статье на примере предприятий обувной промышленности.

Установление правильного соотношения между ростом производительности труда и ростом заработной платы на предприятии зависит как от факторов, обуславливающих рост производительности труда, так и от факторов, связанных с организацией заработной платы, однако решающее значение имеют факторы повышения производительности труда.

Среди первой группы этих факторов наиболее важное значение имеет технический прогресс. Так, в обувной промышленности производительность труда за годы семилетки должна возрасти на 30,9%, в том числе за счет технического прогресса — на 24,3%. Технический прогресс оказывает непосредственное влияние на соотношение между ростом производительности труда и ростом заработной платы. Под влиянием технического прогресса происходит уменьшение затрат живого и овеществленного труда на производство единицы продукции, а тем самым возрастает объем производимой продукции и повышается производительность труда.

Однако, для социалистического общества нужна не всякая новая техника. Рост производительности труда не может быть признан единственным критерием для оценки новой техники. Новая техника должна обеспечивать не только рост производительности труда, но и опережающий рост производительности труда по сравнению с ростом заработной платы. Это означает, что новая техника должна обеспечивать как повышение производительности труда, но и опережающий рост производительности труда по сравнению с ростом заработной платы. Это означает, что новая техника должна обеспечивать как повышение производительности труда, так и уменьшение затрат заработной платы на изготовление единицы продукции, снижение себестоимости продукции. Именно поэтому технический прогресс служит основой обеспечения правильного соотношения темпов роста производительности труда и заработной платы.

Опережающий рост производительности труда по сравнению с ростом заработной платы на предприятиях обувной промышленности достигается в основном за счет внедрения

новой техники. На московской обувной фабрике «Парижская коммуна» производительность труда в стоимостном выражении выросла в 1962 г. на одного работающего по сравнению с 1958 г. на 15,7%, а средняя заработная плата — на 9%, на фабрике «Буревестник» — соответственно на 17% и 14,6%. Опережающий рост производительности труда за годы семилетки имеет место также на ленинградской фабрике «Скороход», московской фабрике им. Капранова и многих других обувных предприятиях страны. И это не случайно. На указанных предприятиях имеют место значительные сдвиги в осуществлении технического прогресса.

За годы семилетки на этих обувных фабриках проведена значительная работа по внедрению новейшего и модернизации действующего оборудования в целях дальнейшей механизации и автоматизации производства, ускорения технического прогресса и повышения производительности труда. Так, на ленинградской фабрике «Скороход» в 1958—62 гг. было установлено 787 единиц нового оборудования и модернизирована 1171 единица действующего оборудования. Внедрение поточно-конвейерной линии для сборки заготовок только в цехе № 17 дало возможность получить в 1962 г. условно-годовую экономию в размере 125,7 тыс. руб. Общая условно-годовая экономия от проведения организационно-технических мероприятий по фабрике в 1962 г. составила 587,3 тыс. руб. с высвобождением 47 человек. На московской фабрике «Парижская Коммуна» в 1962 г. было установлено 254 единицы нового и модернизировано 60 единиц действующего оборудования.

На фабрике им. Капранова в 1962 г. было установлено 35 электрогидравлических прессов ПВГ-8, заменивших устаревшие и изношенные прессы ВПБ. По производительности труда фабрика еще в 1960 г. достигла уровня, намеченного на последний год семилетки, и достигла наивысшей производительности труда среди однородных обувных предприятий страны. На этих предприятиях за последние годы внедрены новейшие виды современного оборудования, как, например, агрегаты для горячей вулканизации АГВ-8 и АГВ-12, агрегатные полуавтоматические линии АЛ-3 и АЛ-4. Все это обеспечило материальную основу для опережающего роста производительности труда.

На обувных предприятиях Дагестана — Буйнакском кожкомбинате и Махачкалинской фабрике модельной обуви — имеет место нарушение правильного соотношения между ростом производительности труда и ростом заработной платы. Так, на Буйнакском кожкомбинате производительность труда за 1958—1962 гг. возросла на 10,9%, а средняя заработная плата — на 20,2%. На обоих предприятиях имели

место факты невыполнения заданий по росту производительности труда за отдельные годы семилетки. На Буйнакском кожкомбинате крайне велики затраты ручного труда, предприятие оснащено устаревшим оборудованием. На Махачкалинской фабрике модельной обуви крайне недостаточно проводятся мероприятия по внедрению новой техники. В 1961 г., когда задание по росту производительности труда не было выполнено, был разработан крайне ограниченный план организационно-технических мероприятий, который не выполнили. В следующем году план оргтехмероприятий выполнили с опозданием. Все это сдерживает рост производительности труда и обуславливает неправильное соотношение между темпами роста производительности труда и заработной платы.

Следовательно, для соблюдения правильного соотношения между ростом производительности труда и заработной платы важнейшее значение имеет выполнение мероприятий в области технического прогресса, внедрение новейшего оборудования.

Рассмотрим в этой связи некоторые вопросы технического прогресса в обувной промышленности.

Несмотря на определенные успехи, здесь имеются значительные недостатки в осуществлении технического прогресса. Еще очень велики затраты ручного труда. В целом по обувной промышленности по существующей технологии производства насчитывается до 40% ручных операций. Это объясняется прежде всего низкими технико-экономическими показателями, применяемых в обувной промышленности машин, из которых многие обуславливают низкий уровень механизации и автоматизации операций. Машинное время при обработке изделий составляет на многих машинах всего лишь 30%. При использовании машин не механизированы очень многие вспомогательные операции, выполнение которых требует больших затрат ручного труда. Все это сдерживает рост производительности труда. Поэтому для более быстрого роста его необходимо обеспечить развитие обувного машиностроения в направлении совершенствования средств механизации и автоматизации ручных операций. Это будет способствовать установлению более правильного соотношения между темпами роста производительности труда и заработной платы.

В повышении производительности труда важнейшая роль принадлежит технологии производства. Совершенствование технологии выражает одно из направлений технического прогресса. «Постоянное совершенствование технологии всех отраслей и видов производства — неперемнное условие их

развития». ¹ Несмотря на определенные технические достижения на отдельных участках технологического процесса, в целом технология производства обуви характеризуется большим отставанием от современных технических требований, а также от других отраслей промышленности. Это объясняется тем, что еще сейчас технология производства обуви воспроизводит почти все основные приемы ручного изготовления обуви. Современная технология обувного производства представляет собой расчленение технологического процесса на очень большое количество мелких операций. Эта старая технология, сыгравшая в прошлом прогрессивную роль в увеличении выпуска продукции, ныне стала тормозом для комплексной механизации и автоматизации производства. В связи с этим назрела необходимость пересмотреть основы технического процесса и организационные принципы его построения. Новая технология производства обуви должна обеспечить совмещение многих технологических операций и изготовление обуви меньшим количеством приемов. Такая коренная ломка технологии открывает широкий простор для изготовления обуви с применением небольшого количества многооперационных машин, для комплексной механизации и автоматизации производства, резкого сокращения ручного труда. Это явится важнейшим фактором повышения производительности в обувной промышленности.

Подобная перестройка технологического процесса уже началась на некоторых предприятиях. Так, опыт внедрения новой технологии на Кременчугской обувной фабрике свидетельствует о технико-экономических преимуществах нового метода изготовления обуви. Длительность производственного цикла снижается с 10—12 до 4—5 часов, а производительность труда рабочих пошивочных потоков повышается в 1,5—2 раза. Такая же высокая экономическая эффективность достигнута в результате внедрения указанной технологии и на фабрике «Скороход».

Следовательно, основным направлением в развитии технологии производства обуви является совершенствование технологического процесса при максимальном сокращении и объединении производственных операций, разработка и внедрение полуавтоматических линий на базе полуавтоматов и многооперационных агрегатов. Техническое переоснащение обувных предприятий в соответствии с указанным направлением совершенствования технологии производства явится важным фактором ускоренного роста производительности труда в обувной промышленности.

---

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Издательство «Правда», 1961, стр. 74.

Особое место в ускорении технического процесса и повышении производительности труда занимает химизация производства. В развитии обувной промышленности химизация играет важнейшую роль ускорителя технического прогресса. Роль химизации состоит прежде всего в том, что она значительно расширяет сырьевую базу обувной промышленности. Кроме натуральной кожи, в обувной промышленности очень широко применяются различные виды искусственной кожи. Уже сейчас две трети всей производимой в стране обуви изготовляется с применением искусственных материалов. В дальнейшем будет происходить повышение удельного веса такой обуви. Применение в обувной промышленности искусственных материалов, получаемых химическим путем, дает государству и населению огромный экономический выигрыш. Сделанная из микропористой резины подошва в три раза легче и в два-три раза прочнее в носке, эластичнее кожаной обуви. Общие затраты труда на получение искусственных материалов и изготовление из них обуви в 10 раз меньше, чем при производстве такой же обуви из натуральной кожи. Благодаря применению искусственных материалов для верха обуви, уже сейчас ежегодно сберегается 22 миллиона шкур крупного и 5 миллионов шкур мелкого рогатого скота. Следовательно, химизация производства в обувной промышленности является важным источником экономии общественного труда.

Более широкое применение химии в технологии производства обуви явится крупным резервом повышения производительности труда. Так, на очень многих обувных предприятиях страны сушка обуви осуществляется в громоздких сушильных устройствах и является продолжительной операцией. Если же сушку обуви осуществлять химическим способом, основанным на принципе радиации инфракрасного излучения и конвекции, то это в десять раз сократит данную операцию и поведет к росту производительности труда. Однако такой метод сушки внедряется на обувных предприятиях еще явно недостаточно.

Важнейшим резервом повышения производительности труда в обувной промышленности является широкое применение прогрессивных методов крепления низа, также являющихся выражением химизации обувного производства. Еще К. Маркс указывал, что, по мере овладения химическими методами и реакциями, механические методы будут всё больше уступать место химическому воздействию.

Наибольшее распространение среди химических методов крепления получил метод клеевого крепления. Он обладает

рядом технико-экономических преимуществ по сравнению с механическими методами. Так, производительность труда в парах на 1 человеко-день при клеевом методе крепления составляет 21,6, что в 3,3 раза больше, чем при винтовом методе крепления. В зарубежных странах с высокоразвитой обувной промышленностью этот метод получил широкое распространение. Так, весьма высокий процент производства обуви клеевого метода крепления характерен для обувного производства Чехословакии. В 1962 г. этим методом здесь было изготовлено 52% всей произведенной обуви, а к 1970 году планом намечается увеличить удельный вес такой обуви до 60%. У нас этот метод крепления не получил еще должного распространения — в 1958 г. методом крепления было изготовлено 38,5% всей произведенной обуви. Более широкое распространение клеевого метода крепления на обувных предприятиях позволит значительно повысить производительность труда в обувной промышленности.

Наиболее последовательно влияние химизации на обувное производство проявляется в новом методе крепления путем горячей вулканизации. Эта прогрессивная технология изготовления обуви впервые в мире была разработана в СССР. Сущность этого метода состоит в том, что в едином процессе происходит одновременно формование, вулканизация резинового низа и его приклеивание к верху обуви. Внедрение в обувную промышленность метода горячей вулканизации явилось серьезным шагом вперед в деле совершенствования технологии производства обуви. Этот метод обладает рядом технико-экономических преимуществ по сравнению со всеми другими методами крепления. При производстве обуви методом горячей вулканизации значительно сокращается производственный цикл, так как отпадает необходимость во многих трудоемких операциях. Так, при производстве юфтевой обуви методом горячей вулканизации по сравнению с винтовым методом отпадает 40 операций. При производстве обуви методом горячей вулканизации по сравнению с рантовым обеспечивается сокращение трудоемкости до 35% и снижение себестоимости продукции на 22%. Из всех методов крепления метод горячей вулканизации обеспечивает наивысшую производительность труда — до 25 пар обуви на одного рабочего в день.

Таким образом, метод горячей вулканизации является прогрессивным технологическим процессом, оказывающим положительное влияние на рост производительности труда. Несмотря на все это, указанный метод не получил еще достаточно широкого распространения на предприятиях обувной промышленности. Он в основном внедрен на обувных фабриках Ленинграда. Между тем внедрение этого метода можно было бы организовать на многих других обувных

предприятиях, что позволило бы повысить производительность труда и значительно увеличить производство обуви на тех же производственных площадях. Для этого необходимо обеспечить обувные предприятия необходимым оборудованием.

Таковы некоторые вопросы технического прогресса в обувной промышленности, разрешение которых будет способствовать значительному повышению производительности труда.

Одним из направлений в борьбе за установление правильного соотношения между ростом производительности труда и ростом заработной платы является улучшение использования рабочего времени. Это означает упрочнение рабочего дня, увеличение времени производительной работы, сокращение потерь рабочего времени, что позволяет при тех же затратах рабочего времени производить больше продукции. Чем больше времени полезной работы в час, смену или месяц, тем больше продукции, тем выше производительность труда. Поэтому наиболее полное использование рабочего дня, как об этом говорится в Программе КПСС, является одним из факторов повышения производительности труда и снижения себестоимости продукции. Экономическое значение правильного использования рабочего времени всё более возрастает. За одну минуту календарного времени в нашей стране производилось в 1913 г. 114 пар обуви, в 1940 — 409 пар, а в 1965 г. по плану будет производиться 981 пара.

В использовании рабочего времени на промышленных предприятиях имеются еще крупные недостатки, наблюдаются очень значительные потери рабочего времени. Ликвидация этих потерь составляет большой резерв роста производительности труда. В масштабе обувной промышленности сокращение потерь рабочего времени на 1% означает выпуск свыше 2 млн. пар обуви.

Неполное использование рабочего времени сдерживает рост производительности труда. Рассмотрим в связи с этим данные об использовании рабочего времени на Махачкалинской фабрике модельной обуви.

На фабрике не выполняется плановое задание по использованию рабочего времени: в 1960 г. было отработано всего лишь 96,2% запланированного количества человеко-дней, а в 1962 г. — 96,7%. Одной из причин этого является большое количество прогулов, число которых даже возросло с 281 в 1960 г. до 469 в 1962 году, т. е. на 67%. Имеет место также увеличение числа невыходов на работу по болезни и с разрешения администрации. В связи с этим плановое задание по количеству выходов на работу (в расчете на одного рабочего) не выполняется: в 1960 г. недоиспользовано 4,7%, а в 1962 г. — 4,2% человеко-дней. Серьезные недостатки наблюдаются и в использовании времени на протяжении ра-

бочего дня. Задание по количеству отработанных человеко-часов недовыполнено в 1960 г. на 5,4%, а в 1962 г. на 6,8%. Это объясняется значительным увеличением количества часов внутрисменного простоя. Число человеко-часов внутрисменного простоя возросло с 7860 в 1960 г. до 18 972 в 1962 г., т. е. на 141%.

Не случайно на этом предприятии складывается неблагоприятное соотношение между ростом производительности труда и ростом заработной платы. Плохое использование рабочего времени — одна из важных причин такого явления. Неполное использование рабочего времени отрицательно сказывается на выполнении плана по выпуску продукции, по росту производительности труда, ведет к перерасходу фонда заработной платы. Расчеты показывают, что от невыполнения плана по использованию рабочего времени в 1962 г. было недополучено продукции на сумму 79,8 тыс. руб., в том числе за счет простоев — на сумму 51,7 тыс. рублей. В 1961 г. рабочим этой фабрики за вынужденный простой было выплачено 2280 руб., что обусловило перерасход фонда заработной платы и явилось одной из причин неправильного соотношения между ростом производительности труда и ростом заработной платы.

Рассмотрим данные об использовании рабочего времени на Буйнакском кожкомбинате.

На комбинате на протяжении двух лет значительно недоиспользуется рабочее время. Человеко-дней отработано рабочими меньше предусмотренного планом в 1961 г. на 4,9%, а в 1962 г. — на 2,2%. Причиной является значительное увеличение невыходов на работу по болезни, с разрешения администрации, а также наличие прогулов. Если учесть еще значительное количество простоев, то в итоге было недоработано в 1961 году 7% запланированных человеко-дней, а в 1962 г. — 8,7%. Это, разумеется, отражается на результатах производственной деятельности предприятия. Подсчитано, что недоиспользование рабочего времени из-за потерь привело к сокращению выпуска валовой продукции предприятием в 1961 году на 375,6 тыс. рублей а в 1962 г. — на 379 тыс. руб. Это, разумеется, повлияло на показатели роста производительности труда. Нами произведен расчет, согласно которому при полном использовании рабочего времени на предприятии задание по производительности труда было бы выполнено в 1961 г. не на 102,1%, а на 109,6%, а в 1962 г. — на 102,2% вместо 93,8%. Таковы резервы роста производительности труда на данном предприятии только за счет полного использования рабочего времени и сокращения потерь.

Из приведенных данных видно, что основным источником потерь рабочего времени являются простои и сверхплановые невыходы на работу. В связи с этим необходимо выяснить

причины потерь рабочего времени и наметить некоторые мероприятия по их устранению с тем, чтобы обеспечить более полное использование рабочего времени и повышение на этой основе производительности труда. На Буйнакском кожкомбинате в 1962 г. общее количество простоев составило 24 597 человеко-часов, из которых 20 374 человеко-часа, или 83%, были допущены вследствие несвоевременного получения кожматериалов от предприятий — поставщиков. На протяжении всего года комбинат так и не получил от поставщиков 1730 тыс. кв. дц верхних кожтоваров. На Махачкалинской фабрике модельной обуви общая величина простоев составила в 1962 г. 26 124 человеко-часа. Значительная часть этих простоев обусловлена крайне плохим материально-техническим снабжением. Так, в I квартале 1962 г. предприятие должно было получить 400 тыс. кв. дц верхнего кожтовара, но из этого количества в январе и феврале было получено лишь 32%.

Приведенные данные показывают, что основной причиной внутрисменных простоев на обувных предприятиях являются недостатки материально-технического снабжения, неравномерное снабжение предприятий материалами по месяцам. Следовательно, для резкого сокращения простоев необходимо улучшить организацию материально-технического снабжения, своевременно обеспечивать предприятия достаточным количеством материалов необходимого ассортимента.

Простои отрицательно влияют на соотношение между ростом производительности труда и заработной платы в двух направлениях: с одной стороны, они уменьшают время производительной работы, сокращая объем производимой продукции и снижая выработку на одного работающего, а, с другой стороны, они обуславливают увеличение непроизводительных доплат и, следовательно, перерасход фонда заработной платы. Часто на эти цели предприятия вынуждены расходовать значительные денежные средства. Так, оплата рабочим целодневных простоев и часов внутрисменного простоя составила в 1962 г. по Махачкалинской фабрике 5,2 тыс. руб., а по Буйнакскому кожкомбинату — 4,7 тыс. руб. Это отрицательно сказывается на соотношении темпов роста производительности труда и заработной платы.

Источником потерь рабочего времени являются также сверхплановые невыходы рабочих на работу. Часть неявок на работу планируется при составлении баланса рабочего времени. Сюда относятся, например, отпуска и т. д. Неявки на работу сверх плановых показателей являются источником потерь рабочего времени, а такие потери имеют значительный удельный вес. На Махачкалинской фабрике модельной обуви фактические неявки на работу превысили плановые в 1960 г. на 43%, в 1961 г. — на 33,5%, в 1962 г. — на 34,5%.

На Буйнакском кожкомбинате фактические невыходы превысили плановые в 1961 г. на 75%, а в 1962 г. — на 76%.

Одной из причин сверхплановых неявок на работу являются невыходы рабочих и служащих с разрешения администрации. По этой причине было потеряно на Буйнакском кожкомбинате в 1961 г. 2987, а в 1962 г. — 3867 человеко-дней, что значительно уменьшило выпуск обуви. Эти факты имели место в то время, когда указанные предприятия испытывали недостаток в рабочей силе. В дальнейшем руководителям предприятий и цехов необходимо разрешать невыход на работу рабочим и служащим лишь в случаях исключительной необходимости.

Значительно превышают плановые показатели также невыходы на работу в связи с болезнью. Например, на Махачкалинской фабрике модельной обуви фактические невыходы на работу по болезни превышают плановые на 33—35%, а на Буйнакском кожкомбинате — на 80—140%. Это говорит о необходимости усиления работы по проведению профилактических мероприятий и охране здоровья трудящихся, что имеет прямое отношение к повышению производительности труда на указанных предприятиях.

Важнейшим условием установления и соблюдения правильного соотношения между ростом производительности труда и ростом заработной платы является экономически обоснованное нормирование труда. Оно служит основой для правильной организации труда и заработной платы на предприятии. Нормирование труда взаимосвязано как с производительностью труда, так и с заработной платой. В нормировании труда отражается процесс повышения производительности труда, а, с другой стороны, правильное нормирование труда является необходимым условием и стимулом дальнейшего роста производительности труда. Нормирование труда связано и с заработной платой, поскольку в процессе нормирования устанавливаются расценки, определяющие вместе с выработкой размеры заработной платы рабочих.

Таким образом, нормирование труда, с одной стороны, определяет затраты живого труда, а с другой стороны, определяет размер оплаты труда рабочего. Следовательно, от нормирования труда во многом зависит соотношение роста производительности труда и роста заработной платы.

Условием опережающего роста производительности труда является своевременный пересмотр норм выработки. Если при проведении организационно-технических мероприятий, ведущих к росту производительности труда, не пересматривать нормы выработки и расценки, то рост заработной платы будет опережать рост производительности труда. Поэтому важнейшими мероприятиями в области нормирования труда являются систематический пересмотр норм выработки и повы-

шение удельного веса технически обоснованных норм, способствующих повышению производительности труда.

На передовых предприятиях обувной промышленности удельный вес технически обоснованных норм достигает 70—80%, а на Буйнакском кожкомбинате и Махачкалинской фабрике модельной обуви удельный вес таких норм значительно ниже. Высокий процент составляют так называемые опытно-статистические нормы, которые не учитывают достижений передовых рабочих и лучших методов организации производства, а, следовательно, не обеспечивают рост производительности труда. Поэтому необходимо в процессе нормирования труда заменять опытно-статистические нормы технически обоснованными нормами выработки. Ноябрьский Пленум ЦК КПСС (1962 г.) обратил особое внимание на необходимость привлечения самих рабочих к экономической работе по пересмотру норм. Рабочие лучше видят резервы повышения производительности труда за счет пересмотра устаревших норм и это дает большой экономический эффект. Так, пересмотр норм, осуществленный по инициативе передовых рабочих свердловской фабрики «Уралобувь», дал возможность получить в 1963 г. экономию на сумму 3,9 тыс. руб. Такие примеры являются выражением подлинно коммунистического отношения к труду. Но, на наш взгляд, только моральное поощрение такого почина является недостаточным — отсутствие личной материальной заинтересованности рабочих в пересмотре устаревших норм может сдерживать инициативу в этом важном деле, что будет препятствовать росту производительности труда. В целях укрепления материальной заинтересованности рабочих в повышении производительности труда посредством своевременного пересмотра устаревших норм, необходимо обеспечить материальное стимулирование тех рабочих, которые проявляют инициативу в пересмотре таких норм. Укрепление личной материальной заинтересованности в этом деле может быть осуществлено путем премирования рабочих в определенном процентном отношении к экономии, полученной за счет пересмотра норм. Это будет служить важным фактором материального стимулирования опережающего роста производительности труда.

Существенным моментом в нормировании труда является организация выполнения норм выработки. Невыполнение установленных норм сдерживает рост производительности труда, что и имеет место на обувных предприятиях. На Махачкалинской фабрике модельной обуви в 1962 г. 78 человек, или 36,2% от общего количества рабочих-сдельщиков, не выполнили установленные нормы выработки. На Буйнакском кожкомбинате в первой половине 1963 г. не выполнили нормы выработки 55 рабочих, или 9% от общего количества сдельщиков. Улучшение организации труда, обеспечивающее вы-

полнение всеми рабочими установленных норм выработки, составляет важный резерв роста производительности труда. Расчеты показывают, что если бы все рабочие Буйнакского кожкомбината выполняли нормы выработки, то это позволило бы повысить производительность труда по предприятию на 1% и дополнительно получить десятки тысяч пар обуви.

Соотношение темпов роста производительности труда и заработной платы зависит не только от факторов роста производительности труда, но также и от факторов, связанных с организацией заработной платы. Совершенствование заработной платы является одним из факторов повышения производительности труда, а, следовательно, установления правильного соотношения между рассматриваемыми показателями. Среди факторов совершенствования заработной платы наибольшее значение ныне приобретает материальная заинтересованность работников в результатах своего труда. Повышение материальной заинтересованности является важным стимулом повышения производительности труда; тем самым укрепляется связь между ростом производительности труда и заработной платы. С точки зрения рассматриваемого соотношения, материальная заинтересованность работников обеспечивается тем, что с повышением производительности труда происходит определенное повышение и заработной платы.

Возникает вопрос: в какой мере рост производительности труда должен обуславливать повышение заработной платы? Известно, что материальной основой повышения заработной платы является рост производительности труда. Однако рост производительности труда влияет на рост заработной платы различным образом. Все факторы роста производительности труда по их влиянию на повышение заработной платы можно разделить на объективные и субъективные.

Объективные факторы роста производительности труда (внедрение новой техники, механизация и автоматизация производства, совершенствование технологических процессов) вызывают более быстрые темпы роста производительности труда по сравнению с ростом заработной платы. Действие этих факторов является результатом труда всего общества, а поэтому экономический эффект от такого роста производительности труда должен поступать в распоряжение всего общества. Если при этом не происходит увеличения затрат труда работников данного коллектива, то нет оснований для значительного повышения заработной платы, хотя производительность труда выросла значительно. Это полностью соответствует экономическому закону распределения по труду, согласно которому заработная плата должна расти в соответствии с увеличением количества и качества затраченного труда. Если на машиностроительном заводе

произведена машина, применение которой на обувном предприятии привело к росту производительности труда, допустим, на 15%, то совершенно экономически не обосновано повышение заработной платы у рабочих, применяющих эту машину, то же на 15%. Это будет противоречить закону распределения по труду: ведь повышение производительности труда на 15% не сопровождалось таким же увеличением затрат труда рабочих на обувном предприятии. Более того, общество затратило средства на создание машины, а весь экономический эффект от ее применения будет направлен на повышение заработной платы тех рабочих, которые ее применяют. В конечном итоге общество здесь не выиграет, а проиграет, поскольку не будут своевременно возмещены затраты, связанные с созданием такой машины. Означает ли все это, что повышение производительности труда за счет объективных факторов не должно сопровождаться ростом заработной платы? Безусловно, нет. Если при повышении производительности труда за счет указанных выше факторов происходит и увеличение затрат труда работников, то это обуславливает необходимость повышения заработной платы в меру увеличения затрат их труда. Кроме того, нужно иметь в виду, что отсутствие всякого роста заработной платы при повышении производительности труда за счет развития техники подорвало бы материальную заинтересованность работников в осуществлении технического прогресса. Поэтому повышение производительности труда в данном случае должно сопровождаться определенным повышением и заработной платы. Однако повышение производительности труда за счет объективных факторов так или иначе обуславливает значительно более быстрые темпы роста производительности труда по сравнению с ростом заработной платы.

Есть и субъективные факторы роста производительности труда. Сюда относятся повышение квалификации работников, рост интенсивности труда за счет сокращения простоев и уплотнения рабочего дня. Здесь происходит повышение производительности труда за счет увеличения затрат труда работников данного коллектива, что неизбежно влечет за собой повышение и заработной платы. В таком случае темпы роста производительности труда примерно соответствуют темпам роста заработной платы.

В конечном итоге соотношение роста производительности труда и заработной платы зависит от сочетания объективных и субъективных факторов повышения производительности труда. Отсюда вытекает, что основным критерием для повышения заработной платы при росте производительности труда должно быть увеличение количества и повышение качества затрачиваемого труда. В этом находит свое проявление

материальная заинтересованность работников в повышении производительности труда.

Материальная заинтересованность проявляется также и через систему премирования. В системе премирования рабочих обувной промышленности еще имеются определенные недостатки. Так, в настоящее время предусматривается выплата премий рабочим — сдельщикам основных производственных цехов, занятых на работах с регламентированным режимом, за выполнение и перевыполнение месячного плана производства. Вряд ли можно признать правильной такую систему премирования, когда выполнение запланированной работы определяется ритмом самого потока. Необходим другой показатель, достижение которого находилось бы в большей зависимости от труда самих рабочих. Таким показателем может служить качество продукции, поскольку для обувной промышленности повышение качества продукции приобретает ныне важнейшее значение.

Кроме того, одним из необходимых условий премирования инженерно-технических работников предприятий обувной промышленности должно быть отсутствие относительного перерасхода фонда заработной платы. Относительная экономия фонда заработной платы характеризует правильное соотношение между темпами роста производительности труда и заработной платы. Поэтому отсутствие относительного перерасхода фонда заработной платы послужит важным средством в борьбе за опережающий рост производительности труда.

Установление правильного соотношения между ростом производительности труда и ростом заработной платы во многом зависит от соблюдения порядка расходования фонда заработной платы на предприятии. Предприятия должны строго соблюдать установленный порядок расходования денежных средств на заработную плату. Расходование средств на заработную плату должно находиться в соответствии с выполнением плана по выпуску валовой продукции. В тех случаях, когда план по валовой продукции недовыполнен, на такой же процент должно быть уменьшено расходование средств на заработную плату. При выполнении плана по выпуску валовой продукции на 100%, фонд заработной платы может быть израсходован не более чем на 100%. Если план по валовой продукции перевыполнен, то расходование средств на заработную плату может быть несколько увеличено по сравнению с плановым фондом.

Для каждой отрасли промышленности установлен коэффициент повышения расходов на заработную плату при перевыполнении плана по выпуску валовой продукции. Для предприятий обувной промышленности этот коэффициент составляет 0,6. Это означает, что на каждый процент пере-

выполнения плана по валовой продукции допускается расход фонда заработной платы не более чем на 0,6. Такой порядок позволяет соблюдать предусмотренное планом соотношение между ростом производительности труда и средней заработной платы. Соблюдая этот порядок, предприятия добиваются большой экономии средств. Так, в 1962 г. на фабрике «Скорострой» план по выпуску валовой продукции выполнен на 103,3%, а по фонду зарплаты — на 100,6%. С учетом этого обеспечена относительная экономия фонда заработной платы промышленно-производственного персонала на 164,3 тыс. руб.

На фабрике «Парижская коммуна» в 1962 г. план по выпуску валовой продукции выполнен на 101,8%. Это позволило предприятию использовать плановый фонд заработной платы промышленно-производственного персонала на 101,08%. Но предприятие израсходовало этот фонд на 100,2%, что обусловило получение относительной экономии на сумму 64,4 тыс. рублей.

Однако еще не все предприятия соблюдают установленный порядок и допускают перерасход фонда заработной платы. Так, на Махачкалинской фабрике модельной обуви в 1961 г. план по выпуску валовой продукции выполнен на 102%. В этих условиях плановый фонд заработной платы мог быть использован лишь на 100,12%. Однако фактически фонд заработной платы промышленно-производственного персонала был израсходован на 103,8%, что привело к относительному перерасходу фонда заработной платы на 7,8 тыс. рублей.

Перерасход фонда заработной платы является серьезным нарушением государственной дисциплины на предприятии. Поэтому промышленные предприятия, допустившие перерасход фонда заработной платы против фактического выполнения производственного плана, должны в течение последующих трех-пяти месяцев возместить этот перерасход за счет проведения дополнительных мероприятий по повышению производительности труда и созданию экономии фонда заработной платы. На каждом предприятии в ходе выполнения плана необходимо тщательно выявлять и анализировать причины перерасхода фонда заработной платы с тем, чтобы своевременно устранять такое положение.

Основные причины перерасхода фонда заработной платы на обувных предприятиях можно объединить в две группы:

а) невыполнение задания по росту производительности труда, содержание сверхпланового контингента промышленно-производственного персонала, потери рабочего времени;

б) приписки объемов выполненных работ, применение завышенных расценок и окладов, непроизводительные доплаты, излишества в премировании.

Все это может привести к перерасходу фонда заработной

платы, а следовательно, к нарушению правильного соотношения между темпами роста производительности труда и заработной платы.

Наиболее существенной причиной перерасхода фонда заработной платы является невыполнение плана по производительности труда. Если план по производительности труда не выполняется в связи с невыполнением намеченных организационно-технических мероприятий, то для выполнения плана по валовой продукции предприятия вовлекают в производство сверхплановое количество рабочей силы, что неизбежно ведет к перерасходу фонда заработной платы. Так, в 1961 г. на Махачкалинской фабрике модельной обуви при невыполнении плана по производительности труда имелось сверхплановое количество рабочих: численность промышленно-производственного персонала составила 102,6% к плану, что и явилось одной из причин перерасхода фонда заработной платы, а это в свою очередь повлекло за собой удорожание себестоимости товарной продукции на 17,5 тыс. руб. Поэтому промышленные предприятия для правильного использования фонда заработной платы и недопущения его перерасхода должны обеспечить выполнение плана по валовой продукции не за счет содержания сверхплановой рабочей силы, а за счет повышения производительности труда.

В тех случаях, когда допущен перерасход фонда заработной платы, очень важно не ограничиваться установлением причин такого перерасхода, а разработать конкретные мероприятия по устранению недостатков в организации труда и производства, вскрыть резервы повышения производительности труда и экономии фонда заработной платы. Например, на фабрике «Скорород» в 1962 г. на протяжении четырех месяцев допускался перерасход фонда заработной платы. Однако на предприятии в связи с этим были разработаны и проведены дополнительные, сверхплановые организационно-технические мероприятия, позволившие повысить производительность труда и обеспечить экономию фонда заработной платы. Так перерасход фонда заработной платы за январь и февраль был возмещен уже в марте, а перерасход за август был возмещен в сентябре. В конечном итоге предприятие завершило год с экономией фонда заработной платы.

Таким образом, важнейшая закономерность социализма — опережающий рост производительности труда по сравнению с ростом заработной платы — зависит на предприятии от многих факторов, среди которых решающую роль играют факторы повышения производительности труда. Выявление на каждом предприятии всех резервов дальнейшего роста производительности труда будет способствовать установлению правильного соотношения между ростом производительности труда и ростом заработной платы.

ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В ДАГЕСТАНЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

В. И. Ленин еще в июне 1918 года, выступая на I Всероссийском съезде учителей-интернационалистов, изложил задачи педагогики и учительства в новых условиях. «Задача новой педагогики, — говорил он, — связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества».¹ В. И. Ленин указал, что учительская армия должна быть армией социалистического просвещения и слиться со всей массой трудящихся, борющихся за победу социализма.

Между тем, деятельность партийной организации Дагестана по подготовке и формированию учительских кадров в 30-х годах до сих пор не нашла в научной литературе достаточно полного отражения. Этот вопрос не был предметом специального исследования, вследствие чего всё еще нет отдельных, самостоятельных работ на данную тему.

Стремясь несколько восполнить этот пробел, автор настоящей статьи поставил своей целью осветить на конкретном материале, главным образом архивном, проблему подготовки учительских кадров в республике в один из решающих этапов культурной революции, в годы второй пятилетки.

С первый дней Советской власти народный учитель окружен у нас огромным вниманием Коммунистической партии. Во второй программе партии, разработанной В. И. Лениным и принятой в разгар гражданской войны VIII съездом РКП(б), предусматривалось формирование новых педагогических кадров, и уже тогда во всей стране начала разворачиваться серьёзная работа по подготовке учителей. Особенно большой размах приняла она после окончания гражданской войны.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 409.

В Дагестане переломным годом в области культурного строительства явился 1929/30 учебный год; в связи с ширящимся колхозным движением наблюдается мощная тяга трудящихся к знаниям, к культуре. В этом учебном году, по сравнению с предыдущим, приток учащихся в школы увеличился на 14 тысяч человек (46 тысяч вместо 32 тысяч), а количество обучающихся в ликпунктах возросло почти в три раза. Многие стали посещать различные курсы, учиться в техникумах, на рабфаках и в других учебных заведениях. В 1929/30 учебном году в горных районах было создано 17 интернатов для учащихся — детей бедноты и батрачества. На содержание учащихся из этой среды во всех учебных заведениях было ассигновано 1.014 тысяч рублей вместо 300 тысяч рублей в 1928/29 учебном году. В аулах было открыто 11 школ крестьянской молодёжи (в 1928/29 учебном году их не было совсем), начали работать батрачко-бедняцкие курсы на 150 человек, организован культпоход по борьбе с неграмотностью.²

В связи с возросшими задачами культурного строительства, Наркомпрос республики в июне 1930 года разработал план подготовки педагогических кадров на пять лет (1930/31 учебный год — 1934/35 учебный год), являвшийся составной частью пятилетнего плана просвещения в Дагестане, предусматривавшего: 1) подготовку кадров для растущего народного хозяйства; 2) введение всеобщего начального обучения и ликвидацию неграмотности; 3) усиленное развертывание политпросветработы на селе.

В пятилетнем плане просвещения огромное внимание уделялось вопросу подготовки кадров работников просвещения. Эта задача являлась основной в деятельности Наркомпроса и его местных органов.

Претворяя в жизнь ленинский план культурной революции, Коммунистическая партия на XVI съезде приняла решение об обязательном введении в стране всеобщего начального образования. «Коренное социалистическое переустройство страны, — говорится в резолюции съезда, — требует общего подъёма культурно-политического уровня рабочих масс.

Одной из решающих предпосылок культурной революции является ликвидация неграмотности, введение всеобщего обязательного начального обучения, а также реформа школы и осуществление политехнического образования».³

С введением всеобщего обязательного начального обучения в Дагестане в течение пяти лет требовалось увеличить число учителей на 3 с лишним тысячи человек. При этом не-

² Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 10, д. 248, л. 125.

³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, изд. 7, стр. 613.

обходимо было готовить учителей из числа представителей коренных народностей Дагестана, могущих вести преподавание на родных языках.

Общая потребность в учителях для школ первой ступени была установлена на основании плана всеобща, разработанного Наркомпросом ДАССР в ноябре 1929 года и одобренного Госпланом РСФСР. При определении этой потребности учитывались два периода: три последних учебных года первой пятилетки и два учебных года второй пятилетки, включая 1934/35 год.

В первый период необходимо было иметь дополнительно 2519 учителей, а во второй период — 902 учителя, то есть всего 3421 учитель. Это количество учителей требовалось для введения в Дагестане всеобщего обязательного обучения с охватом в 1934/35 учебном году всех детей школьного возраста пятилетней школой первой ступени.

Между тем существующие в Дагестане педагогические учебные заведения такого количества учителей подготовить не могли.

В основном подготовка педагогических кадров для школ первой ступени проводилась педагогическими техникумами и педагогическими курсами. До 1930 года педагогические техникумы республики имели 4 основных курса и две подготовительные группы. Таким образом, обучение длилось 6 лет. С 1930/31 учебного года в республике был утвержден новый тип педагогического техникума с трехлетним сроком обучения, на базе семилетки, причем для рабочего и батрацкого актива, не имеющего семилетнего образования, были организованы одногодичные подготовительные группы.

До 1930/31 учебного года обучение на педагогических курсах велось три года (один год на подготовительном отделении и два года на основных курсах). С 1930/31 учебного года, после уточнения плана всеобщего обучения, когда выяснился громадный прорыв в подготовке педагогических кадров, Наркомпрос организовал одногодичные и двухгодичные педагогические курсы.⁴

До конца пятилетки, как было указано выше, Дагестану требовалось дополнительно 2519 учителей. Весь же контингент учащихся в учебных заведениях республики, готовящих учителей, в 1929/30 учебном году составлял 685 человек. Иными словами, существующие учебные заведения могли подготовить в первой пятилетке лишь такое количество учителей, которое удовлетворило бы только 27,7 процента потребности. Именно поэтому и были созданы одногодичные и двухгодичные педагогические курсы.

Этими курсами на протяжении двух учебных лет преду-

---

⁴ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 10, д. 248, л. 127.

смаatrивалось подготовить 1054 учителя, или 41 процент того количества учителей, которое дополнительно требовалось в первой пятилетке.⁵ А с конца 1932/33 учебного года намечалось получать кадры учителей, окончивших педагогические техникумы открывшихся в 1930/31 учебном году педкомбинатов. Всего было открыто 7 национальных педагогических комбинатов и один русский педтехникум. С 1930/31 учебного года начали работать педагогические комбинаты: Аварский, Даргинский, Лакский, Лезгинский, Буйнакский, Дербентский и Кизлярский русский педтехникум.⁶ Кумыкский педкомбинат был открыт 22 марта 1931 года.⁷ Каждый педкомбинат состоял из одногодичных и двухгодичных педкурсов и трехгодичного педагогического техникума.

Утвердившаяся в 1930/31 учебном году система педагогических учебных заведений готовила кадры учителей для всех школ первой ступени.

В Буйнакском педкомбинате, где состав учащихся был многонациональным, обучение велось на русском языке. Кизлярский русский педагогический техникум готовил учителей для русских школ. При этом техникуме имелся ногайский класс, комплектовавшийся из ногайцев. Дербентский педкомбинат комплектовался преимущественно из народностей Южного Дагестана — лезгин, табасаранцев, агульцев и др. Аварский педкомбинат готовил учителей для 14 аварских районов республики. Кумыкский педкомбинат обслуживал преимущественно кумыкские районы, причем здесь имелся чеченский класс, выпускники которого предназначались для работы в чеченских школах Дагестана. Даргинский педкомбинат обслуживал только даргинские районы, а лакский педкомбинат — лакские.

Все педагогические техникумы, за исключением Буйнакского и Дербентского, имели только школьные отделения. В Дербентском же и Буйнакском имелись школьные и дошкольные отделения.

В первом учебном году в педагогических комбинатах обучалось 1840 учащихся, из них представителей народностей Дагестана — 1602 человека. Партийно-комсомольская прослойка среди учащихся достигала 80 процентов, женщин было 30 процентов. В комбинатах обучалось 316 горянок.⁸

В 1930/31 учебном году педагогические комбинаты подготовили на годичных педагогических курсах 430 учителей.

В 1932/33 учебном году состоялся первый выпуск нацио-

⁵ Там же.

⁶ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 19, д. 857, л. 18.

⁷ Там же, оп. 18, д. 877, л. 40.

⁸ «Дагестан к 15-й годовщине Октября», Махачкала, 1932, стр. 61.

нальных педтехникумов. Всего было выпущено 136 учителей для начальных школ.⁹

В последующие годы число выпускников педагогических техникумов увеличивалось, количество же учителей, окончивших одногодичные педагогические курсы, уменьшалось. Это и понятно: республике были нужны квалифицированные педагогические кадры, а одногодичные курсы достаточной подготовки дать не могли.

Национальные педагогические комбинаты с 1930/31 по 1933/34 учебный год, т. е. в тот период, когда республика особенно остро нуждалась в педагогических кадрах, проделали большую работу по их подготовке. О плодотворной деятельности педкомбинатов свидетельствуют итоги их работы за 1933/34 учебный год. Эти итоги были подведены на совещании, состоявшемся при Наркомпросе ДАССР в июле 1934 года. На совещании, наряду с администрацией педкомбинатов, присутствовали сотрудники Наркомпроса, Института повышения квалификации кадров народного образования и другие работники народного образования.

Совещание отметило, что положительные показатели, достигнутые отдельными техникумами, явились, прежде всего, результатом слаженной работы педагогических коллективов, настойчиво боровшихся за повышение качества учебы и укрепление дисциплины среди учащихся. Так, Дербентский педтехникум, где в начале учебного года общая успеваемость составляла 73 процента, к концу года довел её до 81,4 процента. Все 27 учащихся выпускного курса окончили техникум. В Кизлярском педтехникуме успеваемость учащихся к концу учебного года составила 92,5 процента. Буйнакский педтехникум добился в последней четверти успеваемости по политэкономии 91 процент, ленинизму — 90 процентов, педагогике — 88 процентов, географии — 100 процентов. Общая успеваемость в конце года составила 87,1 процента. Техникум выпустил 57 учителей.¹⁰

В 1934 году в педагогические техникумы республики было принято 627 учащихся, а выпустили техникумы в этом году 191 педагога.¹¹

В работе педкомбинатов имелись серьёзные недостатки, связанные с тем, что они испытывали острую нужду в учебниках, учебных пособиях, литературе на родных языках, квалифицированных педагогических кадрах. Так случилось, что набор учащихся пришлось проводить в основном за счет плохо подготовленной молодёжи, и к поступающим предъявлялись пониженные требования.

⁹ ЦГА ДАССР, ф. 34-р, оп. 7, д. 81, л. 24.

¹⁰ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 15, д. 629, лл. 1—2.

¹¹ ЦГА ДАССР, ф. 34-р, оп. 7, д. 81, л. 106.

Крупнейшим недостатком являлась низкая грамотность по русскому языку значительной части выпускников, получающих звание учителя. В Буйнакском педтехникуме вместо 20 имелось лишь 11 преподавателей, продолжительное время не было преподавателей физики, математики, родных языков. В Аварском педтехникуме из 14 преподавателей ни один не имел высшего образования.¹²

Приём в техникумы молодёжи, не имеющей достаточной подготовки, приводил к отсеву учащихся. В Буйнакский педтехникум в 1933/34 учебном году было принято 208 учащихся, большинство которых не окончило семилетки, а многие окончили лишь 3—4—5 групп. Поэтому для значительной части учащихся программа техникума оказалась непосильной.¹³ В Аварском педтехникуме из 285 учащихся в течение года выбыло 95 человек.¹⁴ По всем педагогическим техникумам республики в 1933/34 учебном году отсеялось свыше 250 учащихся.

Указанные недостатки обусловили низкую успеваемость. Например, в том же Буйнакском педкомбинате успеваемость по русскому языку составила 62 процента. Из подгрупп, в которых обучалось 120 человек, было переведено на 1-й курс только 85 человек. В Кизлярском педтехникуме, где обучение велось на русском языке и контингент учащихся в основном был русский, в 1933/34 учебном году число оставленных на второй год составило 15 человек, исключено за неуспеваемость 9 человек.¹⁵

В Даргинском педтехникуме не было учебников на родном языке, программа полностью не осваивалась — имело место отставание на 1—1,5 года. В подготовительные группы принимались учащиеся с 4-классным образованием, а из подготовительных групп, хотя знания учащихся и не отвечали требованиям программы техникума, их переводили на 1-й курс, ибо не хватало подготовленной молодёжи.¹⁶

Учитывая всё это, обком партии пришел к выводу о необходимости внести коренные изменения в работу педагогических техникумов. 5 июня 1934 года бюро обкома приняло постановление, в котором говорилось:

«Придавая огромное значение делу подготовки квалифицированных педагогических кадров, Дагобком ВКП(б) считает, что существующая практика работы национальных педагогических комбинатов, переведенных на родные языки без какой бы то ни было предварительной подготовки по созда-

¹² Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 15, д. 629, л. 34.

¹³ Там же, л. 2.

¹⁴ Там же, л. 34.

¹⁵ Там же, лл. 26—27.

¹⁶ Там же.

нию необходимых условий (учебники, учебная литература и пособия, кабинеты, кадры и т. д.), свидетельствует о формальном отношении к этому важнейшему делу со стороны дагестанских организаций, в частности Наркомпроса. Подготовка педкадров для начальной школы, осуществляемая через национальные педтехникумы, ведется на низком уровне:

а) преподавание ведущих дисциплин ведется при полном отсутствии учебников на местных языках, литературы и пособий;

б) комплектование техникумов учащимися производится за счет контингента со слабой общеобразовательной подготовкой;

в) учебно-материальная база педтехникумов крайне недостаточна.

В результате этого национальные педтехникумы выпускают учителей без достаточной общеобразовательной, педагогической и политической подготовки. Как общее явление, оканчивающие педтехникумы не владеют русским языком, что является серьёзным тормозом в деле дальнейшего повышения их квалификации и овладения педагогическим мастерством».¹⁷

Придавая исключительное значение действительному переводу национальных педтехникумов на родные языки, бюро обязало Наркомпрос совместно с педагогическим вузом и Даггизом к 15 сентября 1934 года разработать план практических мероприятий по подготовке терминологии и грамматики, по составлению учебников, разработке учебной литературы и пособий для педтехникумов.

В целях повышения качества общеобразовательной и педагогической подготовки учителей, бюро признало целесообразным, впредь до создания необходимых условий для полного перевода национальных педтехникумов на родные языки, перевести, начиная с первых курсов, преподавание в Лакском, Даргинском, Аварском, Лезгинском, Кумыкском педтехникумах таких дисциплин, как математика, физика, естествознание, химия, педагогика, на русский язык.

Было решено реорганизовать Дербентский и Кизлярский педтехникумы (по примеру Буйнакского) в техникумы общереспубликанского значения. Комплектование Дербентского, Буйнакского, Кизлярского техникумов бюро обкома сочло необходимым производить за счет молодежи всех районов ДАССР, обеспечив в этих техникумах преподавание родных языков и литератур коренных народностей Дагестана.

В связи с крайне неудовлетворительным состоянием подготовки педагогических кадров в Аварском и Лезгинском

¹⁷ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, д. 72, лл. 26—27.

техникумах из-за недостаточной учебно-материальной базы, оторванности их от культурных центров, больших затруднений в укомплектовании их высококвалифицированными преподавательскими кадрами и громадной текучести их, эти техникумы к началу 1934/35 учебного года переводились: Аварский — в г. Буйнакск, Лезгинский — в гор. Дербент.

Наркомпросу республики предлагалось пересмотреть учебные планы национальных педтехникумов, увеличив количество часов, отведенных на преподавание русского языка. Это делалось для того, чтобы учащиеся техникумов могли получить знания, достаточные для того, чтобы преподавать русский язык в начальной школе.

Решением бюро обкома Наркомпрос обязывался в 15-дневный срок подобрать и назначить директорами и заведующими учебной частью педтехникумов лиц с высшим образованием и со стажем работы не менее трех лет, обеспечить комплектование техникумов преподавателями с высшим образованием, принимать в техникумы только лиц, имеющих достаточную подготовку, и в первую очередь — окончивших НСШ.¹⁸

Состояние учебной работы педагогических техникумов республики после их реорганизации характеризуется следующими данными: всего учащихся на основных курсах (без подготовительного отделения) на 1 января 1935 года было 1140 человек, из них 219 женщин. Преподавателей имелось 140 человек. В педтехникумах обучались главным образом представители коренных народностей Дагестана; всего их было 853 человека, или 72 процента к общему числу учащихся. Комсомольцев было 340 человек, или 30 процентов. В 1935 году принято в педтехникумы 728 учащихся, выпущено 186 учителей. На подготовительном отделении обучался 661 человек.¹⁹

Несмотря на определенные сдвиги, постановка обучения в педагогических техникумах продолжала страдать существенными недостатками. Слабо была поставлена политико-воспитательная работа, за техникумами не были закреплены школы первой ступени для прохождения учащимися педагогической практики. Среди учащихся крайне недостаточным оставался процент женщин-горянок. Педтехникумы нуждались в дальнейшем укреплении педагогического состава высококвалифицированными кадрами. Значительная часть преподавателей и директоров техникумов все еще не имела законченного высшего образования. Быт учащихся в ряде техникумов был организован плохо. Для части учащихся не хватало коек, постельного белья, одеял, матрацев. Не лучше

¹⁸ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 15, д. 72, лл. 26—27.

¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 34-р, оп. 7, д. 81, л. 106.

обстояло дело с отоплением и освещением корпусов и общежитий. Часто вечерами гас электрический свет, а керосиновыми лампами общежития не всегда были обеспечены. Педтехникумы были размещены неудовлетворительно, не имели достаточной площади для развертывания учебной работы и организации общежитий.

Все эти недостатки отрицательно сказывались на успеваемости учащихся, вели к большому отсеву, второгодничеству, невыполнению отдельными техникумами планов выпуска учительских кадров.²⁰

В целях устранения недостатков в работе педагогических учебных заведений, 29 июня 1935 года на заседании бюро обкома ВКП(б) вновь рассматривался вопрос «О подготовке и переподготовке педагогического персонала».

Бюро обкома ВКП(б) отметило, что подготовка педагогических кадров для многонациональной начальной, неполной средней и средней школы в педагогических учебных заведениях Дагестана находится еще в неудовлетворительном состоянии. Не обеспечивается подготовка в достаточной степени квалифицированных и грамотных учителей, а также выпуск необходимого количества преподавателей в соответствии с потребностями школьной сети.²¹

В постановлении бюро обкома были намечены мероприятия, направленные на обеспечение педагогических учебных заведений надлежащими помещениями и, прежде всего, строительство учебных корпусов и общежитий. Наркомпросу вменялось в обязанность добиться дальнейшего укрепления педагогических коллективов. Вместе с тем бюро наметило мероприятия по улучшению политико-воспитательной работы в педагогических учебных заведениях, укреплению партийного влияния, росту среди учащихся комсомольской прослойки, приему в техникумы девушек-горянок.

Меры, принятые обкомом партии, помогли педагогическим техникумам значительно повысить качество обучения и воспитания учащихся.

В 1935/36 учебном году в педагогических техникумах имелись три отделения: школьное, дошкольное, физкультурное. В начале учебного года на основных курсах обучалось 1482 человека, на подготовительном отделении — 454.²² В педтехникумах работали 116 преподавателей, учебных групп имелось 54.²³

В течение учебного года педагогический коллектив вел настойчивую борьбу за повышение качества учебы. В резуль-

²⁰ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 16, д. 29, л. 59.

²¹ Там же.

²² ЦГА ДАССР, ф. 34-р, оп. 7, д. 81, л. 47.

²³ Там же, л. 60.

тате успеваемость значительно повысилась. В 1935/36 учебном году из педтехникумов было выпущено 219 человек.²⁴

В последующие годы учебно-воспитательная работа в педтехникумах непрерывно улучшалась. В 1936/37 и 1937/38 учебных годах, по сравнению с предыдущими годами, увеличилось число учебных групп, возросло количество учащихся на старших курсах, что позволило увеличить выпуск из техникумов. Серьёзным достижением являлось резкое сокращение отсева учащихся. Росло число женщин — учащихся. главным образом за счет горянок. Например, если в 1 Дагпедучилище в 1935/36 учебном году горянки к общему числу студентов составляли 15,7 процента, то к началу 1936/37 учебного года — 23,2 процента.

Учитывая, что подготовка учительских кадров из числа горянок поставлена неудовлетворительно, бюро обкома ВЛКСМ вынесло специальное решение о наборе девушек-горянок в педагогические техникумы. С начала 1936/37 учебного года при всех педтехникумах (за исключением Лакского) были укомплектованы специальные подготовительные курсы горянок. Это дало хорошие результаты, способствовало подготовке полноценных кадров учителей из числа девушек-горянок. Из общего числа девушек, принятых в 1936/37 учебном году, горянки составляли 51,2%.²⁵

В повышении качества учебы немаловажную роль сыграли комсомольские организации педагогических техникумов. Они совместно с профсоюзами организовывали для отстающих дополнительные занятия, практиковали прикрепление к отстающим успевающих учащихся, повышали чувство ответственности преподавателей за качество проводимых занятий, организовывали консультации. Хорошими показателями в учебе комсомольцы, в особенности актив, служили примером для внесоюзной учащейся молодёжи.

Отсев учащихся за первое полугодие 1937/38 учебного года составил по семи педтехникумам 55 человек. В Буйнакском и Аварском педтехникумах отсева не было.²⁶

В начале второго полугодия этого учебного года из общего числа — 92 штатных преподавателей — 67 процентов имели высшее образование, 13 — незаконченное высшее и 20 — среднее.

В 1936/37 учебном году педагогические техникумы выпустили для начальных школ 284 учителя.²⁷

Чтобы быстрее ликвидировать острый недостаток в педагогических кадрах в республике, были созданы заочные

²⁴ ЦГА ДАССР, ф. 34-р, оп. 7, д. 81, л. 47

²⁵ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 18, д. 879, л. 115.

²⁶ Там же, оп. 19, д. 857, л. 18.

²⁷ ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 16, д. 63, л. 92.

отделения при педтехникумах. В 1935/36 учебном году заочные отделения имелись при Буйнакском, Дербентском и Кизлярском педагогических техникумах.²⁸ В 1936/37 учебном году были открыты еще 4 заочных отделения. Число заочников в республике возросло с 576 на 1 января 1936 года до 1330 человек на 1 января 1937 года.

Заочниками являлись, главным образом, учителя; 64 процента заочников составляли представители коренных народностей Дагестана. 21 процент — женщины; партийно-комсомольская прослойка среди заочников достигала 40 процентов.²⁹

В первом полугодии 1937/38 учебного года заочной учебой в 8-ми заочных отделениях было охвачено 1567 учителей начальных школ, не имевших законченного среднего образования.

Наркомпрос республики по указанию обкома партии принял необходимые меры для нормальной работы заочных отделений. В частности, Наркомпрос 2 раза в течение учебного года проводил кустовые собрания преподавателей-консультантов. На места выезжали работники Наркомпроса, которые помогали лучше организовать работу по заочному обучению.

За 1937/38 учебный год заочные отделения выпустили 98 человек.³⁰

Недостатком в работе заочных отделений являлась слабая успеваемость учащихся. Это объяснялось тем, что заочники были крайне неудовлетворительно обеспечены учебниками и учебными пособиями. Не было учебников по истории, географии, русскому и родному языку. Заочникам не создавались нормальные условия для учебы и работы.

В целом, как видно из приведенных выше данных, подготовка учительских кадров для начальной школы в республике за годы второй пятилетки коренным образом улучшилась. Большим достижением на данном этапе было то, что педагогические техникумы стали выпускать больше подготовленных специалистов, имеющих среднее педагогическое образование. В своем большинстве выпускники педтехникумов являлись представителями коренных народностей Дагестана, хорошо знали местные условия, язык и быт населения.

* * *

Наряду с подготовкой учительских кадров для начальной школы через педагогические техникумы в 30-х годах большое

²⁸ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 17, д. 950, л. 531.

²⁹ ЦГА ДАССР, ф. 34-р, оп. 7, д. 81, л. 75.

³⁰ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 19, д. 867, л. 1.

место занимало заочно-курсовое обучение учителей. 29 января 1934 года СНК РСФСР принял постановление «О повышении квалификации учительства». Это постановление обязывало всех учителей начальной школы, окончивших семилетнюю школу, но не имеющих образования в объеме педагогического техникума, и учителей средней школы, не имеющих образования в объеме вуза, в процессе своей работы без отрыва от производства получить среднее или соответственно высшее педагогическое образование.

Руководствуясь этим постановлением, партийная организация Дагестана приняла решительные меры к повышению квалификации учительских кадров республики, повышению их общеобразовательного уровня и педагогического мастерства. Особенно это касалось учителей начальных школ.

16 августа 1934 года бюро обкома ВКП(б), рассматривая вопрос «О повышении квалификации учителей начальных школ», высоко оценило работу учительства в Дагестане. В то же время бюро указало, что огромная часть учительских кадров Дагестана, внесшая неоценимый вклад в борьбу за элементарную грамотность населения, сейчас, в свете новых требований, поставленных перед школой всем ходом социалистического строительства, оказалась недостаточно подготовленной.

В конце 1933/34 учебного года 2166 учителей Дагестана не имели подготовки даже в объеме начальной школы, а образование 2838 учителей было ниже требований неполной средней школы. С законченным средним образованием имелось всего 813 человек, а с подготовкой в объеме неполной средней школы — 588.

Исходя из этого, бюро обкома партии наметило широкую программу повышения квалификации учителей. Наркомпросу республики и районным комитетам партии предлагалось немедленно развернуть работу в таком объеме и такими темпами, чтобы к концу второй пятилетки все учителя, не имеющие знаний за начальную школу, получили бы общую и специальную подготовку в объеме НСШ, а учителя, имеющие такие знания, получили бы подготовку в объеме педагогического техникума.³¹

Бюро обкома ВКП(б) обязало Наркомпрос к 1 сентября 1934 года детально разработать всю систему проведения переподготовки учителей, обеспечить обучающихся программами, учебными пособиями, преподавательскими кадрами, организовать сеть консультационных пунктов. Наркомпросу предлагалось организовать специальный инструкторский аппарат по проведению переподготовки учителей. При этом руководство и ответственность за повышение квалификации

³¹ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 15, д. 72, л. 49.

учителей возлагались на Наркомпрос, а Институту повышения квалификации кадров народного образования (ДИПККНО) предлагалось стать методическим центром по работе с учителями, для чего при Институте организовывалась соответствующая учебная база.

В 1934/35 учебном году летними курсами было охвачено не имеющих семилетнего образования учителей 1177 человек.³²

В апреле 1936 года бюро обкома ВКП(б) и Совнарком ДАССР вынесли постановление о проведении летних курсов, а 3 мая школьный отдел обкома и Наркомпрос республики дали указания секретарям райкомов партии и заведующим районо о проведении подготовительной работы к открытию летних курсов. В течение мая и июня инструкторы Института повышения квалификации кадров народного образования и работники Наркомпроса периодически посылались в районы для оказания практической помощи местным работникам в организации летних курсов. Своевременно были подготовлены и учебные базы; межрайонные краткосрочные курсы работали в 14 пунктах и охватывали 1264 человека. Курсы проводились при педагогических техникумах, средних и неполных средних школах.³³

Цель курсов, в основном, была достигнута. Однако в работе летних курсов имелись серьезные недостатки: отсутствовали учебники для учащихся по истории, географии и некоторым другим предметам. К тому же большинство учителей-дагестанцев слабо знали русский язык, а это затрудняло усвоение ими программного материала. В результате 343 человека, т. е. 26 процентов общего числа учащихся, были оставлены на повторный курс.

В 1936 году при Институте повышения квалификации были организованы летние курсы по переподготовке учителей русского языка в начальной и национальной школе. Прибыло на курсы 113 человек, из которых 10 человек отсеялось.

Тем же летом 1936 года для учителей начальных школ, имеющих образование в объеме НСШ и не состоящих заочниками педагогических техникумов, были организованы курсы, которые работали при четырех педтехникумах.³⁴

Кроме того, в 1936 году при ДИПККНО работали летние курсы учителей НСШ, готовящихся к сдаче экстерната за учительский институт.³⁵

Работа по повышению квалификации учителей, проведен-

³² Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 17, д. 14, лл. 529—530.

³³ Там же, д. 950, л. 43.

³⁴ Там же, л. 58.

³⁵ Там же, л. 61.

ная в 1934—36 годах, дала свои результаты. Удельный вес учителей с высшим и незаконченным высшим образованием в 1936 году повысился до 6,3 процента, учителей с законченным средним образованием — до 25,4 процента, с незаконченным и законченным семилетним образованием — до 22,4 процента. В 1935 году удельный вес учителей, не имеющих семилетнего образования, составлял 60 процентов, а в 1936 году — 45,6 процента.

В 1937 году в Дагестане насчитывалось 5897 учителей, из них повышением квалификации было охвачено 3593 учителя, экзамены за пединститут готовились сдать экстерном 87 человек, учились на вечернем отделении пединститута 43 человека и заочно 405 человек; заочников педучилищ было 1290 человек. Семилетнее образование без отрыва от производства получали в районах на вечерних пунктах 1849 учителей.³⁶

Работа по повышению квалификации учителей проводилась систематически в течение всего года.

С начала 1937/38 учебного года 1065 учителей начальных школ, не имеющих образования в объеме неполной средней школы, были охвачены учебой в системе Института повышения квалификации кадров народного образования (учебные пункты, вечерние школы, индивидуальное обучение).

Образовательный уровень учителей в республике к концу второй пятилетки значительно возрос. Серьезную роль в этом сыграли педтехникумы и заочно-курсовые мероприятия. К указанному времени удельный вес учителей с высшим и средним образованием составил 42 процента, сократилось число учителей с начальным образованием, причем почти все они учились заочно.

Количество преподавателей с высшим и незаконченным высшим образованием в 1937/38 учебном году против 1936 года увеличилось с 258 до 400 человек, преподавателей с законченным средним образованием соответственно с 1196 до 1781 человек, а удельный вес учителей, не имеющих среднего образования, уменьшился с 68,9 процента до 57,5 процента.

Эти цифры ярко свидетельствуют о том, что в 30-х годах в республике была проведена поистине колоссальная работа по подготовке и переподготовке педагогических кадров.

Правда, пока еще более пятидесяти процентов учителей не имели среднего образования, однако, в сравнении с началом 30-х годов, ряды учителей не только значительно выросли, но и пополнились более подготовленными и опытными педагогами.

В своей политике в области формирования кадров совет-

³⁶ Там же. ф. 1, оп. 18, д. 872, л. 194.

ской интеллигенции Коммунистическая партия неизменно исходила из интересов всестороннего обеспечения культурных потребностей социалистического общества. Это можно наглядно проследить на формировании учительских кадров. Когда в начале 30-х годов в стране был обнаружен острый недостаток в учителях, что очень сильно ущемляло интересы просвещения, партия осудила неправильную практику в этой области и потребовала резкого улучшения подготовки педагогических кадров.

Как следствие этой политики партии, в Дагестане за годы второй пятилетки дело подготовки специалистов для народного образования серьёзно продвинулось вперед. Большие успехи явились результатом реорганизации педагогических учебных заведений в соответствии с задачами строительства социализма в нашей стране, результатом укрепления педагогических учебных заведений квалифицированными преподавателями и повышения требований к образовательному уровню вновь поступающих учащихся. Благодаря этим мерам повысилось качество подготовки учителей для начальных школ республики и в значительной мере был ликвидирован недостаток в учительских кадрах.

Выполняя указания Коммунистической партии и Советского правительства по дальнейшему расширению подготовки учительских кадров, преподавательские коллективы педагогического и учительского институтов Дагестана настойчиво продолжали совершенствовать организацию учебного процесса, методы обучения и воспитания с тем, чтобы выпускники педагогических учебных заведений были не только мастерами своего дела, но и имели хорошее общее образование и широкий политический кругозор.

Одновременно в республике проводилась большая работа по повышению квалификации учителей, не имеющих среднего педагогического образования, без отрыва от производства — по линии заочно-курсового обучения. Однако этот путь подготовки учителей был лишь временным явлением, характерным для того периода, когда советские школы испытывали острый недостаток в педагогических кадрах. Он сыграл безусловно положительную роль: опытные учителя, проработавшие долгие годы в школах, но не имевшие соответствующего образования, путем заочно-курсового обучения пополняли свои знания и прочно закреплялись на педагогической работе.

В подготовке педагогических кадров в Дагестане в годы второй пятилетки ярко сказались мудрость и подлинная революционность национальной политики Коммунистической партии, политики всестороннего развития культуры каждого народа нашей многонациональной страны.

БОРЬБА ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГРОЗНЕНСКОЙ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

(1920—1925 гг.)

Благодаря победоносным действиям Красной Армии и партизанских отрядов, при активной поддержке всех трудящихся, весной 1920 г. территория Северного Кавказа была освобождена от деникинских грабителей. Повсеместно развернулась работа по укреплению органов Советской власти. Началось также восстановление промышленности и сельского хозяйства.

Большое внимание партия, Советское правительство и лично В. И. Ленин уделяли восстановлению грозненской нефтяной промышленности. Роль грозненской нефти в этот период особенно возросла в связи с обострением топливного кризиса в стране. В своих указаниях партийным и советским органам В. И. Ленин запрещал «под страхом строжайшей ответственности кому бы то ни было расхаживать и отпускать жидкое топливо без разрешения Главнефти».¹

В феврале 1920 г. В. И. Ленин в телеграмме члену реввоенсовета Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе предлагал занять в сохранности промыслы Грозного и Майкопа.²

25 марта 1920 г. Г. К. Орджоникидзе сообщил В. И. Ленину об освобождении Грозного и Майкопа и о наличии в Грозном 15 миллионов пудов бензина. В. И. Ленин сразу же потребовал от ВСНХ «принять ряд спешных и важных мер» по восстановлению нефтяной промышленности и организации вывоза нефтепродуктов.³

Приступая к восстановлению грозненской нефтяной про-

¹ Ленинский сборник, т. XXIV, стр. 71—72.

² Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. М., 1956, т. I, стр. 492.

³ Ленинский сборник, т. XXIV, стр. 89.

мышленности, трудящиеся столкнулись с огромными трудностями, вызванными послевоенной разрухой. За годы гражданской войны нефтяная промышленность была разорена. Новогрозненские промыслы были превращены в сплошные руины. Здесь в течение 19 месяцев горело 5 мощных нефтяных фонтанов, подожженных 23 ноября 1917 г. контрреволюционными бандами.

В мае 1920 г. на промыслах Грозного число эксплуатируемых скважин уменьшилось в пять раз по сравнению с 1917 г. Добыча нефти за этот период сократилась более чем в 6 раз.⁴

Нефтяные скважины находились в угрожающем техническом состоянии. Из их общего числа 63% было заводнено, причем количество воды в скважинах доходило до 90%.⁵

За годы войны сильно ухудшилась техническая оснащённость промыслов. Паровое хозяйство, трубопроводы, паровые машины и двигатели внутреннего сгорания, электрическая сеть, материальные склады, резервуары, буровые вышки и прочие технические сооружения были разрушены.

С победой Советской власти в Грозном трудящиеся с первых же дней развернули борьбу за скорейшее восстановление нефтяной промышленности.

В марте 1920 г. Грозненский военно-революционный совет обратился к рабочим со специальным воззванием: «Товарищ рабочий, духу равнодушия не должно быть места в момент, когда красные знамена колышались над рабочими организациями. Перед нами сейчас колоссальная задача по развитию и восстановлению промышленности. На нас, на нашу нефтяную промышленность смотрит вся Советская Россия. И с полным сознанием своего долга перед нею мы должны все, как один, сплотиться для разрешения нефтяного голода в России».⁶

Для проведения восстановительных работ при Грозненском ревкоме был создан отдел промышленности, который приступил к организации ремонтных мастерских и мобилизации рабочих. Были сделаны первые шаги к национализации промышленности. 17 апреля 1920 г. Грозненско-Владикавказский ревком опубликовал приказ, который обязывал местные органы произвести учет всех видов металлической продукции, автоматериалов, кожевенного сырья, строевого леса, писчей и газетной бумаги.⁷ На основе приказа Терского областного ревкома от 21 апреля 1920 года были взяты на учет крупные предприятия, фабрики и склады.⁸

⁴ ЦГАОР и СС, ф. 3991, оп. 3, д. 61, лл. 7, 11.

⁵ Там же, л. 30.

⁶ ЦГА ЧИАССР, ф. 73, оп. 1, д. 24, л. 5.

⁷ Там же, д. 13, л. 24.

⁸ Там же, д. 10, л. 7.

Важную роль в восстановлении нефтяной промышленности и всего народного хозяйства Чечено-Ингушетии сыграла Кавказская армия труда. Создание трудовых армий в нашей стране было обусловлено обстоятельствами военного времени. Угроза нападения империалистических государств не давала возможности Советскому правительству приступить к демобилизации армии, хотя в стране ощущалась острая нужда в рабочей силе.

15 января 1920 г. Третья Красная армия была реорганизована в Первую трудовую армию, затем были созданы Украинская, Петроградская, Уральская трудовые армии. В марте 1920 г. создается Кавказская армия труда, сформированная из частей VIII Красной армии. Район деятельности Кавказской трудовой армии охватывал Ставропольскую губернию, Донецкую, Терскую и Кубанскую области. Руководство деятельностью Кавказской армии труда осуществлял Революционный совет трудовой армии Юго-Востока России, находившийся в г. Ростове-на-Дону. В состав Революционного совета входили представители народных комиссариатов продовольствия, земледелия, путей сообщения, труда и ВСНХ.⁹

Ревсовет трудовой армии являлся областным органом СТО РСФСР и прямым исполнителем его распоряжений на Юго-Востоке России. В хозяйственном отношении Кавказская армия труда подчинялась Революционному совету трудовой армии, а в военном — реввоенсовету Кавказского фронта.¹⁰ 10 апреля 1920 г. штаб трудовой армии прибыл в Грозный. В течение апреля и мая части трудармейцев дислоцируются в районе Грозного. Принимаются меры к охране промыслов, заводов и железной дороги, организуется учет материалов, сырья и нефтепродуктов. Начинается быстрая перестройка армии—формируются инженерные роты и рабочие батальоны, трудармейцы обучаются различным профессиям. Для организации работ по восстановлению нефтяной промышленности при штабе армии создается нефтяной отдел из местных специалистов. Уже в 20-х числах апреля 1920 г. Главный нефтяной комитет при ВСНХ утвердил состав Грозненского нефтеуправления, который вскоре прибыл в Грозный.¹¹

Уделяя особое внимание скорейшему восстановлению грозненской нефтяной промышленности, В. И. Ленин направил 22 апреля 1920 г. телеграмму в Революционный совет трудовой армии и штаб Кавказской армии труда о назначении командующего армии И. В. Коснора председателем

⁹ Государственный архив Ростовской области (ГАРО), ф. 3758, оп. 1, д. 11, л. 79.

¹⁰ ЦГА ЧИАССР, ф. 73, д. 10, л. 120.

¹¹ ГАРО, ф. 3758, оп. 1, св. 5, д. 74, л. 70.

Грозненского нефтеуправления. В телеграмме говорилось: «Считаю целесообразным предложить назначить председателем Грозненского нефтеуправления Косиора с тем, чтобы он целиком и во всех отношениях подчинялся органам Главко-нефти и отдавал бы всё своё время делу управления нефтяным хозяйством».¹² Назначение Косиора начальником нефтеуправления с оставлением его командующим трудовой армии было своевременным и единственно правильным решением вопроса, так как этим повышалась оперативность в работе и исключались возможные трения между хозяйственными и военными органами. 26 апреля 1920 г. под председательством И. В. Косиора¹³ состоялось первое организационное заседание Грозненского нефтеуправления совместно с представителями Кавказской трудовой армии. На этом заседании был зачитан текст телеграммы В. И. Ленина от 22 апреля 1920 г., назначена приемо-сдаточная комиссия нефтеуправления. Были созданы следующие отделы с подотделами:

I. Отдел управления с подотделами:

- 1) канцелярия, 2) финансово-счетный, 3) административно-хозяйственный, 4) статистический.

II. Товарно-транспортный отдел с подотделами:

- 1) учетный, 2) перекачный, 3) железнодорожный, 4) плановый.

III. Технический отдел с подотделами:

- 1) промысловый, 2) бурения, 3) подсобных предприятий, 4) снабжения.

IV. Заводской отдел.

V. Геолого-разведочный отдел.

28 апреля 1920 г. комиссия подписала акт «О передаче дел, имущества и средств Нефтяного управления Кавказской армии труда Центральному управлению грозненской нефтяной промышленности и заводами».¹⁴ Получив в свое ведение нефтяную промышленность, ЦНУ в тот же день объявило о ее национализации.¹⁵

В приказе о национализации грозненской нефтяной промышленности говорилось: «Декретом Совнаркома, опубликованным в «Известиях ВЦИК» 22 июня 1918 года, объявлены государственной собственностью предприятия: нефтедобывающие, нефтеперерабатывающие, нефтеперегонные, подсобные бурению и транспортные со всем имуществом — движимым и недвижимым, где бы оно ни находилось и в чем бы оно ни заключалось. Во исполнение указанного декрета объявляются национализированными все нефтепромышлен-

¹² Приказы Кавказской Армии труда (приказ № 24), Грозный, 1920 г.

¹³ ЦГА ЧИАССР, ф. 16, д. 524, л. 1.

¹⁴ ГАРО, ф. 3758, оп. 1, св. 5, д. 74, л. 70.

¹⁵ ЦГАОР и СС, ф. 3991, оп. 3, д. 61, л. 12.

ные предприятия, нефтеперегонные и нефтеперерабатывающие заводы Старого и Нового Грозненских и Вознесенского районов, технические конторы: «Ферума», Стукена, Акопова, бр. Цатуровых; подсобные предприятия: «Молот», «Рapid», Манташева, Фаниева и все котельные мастерские (Жидарева, Фреу, Северо-Кавказского общества, Ишханова, «Молот», «Бур», «Труд», Бруликовского, Тер-Иоанисиани и др.). Управление национализированными предприятиями в Грозненском районе возложено ВСНХ на Центральное управление грозненскими нефтяными промыслами и заводами в составе: председателя, командующего Кавказской армии труда тов. Косиора и члена коллегии Шибинского. Всем служащим предприятий и учреждений, переходящих в ведение Центрального нефтеуправления, предписывается оставаться на своих местах».¹⁶

3 мая 1920 года коллегия нефтеуправления разделила все промышленное хозяйство на 8 групп, а группы на участки.¹⁷ Старо-Грозненский район был разбит на 5 групп и 134 участка. Ново-Грозненский район состоял из двух групп и 34 участков. Вознесенский район составлял одну группу с 15 участками.¹⁸

Серьезным препятствием на пути восстановления грозненской нефтяной промышленности явилось отсутствие достаточного количества рабочих. За годы империалистической и гражданской войн численный состав рабочего класса страны сократился на 50%. В нефтяной промышленности Чечено-Ингушетии в 1920 г. в сравнении с 1917 г. число рабочих уменьшилось в 5 раз.¹⁹ Говоря о причинах такого явления, В. И. Ленин отмечал: «Неслыханные кризисы, закрытие фабрик привели к тому, что от голода люди бежали, рабочие просто бросали фабрики, должны были устраиваться в деревне и переставали быть рабочими».²⁰ Кроме того, значительная часть кадровых рабочих была призвана в армию. В этих условиях, в целях объединения всех трудовых ресурсов страны, Советское правительство еще в конце 1919 г. наиболее важные для обороны страны предприятия и отрасли хозяйства перевело на военное положение. В начале 1920 г. в стране вводится всеобщая трудовая повинность. 29 января 1920 г. В. И. Ленин подписал декрет «О порядке всеобщей трудовой повинности». В соответствии с декретом был образован Главный комитет по всеобщей трудовой повинности. Принимая меры к мобилизации рабочих и служащих, штаб терской об-

¹⁶ ЦГАОР и СС, ф. 3991, оп. 3, д. 13, л. 24, газета «Грозненский рабочий», № 154, 20 мая 1925 г.

¹⁷ ЦГА ЧИАССР, ф. 16, д. 524, л. 6.

¹⁸ Там же.

¹⁸ Там же.

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 176.

ластной группы Красных повстанческих войск уже 23 марта 1920 г. опубликовал приказ об обязательном приеме на работу рабочих и служащих, эвакуированных при отходе советских войск. 31 марта 1920 г. Грозненско-Владикавказский ревком приказом № 4 предложил всем руководителям предприятий и заводов немедленно трудоустроить всех рабочих и служащих.²¹

13 мая 1920 г. на основании декрета Совнаркома РСФСР Грозненский окружной ревком ввел на территории округа всеобщую трудовую повинность и образовал Грозненский окружной комитет по всеобщей трудовой повинности,²² который за короткий срок провел мобилизацию рабочих и служащих различных профессий.

Принимаются срочные меры и по улучшению материального положения трудящихся. В этом большую помощь оказала Кавказская армия труда. В мае 1920 г. из армейской кассы было отпущено 130 миллионов рублей для выплаты зарплаты рабочим Грозного. Налаживается снабжение рабочих хлебом, мукой, крупой, жирами.²³

В связи с тяжелым продовольственным положением в стране, на довольствие трудовой армии были зачислены нефтяники Грозного и железнодорожники Терского отделения Владикавказской железной дороги. Только с 16 апреля по 31 мая 1920 г. на армейском обеспечении находились 13 161 рабочий и 31 038 членов их семей.²⁴ Кроме того, рабочим было выдано 249 комплектов одежды, 1710 пар различной обуви и 140 000 аршин мануфактуры, которая была роздана из расчета по 20 аршин на одного человека.²⁵

В первые месяцы после установления Советской власти деятельность партийных и советских органов Чечено-Ингушетии по организации управления национальной нефтяной промышленностью, по мобилизации рабочих и улучшению их материального положения дала возможность начать быстрыми темпами восстановление промыслов и заводов нефтяного Грозного.

Повсюду развернулась работа по ремонту скважин, буровых вышек, нефтепроводов, насосных, кочегарок, нефтяных резервуаров, жилых домов и казарм. Достаточно привести лишь некоторые данные, чтобы представить себе объем работы, проделанной на промыслах. Только за июнь 1920 г. на II группе промыслов было отремонтировано и сдано в эксплу-

²¹ ЦГА ЧИАССР, ф. 73, д. 13, л. 5.

²² ЦГА ЧИАССР, ф. 73, д. 13, л. 60.

²³ ГАРО, ф. 3758, оп. 1, св. 4, л. 65, л. 69.

²⁴ Там же, л. 30.

²⁵ И. В. Косиор. Доклад съезду профсоюзов Грозненского района о деятельности ЦНУ за 1920 г. и о задачах на 1921 г. Грозный, 1921, стр. 6.

атацию 6 ранее бездействовавших скважин, на III группе было введено в строй 2 скважины, отремонтирован нефтепровод на расстоянии 400 сажен и водопровод протяженностью 200 сажен.²⁶ На IV и V группах за это же время было восстановлено 14 скважин и произведен капитальный ремонт 15 буровых вышек.²⁷ Начались работы по борьбе с обводнением скважин путем откачки воды. За сравнительно короткий срок удалось значительно осушить 11 скважин, а 8 буровых в результате проведенных работ стали давать чистую нефть без примеси воды.²⁸ Кроме того, в 1920 г. на промыслах были проложены нефте-газо-водопроводы общей протяженностью более 22 000 сажен, отремонтировано 1494 двигателя и различных механизмов.²⁹

На нефтеперегонных заводах велись работы по ремонту насосов, перегонной аппаратуры, эстакад. Работа, проделанная в 1920 г., дала возможность значительно повысить наливную производительность заводов. Так, если в мае 1920 г. наливная производительность равнялась 300 цистернам в сутки, то через несколько месяцев она поднялась до 580 цистерн, т. е. повысилась почти в два раза.³⁰

За годы гражданской войны сильно пострадал крупнейший нефтепровод страны Грозный — Петровск. Нефтепровод имел важное хозяйственное и стратегическое значение. Его роль в снабжении страны топливом особенно повысилась в связи с расстройством железнодорожного транспорта. Уже 2 апреля 1920 г. начался ремонт нефтепровода. Наиболее значительные работы были проведены в районе Хасавюрта и Чирюрта. Вскоре началась пробная прокачка воды, а 8 мая из Грозного по нефтепроводу пошел мазут, который показался в Петровске 12 мая. С того времени и до конца года нефтепровод работал бесперебойно.³¹

Большую работу провели трудящиеся Чечено-Ингушетии совместно с трудармейцами по восстановлению железнодорожного транспорта. Без нормальной работы его невозможно было восстановить экономику страны. Особенно угрожающим положение на транспорте стало в начале 1920 г. «Сейчас, — писал В. И. Ленин в эти дни, — железнодорожный транспорт висит на волоске. Если поезда станут — это явится гибелью пролетарских центров. Необходимы героические усилия рабочих масс, чтобы поддержать транспорт и обеспечить борьбу с голодом и холодом».³² В апреле 1920 г. IX съезд

²⁶ ЦГАОР и СС, ф. 3991, оп. 3, д. 61, л. 31

²⁷ Там же, л. 9.

²⁸ Там же, л. 29.

²⁹ Там же, лл. 38, 39.

³⁰ ЦГА ЧИАССР, ф. 16, оп. 1, д. 516, л. 11.

³¹ Там же, л. 27.

³² В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 320.

РКП(б) в связи с положением, создавшимся на транспорте, принял специальное обращение к партийным организациям. «Съезд РКП самым энергичным образом, — говорилось в обращении, — напоминает местным организациям об их долге по отношению к железнодорожному транспорту, от судьбы которого зависит судьба революции».³³ По постановлению съезда была объявлена мобилизация на транспорт 10% состава партии. В ответ на обращение партии по всей стране развернулось движение за восстановление железнодорожного транспорта.

29 апреля 1920 г. второе заседание коллегии нефтеуправления в целом было посвящено вопросам транспорта.³⁴ В своем постановлении коллегия обязывала заводы принимать заказы железнодорожного транспорта вне всякой очереди. Для их размещения на территории Грозного была создана специальная междуведомственная комиссия. За своевременную доставку составов по назначению вводились премии для поездных бригад и служащих.³⁵ 4 мая 1920 года Терский областной ревком опубликовал приказ о переводе железной дороги на военное положение и о том, что все рабочие и служащие транспорта считаются мобилизованными.³⁶ Были приняты срочные меры по обеспечению транспорта рабочей силой.

В мае 1920 г. для работы на транспорте в Грозном было мобилизовано 400 квалифицированных рабочих. Кроме того, по инициативе партийных и советских органов была проведена «Неделя транспорта». На протяжении «Недели» 250 рабочих и служащих различных предприятий Грозного работали на станции и в депо.³⁷

Большую работу по восстановлению железнодорожного транспорта в Чечено-Ингушетии и на юге страны осуществляла в эти дни Кавказская армия труда. Части трудовой армии работали на участках: Кисловодск-Минеральные Воды — Прохладная — Гудермес — Петровск, Беслан — Владикавказ. Трудармейцы выполняли работы по ремонту подвижного состава в депо, заменяли шпалы, исправляли стрелки, строили и ремонтировали мосты. Чтобы судить об объеме этих работ, достаточно учесть, что только с 16 июня по 1 июля 1920 г. на указанных участках было занято 17 680 трудармейцев.³⁸

В результате принятых мер работа железнодорожного

³³ КПСС в резолюциях... ч. 1, стр. 504.

³⁴ ЦГА ЧИАССР, ф. 16, д. 524, л. 2.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, ф. 73, д. 10, л. 11.

³⁷ ГАРО, ф. 3758, оп. 1, св. 4, д. 65, л. 11.

³⁸ Там же, л. 28.

транспорта в 1920 г. значительно улучшилась. Об этом свидетельствует резкое увеличение пропускной способности станции Грозный. Так, если в апреле 1920 г. из Грозного в сутки отправлялось по 71 цистерне нефти, а в мае по 124 цистерны, то уже в июне суточная отправка поднялась до 200 цистерн нефти, т. е. за два месяца пропускная способность станции возросла почти в три раза.³⁹

В эти же дни были начаты работы по строительству железнодорожных линий на промыслы. Отсутствие нормальной связи Грозного с промыслами являлось серьезным препятствием в восстановлении грозненской нефтяной промышленности. Ежедневно на пешие переходы из города на промыслы рабочим приходилось терять много сил и времени, а переброска материалов и оборудования на буровые в ненастную погоду становилась совершенно невозможной. Связь города с промыслами осуществлялась при помощи гужевого транспорта, который не мог обеспечить необходимый объем перевозок.

Все это говорит о том, насколько остро стоял вопрос о строительстве железных дорог на промыслы. Сама по себе идея прокладки железнодорожных линий на промыслы была не нова. Еще в 900-е годы капиталисты вели об этом разговоры, но споры между нефтяными предпринимателями и Владикавказской железной дорогой остались безрезультатными. Только с установлением Советской власти в Чечено-Ингушетии появились реальные возможности для осуществления этой идеи. Уже в мае 1920 г. руководители грозненской нефтяной промышленности в своем первом докладе в Главный нефтяной комитет при ВСНХ РСФСР указывали на необходимость строительства железнодорожных линий на промыслы.⁴⁰ В июне 1920 г. Грозненское Центральное нефтеуправление обратилось в Главконефть с просьбой отпустить средства и материалы для строительства железной дороги на промыслы.⁴¹ Вскоре начались изыскательские работы по строительству железной дороги на Старые промыслы. Уже 2 сентября 1920 г. председатель строительной комиссии А. А. Шибинский доложил коллегии нефтеуправления, что изыскательские работы по трассе окончены.⁴² Коллегия приняла постановление приступить к строительству, выделив для этого 1000 трудармейцев и необходимые материалы. Постройка железной дороги поручалась инженерному полку трудовой армии.⁴³

³⁹ Там же, л. 32.

⁴⁰ ЦГАОР и СС, ф. 3991, оп. 3, д. 461, лл. 8, 9.

⁴¹ Там же, л. 28.

⁴² ЦГА ЧИАССР, ф. 16, д. 524, л. 83.

⁴³ Там же.

7 сентября 1920 г. коллегия вновь рассмотрела вопрос о ходе сооружения железнодорожной линии.⁴⁴ Однако основные строительные работы были проведены только в 1921 г. В конце этого года началось регулярное движение поездов на Старые промыслы.

Значительную роль в восстановлении грозненской нефтяной промышленности сыграли коммунистические субботники.

Придавая огромное значение коммунистическим субботникам, IX съезд РКП(б) в апреле 1920 г. обратился с призывом «превратить международный пролетарский праздник 1 Мая 1920 года» в грандиозный Всероссийский субботник.⁴⁵ Ответом на обращение партии явился всенародный трудовой подъем. Повсеместно началась подготовительная работа.

В апреле 1920 г. Грозненский окружной ревком рассмотрел вопрос об участии трудящихся Грозного во Всероссийском субботнике. Ревком утвердил специальную подготовительную комиссию.⁴⁶ 19 апреля 1920 г. состоялось совместное заседание Чеченского и Грозненского ревкомов, которое наметило план проведения субботника. 1 Мая 1920 г. в Грозном вышли на работу 7 тыс. рабочих и трудармейцев. Массовые субботники прошли в Грозном также 17 и 24 июля 1920 г.⁴⁷ В них приняло участие более трех с половиной тысяч человек. Трудящиеся работали в городе, на промыслах и заводах. Как и по всей стране в субботниках авангардную роль играли коммунисты. Так, 17 и 24 июля коммунисты составили 60% от общего числа участников и работали на самых ответственных участках.

О масштабах участия трудящихся Грозного в субботниках можно судить по тому факту, что только за 8 месяцев 1920 г. в них проработало 129 413 человек.⁴⁸

Благодаря героическим усилиям трудящихся Чечено-Ингушетии, уже к осени 1920 г. были достигнуты первые успехи в восстановлении грозненской нефтяной промышленности. В октябре 1920 г. добыча нефти составила 4 823 тыс. пудов против 1 738 тыс. пудов в мае того же года.⁴⁹ К концу 1920 г. в эксплуатации находилось 107 скважин, в то время как в 1919 г. эксплуатировалось всего 43 скважины. За 8 месяцев 1920 г. было пробурено 520 сажен, что намного превысило проходку 1918 и 1919 гг.⁵⁰

⁴⁴ Там же, л. 89.

⁴⁵ КПСС в резолюциях... ч. 1, стр. 488, 490.

⁴⁶ ЦГА ЧИАССР, ф. 73, д. 27, л. 15.

⁴⁷ Газета «Коммунист», 17 августа 1920 г.

⁴⁸ Газета «К свету», 15 мая 1921 г.

⁴⁹ ГАРО, ф. 3758, оп. 1, св. 2, д. 24, л. 139.

⁵⁰ И. В. Косиор. Доклад съезду профсоюзов Грозненского района о деятельности грозненского ЦНУ за 1920 г. и о задачах на 1921 г. Грозный, 1921, стр. 4.

С разгромом Врангеля повсеместно создаются условия для перехода на рельсы мирного хозяйственного строительства. Его широкую программу наметил VIII Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в Москве в декабре 1920 г. Однако, при всей важности решений съезда, они все же не выходили за рамки политики военного коммунизма и не давали новой экономической установки во всех областях хозяйства, на основе которой можно было бы решать задачи восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства страны.

Только X съезд партии, состоявшийся в марте 1921 г., положил начало переходу к новой экономической политике, означавшей перестройку по всему фронту хозяйственного строительства, осуществленную партией и Советским правительством на протяжении последующих лет.

Важное значение в изменении системы управления промышленностью имел IV съезд ВСНХ, состоявшийся 18—24 мая 1921 г. и утвердивший новую схему построения органов ВСНХ. Вместо 52 главков, которые имелись в конце 1920 г., было создано 16 главных управлений по различным отраслям промышленности. Теперь грозненская нефтяная промышленность стала подчиняться Главному управлению по топливу (ГУТ) при ВСНХ.

Большую роль в реорганизации управления грозненской нефтяной промышленностью и ее укреплении сыграла полномочная комиссия Совета Труда и Оборона, работавшая в Грозном в августе 1921 г. 21 августа комиссия рассмотрела вопрос о положении грозненской нефтяной промышленности и мерах ее укрепления.⁵¹

По докладу профессора Губкина было принято решение «произвести срочное обследование буровых скважин», отпустив для этих работ полтора миллиона рублей из фонда Главтопа. Комиссия предложила усилить работы по электрификации промыслов. Для приобретения электротехнического оборудования за границей ассигновались два с половиной миллиона рублей золотом.⁵² На завершение железнодорожного строительства из запасов Владикавказской железной дороги отпускалось 15 000 шпал, 10 верст узкоколейных рельс, 7 паровозов и значительное количество бензовозов. Было принято решение поддержать ходатайство ЦНУ об отпуске 15 грузовых и 5 легковых автомобилей.

Значительное внимание комиссия уделила вопросу расширения хозяйственной самостоятельности Грознефти, как одному из главных условий успешного восстановления нефтяной промышленности. Грозненскому нефтеуправлению пре-

⁵¹ ЦГА ЧИАССР, ф. 49, д. 13, л. 41.

⁵² Там же.

доставлялось право вести свободную вербовку рабочих, заготовку материалов и продовольствия на местном рынке. Укреплялась роль начальника ЦНУ и его заместителя.⁵³ Для упорядочения системы заработной платы при управлении было создано технико-нормировочное бюро.⁵⁴

Предоставив широкую самостоятельность Грознефти, комиссия тем самым положила начало перестройке системы управления производством на принципах нэпа.

Об итогах своей работы полномочная комиссия СТО сделала доклад на объединенном заседании Госплана и Президиума ВСНХ 20 сентября 1921 г.⁵⁵ В принятой резолюции говорилось: «...признать мероприятия комиссии по укреплению, восстановлению и развитию дагестанской каменноугольной промышленности, бакинской и грозненской нефтепромышленности целесообразными и соответствующими интересам народного хозяйства республики».⁵⁶ Для закупок необходимого технического оборудования отпускалось дополнительно 4 миллиона рублей золотом. Донбассу, Баку и Грозному было передано 25 легковых и 140 грузовых автомашин. Уделяя серьезное внимание оказанию продовольственной помощи, Госплан и Президиум ВСНХ потребовали «забронировать из российских, зарубежных и преимущественно украинских ресурсов продовольствие и фураж в необходимом для Донбасса и Баку и Грозного количестве».⁵⁷

На основании материалов полномочной комиссии, 30 сентября 1921 г. Совет Труда и Оборона издал подписанное В. И. Лениным постановление «О мероприятиях по восстановлению и поднятию бакинской, грозненской и донецкой промышленности».⁵⁸ Постановление утвердило мероприятия, намеченные комиссией СТО. Особое внимание было обращено на ликвидацию главкистской системы управления и предоставление широкой экономической самостоятельности местным органам.

В результате принятых мер уже в конце 1921 г. начинается подъем в развитии грозненской нефтяной промышленности. Если в ноябре 1921 г. в эксплуатации находилось 147 скважин, то уже в январе 1922 г. их число выросло до 160.⁵⁹

Важное значение в подъеме грозненской нефтяной промышленности имел перевод ее в апреле 1922 г. на хозяйственный расчет.⁶⁰ Теперь успех восстановления во многом за-

53 ЦГА ЧИАССР, ф. 49, д. 13, л. 42.

54 Там же, л. 43.

55 Там же, д. 14, л. 17.

56 Там же.

57 ЦГА ЧИАССР, ф. 49, д. 14, л. 17.

58 Там же, л. 54.

59 ЦГАОР и СС, ф. 3991, оп. 3, д. 89, л. 32.

60 ЦГА ЧИАССР, ф. 16, оп. 2, д. 743, л. 17.

висел от умелого и экономичного ведения хозяйства. Необходимо было расширить коммерческий аппарат Грознефти для реализации нефтепродуктов и закупок необходимых материалов.

Однако переход на хозрасчет был связан с трудностями двоякого рода. Во-первых, с трудностью создания широкого и в то же время достаточно гибкого коммерческого аппарата. Во-вторых, с трудностью, связанной с отсутствием необходимых оборотных средств. Ясно, что в условиях экономического разорения страны государство не могло полностью обеспечить предприятия оборотными средствами. Если с трудностями создания коммерческого аппарата Грознефть справилась сравнительно легко и уже в первой половине 1922 г. имела во многих городах страны своих торговых представителей, то борьба за увеличение оборотных средств приняла затяжной характер, что значительно затруднило проведение восстановительных работ в 1922 г.

Но кроме объективных причин, приведших к ухудшению снабжения Грознефти материалами и оборотными средствами, следует отметить и то обстоятельство, что руководители нефтяного управления не проявили в этот период достаточной энергии и инициативы. Это во многом усугубило создавшееся положение. Вот один из фактов.

В самом начале 1922 г. Советское правительство разрешило Грознефти реализовать за границей 2 миллиона тонн бензина, а на вырученные средства закупить необходимое количество материалов и продовольствия. Из-за медлительности руководства указанный бензин прибыл в Новороссийск только в мае этого года, хотя можно было намного ускорить отправку нефтепродуктов и тем самым создать условия для быстрого пополнения оборотных средств.

Вместо того, чтобы принять решительные меры, изыскать внутренние резервы, усилить борьбу за экономию средств и материалов, руководители нефтеуправления стали на неправильный путь. В своих многочисленных письмах и докладах они во всем стали обвинять центральные органы власти. Такая позиция руководителей ЦНУ была подвергнута критике со стороны коммунистов и рабочих Грозного. Состоявшаяся 2 сентября 1922 г. конференция профсоюза горнорабочих отметила хозяйственную запущенность многих предприятий нефтяной промышленности и расточительство денежных средств на ненужные операции. Отмечалось также плохое состояние учета и отчетности. В докладе РКИ говорилось, что руководители промыслов на вопрос о том, почему не ведется должной борьбы с обводнением скважин, отвечали, что отсутствует глина, а глина не куплена из-за отсут-

ствия денег.⁶¹ И это происходило в то время, когда Грознефть ежемесячно расходовала сотни тысяч рублей на увеселительные мероприятия. Конференция в своей резолюции потребовала повести самую решительную борьбу с бесхозяйственностью и расточительством. 8 сентября 1922 г. со статьей в газете «Нефтерабочий» выступил секретарь Грозненского окружного комитета партии А. Носов. Указав на плохую постановку хозяйственной работы, он призвал руководителей и всех коммунистов чаще бывать на предприятиях, больше беседовать с рабочими, прислушиваться к ним.⁶²

Благодаря самоотверженному труду рабочего класса Грозного, все эти трудности удалось успешно преодолеть. К осени 1922 г. экономическое положение грозненской нефтяной промышленности значительно улучшилось. Увеличились поставки необходимых материалов и продовольствия. Из Саратова и Самары поступило 40 выщечных комплектов соснового леса. Большая партия цемента прибыла из Новороссийска, Владикавказский завод «Кавцинк» на 60% выполнил договор о поставке серной кислоты. Приступили к выполнению своих договорных обязательств по снабжению Грознефти металлом, трубами, арматурой Мариупольский завод и металлургические предприятия Югостали. Ростовский кожевенный комбинат отгрузил в Грозный 700 пудов различной кожи.

В порядке обмена на бензин из Новороссийска прибыло 6000 аршин хлопчатобумажных ремней. Из треста «Моссуконо» поступило 30 000 аршин мануфактуры. Кроме того, в Грозный прибыло большое количество продовольственных товаров.⁶³

Отмечая улучшение экономического положения нефтяной промышленности, заместитель начальника Грознефти Ганшин в своем выступлении на 9-й Грозненской окружной партийной конференции в ноябре 1922 г. говорил: «В настоящее время мы переживаем наиболее радостный момент общего положения Грознефти. При переходе к нэпу мы переживали кризис оборотных средств: денег, материалов. Этот кризис теперь изживается».⁶⁴ Новая экономическая политика уже к концу 1922 г. дала повсеместно свои положительные результаты. Начался подъем всех отраслей народного хозяйства страны. Значительно увеличился объем продукции легкой промышленности. Сильно шагнула вперед важнейшая отрасль экономики страны — тяжелая промышленность. Так, выплавка чугуна в 1922 г. по сравнению с 1921 г. выросла на

⁶¹ Газета «Нефтерабочий», № 190, 1922 г.

⁶² Там же.

⁶³ Журнал «Грозненское нефтяное хозяйство» № 1—2, 1923, стр. 7.

⁶⁴ Газета «Нефтерабочий», № 261, 1922 г.

154%, а стали — на 145%.⁶⁵ Валовая продукция промышленности за этот же период выросла на 615 миллионов рублей.⁶⁶

Замечательный вклад в общенародное дело внесли и трудящиеся нефтяной промышленности Чечено-Ингушетии. Добыча нефти в 1922 г. поднялась до 87,7 миллиона пудов, что на 14 миллионов пудов больше чем в предыдущем году.⁶⁷ Если в 1921 г. было пробурено 863 сажени, то в 1922 г. проходка возросла до 1612 сажен.⁶⁸ Успехи были достигнуты и в области переработки нефти. Выход бензина поднялся с 3,9% в 1921 году до 6,6% в 1922 году, а выход светлых нефтепродуктов соответственно увеличился с 10,7% до 16%.⁶⁹

Успехи, достигнутые к концу первого года нэпа, значительно укрепили внутреннее и внешнеполитическое положение страны. С каждым днем рос авторитет нашего государства среди трудящихся всего мира. В то же время успехи молодой республики Советов вызывали злобу у империалистов. Они усиливают провокационные действия против пролетарского государства. 8 мая 1923 г. английское правительство предъявило СССР так называемый «ультиматум Керзона», посягавший на суверенитет и независимость Советской страны. Наглой антисоветской провокацией явилось убийство 10 мая 1923 г. в Лозанне выдающегося советского дипломата Воровского. Ультиматум Керзона и злодейское убийство Воровского вызвали в СССР всенародное возмущение. По всей стране происходили демонстрации и митинги протеста. Грандиозные митинги также состоялись в эти дни на промыслах и заводах Грозного. Рабочие-промысловики в своей резолюции писали: «Мы, рабочие, в ответ на ноту еще больше усилим добычу нефти. Если понадобится, то мы в любой момент станем в ряды нашей Красной Армии с винтовкой в руках. Мы докажем капиталистам, что мощь пролетариата России под руководством РКП(б) крепка и незыблема». ⁷⁰ Совет рабочих депутатов Старогрозненских промыслов в своем постановлении записал: «Пусть знают империалисты всех стран, что рабочие грозненских нефтяных промыслов еще больше, чем когда бы то ни было, напрягут все силы для восстановления нефтяной промышленности и укрепления мощи рабоче-крестьянского государства». ⁷¹

Выполняя свои обязательства, нефтяники Грозного прояв-

---

⁶⁵ Экономическая жизнь СССР (хроника событий и фактов). М., 1959, стр. 115.

⁶⁶ П. И. Ляшенко. История народного хозяйства СССР, М., 1956, т. 3, стр. 165.

⁶⁷ ЦГАОР и СС, ф. 3991, оп. 1, д. 10, л. 25.

⁶⁸ Там же, л. 26.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Газета «Нефтерабочий», № 109, 1923 г.

⁷¹ Там же.

ляли беспримерный трудовой героизм, увеличивая добычу нефти, вводя в строй все новые и новые скважины. В 1923 г. добыча нефти поднялась до 91,7 миллиона пудов, что намного превысило добычу предыдущих лет. По сравнению с 1922 годом объем буровых работ вырос почти в 5 раз. Число действующих скважин увеличилось до 265.⁷² Значительным событием явилось успешное завершение строительства узкоколейки на Новые промысла. 1 июля 1923 г. здесь началось регулярное движение поездов.⁷³

Партия и Советское правительство, высоко оценивая заслуги рабочего класса Грозного перед страной, наградило его в начале 1924 г. орденом Красного Знамени. В приказе Революционного Военного Совета СССР от 26 марта 1924 г. говорится: «Объявляется постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов о награждении орденом Красного Знамени грозненского пролетариата за героическое участие в вооруженной борьбе против южнороссийской контрреволюции в течение 1918—1920 гг., а также его позднейшую работу по восстановлению грозненской нефтяной промышленности».⁷⁴

Серьезным препятствием в восстановлении и развитии грозненской нефтяной промышленности в этот период явился разрыв между уровнем подъема производительности труда и ростом заработной платы. Так, в нефтяной промышленности Грозного в 1924 г. по сравнению с 1922 г. производительность труда увеличилась на 87%, а заработная плата на 120%. Такая же картина наблюдалась и в других отраслях промышленности страны.

Разумеется, подобное положение не могло быть терпимо. Состоявшийся в августе 1924 г. Пленум ЦК РКП(б) в постановлении «О политике заработной платы» указал, что «процесс быстрого роста зарплаты был до сих пор неизбежен и в общем закономерен. Зарплата должна была так расти, чтобы достигнуть уровня обеспечения потребностей первой необходимости рабочего».⁷⁵ Но длительное отставание производительности труда от роста заработной платы являлось серьезной угрозой интересам промышленности и всего государства. Без опережающего роста производительности труда сравнительно с ростом заработной платы не могло развиваться расширенное социалистическое воспроизводство. Августовский Пленум ЦК РКП(б) предложил «всем организациям партии организовать целый ряд длительных

⁷² ЦГОР и СС, ф. 3991, оп. 1, д. 10, лл. 25, 26.

⁷³ Газета «Нефтерабочий», № 137, 1923 г.

⁷⁴ Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии 1917—1920 гг. Сб. документов и материалов. Грозный, 1958, стр. 251.

⁷⁵ КПСС в резолюциях... ч. 1, стр. 902.

кампаний, которые должны закрепить в сознании всего рабочего класса необходимость постоянной, неослабевающей работы по поднятию производительности труда, расширению и удешевлению производства».⁷⁶

В ответ на призыв Центрального Комитета партии по всей стране началось движение за повышение производительности труда. Трудящиеся грозненской нефтяной промышленности развернули борьбу за уплотнение рабочего дня, объявили непримиримую войну прогулам и браку. 8 октября 1924 г. состоялось заседание бюро Грозненского окружного комитета партии, которое приняло решение начать на предприятиях Грозного кампанию за рационализацию производства и подъем производительности труда. На этом же заседании были учреждены комиссии по поднятию производительности труда: центральная при Грознефти и 10 местных комиссий по предприятиям. В положении о центральной комиссии говорилось, что она организуется в целях «содействия улучшению производства, выявлению и устранению действительных причин, тормозящих производство».⁷⁷

Вслед за бюро окружной парторганизации прошли пленумы райкомов партии, собрания в ячейках, посвященные вопросам подъема производительности труда. Только в Старопромысловском районе за короткий срок было проведено 25 собраний в партийных ячейках, которые отметили «необходимость поднять производительность труда».⁷⁸

При большой активности коммунистов в октябре 1924 г. прошло партийное собрание Новопромысловского района. Выступавшие говорили о резервах подъема производительности труда, указывали на факты, тормозящие развитие производства. Отмечалось, что из-за слабой трудовой дисциплины буровая тартается не 24 часа, а 16; тартальщики работают вместо 8 часов по 5,5 часа.

В принятой собранием резолюции записано: «Приложить все усилия к поднятию производительности труда путем:

1. Введения индивидуальной неограниченной сдельщины, максимальных технически возможных норм и обязательных удержаний при невыработке норм и браков.

2. Открыть кампанию добровольного повышения норм и уплотнения рабочего дня до полных 8 часов.

3. Объявить жестокую войну прогулам и злостному, нерадивому отношению к производству.

4. Оказывать всемерную помощь работе по научной организации труда, производства и управления.

5. Повести решительную борьбу за уменьшение наклад-

⁷⁶ Там же, стр. 903.

⁷⁷ ЦГА ЧИАССР, ф. 1, д. 46, л. 31.

⁷⁸ Газета «Грозненский рабочий», № 850, 1924 г.

ных расходов и принять меры к уменьшению косвенных расходов по зарплате».⁷⁹

Развернутый план борьбы за повышение производительности труда наметило по докладу зам. начальника Грознефти Ганшина общегородское собрание комсомольцев Грозного, состоявшееся в октябре 1924 г.

Первые итоги работы по повышению производительности труда были подведены в ноябре этого года на заседании окружного комитета партии. С докладом выступил Ганшин, который, отметив первые успехи, сказал: «Сейчас наша главная задача: ускорение кампании в ячейках, перенесение ее в беспартийные массы на общие собрания, на которых должны выноситься решения борьбы с прогулами и о добровольном повышении норм выработки. Необходимо создание ударных групп, которые бы смогли увлечь своим примером массу».⁸⁰

С каждым днем росла творческая и трудовая активность масс. На промыслах и заводах создаются ударные группы по подъему производительности труда. Первые такие группы возникли в цехах завода «Красный молот».

Большую роль в подъеме производительности труда сыграли производственные комиссии и совещания, созданные на предприятиях грозненской нефтяной промышленности в конце 1924 г. На своих заседаниях комиссии рассматривали различные вопросы, связанные с национальной организацией производства и труда, часто обсуждали доклады руководителей Грознефти. Производственные совещания и комиссии явились наиболее массовой формой участия рабочих в управлении производством. В начале 1925 г. по инициативе комиссий была выработана и введена попудная оплата труда тартальщиков, что привело к резкому увеличению выработки на одного рабочего.⁸¹ Были переведены на сдельную оплату работники по спуску глубинных насосов в скважины. Вводилась премиальная оплата за экономию топлива машинистам и кочегарам. Бюро производственных комиссий, рассмотрев вопрос о целесообразности закрытия воды в скважинах цементом, признала этот метод «вполне достигающим своей цели». Для повышения технической грамотности рабочих буровых партий, по предложению производственных комиссий, были организованы на промыслах краткосрочные курсы для ключников и тормозчиков.⁸²

Серьезное внимание работе производственных комиссий уделял Грозненский окружной комитет партии. Созванное им

⁷⁹ Газета «Нефтерабочий», № 237, 1924 г.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ ЦГА ЧИАССР, ф. 1, д. 46, л. 78.

⁸² Там же.

совещание секретарей партийных ячеек в сентябре 1925 г. по вопросу о работе коммунистов в производственных комиссиях отметило, что производственные комиссии являются местом «практического разрешения вопросов производительности труда» и призвало коммунистов и беспартийных принять самое активное участие в их работе.⁸³

Важное значение в повышении производительности труда и снижении себестоимости продукции имела рациональная организация производства и сокращение административно-управленческого аппарата

После национализации Грозненских нефтяных промыслов и создания административно-технического аппарата все промысловое хозяйство было разделено на 8 групп. Но скоро стало ясно, что нет надобности в таком количестве групп, их число было уменьшено путем слияния. Таким образом, к началу 1924 года вместо 8 промысловых групп осталось пять, что дало значительное сокращение административно-хозяйственных расходов.⁸⁴ Однако жизнь требовала дальнейшего совершенствования форм управления и организации производства. С этой целью в сентябре 1924 г. была создана Центральная комиссия по реорганизации пятой группы промыслов под председательством Ганшина.⁸⁵ В результате работы комиссии в 1925 г. в этой группе был значительно сокращен административный аппарат, улучшен учет материалов и средств. Во второй половине 1924 г. была подвергнута тщательному обследованию работа нефтеперегонных заводов. В результате значительно сократился управленческий персонал, упростилась отчетность заводов.⁸⁶

Систематическая работа Грознефти по совершенствованию процесса производства потребовала создания специального органа, который занимался бы вопросами рационализации производства. Таким органом явилось Бюро организации производства (БОП), созданное в ноябре 1924 года.⁸⁷ Бюро изучало различные стороны нефтяной промышленности (бурение, эксплуатацию и переработку), представляло проекты и предложения по введению новых форм оплаты труда, совершенствованию технических норм выработки и т. д.

Большую работу проделала в этот период газета «Нефтерабочий». Газета систематически публиковала заметки о путях и резервах повышения производительности труда. Рабочие корреспонденты рассказывали о достижениях, подвергали жестокой критике бюрократов и лодырей.

---

⁸³ Газета «Грозненский рабочий», № 255, 1925 г.

⁸⁴ ЦГАОР и СС, ф. 3991, оп. 1, д. 23, л. 64.

⁸⁵ Там же, л. 72.

⁸⁶ Там же, л. 74.

⁸⁷ Там же, л. 7.

Самоотверженная борьба рабочего класса за рационализацию производства и повышение производительности труда значительно подняли рентабельность грозненской нефтяной промышленности. Так, число работников на одну условную вышку в 1925 г. сократилось по сравнению с предыдущим годом на 24,6%, а количество добываемой нефти увеличилось.

В 1925 г. добыча на один скважино-день составила 1232 пуда — это почти на 150 пудов больше, чем в предыдущем году; а добыча на одного работника повысилась на 3,2%.⁸⁸

Возросла эффективность переработки нефти. Если в 1924 г. из пуда нефти было получено продукции на 35,5 коп., то в 1925 г. благодаря увеличению выхода бензина и светлых нефтепродуктов было получено продукции из одного пуда на 41 коп.⁸⁹

Механизация и рационализация процессов производства дали возможность поднять производительность труда и на подсобных предприятиях нефтяной промышленности. Так, на заводе «Красный молот», благодаря совершенствованию процессов литья, выработка на одного человека повысилась на 60%.⁹⁰

В результате подъема производительности труда в 1925 г. Грознефть дала государству продукции почти на 10 миллионов рублей больше, чем в предыдущем году. Только за счет более рациональной организации производства на перегонных заводах была получена прибыль в 5,5 миллиона рублей.⁹¹ Успехи, достигнутые нефтяниками в рационализации производства и повышении производительности труда, сыграли решающую роль в восстановлении грозненской нефтяной промышленности.

1925 год явился завершающим годом восстановления нефтяной промышленности Чечено-Ингушетии.

Валовая продукция нефти в этом году намного превзошла добычу 1913 года и рекордную добычу 1917 года, что показывают следующие данные.⁹²

Годы	1913	1917	1920	1921	1922	1923	1924	1925
добыча в млн. пудов	73,7	107,5	23,6	73,4	87,7	91,7	99,5	123,7

⁸⁹ Из материалов Грозненской окружной партконференции. Газета «Грозненский рабочий», № 297, 1925 г.

⁹⁰ ЦГАОР и СС, ф. 3991, оп. 1, д. 23, л. 134

⁹¹ Из материалов Грозненской окружной партконференции. Газета «Грозненский рабочий», № 297, 1925 г.

⁹² ЦГАОР и СС, ф. 3429, оп. 75, д. 44, л. 1; там же, оп. 1, д. 10, л. 25.

Здесь уместно будет подвергнуть критике неверное утверждение, что будто бы грозненская нефтяная промышленность была полностью восстановлена к концу 1922 г.⁹³ Вероятно, этот вывод сделан на основе сравнения валовых показателей добычи 1913 и 1922 годов (см. таблицу). Но, на наш взгляд, нельзя говорить о восстановлении нефтяной промышленности, основываясь только на показателях добычи. Необходимо исследовать все стороны нефтяного производства. Валовая добыча 1913 г. складывается из добычи в Старогрозненском и Новогрозненском районах, причем в 1913 г. в Старогрозненском районе было получено 98,5% всей нефти.⁹⁴

Промышленная эксплуатация Новогрозненского района началась только в 1913 году, и его доля в общей добыче за этот год составила 1,5%.⁹⁵ По мере развития нового района это соотношение менялось. В валовой добыче 1922 г. доля Новогрозненского района составила 52%,⁹⁶ а Старогрозненского снизилась до 48%.⁹⁷ Таким образом, сравнивая большие данные 1913 и 1922 годов, мы сравниваем количество нефти, добытой в одном районе, с показателями двух районов, что приводит к неверным выводам. Если уж сравнивать, то нужно брать добычу только Старого района, которая составила в 1922 г. 60% по отношению к 1913 г.⁹⁸

Годы восстановительного периода ознаменовались резким увеличением числа эксплуатируемых скважин. Если в 1920 г. в эксплуатации находилось 104 скважины, то в 1925 г. их насчитывалось уже 360.⁹⁹

Важным показателем восстановления нефтяной промышленности является бурение. За период с 1920 по 1925 г. объем буровых работ в грозненском нефтяном районе увеличился более чем в 40 раз.

Необходимо отметить, что восстановление нефтяной промышленности шло на базе ее дальнейшего технического совершенствования. Впервые в Грозном в эти годы начали применять высокопроизводительное вращательное бурение. С 1923 г. желоночная эксплуатация скважин постепенно заменяется насосной. Если в 1923 г. глубокими насосами эксплуатировалось всего 6 скважин, то к 1925 г. их насчиты-

---

⁹⁵ Там же, л. 9.

⁹³ См. статью И. К. Лосева в сборнике «Славный путь борьбы и труда». Грозный, 1961, стр. 89—109.

⁹⁴ ЦГА ЧИАССР, ф. 16, д. 1, л. 4.

⁹⁶ Там же, л. 5.

⁹⁷ Там же, л. 12.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ ЦГАОР и СС, ф. 3991, оп. 1, д. 23, л. 6; оп. 1, д. 89, л. 105.

¹⁰⁰ ЦГАОР и СС, ф. 3991, оп. 1, д. 23, л. 8.

валось 230.¹⁰⁰ В восстановительный период был построен первый в Грозном парафиновый завод.

Годы восстановительного периода ознаменовались дальнейшим увеличением численности рабочего класса. Если в 1920 г. на предприятиях Грознефти работали 2826 рабочих, то к концу восстановительного периода их насчитывалось 11 890 человек,¹⁰¹ в том числе 650 чеченцев.¹⁰²

В результате огромной идейно-политической работы, проведенной в годы восстановительного периода, произошли глубокие изменения в сознании трудящихся Грознефти. Коренным образом изменилось отношение к труду и к социалистической собственности. Обычным явлением стала на заводах и промыслах рационализация, неуклонно растет производительность труда.

Партия и Советское правительство высоко оценили заслуги трудящихся Грозного перед Родиной. В ноябре 1925 г. ЦИК СССР «За отличие в деле организации и восстановления разрушенного Грозненского нефтяного хозяйства» награждал большую группу рабочих и служащих орденом Красного Знамени.¹⁰³

Таким образом, грозненская нефтяная промышленность, трудовым героизмом рабочего класса Чечено-Ингушетии была поднята из руин и восстановлена в исторически короткий срок.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

---

¹⁰¹ Партийный архив Ростовского обкома КПСС, ф. 7, оп. 1, св. 20, л. 378, л. 56.

¹⁰² ЦГА ЧИАССР, ф. 264, д. 293, л. 36.

¹⁰³ Газета «Грозненский рабочий», № 318, 1925 г.

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ ИНСПЕКЦИЯ ДАГЕСТАНСКОЙ АССР

(1921—1923 г.г.)

Советский народ, практически осуществляя исторические решения XXII съезда КПСС, своим вдохновенным трудом воздвигает величественное здание коммунизма. Во всех областях нашей экономической и политической жизни с широким размахом осуществляется программа строительства коммунистического общества. Важную роль в успешном осуществлении этой программы имеет правильно поставленный контроль и проверка исполнения. «В современных условиях,— говорится в резолюции XXII съезда КПСС по отчету ЦК,— **первостепенное значение приобретает партийный, государственный и общественный контроль за правильной организацией дела, за точным выполнением требований Программы и Устава КПСС, директив и указаний партии и Советского правительства каждым работником на любом посту**».¹

В соответствии с указаниями XXII съезда КПСС ноябрьский (1962 г.) Пленум ЦК КПСС принял решение о создании стройной системы единого партийно-государственного контроля на принципах, разработанных В. И. Лениным в первые годы Советской власти.

Претворяя в жизнь решение ноябрьского Пленума ЦК КПСС, образован и действует Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Во всех республиках, краях, областях, городах, районах, колхозно-совхозных производственных управлениях и промышленных зонах также созданы и работают комитеты партийно-государственного контроля.

В Дагестане созданы и выполняют свои функции Коми-

¹ Материалы XXII съезда КПСС, 1962, стр. 315.

тет партийно-государственного контроля обкома КПСС и Совета Министров Дагестанской АССР, 8 комитетов партийно-государственного контроля в городах, 18 — в производственных управлениях, в том числе один на общественных началах, 9 — в сельских районах, в том числе 6 на общественных началах. В республике насчитываются более 3000 групп и постов содействия органам партийно-государственного контроля, объединяющих в своих рядах около 21 тысячи лучших представителей рабочих, колхозников, интеллигенции.²

В своей практической деятельности органы партийно-государственного контроля творчески используют опыт контрольных органов, созданных в первые годы Советской власти при жизни В. И. Ленина. Поэтому исследование и освещение этого опыта приобретает в настоящее время особую актуальность.

В данной статье на основании архивных документов и других источников впервые в исторической литературе рассматриваются некоторые вопросы организационной и практической деятельности Рабоче-крестьянской инспекции в Дагестане в 1921—1923 гг.

* *
*

Под руководством Коммунистической партии и при бескорыстной братской помощи великого русского и других народов героическая борьба горцев Дагестана за власть Советов увенчалась блестящей победой. День 30 марта 1920 года вошел в историю народов Дагестана как день окончательного установления Советской власти в Стране гор. Теперь, когда была достигнута победа над эксплуататорскими классами и черными силами внутренней контрреволюции и иностранной военной интервенции, важнейшая историческая задача народов Дагестана, как и всех народов нашей страны, заключалась в том, чтобы закрепить эту победу «в области организации народного хозяйства, в области организации производства, в области всенародного учета и контроля».³

Учет и контроль В. И. Ленин считал главным, «что требуется для «налажения», для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества».⁴ Поэтому,

---

² Текущий архив Комитета партийно-государственного контроля обкома КПСС и Совета Министров Дагестанской АССР.

³ В. И. Ленин. Очередные задачи Советской власти (главы первоначального варианта статьи). Журн. «Вопросы истории КПСС», № 6, 1962, стр. 6.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 444.

указывал В. И. Ленин, борьба за внедрение в массы идей советского государственного контроля, за проведение этой идеи в жизнь есть величайшая, имеющая всемирно-историческое значение, борьба.⁵

С первых же дней Советской власти началась под руководством В. И. Ленина работа по созданию на развалинах старого буржуазного государственного контроля подлинно всенародного, социалистического контроля.

Первым шагом в этом направлении был введенный декретом ВЦИК от 14 ноября 1917 г.⁶ рабочий контроль над общественным производством и распределением как обязательная государственная мера, осуществляемая не только снизу, но и сверху.

В мае 1918 г. был создан специальный орган контроля — Народный Комиссариат государственного контроля.⁷

Декретом ВЦИК от 7 февраля 1920 г. Госконтроль как в центре, так и на местах был реорганизован в единый орган социалистического контроля — Народный Комиссариат рабоче-крестьянской инспекции.⁸

Созданная под руководством В. И. Ленина Рабоче-крестьянская инспекция явилась подлинно всенародным контрольным органом, замечательной школой обучения трудящихся искусству управления государством, важным средством управления Советской власти, совершенствования государственного аппарата.

По мере установления Советской власти на окраинах РКИ создавалась повсеместно.

Народный Комиссариат рабоче-крестьянской инспекции Дагестанской АССР был организован в соответствии с § 3 декрета ВЦИК от 20 января 1921 г. «Об образовании Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики».⁹ Ему предшествовал отдел рабоче-крестьянской инспекции при Дагестанском революционном комитете, образованный в мае 1920 г.¹⁰

Согласно декрету ВЦИК, Наркомат РКИ ДАССР находился в двойном подчинении — НК РКИ РСФСР и Совета Народных Комиссаров ДАССР. Связывающим звеном между НК РКИ ДАССР и НК РКИ РСФСР являлся уполномоченный НК РСФСР на Юго-Востоке России в г. Ростове-на-Дону.¹¹ НК РКИ являлся единым органом социалистического контроля за деятельностью всех советских учреждений, пред-

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 225.

⁶ Декреты Советской власти, т. 1, М., 1957, стр. 83.

⁷ Пять лет власти Советов. М., 1922, стр. 546.

⁸ Сборник указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, 1920 г., № 16, стр. 94.

⁹ СУ, 1921 г., № 5, ст. 39.

¹⁰ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 3, д. 139, л. 15.

¹¹ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 1, д. 240, л. 25.

приятий и общественных организаций на территории Дагестанской АССР.

В целях укрепления руководства Наркомата РКИ как одного из основных органов Советской власти, президиум ДК РКП(б) 30 мая 1921 г. утвердил наркомом РКИ ДАССР К. М. Полина,¹² освободив его от обязанностей наркомфина.

В тот сложный, по существу организационный период на РКИ возлагались ответственные задачи по осуществлению непосредственного контроля, обеспечивающего быстрое и неуклонное осуществление декретов и постановлений Советской власти во всех областях государственного управления.

Наряду с непосредственной работой контрольно-ревизионного характера, на органы РКИ возлагалась задача укрепления советского государственного аппарата, борьбы с бюрократизмом и волокитой, охраны государственной собственности, разбора жалоб и заявлений трудящихся.

Важнейшей задачей РКИ было упрощение и совершенствование государственного аппарата, упразднение параллелизма в его работе, преобразование всей системы управления в тех или иных областях государственного строительства.

В обязанности РКИ входило привлечение широких рабочих и крестьянских масс к осуществлению контроля и тем самым приучение их к управлению государственными делами. Для того, чтобы подготовить опытные и преданные кадры советских работников и постепенно заменить сотни тысяч буржуазных бюрократов, В. И. Ленин считал необходимым, «чтобы сотни тысяч и миллионы трудящихся прошли школу Рабоче-крестьянской инспекции и научились управлять государством...».¹³

Это значит, что РКИ должна была служить своего рода практической школой, где рабочие и крестьяне овладевали бы искусством управления государственным аппаратом. Учитывая отсутствие в Дагестане сколько-нибудь подготовленных кадров советских работников, здесь эта задача приобретала особенно важное практическое значение.

Таким образом, основными направлениями работы РКИ в Дагестане были строгий надзор за исполнением всех законов, декретов и постановлений Советской власти, организационное укрепление и совершенствование государственного аппарата, охрана государственной собственности, вовлечение рабочих и крестьян в дело контроля и подготовка их для работы в государственном аппарате.

Центральный аппарат НК РКИ ДАССР состоял из коллегии и отделов.

Коллегия рассматривала все принципиальные вопросы

¹² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 30.

¹³ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 406.

контрольной работы, утверждала директивы и инструкции, давала заключения по ревизионным материалам, обсуждала вопросы организационной структуры наркомата, назначения и увольнения сотрудников наркомата, управляющих губинспекциями и заведующих их отделами.¹⁴

Для выполнения текущей технической работы при коллегии было учреждено управление делами. Вся контрольно-ревизионная работа проводилась через отделы наркомата.

На 1 октября 1921 г. кроме управделами в НК РКИ ДАССР работали отделы: организационно-инструкторский, массовых обследований и центральное бюро жалоб.

Решением штатной комиссии при Наркомтруде от 11 ноября 1921 г. был утвержден штат НК РКИ ДАССР в следующем составе:

1) Нарком	— 1
2) Организационно-инструкторский отдел с под-отделами: информационным, юридическим и инструкторским	— 10
3) Отдел фактической ревизии	— 14
4) Отдел последующей ревизии	— 14
5) Общая канцелярия	— 16
6) Центральное бюро жалоб	— 3

Всего штат НК РКИ ДАССР был утвержден в составе 53 человек.¹⁵

По штатному расписанию коллегия наркомата состояла из трех лиц — наркома и двух членов (заведующих отделами наркомата).

Организационно-инструкторский отдел ведал всей организационной деятельностью по налаживанию контрольной работы как в органах РКИ, так и в подотчетных учреждениях. Отдел разрабатывал и представлял наркому на утверждение проекты организации и штаты отделов РКИ, рассматривал штаты других организаций и учреждений, составлял инструкции и формы для установления правильного единообразного ведения отчетности и делопроизводства, осуществлял надзор за соблюдением всеми учреждениями установленного в этом отношении порядка, о всех случаях отступления и нарушения докладывал наркому.

Информационный подотдел заведовал всей статистической работой, собирал информационный и отчетный материал по работе РКИ, систематизировал и обобщал этот материал.

Юридический подотдел собирал у себя все законоположения, декреты и распоряжения Советской власти, давал за-

¹⁴ Органы РКИ в Махачкале, Буйнакске, Дербенте официально назывались губернскими инспекциями, хотя губерния, как административно-территориальная единица, в Дагестане не существовала.

¹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 2, д. 26«а», л. 45.

ключения по всем юридическим вопросам в пределах деятельности РКИ и подконтрольных учреждений, предприятий и организаций.

Отделы фактической и последующей ревизии выполняли все ревизионные функции по обследованию подконтрольных учреждений и предприятий, докладывая о результатах своей работы наркомату; руководили ревизионной деятельностью нижестоящих органов РКИ.

Центральное бюро жалоб рассматривало на правах высшей инстанции дела по жалобам на постановления бюро жалоб при губинспекциях.

Структура и штат аппарата НК РКИ ДАССР в дальнейшем часто изменялись главным образом из-за отсутствия кадров, а также в силу выполнения общей задачи сокращения и удешевления государственного аппарата.

В начале 1922 г. аппарат НК РКИ ДАССР состоял из 12 секций (административно-военной, здравтрудсобеса, просвещения, продсельхоза, промышленной финансовой и др.) и одного отдела с двумя отделениями РКИ в городах Буйнакске и Дербенте при наличии 57 сотрудников.¹⁶

14 июля 1922 г. коллегия наркомата обсудила вопрос «Об изменении структуры НК РКИ ДАССР». Ввиду весьма ограниченного количества опытных контрольных работников, коллегия решила упразднить существующие секции и организовать 3 отдела: общий — с организационно-инструкторским подотделом при нем, административно-общественный и промышленно-экономический.¹⁷

В связи с реорганизацией НК РКИ и отказом его от целого ряда функций, НК РКИ РСФСР своим письмом от 26 июля 1923 г. предложил в первую очередь сократить личный состав органов РКИ. Этим письмом для НК РКИ ДАССР был установлен твердый штат в количестве 20 человек.¹⁸

На 1 января 1924 г. НК РКИ ДАССР состоял из двух отделов: оперативного с секретариатом и бюро жалоб при нем и общего отдела. Наличный состав сотрудников составлял 19 человек.¹⁹ Существенные изменения были внесены и в систему местных органов РКИ. Отделения РКИ в округах и губернские инспекции в Махачкале, Дербенте, Буйнакске были упразднены. Вместо них в городах Буйнакске и Дербенте были установлены должности уполномоченных Наркомата РКИ.²⁰

Таким образом, организационное оформление аппарата НК РКИ ДАССР надолго затянулось и подвергалось неодно-

¹⁶ Газ. «Красный Дагестан», 11 декабря 1922 г.

¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 2, д. 10, л. 189.

¹⁸ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 2, д. 1226, л. 13.

¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 4, д. 26, л. 6.

²⁰ Там же, д. 23, л. 44.

кратным изменениям. Структура НК РКИ ДАССР создавалась с учетом местных условий, с некоторыми отступлениями от общепринятой государственной схемы РКИ РСФСР.

Укомплектованию аппарата РКИ постоянными кадрами мешало неудовлетворительное материальное обеспечение сотрудников, в силу чего многие опытные работники вынуждены были оставлять работу в РКИ. Особенно остро этот вопрос стоял в горных округах. Так, в докладе о деятельности РКИ Даргинского округа за период июль—сентябрь 1921 г отмечалось: «принимая во внимание то обстоятельство, что сотрудники РКИ по долгу службы должны всегда быть примером для других, то ясно, что сотрудники РКИ, будучи голодны, не обуты и раздеты, при всем желании не в состоянии отдаться всей душой работе по РКИ».²¹

Такое положение было явно ненормальным и с целью сохранения основного аппарата НК РКИ ДАССР наркоматом РКИ РСФСР было предложено сократить штат наркомата до 10 человек, чтобы за счет уволенных увеличить зарплату оставленным работникам. Кроме того, согласно постановления Президиума ЦИК РСФСР от 6 марта 1922 г.,²² СНК и Экономсовет ДАССР постановили выделить средства из местных источников на содержание дополнительного штата Наркомата РКИ (но не выше 33 человек).²³

Большую роль в организации и укреплении контрольных органов республики играли представители русского и других народов, направленные на работу в Дагестан в разное время.²⁴ На места посылались также для выполнения отдельных мероприятий НК РКИ ДАССР студенты-практиканты.²⁵

Таким образом, несмотря на исключительно трудные условия, связанные с отсутствием кадров и общим тяжелым хозяйственно-финансовым положением, в результате мер, принятых руководящими партийными и советскими органами республики, удалось постепенно наладить работу НК РКИ ДАССР в соответствии с ленинскими принципами. И в этот трудный период РКИ ДАССР в основном справилась с возложенными на нее ответственными задачами, что констатировал в своем постановлении расширенный пленум Дагестанского комитета РКП(б), состоявшийся в феврале 1924 г.²⁶

Во всей своей организационной и практической деятельности НК РКИ ДАССР прочно опирался на профсоюзные, комсомольские и другие общественные организации. Важнейшее значение наркомат придавал привлечению рабочих

²¹ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 1, д. 4, л. 72.

²² СУ, 1922 г., № 53, ст. 675.

²³ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 3, д. 16, лл. 3, 14.

²⁴ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 1, д. 4-а, л. 57.

²⁵ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 5, д. 64, л. 16.

²⁶ Там же, д. 4, л. 2.

и крестьян к осуществлению контроля. В условиях Дагестана, где отсутствовало достаточное количество необходимых кадров для укомплектования аппарата РКИ, привлечение штатных работников имело особенно большое значение. Без непосредственного участия в работе РКИ на местах трудящихся масс вообще нельзя было бы наладить сколько-нибудь действенный контроль.

Основной формой массового привлечения рабочих и крестьян в работу РКИ являлись ячейки содействия, созданные на предприятиях, в учреждениях, сельских исполкомах.

На организацию ячеек содействия РКИ наркомат с самого начала своей деятельности обратил самое серьезное внимание. Вначале было созвано широкое совещание с участием представителей партийных и советских органов, на котором были рассмотрены организационные вопросы по созданию ячеек содействия. Вначале ячейки содействия были организованы при коммунистических ячейках, а затем было решено создавать ячейки содействия во всех учреждениях, предприятиях и организациях. Пленум Дагобкома РКП(б), состоявшийся 5 октября 1921 г., указывал «ячейки содействия на местах создавать на выборных началах при профсоюзах и месткомах и только в исключительных случаях допускать создание таковых в комячейках».²⁷

Ячейки содействия создавались на предприятиях и в учреждениях с числом рабочих и служащих не менее 20 человек. Выборы членов ячеек содействия проводились на общих собраниях рабочих и служащих. При этом выбирали самых авторитетных, честных, вполне надежных товарищей.

Важное значение в подведении первых итогов осуществления мероприятий по развертыванию сети ячеек содействия имели конференции ячеек содействия, проведенные в марте 1922 г.

27 марта 1922 г. состоялась конференция ячеек содействия РКИ города Буйнакса, обсудившая вопрос о правах и обязанностях ячеек содействия, а также доклады представителей местных ячеек.

Из докладов представителей ячеек содействия было видно, что идея создания ячеек содействия быстро овладела сознанием грудящихся. Так, в докладе представителя ячеек содействия областной больницы им. Ленина указывалось, что ячейка принимает активное участие в хозяйственной жизни больницы, без представителя ячейки не совершается ни одной закупки продуктов на рынке. Причем ячейка работает в тесном контакте с администрацией больницы, помогая последней налаживать снабжение больницы.²⁸

²⁷ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 5, л. 6.

²⁸ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 2, д. 74, л. 111.

Представитель ячейки содействия 2 стрелкового полка отметил, что до организации ячейки в хозяйственной части полка наблюдались случаи хищения продуктов и обмундирования. Со времени организации ячейки эти случаи изжиты.²⁹

31 марта 1922 г. в Махачкале также состоялась конференция членов ячеек содействия РКИ. Конференция подвела итоги работы ячеек содействия, отметила достижения и недостатки в работе, приняла развернутое постановление по расширению сети и улучшению деятельности ячеек.

В целях установления более тщательного и целесообразного народного контроля за всеми сторонами деятельности предприятий и учреждений, контроля, который действительно являлся бы зорким оком власти трудящихся масс, конференция постановила: «Принять самые решительные и действенные меры к организации ячеек содействия при всех советских учреждениях, заведениях, организациях и предприятиях, где таковые до сих пор не организованы; поднять деятельность ячеек содействия на должную высоту».³⁰

Конференция указала на необходимость обязательного участия членов ячеек содействия во всех заседаниях комиссий по обсуждению хозяйственных предложений, при всех приемах продуктов и материалов, вообще во всей хозяйственной деятельности тех предприятий и учреждений, при коих они организованы.

Ячейки содействия постепенно стали осуществлять контроль не только над работниками, но и над всей деятельностью предприятий и учреждений.

Наиболее работоспособными ячейками содействия в 1922 г. были признаны ячейки фабрики им. III Интернационала, Наркомпрода, детского дома-приемника.³¹

«В целях вовлечения трудящихся в работу РКИ,—писала газета «Красный Дагестан» 11 декабря 1922 г.,— Наркомат (РКИ — Э. А.) организовал целую сеть ячеек на местах — в учреждениях и предприятиях. Число их в настоящее время достигает 35 с общим числом членов 111 человек».

На основе накопившегося опыта работы ячеек содействия был поднят вопрос об организации в 1923 г. ячеек содействия и в горных округах.

22 апреля 1923 г. вопрос об организации ячеек содействия РКИ в округах был обсужден на заседании президиума ДК РКП(б). Дагестанский комитет партии счел организацию ячеек содействия желательным, утвердил представленный проект и поручил фракции Совнаркома разрешить вопрос

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, л. 121.

³¹ Там же, оп. 3, д. 21, л. 19.

о том, в каких округах организовать ячейки содействия в первую очередь.³²

СНК ДАССР на своем заседании 25 апреля 1923 г. утвердил «Положение об окружных ячейках содействия РКИ ДАССР» и предложил Наркомату РКИ приступить к организации ячеек содействия РКИ в порядке опыта в Хасавюртовском, Кюринском и Лакском округах и представить через 3 месяца доклады о результатах проведения этого мероприятия.³³

Согласно положению, окружные ячейки содействия РКИ избирались на общих собраниях служащих и рабочих всех отделов исполкома и граждан города или селения. В целях вовлечения большего числа трудящихся Дагестана в ячейки содействия РКИ, в положении указывалось, что день выборов членов ячеек следует приурочить к советскому или местному праздникам.

Членами ячеек содействия могли быть все трудящиеся, пользующиеся избирательным правом по Конституции ДАССР, за исключением лиц, занимающих ответственные административные должности (начальники окружных учреждений и предприятий, их заместители и помощники). Члены окружных ячеек избирались сроком на 6 месяцев. Окружные ячейки создавались в составе не свыше 9 человек.

Ячейки содействия наблюдали за правильным учетом продуктов и материалов всеми без исключения государственными и хозяйственными органами; за правильной раздачей посевного материала и ссуд голодающему населению; за поступлением продналога и его хранением; за своевременным и правильным начислением и выдачей пособий семьям красноармейцев и красных партизан; за крестьянскими комитетами взаимопомощи, оказывая им содействие в развитии их деятельности и т. п.³⁴

Наркомат РКИ и его местные органы привлекали ячейки содействия на местах к ревизиям и массовым обследованиям. Все учреждения обязаны были по первому требованию членов ячеек РКИ выдавать всякого рода справки. Ячейки содействия должны были принимать жалобы и заявления и в случае невозможности разрешения их на месте препроводить со своим заключением в Наркомат РКИ.

Для тесной связи с крестьянскими массами и гласности в работе, члены ячеек обязаны были не реже одного раза в два месяца отчитываться в своей деятельности на общих собраниях избирателей.

Члены ячейки не освобождались от своей основной рабо-

---

³² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 4, д. 4, л. 194.

³³ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 4, д. 22, л. 34.

³⁴ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 4, д. 22, л. 34.

ты, но в особо важных случаях могли быть временно освобождены от ее выполнения.

Следует отметить, что состав ячеек содействия (в среднем 3—4 человека) часто менялся, с одной стороны — вследствие сокращения штатов учреждений и предприятий, перехода на другую работу, перемещений по службе, а с другой стороны — из-за истечения срока полномочий. В общем в работу РКИ на местах через ячейки содействия было вовлечено в 1922 г. до 400 человек, главным образом рабочих.³⁵

Важную роль в организационном оформлении органов РКИ и в их практической деятельности имели члены ячеек, делегированные коллективами предприятий, учреждений и главным образом от профсоюзов, сроком до 4 месяцев.

За время работы в аппарате РКИ за всеми делегированными членами сохранялись их должности, средний заработок и пр., а делегаты крестьянских организаций, в частности сельсоветов, получали зарплату на 25 % ниже окладов работников уездных исполкомов.³⁶

По истечении срока делегированные члены ячеек содействия РКИ возвращались на свои места работы, а вместо них избирались другие. Те, кто проявлял особую склонность к контрольной работе, по их желанию, оставлялись для постоянной работы в аппарате. Из делегированных членов в основном и пополнялся состав квалифицированных кадров РКИ.³⁷

Помимо делегированных членов, к массовым обследованиям также привлекались представители профсоюзных и других организаций трудящихся на срок не более 7 дней.

Постановлением ВЦИК от 6 марта 1922 г. для органов РКИ был утвержден штат в 2000 рабочих, выбираемых на предприятиях для инспекторской работы в РКИ на срок не более четырех месяцев, и, кроме того, было предоставлено право привлекать к участию в массовых обследованиях 50 000 рабочих и крестьян на срок не более 7 дней для каждого рабочего и крестьянина.³⁸ В соответствии с этим постановлением НК РКИ РСФСР своим циркулярным письмом от 31 марта 1922 г. установил для Дагестанской РКИ количество делегируемых членов от профсоюзов сроком на 4 месяца 15 человек, а привлекаемых к массовым обследованиям на срок не более 7 дней — 400 человек.³⁹

Вся практическая работа РКИ строилась в тесном контак-

---

³⁵ Там же, оп. 3, д. 21, л. 19.

³⁶ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 1, д. 10, л. 166.

³⁷ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 2, д. 12, л. 176.

³⁸ СУ, 1922 г., № 53, ст. 675.

³⁹ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 2, д. 8, л. 100.

те с профсоюзными организациями. III Всероссийский съезд профессиональных союзов, состоявшийся в апреле 1920 г., предложил профсоюзным организациям, фабрично-заводским и местным комитетам принять самое энергичное и деятельное участие в работе органов РКИ.⁴⁰ Руководствуясь постановлением съезда, Лагоблсовпроф и местные профорганизации принимали активное участие как в контрольно-ревизионной работе, так и в привлечении рабочих к деятельности РКИ.

«Связь с профсоюзами. — указывалось в кратком обзоре деятельности НК РКИ ДАССР за 1922 г., — все время поддерживается самая тесная; с одной стороны, нарком РКИ входит в состав ДСПС, а с другой — он периодически делает доклады Совпрофу о деятельности наркомата.

Придавая совместной работе с профсоюзами большое значение, НК РКИ принимал ряд мер к более тесному контакту с ними путем вовлечения членов профсоюзов в работу РКИ при ревизиях всевозможного рода учреждений, предприятий и организаций».⁴¹

15 февраля 1923 г. состоялась конференция фабрично-заводских комитетов, которая обсудила доклад наркома РКИ Полина о работе, проделанной за 1922 г., и о перспективах работы на 1923 г., и приняла соответствующее решение по координации деятельности РКИ с профсоюзами.

Заслушав доклад наркома РКИ, конференция фабзавкомов постановила: работу РКИ одобрить, взятую линию РКИ признать вполне правильной и отвечающей задачам пролетарской республики; просить ДСПС выделить трех работников от союзов рабземлеса, пищевиков и совработников для постоянной работы в РКИ и более тесной связи с ДСПС; считать необходимым оказать РКИ всемерную помощь и поддержку.⁴²

Активное участие в работе РКИ принимали комсомольские организации, молодежь республики. Конкретные указания о привлечении молодежи к работе РКИ были даны в письме НК РКИ ДАССР и ДК РКСМ от 25 апреля 1922 г. ко всем уполномоченным НК РКИ и райкомам РКСМ.⁴³ Райкомам РКСМ было предложено выделить лучших представителей молодежи для работы в органах РКИ. Эти представители должны были периодически отчитываться перед своими райкомами РКСМ.

Органы РКИ обязаны были создавать молодым практикантам такие условия, которые помогли бы им постепенно

⁴⁰ Газ. «Правда», 15 апреля 1920 г.

⁴¹ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 3, д. 21, л. 18.

⁴² Там же, л. 47.

⁴³ Там же, оп. 2, д. 74, л. 124.

войти в круг работы советских органов и РКИ и по истечении определенного промежутка времени стать постоянными работниками аппарата РКИ. По истечении одного—двух месяцев практикант либо оставался на постоянной работе в РКИ, либо заменялся другим. Норма выделения практикантов устанавливалась следующая: Дербент и Буйнакск присылали по одному практиканту, Махачкала — двух. За практикантами сохранялась их прежняя должность.

Важная роль была отведена бюро жалоб. В бюро жалоб поступали многочисленные жалобы от рабочих и крестьян. Только за 1921 г. в Центральное бюро жалоб НК РКИ ДАССР поступило 738⁴⁴ жалоб и заявлений от трудящихся республики. В своих жалобах и заявлениях они вскрывали факты бюрократизма и волокиты, злоупотребления служебным положением, сообщали о случаях равнодушного отношения к нуждам населения и о недостатках в работе местных органов власти, делились соображениями об улучшении деятельности государственного аппарата по разрешению культурно-бытовых вопросов и тем самым оказывали большую услугу органам РКИ. Бюро жалоб привлекало самые широкие массы трудящихся к расследованию жалоб и заявлений.

Серьезное значение в работе РКИ придавалось широкой гласности. В газете «Советский Дагестан» (с марта 1922 г. — «Красный Дагестан») периодически публиковались краткие обзоры деятельности РКИ, результатов обследований отдельных предприятий и учреждений, выступления рабочих и крестьянских корреспондентов по вопросам совершенствования работы контрольных органов.

Связанная неразрывными нитями с широкими массами трудящихся, РКИ твердо стояла на страже интересов рабоче-крестьянского государства.

Одной из важнейших задач РКИ ДАССР являлось совершенствование государственного аппарата, улучшение его работы. Государственному аппарату принадлежала важная политическая роль в социалистическом строительстве, в экономическом и культурном развитии республики.

В первые дни Советской власти в Дагестане был создан огромный аппарат. Вскоре практика показала, что этот аппарат слишком громоздок, штаты можно было без ущерба делу сократить и тем самым сэкономить огромные государственные средства и рациональнее использовать кадры, тем более, что вопрос кадров в условиях Дагестана был чрезвычайно сложным.

Кроме того, необходимо было повысить работоспособность государственного аппарата, связать его с массами, уничтожить бюрократизм и волокиту в его работе и тем

⁴⁴ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 2, д. 880, л. 7; д. 401, л. 19.

самым сделать его действительно заслуживающим название советского аппарата. Это было одной из главных задач организаторской деятельности Коммунистической партии и Советского правительства в данный период. В. И. Ленин писал в ноябре 1922 г.: «Главнейшей очередной задачей настоящего времени, и на ближайшие годы—важнейшей, является систематическое уменьшение и удешевление советского аппарата путем сокращения его, более совершенной организации, уничтожения волокиты, бюрократизма и уменьшения непроизводительных расходов».⁴⁵

Наркоматом РКИ ДАССР за короткий срок была пересмотрена организационная структура таких крупных наркоматов, как Наркомздрав, Наркомзем, Наркомпрос, и сокращены их штаты.

Так, в начале 1922 г. были пересмотрены и сокращены штаты Наркомздрава ДАССР и подведомственных ему учреждений. В результате сокращения в их аппарате вместо 1202 работников осталось 965.⁴⁶

В соответствии с указаниями В. И. Ленина и циркулярами НК РКИ РСФСР, большие мероприятия по сокращению штатов и удешевлению государственного аппарата в Дагестане были проведены в 1923 г.

28 сентября 1923 г. на заседании президиума ДК РКП(б) была обсуждена и утверждена сводка о сокращении штатов Наркомзема и Наркомздрава ДАССР. Из 685 штатных единиц Наркомзема было сокращено 341, т. е. 50%. Штат Наркомздрава (без районных учреждений) дополнительно был сокращен на 22%.⁴⁷

В докладе о деятельности НК РКИ ДАССР (ноябрь 1923 г.) указывалось, что произведено сокращение госаппарата в общей сложности на 37%, а по отдельным наркоматам — до 50—70%.⁴⁸

«Без преувеличения можно сказать — писала в передовой статье газета «Красный Дагестан» 24 октября 1923 г., — что Дагестанская республика сейчас переживает новую эпоху в своем строительстве. Разрешается задача возможно наибольшего упрощения и удешевления государственного аппарата — задача, продиктованная настоятельной необходимостью сократить до минимума наши расходы».

В соответствии с постановлением президиума ДК РКП(б) от 7 октября 1923 г., ДагЦИК 13 октября 1923 г. образовал полномочную комиссию в составе наркомов внутренних дел, финансов, труда и РКИ по удешевлению и упрощению

⁴⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 406.

⁴⁶ Газ. «Советский Дагестан», 15 февраля 1922 г.

⁴⁷ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 4, д. 2, л. 102.

⁴⁸ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 4, д. 14, л. 15.

государственного аппарата. При рассмотрении комиссией штатов отдельных наркоматов и учреждений, лица, возглавлявшие эти учреждения, участвовали в заседании комиссии с правом решающего голоса.⁴⁹ Итоги работы комиссии были подведены на III Вседагестанском съезде Советов, состоявшегося 1—5 декабря 1923 г. В результате проделанной комиссией работы центральный аппарат, который составлял 9697 человек, был сокращен на 3393 человека, что составляло 35%. От такого сокращения, отмечалось на съезде, работа государственного аппарата не ухудшилась, а наоборот, он стал более работоспособным.⁵⁰ На 9 единиц был сокращен и рабочий аппарат Дагестанского комитета РКП(б).⁵¹

Наряду с сокращением штатов предприятий и учреждений, НК РКИ ДАССР проводил важные мероприятия по улучшению и совершенствованию работы государственного аппарата, по упорядочению делопроизводства и отчетности. В НК РКИ была введена должность консультанта по улучшению аппарата, в обязанность которого входило поддержание тесной связи с местными учреждениями и отдельными работниками по практической разработке организационных мероприятий, направленных на совершенствование государственного аппарата, внедрение положительного опыта советских учреждений. В связи с острым недостатком подготовленных и опытных кадров советских работников и сокращением государственного аппарата, деятельность РКИ по организации слаженной и ритмичной работы всех советских учреждений и хозяйственных органов приобретала большое практическое значение. При обследовании учреждения, наряду с выявлением недостатков, представителями РКИ тут же принимались конкретные меры по улучшению работы учреждения, наведению надлежащего порядка в делопроизводстве, учете и отчетности. В частности, такая работа была проведена в Наркомпросе, Махачкалинском райисполкоме, Буйнакской заготконторе, Дагестанском управлении рыбными промыслами и в других учреждениях.

Отсутствие строгого учета денежных средств и материальных ценностей явилось главной причиной, способствующей расхищению государственной собственности. Крупные нарушения в этом отношении были вскрыты при ревизии представителями РКИ «Дагрыбы». Главные виновники расхищения государственной собственности были преданы суду Дагревтрибунала.⁵²

«В этом богатом предприятии («Дагрыба» — Э. А.), где

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 3, д. 139, л. 130.

⁵⁰ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, д. 16, л. 249.

⁵¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 4, д. 2, л. 12.

⁵² Газ. «Советский Юг», 21 января 1923 г.

имеется большое количество бухгалтеров и конторского персонала, — указывала газета «Красный Дагестан», — нет начала ведения отчетности. Только теперь РКИ устанавливает на дальнейшее время правильную материальную отчетность».⁵³

Причиной крупных недостатков в работе ряда государственных учреждений явилось также то, что в Дагестане в те годы нашли убежище и пристроились в разных учреждениях лица, враждебно относящиеся к Советской власти, которые своей деятельностью наносили вред социалистическому строительству. Поэтому в отчете о деятельности РКИ ДАССР за 1922 г. указывалось, что «предупредить или ослабить этот вред путем широко развернутого фактического контроля является также очередной задачей РКИ».⁵⁴

Активное участие НК РКИ и его органы на местах принимали в борьбе со взяточничеством — этим вреднейшим пережитком прошлого. При Дагэкономсовете была организована Центральная комиссия по борьбе со взяточничеством. Во всех учреждениях, округах, районах были созданы комиссии по борьбе со взяточничеством, которые тщательно проверяли каждого работника и высказывали свое мнение о нем. Протоколы и анкеты на каждого работника высылались в Центральную комиссию, где принималось окончательное решение о каждом работнике в отдельности.

Во многих случаях работникам госаппарата ставили оценки по пятибалльной системе, причем цифры против фамилии каждого работника означали: 5 — соответствует, 4 — хороший, 3 — слабый, но терпимо, 2 — следует заменить и 1 — сменить безотлагательно.⁵⁵ В таком порядке был подвергнут проверке прежде всего весь состав сотрудников Наркомата РКИ и его местных органов.

По всей республике на видных местах были вывешены ящики для заявлений на взяточников, была проведена неделя борьбы со взяточничеством. В результате принятых мер были преданы суду и осуждены многие взяточники.⁵⁶

Большую работу проводил НК РКИ ДАССР и по борьбе за сохранность государственной собственности. В тех условиях, когда руководителями ряда предприятий, учреждений, хозяйственных органов и материально ответственными лицами иногда оказывались случайные люди, ревизионно-инспекционная деятельность РКИ имела особо важное значение.

Вначале для систематического наблюдения за деятельностью учреждений существовал институт постоянных пред-

⁵³ Газ. «Красный Дагестан», 30 июня 1922 года.

⁵⁴ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 3, д. 20, л. 97.

⁵⁵ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 4, д. 61, л. 47.

⁵⁶ ЦГАОР, ф. 4085, оп. 49, д. 13, л. 22.

ставителей РКИ при учреждениях. Однако практика показала, что такой метод контроля не дает положительных результатов, вследствие того, что представители РКИ в ряде случаев сближались с руководителями и другими должностными лицами учреждений и свое положение использовали в личных интересах. Так было, например, в Наркомздраве.

Поэтому НК РКИ решил для осуществления фактического контроля проводить внезапные ревизии силами организованного в наркомате отдела массовых обследований с привлечением представителей общественных организаций.

Расширение масштабов социалистического строительства вызвало изменения в методах ревизионно-инспекционной деятельности Наркомата РКИ ДАССР. 2 сентября 1922 г. СНК ДАССР принял постановление «О порядке производства последующих ревизий органами РКИ ДАССР».⁵⁷ Осуществление комиссиями мелкой ревизии было совершенно прекращено, а основное внимание обращено на фактическую ревизию, что дало положительные результаты. Всего Наркомат РКИ ДАССР за 1922 г. произвел ревизии 137 административных учреждений, 43 военных и 160 хозяйственных.⁵⁸ Во втором полугодии 1922 г. главное внимание РКИ ДАССР было сосредоточено на обследовании экономических органов, что было связано с возросшими задачами развития народного хозяйства.

Наиболее серьезной по своим последствиям оказалась ревизия Дагнаркомпрода, вскрывшая полную неорганизованность работы этого наркомата и его местных органов. В результате ревизии свыше 14 сотрудников НКпрода были преданы суду.⁵⁹ Крупные недостатки, бесхозяйственность были выявлены при ревизии «Дагрыбы», где договоры заключались с большим убытком для государства. Грубые нарушения правил государственной торговли были обнаружены при ревизии торгового отдела ДСНХ. Плохое состояние судопроизводства выяснилось при обследовании органов юстиции. Ревизионным обследованием органов коммунального хозяйства было установлено неудовлетворительное состояние жилищного фонда.

Принимая участие в работе сметно-бюджетной комиссии при НКФ ДАССР, представители НК РКИ оказывали помощь в изыскании местных средств, в разработке правил прихода и расхода их.

Много внимания уделял НК РКИ складскому делу, принимал деятельное участие в организации хранения имущества

---

⁵⁷ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 4, д. 201, л. 62.

⁵⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 2, оп. 15, д. 14, л. 3.

⁵⁹ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 2, д. 57, л. 4.

ва и его учета. В результате произведенных НК РКИ обследований складов было выявлено большое количество неучтенного и незаприходованного имущества («Дагрыба», Наркомпрод, Внешторг, Центросоюз). Только на складах Центросоюза было обнаружено и заприходовано неучтенных 58 пудов табака, 35 аршин мануфактуры, 48 пудов железа.⁶⁰ При обследовании складов заготконтор Наркомпрода в Буйнакске, Дербенте и Хасавюртовском округе было обращено внимание на халатное отношение к хранению кож, вследствие чего 3500 кож пришло в полную негодность.⁶¹ Крупные недостатки были обнаружены РКИ и при ревизии сенозаготовительных пунктов Наркомпрода.⁶²

Много внимания НК РКИ уделял состоянию торговли (внешней и внутренней). В порядке плановых заданий были обследованы и обревизованы все местные органы торговли (Даготделение Госторга, Махачкалинское отделение Госторга, Торговый отдел ДСНХ и др.).

Зоркий глаз народных контролеров выявил массу фактов злоупотребления служебным положением, хищений и присвоения государственных средств и имущества должностными лицами как в республиканских, так и в местных учреждениях, предприятиях и хозяйственных органах.

По материалам ревизии Наркомздрава ДАССР 14 руководящих, финансовых и хозяйственных работников (управделами, бухгалтера, завхозы, завскладами, зав. аптеками, зав. санаториями и др.) во главе с бывшим наркомздравом Саградовым были привлечены к уголовной ответственности. В числе привлеченных оказался и представитель РКИ в Наркомздраве, который использовал свое положение в корыстных целях.

В январе 1922 г. Ревтрибунал за должностные преступления, злоупотребления служебным положением, разбазаривание и хищение государственных средств и имущества приговорил главных виновников этой группы к различным срокам тюремного заключения.⁶³

Факты грубого нарушения финансовой дисциплины и материальной отчетности были обнаружены РКИ при ревизии Дербентского отдела собеса. Так, за первое полугодие 1922 г. на содержание учреждений и личного состава (без включения в эту сумму майского и июньского содержания) было израсходовано 220 млн. руб., причем расходы по прямому назначению составили всего 3 млн. рублей. «Это чудовищно, но это так», — писала газета «Красный Дагестан», от 30 июля 1922 г.

⁶⁰ Архив Дагобкома КПСС, ф. 2, оп. 15, д. 4, л. 5.

⁶¹ Газ. «Красный Дагестан», 30 июля 1922 г.

⁶² ЦГАОР, ф. 4085, оп. 2, д. 632«а», л. 164.

⁶³ Газ. «Советский Дагестан», 22 января 1922 г.

Аналогичные факты были вскрыты и в ряде других учреждений. Причиной всех этих нарушений и преступлений являлось отсутствие надлежащего учета и отчетности. Поэтому на налаживание строгого учета и отчетности в учреждениях НК РКИ обращал самое серьезное внимание.

В результате ревизии РКИ за 1922 г. в Ревтрибунал и народный суд было направлено 47 дел, по которым привлечено к ответственности свыше 160 человек.⁶⁴

Давая оценку ревизионной деятельности Дагестанской РКИ за этот период, «Известия РКИ» писали: «Советский аппарат в Дагестане далеко не на высоте своего положения. Почти все ревизии РКИ кончаются преданием суду, причем привлекаются крупнейшие работники».⁶⁵

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в ДАССР РКИ являлась важным орудием охраны государственной собственности, верным стражем народных интересов, грозой для всех антиобщественных, враждебных Советской власти элементов.

Важной стороной ревизионно-инспекционной деятельности РКИ была также борьба за строгий режим экономии, ликвидацию непроизводительных расходов. В результате работы НК РКИ, проделанной совместно с Дагестанской контрольной комиссией РКП(б), только по автогужтранспорту экономия составила 25 тысяч золотых рублей.⁶⁶

Ревизионно-инспекционная деятельность НК РКИ ДАССР не ограничивалась документальной проверкой финансово-хозяйственной деятельности отдельных учреждений, она охватывала широкий круг вопросов экономической политики партии и Советского правительства.

Простой перечень организаций и учреждений, подвергнутых фактическим ревизиям НК РКИ ДАССР в ноябре 1923 г., и вопросов, поднятых ревизиями, свидетельствует о многогранной деятельности РКИ:

1) Махачкалинская товарная биржа была обследована с целью урегулирования ее товарооборота, выявления ее влияния на торговые операции местной государственной и кооперативной торговли.

2) Обследование делопроизводства, счетоводства и отчетности НК труда, соцстраха и страхкассы было проведено с целью выявления помощи, оказанной ими трудящимся, — медицинской помощи застрахованным, юридической помощи рабочим по вопросам охраны труда, зарплаты и соцстраха, борьбы с безработицей.

⁶⁴ Газ. «Красный Дагестан», 11 декабря 1922 г.

⁶⁵ «Известия РКИ», Орган НК РКИ РСФСР, 1922, № 5, стр. 19.

⁶⁶ Архив Дагбкома КПСС. ф. 1, оп. 4, д. 113, л. 64.

3) Проверка автогужтранспорта административных и хозяйственных органов республики была проведена с целью выявления действительной необходимости использования его, выяснения стоимости содержания и т. п.

4) Местные органы госторговли и кооперации были обследованы с целью выяснения влияния постановления о снижении цен на увеличение товарооборота.

5) Было произведено обследование с целью установления правильности применяемых местными налоговыми органами денежных эквивалентов при сборе единого сельскохозяйственного налога.

6) Был установлен баланс торгового отдела Наркомзема, имеющего свои специфические особенности и ни разу не подвергавшегося обследованию РКИ.⁶⁷

По инициативе РКИ было проведено снижение цен в госторговле и кооперации в целях приближения их к покупательной способности трудящихся масс и, в частности, местного крестьянства.⁶⁸

В общей работе центральных и местных органов РКИ особое внимание уделялось в это время вопросам непосредственного обслуживания широких масс трудящихся. Важное значение в этом отношении имело обследование местного и низового советского аппарата, проведенное по инициативе ЦКК и НК РКИ СССР во всероссийском масштабе в октябре 1923 г. с целью выяснения: состояния его как исполнительного органа и проводника советских идей в массах; соответствия его организации, методов и содержания работы поставленным перед ним задачам; степени улучшения постановки дела в укрупненных волостях и уездах.

Основная цель обследования заключалась в выработке РКИ совместно с партийно-советскими органами и профсоюзами рациональных мероприятий, направленных на упрощение и удешевление, а также качественное улучшение низового советского аппарата.

Всестороннее обследование местного и низового советского аппарата проводилось силами центральных инспекционных групп ЦКК и НК РКИ СССР с привлечением местных партийных, советских, профсоюзных организаций и РКИ в трех наиболее разнохарактерных по своим географическим, экономическим и национальным признакам губерниях, а именно: промышленной (Иваново-Вознесенской), сельскохозяйственной (Воронежской) и национальной (Дагестанской республики).⁶⁹

⁶⁷ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 4, д. 19, л. 54.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Краткий отчет о деятельности Народного Комиссариата рабочей-крестьянской инспекции СССР за период май—декабрь 1923 г., Москва, 1924, стр. 48.

Придавая важное значение организованному проведению этого мероприятия. ЦК РКП(б) в своем письме от 21 сентября 1923 г.⁷⁰ предлагал партийным организациям на местах оказывать комиссии ЦКК и НК РКИ СССР по обследованию низового советского аппарата всяческое содействие путем выделения в помощь ей подготовленных работников, хорошо знакомых с местным советским аппаратом и условиями его работы.

Обширные мероприятия по организации этого обследования были проведены в Дагестане. К прибывшей в Дагестан инспекционной группе НК РКИ СССР было прикреплено 19 ответственных партийных и советских работников, в том числе все лучшие силы ДагРКИ. На совещании ДК РКП(б), Президиума ДагЦИК и СНК ДАССР 29—30 сентября 1923 г. были разрешены все организационные вопросы предстоящего обследования.⁷¹

Обследование проводилось по широкой программе, охватывающей все стороны местной жизни, с внесением ряда дополнений применительно к условиям и особенностям Дагестана.

Большое значение придавалось гласности и массовой разъяснительной работе по всем вопросам обследования. В газете «Красный Дагестан» под рубрикой: «Обследование советского аппарата» регулярно печатался агитационный, информационный и дискуссионный материал по этому вопросу. Особое внимание обращалось на привлечение рабочих и крестьян к выработке конкретных предложений по улучшению деятельности местного и низового советского аппарата Дагестана.

«Товарищи рабочие и крестьяне, — говорилось в статье руководителя инспекционной группы, опубликованной в газете «Красный Дагестан», — ваш долг помочь нам в этой работе, присылайте свои соображения, замечания, заявления о достижениях и недостатках советского аппарата Дагестана в НК РКИ, где помещаются руководители работы. Заходите побеседовать».⁷²

2 октября в Махачкале в городском театре состоялось общегородское собрание членов РКП, РКСМ с участием беспартийных рабочих и служащих. На собрании присутствовало около 900 человек. С докладом «О целях и программе обследования» выступил руководитель инспекционной группы Д. Шилов (инспектор административной инспекции НК РКИ СССР). Собрание постановило: «Приветствовать начинания партии и Советской власти по изучению госаппа-

⁷⁰ Справочник партийного работника, выпуск IV, М., 1924, стр. 124.

⁷¹ ЦГАОР, ф. 374, оп. 6, д. 39, л. 113.

⁷² Газ. «Красный Дагестан», 4 октября 1923 г.

рата с целью его организации и оказать всемерное содействие в работе по обследованию госаппарата в Дагестане путем непосредственного участия в работе партячеек и месткомов тех учреждений, в которых будет производиться это обследование». ⁷³

Обследование низового советского аппарата решено было произвести по следующим объектам:

1) Хасавюртовский округ (окружной исполком, 2 участковых исполкома, 4 сельсовета)

2) Андийский округ (окружной исполком, 1 участковый исполком и 2 сельсовета).

3) Кази-Кумухский округ (окружной исполком, 1 участковый исполком и 2 сельсовета).

4) Махачкалинский район (райисполком и 3 сельсовета). ⁷⁴

Выбор объектов обследования в Махачкале (ДагЦИК, СНК, НКВД, НКЗем, НКПрос) был произведен, исходя из учета наибольшего соприкосновения государственных учреждений с широкими массами населения.

Всего в Дагестанской республике были обследованы: аппарат ДагЦИК, СНК, отдел законодательных предположений НКЮ, Госплан, НКВД, ЭКОСО, НКЗем, НКПрос. 3 окружных исполкома, 1 районный, 4 участковых исполкома и 11 сельсоветов. ⁷⁵

В результате этого обследования был собран большой материал о состоянии местного и низового советского аппарата Дагестана, который послужил ценным источником для практических видов и конкретных предложений по удешевлению, упрощению и улучшению государственного аппарата.

Инспекционная группа НК РКИ отметила исключительную спаянность рядов и дисциплинированность Дагестанской РКИ, что ставило ее на положение лучшей из всех органов РКИ в автономных республиках. ⁷⁶

Деятельность Даг. РКИ за последние месяцы, указывалось в отчете о деятельности НК РКИ ДАССР за октябрь—декабрь 1923 г., характеризуется глубоким сдвигом в сторону творческой работы, сущность которой заключается в реализации накопленного опыта в направлении устранения самих причин неудовлетворительной работы госаппарата, всевозможных злоупотреблений, в проверке практикой жизни существующих законодательных норм и в глубоком анализе организационных недостатков госаппарата. Углубле-

⁷³ ЦГАОР, ф. 374, оп. 6, д. 30, л. 102.

⁷⁴ Там же, л. 115.

⁷⁵ Краткий отчет о деятельности НК РКИ СССР за период май—декабрь 1923 г., М., 1924, стр. 48.

⁷⁶ Газ. «Красный Дагестан», 27 ноября 1923 г.

ние и расширение деятельности Дагестанской РКИ потребовало реорганизации ее аппарата, значительного повышения квалификации сотрудников, изменения методов работы. Так, Даг. РКИ отказалась от всех видов предварительной ревизии, от повседневного сплошного контроля над всеми денежными и имущественными операциями госорганов, от рассмотрения всяких сметных предположений, договоров, от дачи заключений по отпуску средств, от разрешения вопросов текущего финансового характера и т. п.

Участие представителей НК РКИ ДАССР в работе комиссий в подконтрольных органах еще раньше было доведено до минимума. Постановлением СНК ДАССР запрещено руководителям административных и хозяйственных органов самостоятельно вводить в состав своих ведомственных комиссий представителей РКИ без санкции Наркомата РКИ.

После изменения методов работы НК РКИ ДАССР превратился в полноценный орган по улучшению и упрощению госаппарата, вся деятельность РКИ строилась по строго продуманному плану.

Таким образом, фактически реорганизация ДагРКИ началась задолго до принятия ЦИК и СНК СССР постановления «Об освобождении Рабоче-крестьянской инспекции от ряда принадлежавших ей функций» (6 сентября 1923 г.), провозгласившего новое начало организационной и практической деятельности Рабоче-крестьянской инспекции.⁷⁷

Необходимость такой реорганизации диктовалась самой жизнью. Тесная связь ДагРКИ с ДК РКП(б) и в особенности с ДКК и Совпрофом побуждала руководство НК РКИ отрешиться от прежних методов и направления работы и взять новый курс в соответствии с ленинским планом реорганизации РКИ.

Вся работа РКИ направлялась Дагестанским комитетом РКП(б). Вопросы организации и деятельности РКИ неоднократно обсуждались на партийных конференциях, пленумах и в президиуме ДК РКП(б). Практическая работа РКИ строилась в тесном контакте с Дагестанской Контрольной Комиссией РКП(б). Так, в письме НК РКИ ДАССР от 24 февраля 1924 г. в Управление уполномоченного НК РКИ РСФСР на Юго-Востоке России указывалось, что участие контрольной комиссии в деятельности РКИ выражается в совместной разработке и реализации ревизионных материалов, обсуждении выводов и предложений по обследованию учреждений и предприятий.⁷⁸

Новый этап в развитии и деятельности контрольных ор-

⁷⁷ СУ, 1923 г., № 99, ст. 984.

⁷⁸ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 4, д. 19, л. 88.

ганов начался в связи с осуществлением ленинского плана реорганизации РКИ и созданием в соответствии с решением XII съезда партии (апрель 1923 г.) единого органа партийно-государственного контроля ЦКК—РКИ, а затем и соответствующих органов на местах.⁷⁹

В Дагестане такое соединение органов государственного контроля (РКИ) и партийного контроля (ДКК) произошло в апреле 1924 г. согласно постановлению V Дагестанской партийной конференции.⁸⁰

В целом Рабоче-крестьянская инспекция в Дагестане сыграла большую политическую роль в период восстановления народного хозяйства республики. Она явилась орудием, при помощи которого Дагестанский комитет РКП(б) и правительство проводили в жизнь важнейшие мероприятия Советской власти.

Важное значение в условиях Дагестана имело вовлечение представителей рабочих и беднейшего крестьянства в работу РКИ, что способствовало подготовке новых, преданных Советской власти кадров. РКИ являлась практической школой обучения рабочих и крестьян управлению государственными делами, подлинно всенародным органом контроля за деятельностью всех учреждений, предприятий и общественных организаций и должностных лиц.

Созданные ныне органы партийно-государственного контроля, руководствуясь ленинскими принципами, следуя славным традициям контрольных органов, существовавших при жизни В. И. Ленина, призваны сыграть достойную роль в коммунистическом строительстве.

---

⁷⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 7, часть I, М., 1954, стр. 685, 719—723; часть II, стр. 28—34.

⁸⁰ Архив Дагобкома КПСС, ф. I, оп. 5, д. 217, л. 34.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ВРЕМЕННЫХ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ДАГЕСТАНЕ

Изучение опыта государственного строительства в Дагестане, как и в других национальных республиках Советского Востока, вступивших на путь социалистического развития, минуя капиталистическую общественно-экономическую формацию, представляет большой научно-теоретический и практический интерес. Обобщение и раскрытие как общих закономерностей, так и специфических особенностей национально-государственного строительства на ранее угнетенных национальных окраинах бывшей Российской империи приобретает особую актуальность в наше время, когда рушится колониальная система империализма, когда все новые и новые народы сбрасывают цепи колониального и национального гнета, становясь на путь самостоятельного политического и экономического развития.

Целый ряд аспектов этой важной проблемы освещается в сборнике статей под названием «Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане»,¹ в монографиях, статьях и диссертациях Г. Д. Даниялова, Г. А. Аликберова, Б. О. Кашкаева, А. Л. Летинова, А.-Г. С. Гаджиева, М. А. Казанбиева и др.

В работе М. А. Казанбиева «Национально-государственное строительство в Дагестанской АССР»,² охватывающей период с 1917 по 1940 год, основное внимание уделяется созданию постоянного советского государственного аппарата в соответствии с первой Конституцией ДАССР, принятой

¹ «Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане», под редакцией Г. А. Аликберова. (Авторский коллектив: Б. О. Кашкаев, Н. П. Эмиров, А.-Г. С. Гаджиев, Г. А. Аликберов). Дагкнигоиздат, Махачкала, 1960.

² М. А. Казанбиев. Национально-государственное строительство в ДАССР. Махачкала, 1960.

в декабре 1921 г. I Вседагестанским съездом Советов; вопросы, связанные с организацией временных органов революционной власти, в данной работе не рассматриваются. Статья Г. А. Аликберова «Ревкомы и их деятельность по упрочению Советской власти в Дагестане»³ освещает деятельность революционных комитетов в целом.

Такие же вопросы, как создание областных и местных органов государственной власти и государственного управления, использование старых кадров и подготовка новой, советской интеллигенции, помощь великого русского народа и других братских народов в государственном строительстве, своеобразии и особенности создания госаппарата, формы и методы привлечения горцев к государственному строительству в первые годы Советской власти, еще недостаточно разработаны и нуждаются в специальном исследовании. В данной статье автор и ставит своей целью в некоторой степени восполнить этот пробел.⁴

* *
*

Как учит марксистско-ленинская теория, одна из коренных задач социалистической революции состоит в том, чтобы сломать старую государственную машину и создать новые пролетарские органы государственной власти и государственного управления. Обобщая опыт международного революционного движения с учетом уроков Парижской Коммуны, К. Маркс пришел к выводу, что рабочий класс, совершая социалистическую революцию, не может ограничиться простым овладением государственной машиной, а должен разбить, сломать её. Развивая гениальные мысли основоположников марксизма, В. И. Ленин в работе «Государство и революция» и ряде других произведений указывал, что марксистское положение о сломе буржуазного государственного механизма является составной частью марксистского учения о государстве и революции. В одной из своих статей, написанных в конце 1917 года, В. И. Ленин указывал: «За несколько недель разрушены почти до основания недемократические учреждения в армии, в деревне, на фабрике. А иного пути к социализму, кроме как через такое разрушение, нет и быть не может».⁵

³ «Ученые записки» Института ИЯЛ, т. VII, 1960.

⁴ В настоящей статье рассматривается период с марта 1920 г. по декабрь 1921 г., т. е. с момента окончательного установления Советской власти в Дагестане до I Вседагестанского учредительного съезда Советов, завершившего переход от системы ревкомов к Советам.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 361.

После изгнания деникинских полчищ и разгрома основных сил дагестанской контрреволюции первой задачей социалистической революции в Дагестане была окончательная ликвидация деникинского режима, всех органов буржуазно-феодального строя, представлявших собой орудие классового и национального гнёта, и создание на их месте новых, советских органов власти, выражающих интересы широких трудящихся масс.

Коммунистическая партия в условиях ожесточенной гражданской войны и иностранной военной интервенции вынуждена была прибегать к созданию на местах чрезвычайных органов государственной власти. Такими органами явились революционные комитеты (ревкомы), которые сыграли огромную историческую роль в борьбе за установление и упрочение Советской власти на местах. Вся их деятельность целиком и полностью была подчинена одной основной задаче — обеспечению победы над внутренними и внешними силами контрреволюции. Будучи чрезвычайными, временными органами диктатуры пролетариата, рожденными в период «военного коммунизма», ревкомы, разумеется, не могли быть по своей сущности постоянными органами Советской власти. Их и надо рассматривать как специфическую и своеобразную форму осуществления пролетарской диктатуры на определенном этапе развития социалистической революции. Революционная практика в странах народной демократии также подтвердила, что не исключена возможность возникновения тех или иных временных органов революционной власти, осуществляющих в определенные периоды функции диктатуры пролетариата.

Революционные комитеты, учреждавшиеся в 1919—1922 гг. в районах, охваченных пламенем гражданской войны и иностранной военной интервенции, нельзя отождествлять с военно-революционными комитетами, возникшими в ходе подготовки и проведения социалистической революции. Военно-революционные комитеты являлись органами вооруженного восстания: основная их задача состояла в захвате политической власти и установлении диктатуры пролетариата. Как правило, военно-революционные комитеты создавались в крупных центрах пролетарского движения, и как только брали государственную власть в свои руки, сразу же передавали её Советам, а где не было Советов, заново их создавали. Революционные комитеты в 1919—1922 гг. создавались как органы уже победившей социалистической революции, ставившие своей целью упрочение диктатуры пролетариата и подготовку условий для перехода к постоянной форме политической организации социалистического общества — Советам.

Вместе с тем нельзя провести резкой грани между ними, так как и те и другие являлись революционными органами трудящихся и преследовали одну общую цель — установление и упрочение Советской власти. Революционные комитеты в 1919—1922 гг. возникли на Украине, в Белоруссии, Молдавии, Прибалтике, в национальных республиках и областях РСФСР, Средней Азии, Казахстане, в Закавказье, в Сибири, на Дальнем Востоке и т. д.

Создание революционных комитетов происходило в соответствии с указаниями ЦК партии и лично В. И. Ленина, который осуществлял непосредственное руководство всей многогранной работой по обеспечению разгрома внутренней и внешней контрреволюции, по восстановлению и упрочению Советской власти в освобождаемых от неприятеля районах.

Идея создания ревкомов как временных и чрезвычайных органов Советской власти в местностях, охваченных гражданской войной и иностранной интервенцией, получила всемерную поддержку В. И. Ленина. В конце 1919 года в Москве при ЦК РКП(б) по инициативе В. И. Ленина была создана специальная комиссия содействия ревкомам в составе Енукидзе, Каспаровой и др. Комиссии была поручена регистрация и подготовка партийных и советских работников, организация агитационно-инструкторских поездов, снабжение необходимой литературой местных работников и т. д.⁶ При его непосредственном участии было разработано «Положение о революционных комитетах».⁷ 24 октября 1919 года ВЦИК и Совет Рабочей и Крестьянской Обороны утвердили его, а 28 октября за подписями В. И. Ленина и М. И. Калинина Положение было опубликовано в газете «Известия».

Положение определяло задачи и функции ревкомов, порядок их создания и замены постоянными органами власти. При этом Положение предусматривало возможность создания ревкомов в только что освобожденных районах, в прифронтовой полосе и в тылу. Являясь временными органами военной и гражданской власти в данной местности, ревкомы впредь до организации Советов должны были вести решительную борьбу с контрреволюцией, обслуживать нужды частей Красной Армии, обеспечивать население продовольствием, возмещать ущерб бедноте, пострадавшей от гражданской войны, приступить к нормализации народного хозяйства и налаживанию культурно-просветительной работы, широко популяризировать среди населения декреты, законы, цели и задачи Советской власти.⁸

⁶ Ростовский областной госархив, ф. 3758-р, оп. 1, д. 139, л. 1.

⁷ Собрание узаконений рабоче-крестьянского правительства, № 53, стр. 508.

⁸ ЦГА ДАССР, ф. 54-р, оп. 2, д. 6, л. 9.

Руководствуясь Положением о революционных комитетах, Реввоенсовет XI армии в начале 1920 г. утвердил инструкцию о порядке организации губернских (областных), волостных (участковых) и сельских ревкомов в прифронтовой полосе, разработанную под руководством члена Реввоенсовета С. М. Кирова.

Подчеркивая временный характер ревкомов, инструкция указывала, что «во всех местностях, освобожденных Красной Армией от белогвардейцев, немедленно восстанавливается Советская власть. Первой формой Советской власти являются ревкомы».⁹ Согласно инструкции областные ревкомы могли быть образованы Северо-Кавказским ревкомом¹⁰ совместно с Реввоенсоветом армии.

По мере освобождения области от деникинцев революционные комитеты создавались и в Дагестане. Их создание в той конкретной военно-политической обстановке диктовалось насущной необходимостью. Хотя основные силы контрреволюции были разгромлены, в ряде округов Дагестана продолжали орудовать банды. В частности, в Нагорном Дагестане действовали банды Гоцинского, Алиханова и др. В южном Дагестане не прекращали свои бандитские налеты белогвардейцы, поддерживаемые мусаватистами. В районах северного Дагестана также орудовали контрреволюционные банды. В Азербайджане, Грузии и Армении у власти еще оставались мусаватисты, меньшевики и дашнаки.

По мере укрепления позиций Советской власти в Дагестане реакционное мусульманское духовенство и буржуазно-националистические элементы всячески пытались противодействовать осуществлению социалистических преобразований.

За годы борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией партийная организация потеряла своих лучших членов. В об-

⁹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 80, оп. 4, д. 10, л. 11.

¹⁰ В связи с приближением Красной Армии к границам Северного Кавказа, Центральный Комитет РКП(б) еще в декабре 1919 г. образовал Кавказский ревком во главе с Г. К. Орджоникидзе как краевой орган власти на Северном Кавказе. В начале 1920 г. Кавказский ревком был переименован в Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе. В него вошли Г. К. Орджоникидзе (председатель), С. М. Киров (заместитель председателя), Стопани, Мдивани и Нариманов. 31 марта 1920 г. Бюро было реорганизовано в Северо-Кавказский ревком. В состав его были введены дополнительно в качестве членов Я. Полуян и С. Габиев. Являясь высшим революционным органом Советской власти на всем Северном Кавказе, он существовал до конца июня 1920 г. Постановлением Совнаркома РСФСР от 22 июня 1920 г. Северо-Кавказский ревком был упразднен и все его функции переданы Совету Кавказской Армии труда, преобразованному 17 августа 1920 г. в Революционный Совет Армии Труда Юго-Востока России, а 25 марта 1921 г. — в Краевой экономический Совет Юго-Востока России.

ласти ощущался острый недостаток в подготовленных партийных, советских и хозяйственных работниках. В этих условиях перед трудящимися Дагестана встали задачи подавления сопротивления свергнутых классов, окончательного разгрома остатков помещичье-клерикальной и белогвардейской контрреволюции, восстановления пришедшего в полный упадок народного хозяйства.

Успешное решение этих неотложных задач зависело прежде всего от наличия сильных революционных органов власти. «Переход к новому строю,— указывал В. И. Ленин,— процесс чрезвычайно сложный и для обеспечения этого перехода необходима твердая государственная власть».¹¹ В обстановке, когда контрреволюционные силы продолжали оказывать упорное сопротивление, а значительная часть горской бедноты оставалась под влиянием мусульманского духовенства и местных богачей, немыслимо было сразу же приступить к созданию Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Для успешного проведения выборов в Советы необходимо было разъяснить трудящимся цели и задачи Советской власти, добить остатки антисоветских банд и изолировать контрреволюционные элементы. Только при этом условии можно было создать выборный советский государственный аппарат, оградив его от проникновения чуждых народу элементов. Поэтому на освобожденной территории выбирались не Советы, а назначались чрезвычайные органы диктатуры пролетариата — ревкомы.

Первые ревкомы¹² были созданы в Дербенте (29 марта 1920 г.), Порт-Петровске¹³ (30 марта 1920 г.), и Темир-Хан-Шуре (6 апреля 1920 г.) вместо упраздненных городских управ. При городских ревкомах были образованы Совет народного хозяйства и отделы: продовольствия, внутренних дел,

---

¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 307.

¹² В литературе о гражданской войне в Дагестане встречаются утверждения о том, что ревкомы существовали в 1919 году. Так, например, участники борьбы за власть Советов А. Дьяков и Г. Сафаралиев в своих воспоминаниях пишут, что Совет обороны Дагестана еще в 1919 году организовал в округах и аулах ревкомы («Борьба за власть Советов в Дагестане». Сборник воспоминаний, Махачкала, 1957, стр. 88, 94—95). Это не соответствует действительности. Совет обороны Дагестана вплоть до окончательного изгнания денкишцев из Дагестана не только не создавал ревкомы, но и не ставил перед собой такую задачу. До конца марта 1920 г. в Дагестане существовали окружные, участковые и сельские Советы обороны.

¹³ 14 мая 1921 г. Дагревком в целях увековечения памяти славных революционеров Дагестана — У. Буйнакского и М. Дахадаева, отдавших свою жизнь за торжество Советской власти, принял постановление переименовать гор. Порт-Петровск в Махачкалу и гор. Темир-Хан-Шуру — в Буйнакск (ЦГА ДАССР, ф. 204-р, оп. 1, д. 6, л. 109).

военный, земельный, социального обеспечения, здравоохранения, народного образования, юстиции, которые сразу же принялись за работу по осуществлению руководства хозяйственной и культурной жизнью городов.¹⁴ Ревкомы принимали меры к возобновлению нормальной работы промышленных предприятий, транспорта, торговых, медицинских и культурно-просветительных учреждений, разрешению продовольственного кризиса. Ярые контрреволюционеры были арестованы, городская буржуазия была обложена контрибуцией.

Высшим органом революционной власти в Дагестане после изгнания деникинской армии стал Совет обороны Дагестана, задачей которого было очищение всей территории области от контрреволюционных сил и установление на ней Советской власти. Совет обороны Дагестана возник еще 19 октября 1919 г. в селении Леваша Даргинского округа как орган антиденикинского вооруженного восстания. В деятельности Совета обороны необходимо различать три этапа. Первый охватывает период со дня его организации до 7 февраля 1920 г., второй — с 7 февраля 1920 г. до начала марта 1920 г. и третий этап — с начала марта 1920 г. до 11 апреля 1920 года.

Совет обороны Дагестана на первом этапе своей деятельности представлял собой коалиционное правительство, состоявшее из представителей партий, группировок и течений, участвовавших во всенародной борьбе против деникинцев. Будучи общедемократическим органом национально-освободительной борьбы, Совет обороны на этом этапе не осуществлял никаких глубоких социально-экономических мероприятий, так как влияние буржуазно-националистических элементов было тогда значительным. Однако затем, благодаря огромной организационно-политической работе Дагестанского обкома РКП(б), буржуазно-националистические элементы были отстранены от руководства Советом обороны.

7 февраля 1920 года состав Совета обороны был изменен. В него вошли С.-С. Казбеков, Д. Коркмасов, Б. Шеболдаев, М. Ахундов, М. Далгат, Г. Далгат, О. Османов, В. Гавриленко, М. Рамазанов, Ш. Доветов, Р. Нуров и др. Председателем Совета был избран один из руководителей Дагестанского обкома РКП(б) С.-С. Казбеков. В состав Совета обороны были включены представители народов Северного Кавказа: С. Дударов и М. Кундухов — от осетин, М. Энеев — от балкарцев, О. Алиев — от карачаевцев и др. Совет обороны Дагестана был переименован в Революционный Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана.

Хотя Совет обороны объявил себя высшей властью в Да-

¹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 54-р, оп. 2, д. 8, л. 2.

гестане и на всём Северном Кавказе и даже сумел установить контакт с повстанческими отрядами, действовавшими в различных районах Северного Кавказа, но фактически его власть распространялась только на Дагестан. Структура Совета обороны изменилась, были созданы новые отделы с подотделами, расширены их права и функции.¹⁵

После ликвидации авантюры турецких офицеров и буржуазно-националистических элементов в начале марта 1920 г. большевики полностью взяли в свои руки руководство восстанием, а Революционный совет обороны из органа общедемократического фактически превратился в орган Советской власти.

27 марта 1920 г. Совет обороны и обком РКП(б) переместился из сел. Левашин в областной центр — в г. Темир-Хан-Шуру. Состав Совета был увеличен путем кооптации представителей ряда округов и городов. В тот же день Совет обороны обратился ко всем трудящимся Дагестана с призывом сплотить свои ряды вокруг его местных органов как единственных органов революционной власти.¹⁶

Главное внимание Совет обороны уделял вопросам военного характера, организации органов власти на местах, решению безотлагательных текущих задач. При Совете обороны стали функционировать военный отдел, комиссариаты внутренних дел, народного хозяйства, просвещения и печати. В состав комиссариата народного хозяйства входили комиссар народного хозяйства Ю. М. Магомедов, комиссар финансов М. Далгат, комиссар железных дорог А.-Г. Гусейнов. Комиссаром внутренних дел был назначен О. Османов, комиссаром военно-революционного суда — Ш. Доветов, комиссаром просвещения и печати — О. Алиев, комиссаром почт и телеграфа — Мерзловский, военным комендантом г. Темир-Хан-Шуры — А. Курбанов, начальником гарнизона — В. Гавриленко, начальником милиции — Кара Караев.¹⁷

3 апреля при Совете обороны была организована следственная комиссия в составе И. Аминтаева, Ш. Рашкуева, Д. Даинова, Д. Саидова и К. Артюхова.¹⁸ На комиссию было возложено рассмотрение всех важных дел, имеющих политическое значение. Был издан приказ об аресте контрреволюционеров и членов бывших белогвардейских судов.¹⁹

Совет обороны провел ряд мероприятий по нормализации жизни в области, обеспечению населения продовольствием, установлению революционного порядка и т. д. Было взято

¹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 608-р, оп. 2, д. 2, л. 1.

¹⁶ Там же, д. 3, л. 5.

¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 608-р, оп. 2, д. 3, л. 3.

¹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 15, л. 4.

¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 3, л. 3.

на учет имущество деникинцев, оставленное ими в Дагестане при бегстве. Через своего представителя в Азербайджане Совет обороны принял меры к возвращению народного имущества, вывезенного деникинцами из Дагестана.

В соответствии с декретами Советского правительства Совет обороны уничтожил всякое сословное деление населения, упразднил сословные учреждения и организации, уничтожил титулы и чины.

11 апреля 1920 г. Революционный Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана обсудил вопрос о реорганизации Совета и постановил:

1. «Ввиду минования надобности в Совете обороны и вследствие уже существующих ревкомов горских народов Северного Кавказа, Совет обороны Северного Кавказа переименовать с сего числа в Ревком Дагестана.

2. В целях скорейшего установления твердого военно-революционного порядка, вся полнота власти в Дагестане вручается Революционному комитету, в состав которого вошли: председатель Ревкома тов. Коркмасов, заместитель председателя Сафар Дударов и члены: Магомед Далгат, Осман Османов, Шеболдаев Борис, Мирзабек Ахундов, Магомед Энеев, Саид Габиев, Аббас-Ага Эфендиев и Юсуп Магома Молаглы. После установления революционного порядка трудовые народы Дагестана сумеют определить сами свою судьбу и создать такую власть, которая сумеет стать настоящей защитницей интересов трудящихся масс Дагестана».²⁰

В основу реорганизации Совета обороны были положены тезисы доклада Горской секции²¹ о создании ревкомов в Дагестане в Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе.²²

Членами Дагестанского ревкома были назначены самые популярные организаторы и руководители героической борьбы трудящихся в Дагестане. Председателем Дагревкома был утверждён Д. Коркмасов. 23 апреля 1920 г. в состав Дагревкома были введены Н. Самурский (Эфендиев) и К. Мамедбеков, вернувшиеся в Дагестан из частей Красной Армии.

²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 15, л. 12.

²¹ В начале 1920 г. при Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе была организована Горская секция (отдел) с местонахождением в г. Астрахани. Создание ее было продиктовано наличием на Северном Кавказе многочисленных горских народов, говорящих на разных языках и стоящих на различных уровнях экономического и культурного развития. В неё входили представители почти всех горских народов Северного Кавказа. Председателем её был утверждён Н. Самурский. В связи с созданием национальных ревкомов Горская секция прекратила свою деятельность. (Архив Ростовского обкома КПСС, ф. 1966-р, оп. 1, д. 3, л. 20; д. 21, лл. 1—4).

²² Архив Ростовского обкома КПСС, ф. 1966, оп. 1, д. 2, л. 6.

Для руководства работой Дагревкома был создан президиум, в который вошли председатель Дагревкома Д. Коркмасов и его заместители С. Дударов и Н. Самурский.

26 апреля при Дагревкоме для осуществления руководства государственным, хозяйственным и культурным строительством были образованы следующие отделы: военный (военком К. Мамедбеков), внутренних дел (зав. отделом О. Османов), просвещения и печати (зав. М. Энеев), продовольствия (зав. Юсуп Молла Магомаев), юстиции (зав. О. Османов), финансовый (зав. М. Далгат), народного хозяйства (зав. Абдулнов), земельный (зав. М. Ахундов), здравоохранения (зав. Урусов), социального обеспечения (зав. П. Ковалёв), путей сообщения, почт и телеграфа (зав. Н. Самурский), следственная комиссия (председатель С. Дударов).²³ При отделах учреждались коллегии для осуществления руководства работой отдела. Кроме зав. отдела в состав коллегии входили зав. подотделами и специалисты. Членов коллегий утверждал Дагревком.

В целях укрепления отдела внутренних дел, 4 мая Дагревком назначил зав. отделом Н. Самурского, его заместителем М. Кундухова. Отдел путей сообщения, почт и телеграфа на правах подотдела был подчинен отделу внутренних дел. Вместо отдела народного хозяйства было решено создать Совет народного хозяйства.²⁴

14 мая 1920 г. руководство печатью выделяется в самостоятельный отдел. Заведывание этим отделом возложено на А. Тахо-Годи.²⁵

Ведущим отделом Дагревкома был отдел внутренних дел, осуществлявший непосредственное руководство созданием органов государственной власти и государственного управления на местах. В его составе были созданы следующие подотделы: общеадминистративный, информационно-инструкторский, юридическая часть, милиции и подотдел почт, телеграфа и путей сообщения.²⁶

Для собирания архивных материалов, представляющих историческую и практическую ценность, при отделе внутренних дел был учреждён Центральный архив Дагестана, который в мае 1921 г. был передан Наркомпросу ДАССР.²⁷

В Дагестане впервые учреждаются государственные органы записи актов гражданского состояния. 21 октября 1920 г. был создан при отделе внутренних дел Дагцентрозагс.²⁸ При

²³ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 15, л. 22.

²⁴ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 13, л. 36; д. 15, л. 27.

²⁵ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 13, л. 44.

²⁶ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 25, л. 72.

²⁷ ЦГА ДАССР, ф. 226-р, оп. 1, д. 20, л. 70; ф. 34-р, оп. 1, д. 56, л. 45.

²⁸ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 31; ф. 417-р, оп. 1, д. 1, л. 70.

окружных, городских и участковых ревкомах создавались местные органы ЗАГС. К концу декабря 1921 г. подотделы ЗАГС существовали в Махачкале, Дербенте, Буйнакске, в Хасавюртовском, Самурском, Кюринском, Кайтаго-Табасаранском, Аварском, Андийском, Гунибском и Казикумухском округах.²⁹ Однако нехватка грамотных работников в значительной степени тормозила проведение государственных начал регистрации актов гражданского состояния в масштабе всей республики. Учитывая конкретные условия Дагестана, в округах, а также в городах, для мусульманского населения наряду с местными подотделами ЗАГС, учреждёнными согласно декретам Совета Народных Комиссаров, первое время были сохранены должности кадия и его заместителя, которые зачислялись в качестве делопроизводителей отделов ЗАГС.³⁰ 21 июня 1921 г. НКВД принял постановление, которым предписывалось «всем служителям религиозных культов в пределах городов ДАССР не совершать религиозных обрядов, прежде чем брак не будет зарегистрирован в соответствующем отделе записи актов гражданского состояния».³¹ Этим же постановлением церковный брак был объявлен частным делом граждан.

Известно, что церковь до революции являлась неотъемлемой частью государственного аппарата. Декретом от 20 января 1918 г. Советская власть отделила церковь от государства и школу от церкви; тем самым духовенство было лишено всякой возможности вмешиваться в государственные дела. Была провозглашена полная свобода вероисповедания.

Проведение в жизнь этого декрета в Дагестане имело свои особенности. Декрет вплоть до конца 1921 г. распространялся только на православную церковь. Порт-Петровский ревком, обсудив вопрос об отделении церкви от государства и школы от церкви, 21 ноября 1920 г. постановил отделить только православную церковь от государства. Для проведения в жизнь принятого постановления была создана специальная комиссия.³²

Что же касается мусульманского духовенства, оно продолжало участвовать в решении государственных дел. Народно-шариатские суды, по существу представлявшие собой религиозные учреждения, рассматривались как государственные учреждения и находились на государственном бюджете. В школах продолжали преподавать мусульманское вероучение, кадии и преподаватели мусульманского вероучения по-

²⁹ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 22, д. 1, л. 49.

³⁰ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 34, л. 31.

³¹ ЦГА ДАССР, ф. 183-р, оп. 5, д. 6, л. 26.

³² ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 37, л. 19.

лучали жалование от государства. Только в начале ноября 1921 г. сельские, окружные и городские народно-шариатские суды были сняты с государственного содержания.

Состоявшаяся в конце ноября 1921 г. Дагестанская областная партийная конференция в своих решениях подчеркнула необходимость отделения церкви от государства и школы от церкви.³³ Первая Конституция ДАССР, принятая на I Вседагестанском съезде Советов, законодательно закрепила отделение церкви от государства. «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, — говорилось в Конституции, — церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».³⁴

Задачи охраны революционного порядка и безопасности граждан были возложены на рабоче-крестьянскую милицию, формируемую из коммунистов, красных партизан, рабочих и крестьян, отличившихся в борьбе за установление Советской власти.

Почти во всех округах еще до провозглашения Советской власти вместо полицейско-жандармского аппарата была создана милиция.³⁵ Однако не всегда и не везде при её создании соблюдался классовый принцип. Наряду со сторонниками Советской власти в милицию проникали чуждые элементы. Поэтому Дагревком придавал большое значение организации в городах и округах подлинно народной милиции, преданной делу революции.

Руководство формированием рабоче-крестьянской милиции было возложено на члена Дагревкома К. Мамедбекова, который 28 апреля 1920 г. внёс на рассмотрение Дагревкома проект об организации красной милиции в Дагестане. При окружных и городских отделах внутренних дел создавались подотделы милиции, которые непосредственно занимались организацией милиции. I съезд сельской бедноты и сельских ревкомов Дагестана наметил ряд мер по укреплению милиции и обратил внимание «на создание правильно организованной рабоче-крестьянской милиции, в рядах которой не должно быть места прежним полицейским, жандармам и другим грабителям старого строя».³⁶

К концу августа во всех городах и округах была организована советская милиция. Для охраны народного достоинства

³³ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 2, л. 31.

³⁴ «Революционные комитеты Дагестана». Сборник документов и материалов. (Ответственный редактор А. К.-М. Исрапилов, составители: М. А. Абдуллаев, В. А. Волкова, А. М. Магомедов, Р. А. Солонко, А.-К. И. Эфендиев, Т. Л. Яременко). Дагкнигиздат, Махачкала, 1960.

³⁵ ЦГА ДАССР, ф. 209-р, оп. 1, д. 9, л. 7.

³⁶ Газета «Красный Дагестан», № 3, 28 июля 1920 г.

и борьбы против расхитителей социалистической собственности в городах была учреждена особая промышленная милиция. Под её охраной находились фабрики, заводы, склады, природные богатства, общественные покосы и посевы. Впоследствии промышленная милиция была преобразована в сторожевую охрану.³⁷

Большую работу по организации советской милиции в Дагестане в 1920—1921 гг. проводили К. Мамедбеков, М. Мамаев, Ш. Таркинский, И. Сергунин, Тарасов, Тутышкин, Уссаковский, Шайдаев, Светличкин и другие.

Слом старой армии и военно-административного аппарата, в отличие от центральной России, где этот процесс протекал постепенно, в течение нескольких месяцев после победы Советской власти, в Дагестане произошел во время вооруженного восстания. В ходе борьбы между большевиками, с одной стороны, и различными антисоветскими группировками, — с другой, многотысячные партизанские отряды, вначале представлявшие собой вооруженные силы национально-освободительного, антиколониального движения, превратились в армию социалистической революции. К началу мая 1920 г. был создан областной Военный комиссариат.³⁸ Вслед за этим начали функционировать военные комиссариаты в городах, округах и участках.³⁹

В связи с тем, что необходимость содержать многотысячные краснопартизанские отряды миновала, Военкомат в апреле 1920 г. провел демобилизацию красных партизан. Наиболее боеспособные отряды были влиты в XI армию и в её составе приняли участие в освобождении Закавказья.⁴⁰ Одновременно был объявлен набор добровольцев в Красную Армию. В первые месяцы Советской власти нельзя было ввести всеобщую воинскую повинность. Требовалось известное время для того, чтобы горцы на деле осознали коренное отличие Красной Армии от старой армии. Поэтому комплектование частей проводилось на добровольных началах, что давало возможность создать идейно крепкую, сплоченную армию, преданную революции. При этом необходимо было учитывать, что для горца в прошлом не существовало обязательной воинской повинности.

Горская беднота с большим энтузиазмом вступала в ряды Красной Армии. Особенно большой прилив добровольцев наблюдался в дни борьбы с Врангелем. В его разгроме приняли участие более 2 тыс. дагестанцев.

---

³⁷ ЦГА ДАССР, ф. 3-р, оп. 2, д. 19, лл. 13—14; ф. 37-р, оп. 22, д. 1, л. 49.

³⁸ Архив Ростовского обкома КПСС, ф. 1966, оп. 1, д. 24, л. 78.

³⁹ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 13, л. 67.

⁴⁰ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 13, л. 31.

Важное место в деятельности военных комиссариатов занимало проведение всеобуча. В систему всеобуча входили также чрезвычайные отряды особого назначения (ЧОН), сформировавшиеся из коммунистов и комсомольцев, освобождавшихся от выполнения своих служебных обязанностей в часы обучения и на время учебных сборов.⁴¹

В период борьбы против антисоветских банд Н. Гоцинского военные комиссариаты проводили большую работу по организации разгрома мягежников, по формированию краснопартизанских отрядов. За короткий срок было создано более 10 партизанских отрядов, насчитывавших несколько тысяч человек. К февралю 1921 г. в составе Красной Армии действовали крупные партизанские отряды Атаева, Шамхалова, Караева, им. Омарова-Чохского, Османова, Гасанова, Сулейманова и др. Всего в краснопартизанских отрядах было 1930 чел., в том числе 930 конных.⁴²

В соответствии с решением Дагобкома РКП(б) 15 апреля 1921 г. совещание представителей Дагревкома и командования воинских частей, проходившее под председательством С. Габиева, приняло постановление о реорганизации и укрупнении партизанских отрядов.⁴³ Из 11 отрядов путем отбора наиболее преданных красных партизан было создано 7, в отрядах были установлены должности военкомов и политработников.

Находившиеся на фронте отряды были оставлены в оперативном подчинении полевому командованию, а все остальные переданы штабу партизанских отрядов. Эти отряды должны были послужить основным ядром формируемых из горцев частей Красной Армии. В конце 1921 г. по решению обкома РКП(б) и Дагревкома началось формирование из дагестанцев, главным образом из красных партизан, отдельной Дагестанской бригады Красной Армии. Командиром бригады был назначен командир партизанского отряда М. Атаев.⁴⁴ Вместо упраздненной следственной комиссии была создана Дагестанская чрезвычайная комиссия во главе с С. Дударовым. Во всех округах и городах функционировали политбюро — местные органы Дагчека. В гор. Дербенте была создана Чрезвычайная комиссия южного Дагестана.⁴⁵

Органы ЧК вели борьбу с саботажем крупных торговцев, промышленников, антисоветски настроенной части старой интеллигенции, с бандитизмом, мародерством, спекуляцией, с преступлениями по должности, распространителями прово-

⁴¹ ЦГА ДАССР, ф. 3-р, оп. 2, д. 2, л. 4.

⁴² ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 3, л. 47, л. 28.

⁴³ «Революционные комитеты Дагестана», стр. 180—182.

⁴⁴ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 3, д. 9, л. 127.

⁴⁵ ЦГА ДАССР, ф. 207-р, оп. 1, д. 6, л. 58.

кационных слухов, осуществляли разоружение буржуазии, арестовывали главарей дагестанской контрреволюции.

Однако в ряде округов и городов политбюро оказались не на высоте своего положения. Это объяснялось тем, что некоторые чекисты, прибывшие из центра, стремились механически переносить формы и методы работы, применяемые в центральной России, на дагестанскую действительность без учета особенностей быта и психологии горцев. Были и случаи, когда в местные органы ЧК пробирались преступные элементы, которые своими действиями дискредитировали Советскую власть, вызывали недовольство населения. На съездах бедноты Андийского, Аварского, Даргинского, Казикумухского и других округов принимались решения о чистке и улучшении работы местных органов⁴⁶ ЧК. В августе 1921 г. президиум ДК РКП(б), обсудив вопрос о деятельности политбюро, наметил ряд мер по улучшению их деятельности.⁴⁷

1 сентября 1921 г. на заседании президиума ДК РКП(б) вновь рассматривался вопрос о деятельности Дагчека и ее местных органов. Было решено упразднить политбюро в округах, а функции политбюро в городах значительно сузить.

Важнейшей задачей в области государственного строительства, стоявшей перед революционной властью, было создание судебных органов, способных обеспечить защиту интересов трудящихся.

Существовавшие в период деникинской оккупации военно-полевые, военно-шариатские и так называемые «народные» суды были упразднены в ходе антиденикинского восстания. Создание новых судебных органов началось еще в начале 1920 г. в соответствии с инструкцией по организации местных органов Совета обороны.⁴⁸

В военно-шариатских судах, возникших в период всенародной борьбы против деникинской армии, сильно было влияние духовенства и аульской верхушки. Судопроизводство основывалось на нормах шариата, в основе которого лежал принцип неприкосновенности частной собственности. Поэтому шариатские суды не могли быть выразителями интересов горской бедноты. Однако в тех конкретных условиях нельзя было сразу приступить к ликвидации шариатских судов и Дагревком решил обновить их состав, очистив их от антисоветских элементов. Созданием и реорганизацией народно-шариатских судов руководил шариатский подотдел отдела внутренних дел (зав. О. Османов).

Наряду с этим создавались народные суды. 11 мая 1920 г.

⁴⁶ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 41, л. 5.

⁴⁷ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 3, д. 7, л. 28.

⁴⁸ ЦГА ДАССР, ф. 209-р, оп. 1, д. 9, л. 2.

Дагревком, обсудив вопрос о создании народных судов в городах области, поручил А. Тахо-Годи приступить к их организации.⁴⁹ К концу июня 1920 г. народные судьи были избраны во всех городах Дагестана, кроме того стал функционировать областной кассационный суд.⁵⁰

24 июня 1920 г. Дагревком утвердил «Положение о судах Дагестана»,⁵¹ которое предусматривало создание в Дагестане судов двоякого типа. В Петровске, Темир-Хан-Шуре, Дербенте должны были функционировать народные суды, создаваемые в соответствии с декретом ВЦИК «О народном суде РСФСР» от 6 декабря 1918 г., а на остальной территории — народно-шариатские суды, руководствующиеся в своей деятельности нормами шариата с учетом местных условий и обычаев. Для мусульманского населения городов также создавались шариатские суды.

Народно-шариатские суды рассматривали в пределах своей компетенции уголовные дела и споры об имущественных и личных правах, за исключением дел, подсудных Ревтрибуналу, а также дел, по которым обе или одна из сторон не были согласны судиться в шариатском суде. При заслушивании уголовных дел в судебном заседании участвовали народные заседатели, избираемые трудящимися. Для предварительного рассмотрения дел при каждом суде действовали следственные комиссии.

Приговоры и решения народных и народно-шариатских судов могли быть в месячный срок обжалованы в кассационный суд, являвшийся высшей судебной инстанцией в области. До победы Советской власти кассационной инстанцией в Дагестане не было вовсе, а её функции выполнялись в порядке надзора высшей администрацией на Кавказе.

«Положение о судах Дагестана», хотя и предусматривало создание народно-шариатских судов, но ставило их деятельность под контроль. Были ограничены меры наказания. В частности, телесные наказания, оскорбления женщин, членовредительство и смертная казнь, предусматриваемые шариатом, не могли быть применяемы народно-шариатскими судами.

В соответствии с «Положением о судах Дагестана», в Темир-Хан-Шуре была организована коллегия защитников. Общественными обвинителями были выдвинуты Н. Самурский, С. Дударов, М. Ахундов, В. Гавриленко, Тутышкин и другие видные партийные и советские работники.⁵²

Ввиду коренного различия судопроизводства в народных

⁴⁹ «Революционные комитеты Дагестана», стр. 65.

⁵⁰ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 13, лл. 49, 69.

⁵¹ ЦГА ДАССР, ф. 14-р, оп. 2, д. 14, лл. 58—59.

⁵² ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 13, л. 69.

и народно-шариатских судах, Дагревком 2 августа 1920 г. принял постановление об организации особого Областного шариатского кассационного суда.⁵³ Председателем его был назначен Ш. Рашкуев.

К концу июля 1920 г. в Махачкале, Дербенте, Буйнакске функционировали народные, народно-шариатские суды, судебно-следственные подотделы, уголовно-следственные комиссии, коллегии защитников и обвинителей, в округах — окружные и сельские народно-шариатские суды.⁵⁴ Таким образом, к середине 1920 г. работа по созданию народных и народно-шариатских судов в целом была закончена.

Вводя в Дагестане шариатские суды, Дагревком и обком партии руководствовались указаниями Коммунистической партии и лично В. И. Ленина о необходимости проведения в отношении мусульманских народов Востока, в том числе Дагестана, осторожной и гибкой национальной политики с учетом уровня их экономического, политического и культурного развития. Идя на создание шариатских судов, Советская власть не могла не учесть большой популярности среди горцев идеи организации судопроизводства на основе шариата и полагала, что эти суды со временем сами себя изживут.⁵⁵ И действительно, трудящиеся горцы вскоре стали на практике убеждаться в преимуществах советских народных судов. На своих собраниях, съездах горская беднота начала требовать реорганизации шариатских судов и замены их народными судами. Так, собрание коммунистической ячейки сел. Чох Гунибского округа, заслушав доклад о деятельности шариатского суда, отметило, что среди членов шариатского суда имеются ярые контрреволюционеры, не прекращающие антисоветской деятельности. Собрание постановило: «Просить обком партии об удалении их, как ненадежных и не пользующихся доверием, вредных и опасных лиц».⁵⁶ В ряде случаев по инициативе самих трудящихся были распущены шариатские суды и избраны новые, состоящие из представителей бедноты.

На проходивших в 1921 г. во всех округах съездах бедноты выносились решения о необходимости сужения деятельности шариатских судов, в частности об изъятии уголовных дел из их компетенции, о необходимости очищения судов от кулацко-мулльских элементов.⁵⁷

14 августа 1921 г. на пленуме обкома РКП(б) обсуждал-

⁵³ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 13, л. 101; ф. 182-р, оп. 1, д. 8, л. 1.

⁵⁴ Архив Ростовского обкома КПСС, ф. 1966, оп. 1, д. 17, л. 65; ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 51, л. 87.

⁵⁵ «Революционные комитеты Дагестана», стр. 87.

⁵⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 132, л. 19.

⁵⁷ «Революционные комитеты Дагестана», стр. 146.

ся доклад народного комиссара юстиции И. Алиева «О реорганизации судебного дела в Дагестане». Докладчик отметил, что Наркомюст уже приступил к реорганизации судебных органов. Пленум обязал Наркомат юстиции приступить к организации окружных народных судов. Было решено для этой цели направить из городов в округа партийных и советских работников.⁵⁸ Уже в августе 1921 г. первые окружные народные суды были созданы в Хасавюртовском и Самурском округах.⁵⁹

Идя навстречу пожеланиям трудящихся, Дагревком 26 октября 1921 г. издал приказ об изъятии из ведения шариатских судов уголовных дел и передаче их на рассмотрение народных судов и Ревтрибунала.⁶⁰ Содержание шариатских судов было снято с государственного бюджета. 4 ноября 1921 г. президиум Дагревкома, обсудив вопрос о финансировании сельских шариатских судов, постановил: «Ввиду отделения церкви от государства, содержание сельских шариатских судов должно быть отнесено на средства сельских обществ (лиц, которые пользуются услугами шариатских судов)».⁶¹

Эти мероприятия Дагестанского обкома РКП(б) и Дагревкома в значительной степени способствовали освобождению горской бедноты от влияния мусульманского духовенства, укреплению революционной законности и повышению роли советских народных судов.⁶²

Приказом по Дагревкому от 13 октября 1921 г. при народных судах Буйнакск, Махачкалы и Дербента были учреждены должности народных нотариусов. Этим приказом Наркомату юстиции ДАССР предоставлялось право по мере необходимости учреждать должности нотариусов и при остальных народных судах.

Наряду с народными и народно-шариатскими судами постановлением Дагревкома от 19 мая 1920 г. был учрежден Областной военно-революционный трибунал.⁶³ Членами трибунала были назначены Исаев (председатель), И. Аминтаев,

---

⁵⁸ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 3, д. 7, л. 30.

⁵⁹ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 2, д. 12, л. 82.

⁶⁰ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 3, д. 21, л. 144.

⁶¹ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 3, д. 9, л. 159.

⁶² К началу 1927 г. все окружные шариатские суды, не имея ни моральной основы, ни материальной поддержки населения, самоликвидировались. Только в наиболее отдалённых горных аулах, население которых не имело возможности обращаться в народный суд, продолжали еще действовать сельские шариатские суды. Но вскоре и они были заменены сельскими словесными судами. Постановлением ЦИК ДАССР от 18 апреля 1927 г. шариатские суды в Дагестане были окончательно упразднены.

⁶³ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 13, л. 49; ф. 263-р, оп. 3, д. 1, л. 243.

Муллаев, Караев, Лобанов, Уссаковский.⁶⁴ Рассмотрению Ревтрибунала подлежали дела по обвинению в контрреволюционной деятельности, спекуляции, саботаже, крупных должностных преступлениях, в бандитизме, дезертирстве, в злостной дискредитации Советской власти.⁶⁵

Еще в период борьбы против деникинцев Революционный Совет обороны совместно с обкомом РКП(б) выработал специальную инструкцию об организации окружных и сельских Советов обороны. Для осуществления революционной власти и организации на местах Советов обороны тогда же в округа были направлены чрезвычайные уполномоченные из числа членов обкома РКП(б) и Совета обороны.⁶⁶

К моменту освобождения Дагестана от деникинцев окружные и сельские Советы обороны и их отделы были созданы почти во всех округах. Однако в них сильно было влияние мусульманского духовенства и буржуазно-националистических элементов. Это и понятно, поскольку Советы обороны создавались до установления Советской власти, когда временные попутчики революции еще не отошли от антиденикинского движения. Поэтому после окончательного разгрома деникинцев и провозглашения Советской власти в Дагестане необходимо было и на местах создать новые революционные органы победившей Советской власти.

Во все округа были направлены уполномоченные Дагревкома.⁶⁷ В своей деятельности они должны были руководствоваться инструкцией об организации окружных, участковых и сельских органов власти, разработанной специальной комиссией в составе А. Тахо-Годи, Полина, М. Энеева, М. Гасанова и Нуратдина.⁶⁸ 4 мая 1920 г. Дагревком утвердил состав окружных ревкомов.⁶⁹ Таким образом, под руководством Дагревкома и обкома партии по всему Дагестану развернулась работа по созданию и укреплению местных советских органов власти.

Дагревком в своем докладе НКВД РСФСР об организации органов власти и ходе советского строительства в области в конце мая 1920 г. сообщал: «Ревкомы созданы: в г. Темир-Хан-Шуре — областной ревком Дагестана и городской ревком, в гор. Петровске — городской ревком, в гор. Дербенте — городской ревком. Ревкомы выделили соответствующие отделы... В 10 округах области организованы рев-

⁶⁴ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 37, л. 29.

⁶⁵ В связи с учреждением 22 мая 1923 г. Главного суда ДАССР, Революционный трибунал был упразднен.

⁶⁶ «Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане», Дагкнигоиздат, 1960, стр. 419—421.

⁶⁷ ЦГА ДАССР, ф. 4, оп. 2, д. 15, лл. 6—8, 12.

⁶⁸ ЦГА ДАССР, ф. 226-р, оп. 2, д. 8, л. 18.

⁶⁹ ЦГА ДАССР, ф. 4, оп. 2, д. 15, л. 12.

комы с выделением необходимых отделов (управления, военного, собеструда, продовольственного, земельного, просвещения и здравоохранения), но еще полностью не централизованы к соответствующим отделам Дагревкома; созданы участковые (волостные) ревкомы, без выделения отделов. В аулах и селениях частью созданы ревкомы, а частью сохранены Советы,⁷⁰ существовавшие в течение года борьбы против Деникина в 6 нагорных округах, которые не были заняты Добровольческой армией».⁷¹

К середине 1920 г. во всех округах были созданы окружные, участковые и сельские ревкомы. Большую роль в укреплении Советской власти на местах, создании и реорганизации ревкомов сыграли чрезвычайные уполномоченные Дагревкома, назначенные из числа ответственных работников Дагревкома и обкома партии согласно решению I съезда сельских ревкомов и сельской бедноты Дагестана.⁷² Постановлением Дагревкома от 21 июня 1920 г. чрезвычайными уполномоченными были назначены: М. Ахундов — в Хасавюртовский округ, К. Мамедбеков — в южный Дагестан, М. Хизроев — в Гунибский и Аварский округа, М. Кундухов — в Андийский округ, А. Эфендиев — в Казикумухский округ.⁷³ Перед чрезвычайными уполномоченными была поставлена задача уничтожить очаги местной контрреволюции, оздоровить ревкомы, милицию, принять меры к снабжению горской бедноты продовольствием, мануфактурой, осуществить контроль над исполнением декретов и распоряжений Советской власти на местах и т. п.

В Кюринском округе до 7 апреля 1920 г. продолжал функционировать окружной Совет обороны и его исполнительный комитет, в которых преобладали националистические элементы. Взамен этого Совета обороны, упраздненного решением окружного комитета РКП(б), был назначен окружной ревком во главе с Т. Юзбековым.⁷⁴

Наряду с окружными и участковыми ревкомками вплоть до середины 1920 г. в Кюринском округе сохранялись сельские Советы обороны, а также народно-шариатские суды, засоренные кулацко-мулльскими элементами. Эти силы всеми мерами противодействовали проведению коренных преобразований в ауле.⁷⁵ Только после указания Дагревкома взамен сельских Советов обороны стали назначать сельские ревкомы.

---

⁷⁰ Имеются в виду Советы обороны.

⁷¹ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 51, лл. 54—55.

⁷² ЦГА ДАССР, ф. 183-р, оп. 4, д. 2, л. 10.

⁷³ ЦГА ДАССР, ф. 33-р, оп. 1, д. 1, л. 1; ф. 117-р, оп. 1, д. 1-а, л. 125.

⁷⁴ «Революционные комитеты Дагестана», стр. 53—54.

⁷⁵ ЦГА ДАССР, ф. 209-р, д. 4, л. 3.

Андийский окружной ревком был организован 10 апреля 1920 г.⁷⁶

Аварский окружной ревком начал свою деятельность так же 10 апреля 1920 г. К началу мая здесь была закончена работа по организации отделов окружного ревкома и созданию участковых и сельских ревкомов.⁷⁷

Гунибский окружной ревком приступил к работе 8 апреля 1920 г. Во все участки были направлены комиссары для организации участковых ревкомов.⁷⁸ Почти во всех селениях округа были организованы сельские Советы, избравшиеся на сельских сходах.⁷⁹ Согласно указаниям Дагревкома, в мае 1920 г. сельские Советы были упразднены и функции их переданы вновь назначенным сельским ревкомам.⁸⁰

К середине мая 1920 г. в Даргинском округе также функционировали окружной, участковые и сельские ревкомы.⁸¹

С 26 апреля 1920 г. начал свою работу Хасавюртовский окружной ревком. Председателем его был утвержден Ш. Доветов.⁸²

Создание органов Советской власти в Кайтаго-Табасаранском округе было поручено комиссару округа Нух-Кади.⁸³

Казикумухский окружной ревком был образован 11 мая 1920 г. во главе с Магомедом Касаевым.⁸⁴

Организованно и планомерно протекало создание участковых и сельских ревкомов в Темир-Хан-Шуринском и Самурском округах. Декретом Дагревкома от 22 июня 1921 г. города Махачкала и Дербент были преобразованы в районные центры. Городским ревкомам были предоставлены права районных ревкомов.⁸⁵

Таким образом, к концу 1920 г. в целом был создан государственный аппарат и на местах.

Создание революционных органов Советской власти на местах проходило в исключительно трудных условиях. Культурная отсталость, бытовые и языковые особенности, национальная пестрота населения Дагестана, наличие пережитков патриархально-родового быта, отсутствие необходимых кадров — все это значительно осложняло и замедляло ход создания органов Советской власти. Отдельные ответственные работники, не имея теоретической подготовки и опыта

---

76 ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 51, л. 7.

77 ЦГА ДАССР, ф. 226-р, оп. 1, д. 26, л. 43; ф. 41-р, оп. 5, д. 50, л. 68.

78 ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 51, л. 17.

79 ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 41, л. 34.

80 Там же, л. 32.

81 ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 40, л. 26.

82 ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 39, л. 4.

83 ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 51, л. 16.

84 ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 1, д. 3, л. 44.

85 ЦГА ДАССР, ф. 217-р, оп. 1, д. 1, л. 7.

партийно-советской работы, подчас допускали ошибки и перегибы в проведении политики партии. Из-за отсутствия политически грамотных людей, знающих местные языки, в аулы приходилось посылать агитаторов с переводчиками. Большие трудности в проведении агитационно-массовой работы возникли и в связи с отсутствием необходимой партийно-политической литературы на языках народов Дагестана.

Сельские ревкомы в ряде мест, особенно там, где было сильно влияние кулацких элементов, были засорены классово-чуждыми элементами. Вследствие этого они не только не укрепляли твердую революционную власть, но и всячески противодействовали проведению в жизнь законодательных актов Советской власти, извращая политику партии по земельному, продовольственному, налоговому и другим вопросам, вели антисоветскую агитацию, распускали провокационные слухи. Всё это вызывало серьёзное недовольство со стороны горской бедноты.

Опираясь на всё возрастающую активность трудящихся масс, Дагревком совместно с партийными организациями с июня 1920 г. повсеместно приступил к реорганизации революционных комитетов и обновлению их состава.⁸⁶

С разгромом антисоветского мятежа Гоцинского происходит дальнейшее укрепление местных органов Советской власти.⁸⁷ Назрела необходимость унифицировать структуру окружных, участковых и сельских ревкомов, конкретно определить их функции и задачи. В марте 1920 г. Дагревком утвердил и разослал во все округа Положение об участковых и сельских ревкомах, в котором были определены порядок организации ревкомов, их структура и задачи.⁸⁸

Советскому государственному аппарату принадлежит особая роль в создании социалистической экономики. Поэтому для организации социалистической экономики был создан хозяйственно-административный аппарат.

26 апреля 1920 г. постановлением Дагревкома создается областной отдел народного хозяйства, реорганизованный затем в Дагестанский Совет народного хозяйства,⁸⁹ в городах Дербенте и Темир-Хан-Шуре были созданы районные Советы народного хозяйства. К концу мая 1920 г. при Дагестанском областном Совете народного хозяйства были образованы отделы: финансово-счетный, химический, кожевенный, текстильный, металлов, путей сообщения, полиграфический, кустарно-кооперативный, топливный; лесной комитет и коми-

⁸⁶ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 13, л. 67.

⁸⁷ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 129, л. 144; ЦГА ДАССР, ф. 52-р, оп. 1, д. 3, л. 63.

⁸⁸ ЦГА ДАССР, ф. 52-р, оп. 1, д. 3, лл. 43—44, 49—50.

⁸⁹ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 13, л. 40.

тет государственных сооружений.⁹⁰ Был утвержден президиум Совета народного хозяйства. Председателем его был назначен Хан-Магомедов.

В связи с тем, что в годы гражданской войны до основания были разрушены десятки аулов, 16 июня 1920 г. при Дагревкоме был создан отдел по восстановлению разрушенных селений, который впоследствии был объединен с комитетом государственных сооружений.⁹¹

В связи с необходимостью плановой организации социалистической экономики и регулирования промышленного и сельскохозяйственного производства, 22 мая 1921 г. был образован Экономический совет Дагестана. Являясь местным органом Совета Труда и Оборона, он стал руководящим экономическим штабом республики.⁹²

Создаются также Дагестанский рыбный отдел, рыбные отделы при Порт-Петровском и Дербентском ревкомах.⁹³

28 мая 1920 г. Дагревком утвердил структуру и состав областного продовольственного комитета.⁹⁴

При ревкомах были учреждены земельные отделы. Они должны были заниматься восстановлением сельского хозяйства, созданием сельских комитетов содействия сельскому хозяйству, расширением посевных площадей, организацией трудовых артелей, улучшением ухода за садами и виноградниками, улучшением породности скота, проведением и восстановлением оросительных каналов, снабжением земледельцев необходимым сельскохозяйственным инвентарем и т. д.

В мае 1920 г. был создан областной отдел рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). Затем отделы РКИ были образованы в Порт-Петровске, Темир-Хан-Шуре, Дербенте, в Даргинском, Казикумухском, Кюринском, Кайтаго-Табасаранском и Хасавюртовском округах.⁹⁵

В связи с преобразованием отдела РКИ в Наркомат РКИ, Темир-Хан-Шуринский, Петровский и Дербентский городские РКИ были реорганизованы в районные. РКИ создавались на широких демократических началах из представителей партийных, профсоюзных, комсомольских организаций, советских и хозяйственных учреждений. Органы РКИ явились единственными органами контроля, через которые осуществлялся непосредственный надзор за деятельностью всех советских, хозяйственных и общественных организаций и учреждений.

В задачи органов РКИ входило: контроль за выполнением декретов и постановлений центральной и местной власти,

⁹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 25, л. 72.

⁹¹ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 13, л. 169.

⁹² ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 3, д. 9, л. 24.

⁹³ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 13, лл. 38, 44.

⁹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 13, л. 54.

⁹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 42, лл. 42—45.

совершенствование госаппарата, наблюдение за отчетностью, борьба с волокитой, бюрократизмом, параллелизмом, рассмотрение жалоб и заявлений трудящихся.

При городских ревкомах были учреждены отделы (комитеты) труда для проведения трудовой повинности. Вопросами просвещения, культуры, здравоохранения и социального обеспечения занимались соответствующие отделы при областном, окружных и городских ревкомах.

В соответствии с декретом ВЦИК от 20 января 1921 г. об образовании Дагестанской АССР, 15 марта 1921 г. Дагревком издал приказ о преобразовании отделов Дагревкома (внутренних дел, здравоохранения, земледелия, продовольствия, просвещения, рабоче-крестьянской инспекции, социального обеспечения, труда, финансов и юстиции) в соответствующие народные комиссариаты.⁹⁶

Первая Конституция ДАССР, принятая на I Вседагестанском съезде Советов, утвердила структуру центральных и местных органов Советской власти, определила порядок их формирования, разграничила круг вопросов, входящих в компетенцию центральных и местных органов.

Этим и завершился первый этап государственного строительства в Дагестане.

* *
*

Успешное решение задачи создания госаппарата во многом зависело от наличия необходимых кадров партийных, советских, хозяйственных, военных работников, специалистов народного хозяйства, техники, науки и культуры.

Вопрос о кадрах имел в условиях Дагестана особое значение. В силу экономической и культурной отсталости прослойка старой интеллигенции была незначительной. Но и она в своем подавляющем большинстве перешла в лагерь контрреволюции. В области ощущался острый недостаток не только в квалифицированных работниках, но и в просто грамотных людях, вышедших из народа. В этой связи вопрос об использовании буржуазной интеллигенции приобретал особо важное значение. «Мы строим власть, — писал В. И. Ленин в ноябре 1918 г., — из элементов, оставленных нам капиталистами. Мы не можем строить власть, если такое наследие капиталистической культуры, как интеллигенция, не будет использовано».⁹⁷ 28 марта 1920 г. Революционный Совет обороны по докладу Д. Коркмасова принял постанов-

⁹⁶ «Революционные комитеты Дагестана», стр. 422.

⁹⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 322.

ление о привлечении старых специалистов, не принимавших активного участия в выступлениях против Советской власти, к работе в советских учреждениях.⁹⁸

Дагревком принял меры по учету всех бывших чиновников государственных учреждений, инженерно-технических, финансовых, медицинских работников, бывших офицеров, учителей, агрономов, ветеринарных врачей.⁹⁹ Была проведена мобилизация всех медицинских и ветеринарных работников, бывших служащих почтово-телеграфного ведомства и продовольственных органов.

Конечно, не вся старая интеллигенция шла служить Советской власти. Был целый ряд случаев, когда учителя, работники путей сообщения, артисты, военные специалисты, служащие учреждений объявляли саботаж.¹⁰⁰ К этой части интеллигенции приходилось принимать государственные и общественные меры воздействия.

Одним из трудных моментов в организации вооруженных сил было отсутствие необходимых военных специалистов. В годы гражданской войны почти все они перешли на сторону контрреволюции (генерал Халилов, полковники Алиханов, Джафаров, Арацханов, Мусалаев, Пайзулаев, Хаджи-Мурат и др.). Только незначительная часть бывшего офицерства перешла в ряды красных партизан. Дагестанский обком РКП(б) и Дагревком, продолжая использовать бывших офицеров, не служивших в деникинской армии, приняли меры к подготовке новых военных кадров.

В конкретных условиях Дагестана остро встал вопрос об отношении к мусульманскому духовенству и использовании его в государственном и культурном строительстве. Мусульманское духовенство в прошлом выступало как неотъемлемая часть национальной интеллигенции. В средних и высших духовных школах давалось не только чисто духовное, но и светское образование. Среди представителей дагестанского духовенства было немало крупных ученых-арабистов, знатоков математики, астрономии, естествознания, медицины, искусства. При этом духовенство не было однородным. Различные слои его выражали интересы определенных классов или группировок.

Наиболее реакционная часть духовенства выступала как выразительница интересов крупных землевладельцев, барановодов и ставила своей целью установление феодальных порядков. Возглавляли эту часть духовенства крупнейший барановод и землевладелец Н. Гоцинский, Узун-Хаджи, Ибрагим-Хаджи, шейх М. Балахинский и др. С первых же дней

⁹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, по. 2, д. 15, л. 3.

⁹⁹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 2370, оп. 5, д. 62, л. 147.

¹⁰⁰ Газета «Советский Дагестан», 18 ноября 1920 г.

революции эта часть духовенства выступила как наиболее реакционная сила, вокруг которой спланивались все контрреволюционные элементы. Много бедствий и страданий принесла она горской бедноте. Она явилась не только основной опорой внутренней контрреволюции, но и представляла собой агентуру германо-турецких, а затем англо-американских империалистов.

Другая часть духовенства, возглавляемая Али-Гаджи Акушинским, Сулейман-Хаджи и др., выражала интересы буржуазно-националистических элементов дагестанского аула, прежде всего кулачества, и ставила своей задачей дальнейшее укрепление позиций капиталистических элементов в ауле.

Между этими двумя группировками имелись серьёзные разногласия. Большевики на определенных этапах борьбы шли на временный союз с Али-Гаджи Акушинским. Но, идя на временный союз с этой частью духовенства, большевики ни на минуту не прекращали разоблачение её классовой сущности.

После установления Советской власти духовенство пыталось активно вмешиваться в государственное строительство. Используя свое влияние, оно всячески добивалось введения шариатских судов и сохранения различных привилегий духовенства.¹⁰¹

Али-Гаджи Акушинский еще в начале июля 1920 г. выступил против открытия общественных распределительных пунктов и организации потребительской кооперации в Даргинском и Казикумухском округах. Это было явной поддержкой кулаков, торговцев, спекулянтов.¹⁰²

10 октября 1920 г. вопрос о подрывной деятельности А. Акушинского и его сторонников обсуждался на заседании бюро обкома РКП(б). Было принято решение «Вести борьбу против мятежа (Гоцинского — А. И.) без содействия Али-Гаджи». Дагчека было поручено собрать материал о сыне и приближенных А. Акушинского.¹⁰³

Председатель Кайтаго-Табасаранского окружного ревкома сообщал Дагревкому 4 января 1921 г. о том, что «против аробной повинности выступает А. Акушинский и своими решениями и заключениями отменяет распоряжения ревкома».¹⁰⁴

7 октября 1921 г. президиум Дагревкома заслушал вопрос о выступлении А. Акушинского в Карабудахкентском участке против распоряжений Советской власти «о проведении

¹⁰¹ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 40, л. 54.

¹⁰² ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 51, л. 102.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ ЦГА ДАССР, ф. 41-р, оп. 5, д. 42, л. 3.

продналога, набора добровольцев в Красную Армию и агитации против Коммунистической партии».¹⁰⁵

Вызванный для объяснений А. Акушинский на заседании Дагревкома вынужден был признаться в том, что он вёл антисоветскую агитацию, в частности, выступал против набора добровольцев в Красную Армию и проведения продналога, и заявил, что «приходит к окончательному убеждению о неправильной линии своего поведения и впредь желает подчиняться всем распоряжениям власти и работать совместно».¹⁰⁶

Дагревком и обком партии приняли ряд мер для пресечения подрывной деятельности А. Акушинского и его сторонников. Духовенство было отстранено от участия в государственном строительстве.

Вместе с тем руководители республики проводили большую работу по привлечению на сторону Советской власти лояльной части духовенства. В условиях Дагестана, где к моменту установления Советской власти насчитывалось всего лишь несколько десятков учителей, нельзя было не использовать хотя бы в первое время 5-тысячную армию арабистов в работе по ликвидации неграмотности населения.

Одним из мероприятий в этом направлении явился съезд алимов Дагестана, созванный 12 июля 1920 г. в городе Темир-Хан-Шуре. В работе съезда приняли участие более 300 человек, прибывших из всех округов. Делегаты съезда одобрили политику Советской власти и взяли на себя обязательство бороться с безграмотностью. Съезд призвал всех грамотных мусульман активно участвовать в качестве учителей и культурно-просветительных работников в социалистическом строительстве.¹⁰⁷

Большая часть арабистов стала служить Советской власти и постепенно втянулась в общее русло социалистического строительства. Будучи грамотными людьми, они работали в качестве переводчиков, сотрудников советских учреждений. Из этой части духовенства вышло немало преподавателей советских школ, научных работников, поэтов (А. Каяев, М.-С. Саидов, Гамзат Цадаса, С. Абдуллаев, Ш. Рашкуев, Г. Гузунов, М. Гайдарбеков и др.).

Одновременно с привлечением старых кадров интеллигенции в Дагестане развернулась форсированная подготовка новых, советских кадров для государственного аппарата, народного хозяйства, учреждений культуры и здравоохранения. 1 июня 1920 г. в Темир-Хан-Шуре при отделе внутренних дел Дагревкома начала работать школа по подготовке совет-

¹⁰⁵ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 3, д. 9, л. 146.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 8, л. 58.

ских работников.¹⁰⁸ Во многих городах и округах были созданы вечерние курсы для служащих советских учреждений.¹⁰⁹ С осени 1920 г. начали функционировать курсы по подготовке работников рабоче-крестьянской инспекции. Из числа красных партизан была подготовлена большая группа младшего командного состава милиции. 20 июня в областном центре состоялось открытие школы красных командиров.¹¹⁰ В целях подготовки специалистов средней квалификации, в республике была создана целая сеть школ и курсов. В ноябре состоялось открытие областных кооперативно-счетоводных курсов, на которые было принято свыше 60 слушателей, преимущественно представителей горской бедноты.¹¹¹ Одновременно функционировали краткосрочные курсы по подготовке продовольственных, финансовых, статистических, почтово-телеграфных и других работников.¹¹²

В городах и округах Дагестана были созданы педагогические курсы по подготовке учителей для советских школ. Уже в середине 1920 г. в Темир-Хан-Шуре работали курсы на 150 человек, в Дербенте — на 100 человек. Большая помощь в их организации была оказана Азербайджанским ревкомом — в Дагестан были направлены преподаватели, большое количество учебных пособий и книг.¹¹³ Большой отряд учителей из округов был направлен на педагогические курсы, открытые в гор. Пятигорске.¹¹⁴ В Дербенте, Маджалисе и ряде других окружных центров были организованы курсы работников дошкольного воспитания. Окончившие курсы были направлены в города и округа для организации детских садов, яслей и т. д.¹¹⁵

В 1921 г. при Наркомпросе функционировали постоянно действующие курсы по подготовке инструкторов по ликвидации безграмотности.¹¹⁶ 11 июля 1921 г. состоялся первый выпуск курсантов школы по подготовке преподавателей физического воспитания.¹¹⁷ Для всех студентов-дагестанцев, обучающихся в вузах страны, были назначены специальные стипендии и пособия.¹¹⁸

8 мая 1920 г. Дагревком принял постановление об открытии при Темир-Хан-Шуринской городской больнице годичной

¹⁰⁸ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 8, л. 58; д. 53, л. 9.

¹⁰⁹ ЦГА ДАССР, ф. 183-р, оп. 4, д. 34, л. 7.

¹¹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 808-р, оп. 1, д. 1, л. 30.

¹¹¹ Газета «Советский Юг», 19 ноября 1920 г.

¹¹² ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 8, л. 98; ф. 183-р, оп. 4, д. 34, л. 9; ф. 4-р, оп. 2, д. 4, л. 2.

¹¹³ ЦГИА Азербайджанской ССР, ф. 275-р, оп. 1, д. 1, л. 3.

¹¹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 1, д. 72, л. 10.

¹¹⁵ Там же, л. 1.

¹¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 22-р, оп. 2, 72, л. 1.

¹¹⁷ Газета «Светский Дагестан», 31 июля 1921 г.

¹¹⁸ Там же.

фельдшерско-акушерской школы. В школу было принято 60 человек, в том числе 10 женщин.¹¹⁹ В июне 1921 г. в Темир-Хан-Шуре открылись восьмимесячные фармацевтические курсы на 14 человек, в ноябре — курсы акушеров на 12 человек и двухгодичные зубоврачебные курсы на 12 человек.¹²⁰

В связи с крайней нуждой в медицинских работниках, при Наркомздраве был создан институт красных врачей для ускоренной подготовки врачей.¹²¹

Исключительно большая помощь кадрами партийных и советских работников Дагестану была оказана политотделами частей Красной Армии, дислоцированных на территории Дагестана в 1920—1921 гг. Политотделы принимали активное участие в создании областных, городских, окружных партийных и советских органов, в налаживании их работы в проведении политико-просветительной работы среди населения и т. д.

Постановлением Дагобкома РКП(б) от 5 июля 1921 г. политотдел при Дагестанском военном комиссариате был реорганизован и весь личный состав его использован при создании Главполитпросвета и политотдела отдельной Дагестанской бригады Красной Армии.¹²²

Положительное разрешение вопроса о кадрах стало возможным благодаря постоянной помощи ЦК Коммунистической партии и Советского правительства. Центральный Комитет партии, Кавбюро ЦК РКП(б) с огромным вниманием относились к нуждам Дагестана. Северо-Кавказский ревком, Кавбюро ЦК РКП(б), лично Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров оказали большую помощь Дагревкому в создании органов Советской власти. Г. К. Орджоникидзе много раз приезжал в Дагестан. Он побывал не только в городах, но и в далеких горных аулах. Будучи в Дагестане, он проводил совещания руководящих партийных и советских работников, съезды бедноты, на которых разъяснял национальную политику Коммунистической партии в отношении горских народов и всячески подчеркивал необходимость учитывать при социалистическом строительстве специфические социально-экономические и бытовые условия, в которых жили народы Дагестана. В апреле 1920 г. в Дагестан приехал А. И. Микоян. Будучи в Порт-Петровске и в других городах, он выступал на собраниях партийно-советского актива с докладами о задачах местных партийных и советских органов.

Много партийных, советских работников и специалистов в Дагестан послал братский Азербайджан. Так, по просьбе

¹¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 15, лл. 33, 37.

¹²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 22-р, оп. 2, д. 72, л. 1.

¹²¹ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 3, д. 42, л. 23.

¹²² ЦГА ДАССР, ф. 25-р, оп. 7, д. 12, лл. 315—316.

Даггревкома в Дагестан были направлены из Азербайджана коммунисты-дагестанцы, большой отряд инженеров, техников, счетных и других работников.¹²³

Многие дагестанские работники прошли подготовку в Москве. В конце 1920 г. в Москву на коммунистические курсы были направлены 5 человек.¹²⁴ С поездом «Красный Дагестан» в Москву на учебу выехала группа курсантов в количестве 100 человек.¹²⁵

Важную роль в создании государственного аппарата Дагестана сыграли Д. Коркмасов, С. Габиев, Н. Самурский, Б. Шеболдаев, В. Нанейшвили, Д. Козбанов, П. Ковалев, К. Мамедбеков, Полин, Е. Гоголев, Н. Тутьшкин, С. Тымчук, А. Турбин (Дьяков), М. Косицын, И. Маскин, В. Гавриленко, М. Цадик, Л. Фрибус, И. Векшин и многие другие.

Успех государственного строительства зависел прежде всего от участия в нем широких масс горской бедноты. Но на путях привлечения горцев к государственному строительству было немало препятствий, обусловленных особенностями экономического и культурного развития Дагестана.

Кавказская краевая партийная конференция, состоявшаяся в конце октября 1920 г., подчеркивая сложность социально-экономических и национально-бытовых условий на Кавказе, обратила внимание партийных организаций на необходимость особой осторожности и внимательности в проведении социалистических преобразований среди горских народов.

«Опыт существования Советской власти в горских округах Северного Кавказа и Дагестана, — говорилось в резолюции конференции, — совершенно определенно показал, что утверждение всех принципов советского строительства среди горцев станет возможным только при том неременном условии, когда широкие горские массы вполне сроднятся с советскими формами общежития, когда массы горского населения станут активными в советском строительстве. Достигнуть этого можно путем более непосредственного вовлечения горского населения в общее советское русло».¹²⁶

Конференция специально обсудила вопрос о работе среди горцев Дагестана и Терека. При этом особое внимание было уделено выработке методов партийной и советской работы среди горцев.

Учитывая малочисленность рабочего класса на Северном Кавказе, в частности в Дагестане, Коммунистическая партия во всей своей практической деятельности смело опиралась на

¹²³ Архив Ростовского обкома КПСС, ф. 1966-р, оп. 1, д. 17, л. 52.

¹²⁴ ЦГА ДАССР, ф. 34-р, оп. 1, д. 56, л. 3.

¹²⁵ ЦГА ДАССР, ф. 4-р, оп. 2, д. 13, л. 62.

¹²⁶ «Известия Кавказского бюро ЦК РКП(б), № 2, 13 декабря 1920 г.

горскую бедноту, ставшую основной базой диктатуры пролетариата в конкретных условиях Северного Кавказа.¹²⁷

Руководствуясь выработанной Кавказским бюро ЦК РКП(б) тактической и политической линией, Дагестанская партийная организация и Дагревком провели целый ряд организационно-политических мероприятий, которые способствовали дальнейшему упрочению Советской власти, повышению политической сознательности горского населения, сплочению широких народных масс вокруг Советов и привлечению горцев к активному участию в государственном строительстве. К числу таких мероприятий относятся съезды ревкомов, горской бедноты, красных партизан, «месячник горской бедноты», различные «недели», беспартийные конференции, съезды алимов и, наконец, съезды Советов.

Циркулярное письмо Дагревкома всем ревкомам от 27 марта 1921 г., отмечая недостаточность связей органов власти с широкими бедняцкими массами, указывало, что «привлечение широких масс к советскому строительству и в ряды нашей партии является одной из основных задач».¹²⁸ Далее в письме указывалось на необходимость применения таких форм политических мероприятий, как широкие конференции рабочих, работниц, красноармейцев, крестьян; регулярные выезды и выступления ответственных партийных и советских работников перед трудящимися; опубликование декретов Советской власти и разъяснение их на митингах, собраниях и в беседах; широкое привлечение бедноты к работе в государственных учреждениях и т. д.

Одним из своеобразных путей привлечения горской бедноты к государственному управлению было создание комитетов бедноты. Организация их в Дагестане происходила значительно позже, чем в центральной России и притом в несколько иной обстановке. Они создавались до организации Советов, как органы, осуществляющие контроль горской бедноты над деятельностью ревкомов.

Решение о создании комитетов бедноты было принято на I съезде сельской бедноты и сельских ревкомов.¹²⁹ Вскоре после этого съезда комитеты бедноты возникли в аулах Темир-Хан-Шуринского, Хасавюртовского и Кайтаго-Табасаранского округов. Затем комитеты бедноты были созданы во многих аулах горных округов.

Особенно усилилась работа по созданию комитетов бедноты в период «Месячника горской бедноты» и подготовки к выборам в Советы. Так, например, в Андийском округе

---

¹²⁷ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 2, д. 231, л. 49.

¹²⁸ ЦГА ДАССР, ф. 41-р, оп. 5, д. 1, л. 41.

¹²⁹ «Революционные комитеты Дагестана», стр. 93.

комитеты бедноты были организованы почти во всех аулах округа.¹³⁰

Комитеты бедноты, в которые входили красные партизаны, представители бедноты, сыграли определенную роль в упрочении Советской власти, в деле привлечения горской бедноты к государственному управлению. В конце 1921 г., в связи с переходом от системы ревкомов к Советам, они прекратили свою деятельность.¹³¹

Непосредственное руководство государственным строительством в Дагестане осуществляли Кавказское бюро ЦК РКП(б), Дагестанский комитет РКП(б) и местные партийные организации. Всей многогранной деятельностью Дагревкома и его отделов руководил областной комитет РКП(б). Важнейшие принципиальные вопросы советского и хозяйственного строительства обсуждались на партийных конференциях, пленумах обкома партии, заседаниях оргбюро РКП(б), совещаниях ответственных партийных и советских работников.

В некоторых округах были случаи, когда отдельные руководящие советские работники пытались не подчиняться решениям партийных организаций и противопоставлять себя им. 25 сентября 1921 г. Дагестанский обком РКП(б) направил всем партийным органам специальное письмо, в котором были определены основы взаимоотношений партийных и советских органов. Констатируя наличие в ряде мест ненормальных взаимоотношений между ними, обком указывал, что «почвой для появления подобных ненормальностей, особенно в округах более отсталых по своей работе, служило прежде всего непонимание некоторыми ответственными советскими работниками роли Коммунистической партии и партийных комитетов».¹³²

В целях согласованной работы, в письме предлагалось систематически обсуждать на партийных конференциях, собраниях и заседаниях принципиальные вопросы советского и хозяйственного строительства. Вместе с тем, обком РКП(б) предостерегал местные партийные организации от мелочного вмешательства в работу советских органов.

* * *

Характерная особенность создания советского государственного аппарата в Дагестане состояла в том, что приходилось приспособлять его по существу к докапиталистическим отношениям, которые являлись господствующими в дагестанском ауле.

¹³⁰ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 55, л. 6.

¹³¹ Газета «Советский Юг», 20 февраля 1921 г.

¹³² ЦГА ДАССР, ф. 50-р, оп. 1, д. 1, л. 37.

В этой связи нельзя не привести следующие слова В. И. Ленина: «...установлено определенно, что всем трудящимся массам среди наиболее отдаленных народов близка идея Советов, что эти организации, Советы, должны быть приспособлены к условиям докапиталистического общественного строя».¹³³

Данное обстоятельство в свою очередь определяло целый ряд других особенностей. Так, в силу экономической и культурной отсталости Дагестана, было необходимо в более широких масштабах использовать старую интеллигенцию, служащих старых органов и учреждений.

Задача слома старого государственного аппарата в Дагестане облегчалась тем, что еще в ходе вооруженной борьбы на значительной части Дагестана, освобожденной от деникинцев, были ликвидированы старые органы власти, а в ряде округов возникли новые органы революционной власти, выражавшие интересы всех слоев населения, участвовавших в антиденикинском движении.

Своеобразной чертой становления нового государственного аппарата явилось то, что Советская власть в начальный период своего существования смело использовала некоторые органы революционной власти, созданные в ходе вооруженного восстания. Это объясняется тем, что они, возникнув как органы вооруженного восстания в период общедемократического, антиколониального и антифеодального этапа революции, к исходу освободительной борьбы претерпели изменения в классовом отношении. Так, в отдельных округах Советы обороны продолжали в течение некоторого времени функционировать как органы Советской власти. В процессе упрочения Советской власти эти органы реорганизовывались или заменялись другими, более отвечающими интересам революции.

В государственном строительстве особое значение приобретали моменты религиозного и национального характера. Игнорирование этих моментов и копирование общероссийской тактики без учета конкретных условий дагестанской действительности привело бы к нежелательным политическим последствиям, затруднило бы социалистическое строительство.

В письме коммунистам Кавказа от 14 апреля 1921 г. В. И. Ленин требовал, чтобы они «поняли своеобразие их положения, положения их республик, в отличие от положения и условий РСФСР, поняли необходимость не копировать тактику, а обдуманно видоизменять её применительно к различию конкретных условий».

¹³³ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 219—220.

¹³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 295.

Именно поэтому, создавая в Дагестане государственные органы, приходилось учитывать место шариата и адатов в жизни горцев.

Одним из специфических моментов национально-государственного строительства в Дагестане явились постепенность и относительная медлительность его по сравнению с центральной Россией. В известном письме В. И. Ленин писал: «Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР».¹³⁵

В другом письме В. И. Ленин указывал, что необходимо «внимательное, осторожное, с рядом уступок отношение к мусульманской бедноте».¹³⁶

Одной из отличительных особенностей государственного строительства в Дагестане было то, что достоянием трудящихся стал богатейший трехлетний опыт советского, хозяйственного и культурного строительства Советской России.

Говоря о благоприятных для национальных окраин условиях, каких не было у Советской России, и о значении ее опыта для этих окраин, В. И. Ленин писал: «Советская республика в России не имела политической и военной поддержки нигде. Напротив, она годы и годы боролась против военных нашествий Антанты и ее блокады. Советские республики Кавказа имели политическую и в небольшой мере военную поддержку от РСФСР. Это коренное отличие».¹³⁷

И, наконец, государственное строительство в Дагестане в известной степени облегчалось еще и тем, что многие руководящие работники имели опыт советского строительства, накопленный в период существования Советской власти в Дагестане в 1917—1918 гг. Таким образом, становление советского государственного аппарата в Дагестане происходило в соответствии с общими закономерностями государственного строительства, присущими социалистическому обществу. Вместе с тем государственное строительство в Дагестане имело ряд особенностей, вытекавших из социально-экономических условий, сложившихся в области к моменту победы Советской власти.

---

¹³⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 296.

¹³⁶ «Ленинский сборник», XXXVI, стр. 305.

¹³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 295.

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ РАБОЧИХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ В ПРОФСОЮЗЫ

(1905—1907 гг.)

В период первой русской революции на Северном Кавказе возникли первые профессиональные союзы, которые сыграли большую роль в политическом воспитании рабочих края. Создание массовых классовых организаций происходило одновременно с ростом революционного сознания рабочих в 1905—1907 гг.

Вопрос о возникновении и развитии профсоюзов в крае до сих пор не был предметом специального изучения. Лишь деятельность профсоюза рабочих и служащих Владикавказской железной дороги нашла отражение в работах историков.¹ При этом многие из них не выходят за рамки истории отдельных областей Северного Кавказа. К тому же в вышедших работах крайне мало внимания обращено на профдвижение периода отступления первой русской революции в крае. Между тем в 1906—1907 гг. профессиональным движением здесь было охвачено значительное количество рабочих.

Многонациональный пролетариат Северного Кавказа, будучи одним из отрядов российского рабочего класса, проявил в 1905—1907 гг. огромную революционную энергию, которая подняла на борьбу с царизмом и капитализмом тысячи трудящихся края.

Возглавляемая революционными социал-демократами,

---

¹ П. В. Семернин. Рабочий класс в революции 1905—1907 гг. в Азово-Черноморском и Северо-Кавказском краях. Ростов н/Д, 1935; Ю. Серый. Страницы прошлого. Ростов н/Д, 1955; М. В. Дрогалина. Революция 1905—1907 гг. на Ставрополье. Ставрополь, 1955; И. К. Керимов. История профсоюзного движения в Дагестане. Махачкала, 1963 и др.

борьба рабочих в 1905—1907 г. оказала большое влияние на создание классовых организаций пролетариата Северного Кавказа. Не говоря уже о дальнейшем укреплении социал-демократических групп, которые возникли здесь еще в 1904 г., в 1905—1907 г. революционное творчество рабочих создало на Северном Кавказе, как и в центральной России, особую форму власти в лице Советов рабочих депутатов и стачечных комитетов, форму защиты своих завоеваний в лице боевых дружин, а в ряде мест — народных судов, форму школы классовой борьбы в лице профсоюзов. Перисд подъема первой русской революции (1905 г.) В. И. Ленин назвал полосой «максимального расцвета народной самодеятельности, свободных и широких организаций всех классов населения...».²

Отклик края на расстрел петербургских рабочих 9 января 1905 г. явился первой революционной волной на Северном Кавказе. В январе — феврале 1905 г. в Ставрополе, Майкопе, Тихорецке, Петровске, Грозном, Новороссийске, Екатеринодаре, на Владикавказской железной дороге в знак протеста против расстрела петербургских рабочих проходили стачки, митинги и демонстрации.

Во главе этих выступлений стояли революционные социал-демократы, которые в специальных листовках известили трудящихся края о начале русской революции. В то же время революционные социал-демократы края проводили большую работу по созданию профессиональных организаций, которые, как указывал В. И. Ленин, призваны были сыграть важную роль в политическом пробуждении рабочих.³

Революционные социал-демократы призывали рабочих теснее сплотиться вокруг партийных комитетов, создать свои классовые организации. Только в этом случае, указывали они, рабочие могут успешно бороться против гнета царизма и капиталистической эксплуатации. Так, 10 апреля 1905 г. Армавирская группа РСДРП, в связи с тем, что рабочие добились в результате забастовки некоторого улучшения своего экономического положения, выступила с призывом: «Немедленно соединяйтесь, товарищи, в кружки... Сегодня вы добились кое-каких из ваших требований, завтра вы можете их лишиться... если вы не соединитесь в один общий союз и вовремя не сумеете поддержать единодушной забастовкой пострадавших товарищей... Чтобы успешнее шла наша общая борьба с капиталистами, нам необходимо добиться политической свободы — свободы слова, печати, союзов, собраний, стачек... За дело, товарищи! Все за одного, один за

---

² В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 14.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 426.

всех! Долой самодержавие!»⁴ В одной из листовок Анапской группы РСДРП говорилось: «Без ведома выборных рабочих не должно быть продано ни одного пуда рыбы, а также куплено что-нибудь. Выбранные от рабочих и хозяева должны отдавать отчет всем рабочим каждые две недели».⁵

Из листовок, распространявшихся в то время на Северном Кавказе, видно, что большевики с самого начала революции были инициаторами объединения рабочих в профсоюзы и рассматривали их как школу организации политической и экономической борьбы с существующим строем. В этих листовках проводились идеи единения рабочих всех профессий, вооруженной борьбы с царизмом и капитализмом. Требования северокавказских рабочих, выдвинутые ими в начале 1905 г., также свидетельствуют, что они еще тогда стремились создавать свои профсоюзы.

В ходе революционных выступлений рабочие Новороссийска, Армавира, Анапы, Ейска, Майкопа требовали организации специальных комиссий выборных от всех рабочих и приступали к их созданию. «Негласные кассы» и «рабочие комиссии» руководили выступлениями рабочих. В период майской забастовки 1905 г. в Ейске полицейские власти установили: «что у забастовщиков существовала негласная касса для помощи более нуждающимся забастовщикам».⁶ 27 марта 1905 г. на общем собрании торгово-промышленные служащие Армавира выработали «условия служебных отношений между хозяевами и служащими».⁷ В поддержку требований торгово-промышленных служащих выступили почти все рабочие Армавира, в результате чего хозяева вынуждены были согласиться с этими условиями. «Выборные комиссии», «негласные кассы» и явились первыми зародышевыми формами профсоюзов на Северном Кавказе.

Весной 1905 г. революционная борьба рабочих Северного Кавказа развернулась с новой силой и характеризовалась переходом рабочих от экономической борьбы к политической.

Новый революционный подъем на Северном Кавказе в мае 1905 г. оказал большое влияние на дальнейший рост классовой солидарности и сознательности пролетариата края. Кое-где делаются первые попытки объединения мелких профсоюзов. Так, 8 мая в Пятигорске состоялось организационное собрание представителей металлистов, чернорабочих, ремесленников, строителей. В нем участвовало 400 человек. Рабочие, выступившие на собрании, «почти все едино-

⁴ Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг. Сб. документов и материалов. Краснодар, 1956, стр. 44—45.

⁵ ГАКК, ф. 454, д. 3284, л. 536.

⁶ Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг. Сб. документов и материалов. Краснодар, 1956, стр. 56.

⁷ Там же.

гласно высказались в том смысле, что в борьбе за свои жизненные интересы трудящимся без различия рода занятий необходимо сплотиться в тесный союз».⁸ Было решено учредить «Общество взаимопомощи трудящихся».

В ходе июньской общей стачки сочинские рабочие также объединились в профсоюз. Само название его — «Союз объединенного труда» — свидетельствует, что в профсоюз вошли рабочие разных профессий. «Союз объединенного труда» активно включился в подготовку и проведение сочинского вооруженного восстания в декабре 1905 г. и работал под руководством местных большевиков.⁹

Растущее революционное движение во всей стране оказало огромное влияние также на создание профсоюза железнодорожников Северного Кавказа.¹⁰ Июльская стачка была первым серьезным шагом к объединению рабочих Владикавказской железной дороги вокруг политических и экономических требований.

Накануне этой стачки среди рабочих депо усиливается движение за объединение в профсоюз. В Новороссийске после двухдневной демонстрации 1—2 мая 1905 г. рабочие депо на своем общем собрании выработали следующие требования: неприкосновенность личности всех депутатов и ораторов; свобода стачек, союзов и собраний; «принимать и увольнять начальствующие лица не имеют права, а это должно производиться самими рабочими» и др.¹¹

В мае и июне полицейские власти с тревогой доносили о сходках рабочих депо станций Кавказская, Тихорецкая, Минеральные Воды и Новороссийск. На этих сходках рабочие, помимо выработки общих требований к управлению Владикавказской железной дороги, говорили о необходимости образования единого профсоюза железнодорожников края.

В сводке общих требований рабочих Владикавказской железной дороги в июле 1905 г. было выдвинуто требование свободы союзов.¹² Кроме того, железнодорожники добивались признания открытой деятельности профсоюза. «Администрация сама не должна увольнять мастеровых и рабочих,

---

⁸ Газ. «Кавказские Минеральные Воды», 11 мая 1905 г.

⁹ В. А. Скибицкий. Героические годы. Очерк о революционном движении в Черноморской губернии в годы первой русской революции (1905—1907 гг.). Краснодар, 1956, стр. 39.

¹⁰ На Владикавказской железной дороге в 1904 г. было занято свыше 28 тыс. чел. В 1905 г. железнодорожники провели три стачки (в июле, октябре и декабре).

¹¹ Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов. Краснодар, 1956, стр. 48—51.

¹² Там же, стр. 66—67; М. В. Дрогалкина. Революция 1905—1907 гг. на Ставрополье. Ставрополь, 1955, стр. 36.

для этого должна быть комиссия из выборных от мастеровых и рабочих с равным количеством, только по постановлениям таковой комиссии может состояться увольнение мастерового или рабочего», — заявили рабочие и служащие депо ст. Минеральные Воды накануне стачки. Аналогичные требования были выдвинуты также рабочими других депо.¹³ Общий свод требований рабочих Владикавказской железной дороги рассматривался на совещании представителей железнодорожников, которое состоялось 2 июля 1905 г. в Минводах. Это совещание нужно рассматривать как первую попытку рабочих железной дороги объединиться в профсоюз на основе единой политической и экономической программы.

Следующим толчком к оформлению союза железнодорожников Северного Кавказа послужила Всероссийская политическая стачка, начатая 7 октября 1905 г. 13 октября она перекинулась на Владикавказскую железную дорогу. Рабочие организации в крае впервые стали функционировать открыто.

К началу стачки было приурочено открытие делегатского собрания рабочих и служащих Владикавказской железной дороги, которое обсудило вопросы об отношении железнодорожников к программе Всероссийского железнодорожного союза и об образовании профсоюза рабочих и служащих Владикавказской железной дороги.

Собрание решило присоединиться к требованиям Всероссийского союза железнодорожников, который оформился в апреле 1905 г. на 1 съезде 10 казенных и частных дорог.¹⁴

На этом же собрании было принято решение об образовании профсоюза рабочих и служащих Владикавказской железной дороги. Для руководства им было избрано «организационное бюро».

В обстановке продолжавшейся стачки по всей линии Владикавказской железной дороги развернулось мощное движение рабочих за объединение в профессиональный союз. В записке министру путей сообщения бывший делопроизводитель конторы эксплуатации Владикавказской железной дороги писал, что после 17 октября «началось усиленное движение среди железнодорожных служащих в целях объединения в профсоюз, оно захватило даже тех, кто никогда политикой не занимался».¹⁵

Во второй половине октября 1905 г. на всех больших станциях дороги возникли отделения союза — «районные бюро». Общее руководство деятельностью профсоюза осу-

¹³ ГАКК, ф. 454, д. 3185, л. 21.

¹⁴ Профессиональное движение. 1905 год. Сб. документов и материалов. М.-Л., 1926, стр. 245.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 273, оп. 12, д. 374, л. 43.

ществляло Ростовское бюро, которое получило название «Центральное».

Окончательно союз оформился на I съезде, состоявшемся в Ростове-на-Дону 23—27 октября. Съезд утвердил временный устав союза, но общее положение было решено разработать на собраниях «местных бюро» в виде проектов для доклада второму съезду. Так прошло организационное оформление первого крупного профессионального союза на Северном Кавказе, объединившего рабочих и служащих Владикавказской железной дороги.

Следует отметить, что в союз вошли все категории железнодорожников: рядовые рабочие и высокооплачиваемые машинисты, специалисты и работники административного аппарата. Буржуазная интеллигенция при поддержке соглашательских групп стремилась ограничить деятельность союза экономической борьбой, которая должна была выражаться в «защите» экономических интересов рабочих и «разборе» жалоб, «возникающих между служащими».¹⁶

Управление дороги приняло меры, чтобы навязать союзу угодных ему руководителей. Председателем Центрального бюро стал делопроизводитель конторы И. Н. Шведов. Выборы в бюро производились по каждой службе отдельно, что обеспечило желательное управлению дороги большинство.¹⁷ В бюро 36 мест заняли делопроизводители, техники и лишь 20 мест — представители многотысячного железнодорожного пролетариата края.¹⁸ Большинство Центрального бюро и его председатель Шведов сделали все для того, чтобы изолировать движение железнодорожников от политических и социальных задач революции.¹⁹ И нужно сказать, что первое время под влияние мелкобуржуазного руководства Центрального бюро подпали и некоторые местные бюро. Например, бюро Дербентского района ставило своей целью «проведение в жизнь свобод, дарованных манифестом 17 октября 1905 года...». «Отстаивая все эти пункты, — говорилось в его программе — в крайнем случае устраивать забастовки частичные или общие».²⁰

Революционные социал-демократы края, руководствуясь указаниями III съезда РСДРП о необходимости энергично бороться против всяких попыток буржуазной демократии

¹⁶ Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института, ф. 140, д. 58, л. 36; ЦГА СО АССР, ф. 32, д. 5, л. 23.

¹⁷ Ю. Серый. Страницы прошлого. Ростов-на-Дону, 1955, стр. 35.

¹⁸ Труды первого делегатского съезда служащих Владикавказской железной дороги... Ростов-на-Дону, 1955, стр. 6.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 273, оп. 12, д. 374, лл. 43—43 об.; Ю. Серый. Указ. соч., стр. 35.

²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 89, оп. 1, д. 4, лл. 140, 141.

взять в свои руки рабочее движение и выступать от имени пролетариата или отдельных групп его,²¹ повели решительную борьбу против мелкобуржуазного большинства Центрального бюро профсоюза.

I съезд союза железнодорожников под влиянием революционно настроенных делегатов вынужден был признать, что он не может не считаться с партией рабочего класса и не «искать с ней соглашения».²² На съезде произошла схватка между сторонниками создания независимых друг от друга союзов по профессиям и сторонниками образования общего союза. В выступлениях революционно настроенных делегатов указывалось, что «частные профсоюзы... внесут рознь в среду служащих». И действительно, идея расчленения общего союза железнодорожников была рассчитана на ослабление революционной борьбы рабочих края.

Открытая борьба на съезде разгорелась также при обсуждении «Свода требований» рабочих к управлению железной дороги. Требования состояли из 30 пунктов. Помимо чисто экономических, в них нашли отражение и требования политического характера: отменить военное положение, отстранить жандармов от участия в приеме и увольнении рабочих.

Революционно настроенные делегаты не могли ограничиться одними этими требованиями и выдвинули дополнительные требования: об увеличении зарплаты, установлении 8-часового рабочего дня, праздновании 1 Мая.²³

Рядовые рабочие Владикавказской железной дороги по своей инициативе выступали с еще более решительными требованиями. Поэтому 26 ноября на заседании Центрального бюро Шведов настаивал на том, чтобы местные бюро, прежде чем подавать телеграммы со своими требованиями, высылали бы их в Ростовское бюро для цензуры. Он рассчитывал тем самым отнять революционную инициативу у местных бюро, находящихся под влиянием большевиков, затормозить их деятельность. Эта попытка провалилась. Рабочие мастерских и депо самостоятельно предъявляли свои требования к местным представителям администрации дороги.

То, что Центральное (Ростовское) и некоторые местные бюро обходили требования трудящихся, толкало рабочих на переизбрание руководства. Эта тенденция особенно усилилась во второй половине ноября 1905 г. По признанию председателя Ростовского бюро Шведова, революционные события нарастали с такой быстротой, что Центральное бюро

---

²¹ Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов. М., 1955, стр. 18.

²² Труды первого делегатского съезда служащих Владикавказской железной дороги. Ростов-на-Дону, 1905, стр. 14.

²³ Там же, стр. 45—62.

все более и более подпадало под влияние «массы». Все попытки Шведова использовать бюро в интересах управления дороги провалились, и 2 декабря он вынужден был сложить с себя обязанности председателя, так как «его взгляды встречали оппозицию со всех сторон бюро».²⁴

С этого времени во главе Центрального бюро встал слесарь Главных мастерских железной дороги большевик С. Рейзман. Как отмечено в одном из документов, «после избрания председателем С. Рейзмана партия рабочих взяла верх над партией конторщиков».²⁵

Победа революционно настроенной части членов союза в Центральном бюро оказала громадное влияние на дальнейшее развитие революционной инициативы рабочих Владикавказской железной дороги и на укрепление позиции большевиков на местах. Вскоре руководство отделениями союза в Минеральных Водах, Тихорецке, Грозном и др. перешло в руки революционных социал-демократов.

Профсоюз железнодорожников края сыграл большую роль в вооруженной борьбе рабочих Северного Кавказа в декабре 1905 г. Декабрьская стачка здесь началась по указанию Центрального бюро союза. «Союз служащих Владикавказской железной дороги, — докладывали представители местной администрации, — поставил для себя целью насильственное ниспровержение существующего в России общественного строя, причем для достижения задач названного сообщества... прекратил правильную эксплуатацию железной дороги и затем захватил в свои руки линию и телеграф...».²⁶

По получении телеграммы Центрального бюро за подписью С. Рейзмана (8 декабря 1905 г.)²⁷ рабочие митинги в Грозном, Новороссийске, Минеральных Водах, Тихорецке, Дербенте, Екатеринодаре и др. решили примкнуть к забастовке. «Организационные бюро, — сообщала администрация, — действовали как исполнительная власть, представляли вопросы на обсуждение общих собраний».²⁸

Местные власти вынуждены были также признать, что органы, созданные революционным творчеством народных масс, имели авторитет среди трудящихся и пользовались их поддержкой. «Делегатами, — писал жандармский офицер, — довольно правильно производится эксплуатация дороги для революционных целей. Забастовщики сильно расположили в свою пользу многих жителей».²⁹

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 273, оп. 12, д. 374, лл. 43—43-об.

²⁵ Там же, лл. 47—49.

²⁶ ЦГА ДАССР, ф. 89, оп. 1, д. 4, л. 8; ЦГА СО АССР, ф. 32, д. 6, л. 27.

²⁷ 1905—1907 годы на Дону. Сб. документов. Ростов н/Д, 1955, стр. 184.

²⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 114, оп. 1, д. 202, л. 2 об.

²⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 159, л. 6.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, большевики Северного Кавказа готовили вооруженное восстание; почти во всех крупных пролетарских центрах края были созданы рабочие дружины. Боевым ядром этих дружин были рабочие Владикавказской железной дороги, т. е. члены «организационных» бюро. Повсеместно шли сборы средств для покупки оружия; рабочие железнодорожных мастерских наладили производство самодельных бомб, пуль, холодного оружия и т. д.

Уже в первые дни декабрьской стачки по линии железной дороги началось разоружение жандармов. Инициатором его выступило «организационное» бюро Тихорецка во главе с большевиком Л. Чернышевым. На второй день стачки тихорецкие товарищи телеграммой «для сведения и руководства» известили другие бюро о том, что они разоружили местных жандармов и власть перешла в руки рабочих.³⁰

В Минеральных Водах к разоружению жандармов приступили 13 декабря.

Власть в городах-курортах Кавказских Минеральных Вод оказалась в руках стачечного комитета, в котором большую роль играло местное бюро профсоюза железнодорожников во главе с большевиком Безлущенко.

В Новороссийске и Сочи в декабре 1905 г. власть также перешла в руки восставших. Из Новороссийска доносили, что деятельностью железной дороги «самовольно распоряжается Союз рабочих — Комитет, сей последний отменяет и назначает поезда, запрещает или разрешает те или иные перевозки и передвижения. Выручка же за билеты идет для поддержания революционного движения местного и всероссийского».³¹

Таким образом, из профсоюза рабочих Владикавказской железной дороги фактически выросли такие революционные органы власти в крае, как забастовочные бюро, стачечные комитеты.

Восстание в Ростове, которое началось 13 декабря, оказало сильное влияние на бастующих рабочих Владикавказской железной дороги. С этого времени деятельность местных бюро профсоюза железнодорожников была подчинена помощи Ростову. Председатель Центрального бюро С. Рейзман неоднократно обращался к местным бюро с призывом помочь ростовским товарищам. С целью организации помощи восставшему Ростову был организован специальный делегатский поезд во главе с рабочим ростовских мастерских Бочаровым.

Местные бюро, вопреки противодействию меньшевиков

³⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 114, оп. 1, д. 202, л. 3.

³¹ ЦГИАЛ, ф. 95, оп. 5, д. 593, лл. 10 об.—11.

и эсеров, утверждавших, что Ростовское бюро «взяло на себя больше того, к чему готовилось»,³² организовали сбор средств, отправку в Ростов дружинников.

Таким образом, в декабре 1905 г. Центральное, а также некоторые местные бюро превратились в органы подготовки и проведения вооруженной борьбы железнодорожников. Это объясняется тем, что профсоюз железнодорожников Северного Кавказа возник не на базе легальных возможностей, а вырос из революционной, боевой политической борьбы. Кроме того, переход руководства основными «организационными» бюро профсоюза, особенно центрального, к большевикам и большевистски настроенным рабочим имел большое значение для подготовки и проведения вооруженной борьбы по линии Владикавказской железной дороги.

В период наибольшего подъема революции 1905—1907 гг. на Северном Кавказе возникли также местные комитеты Всероссийского союза почтово-телеграфных служащих. В гор. Ставрополе в конце октября 1905 г. был организован «Союз служащих правительственных и общественных учреждений», в который входили также некоторые работники местной конторы почты и телеграфа. Устав союза предусматривал предъявление самых широких требований, большинство которых носило политический характер.³³

В конце октября 1905 г. работники почтово-телеграфных контор Пятигорска, Владикавказа, Грозного, Екатеринодара, а в начале ноября — Новороссийска, Армавира, Майкопа и Тихорецкой присоединились к Всероссийскому союзу почтово-телеграфных служащих.³⁴ Многие представители местных отделений получили приглашения и выехали на съезд Всероссийского союза почтово-телеграфных служащих, и, когда началась забастовка, известили товарищей о выступлении.

Образование профсоюза было встречено работниками почты и телеграфа Северного Кавказа с большим удовлетворением. Царские власти Кубанской области доносили, что весть об организации Всероссийского почтово-телеграфного союза была встречена в гор. Екатеринодаре «очень сочувственно почти всеми служащими».³⁵

Большинство служащих почтово-телеграфных контор Северного Кавказа приняло участие во всероссийской забастовке, объявленной в ноябре 1905 г. в знак протеста против за-

³² ЦГИА Груз. ССР, ф. 114, оп. 1, д. 202, л. 3 об.

³³ СКГА, ф. 69, д. 413, лл. 81—83.

³⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 23, д. 322, лл. 240—242; д. 535, лл. 2—7; Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг. Сб. документов и материалов. Краснодар, 1956, стр. 129, 131, 132, 133.

³⁵ Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг. Сб. документов и материалов. Краснодар, 1956, стр. 129.

прещения правительством профсоюза почтово-телеграфных работников. 15 ноября к забастовке решили примкнуть работники контор Пятигорска, Екатеринодара, Ставрополя, Новороссийска, Армавира, 16 ноября — Грозного, Петровска, Темир-Хан-Шуры и 17 ноября — ст. Тихорецкой. По донесению наместника на Кавказе, «забастовка почты и телеграфа окончательно останвила жизнь государства, изолировала его от всего мира».³⁶

На Северном Кавказе комитеты Всероссийского союза почтово-телеграфных служащих пользовались поддержкой трудящихся края. В Пятигорске, Новороссийске, Екатеринодаре, Ставрополе и других городах в адрес комитетов поступали пожертвования в пользу бастующих.

Следует отметить, что запрещение профсоюза служащих почты и телеграфа и начавшиеся вслед за этим репрессии послужили для местных комитетов формальным поводом к забастовке. Работники почты и телеграфа края выступили, как и по всей России, за улучшение своего тяжелого экономического положения и против политического гнета царизма. В ходе забастовки требования работников почты и телеграфа принимали все более политический характер.

Царским властям не удалось сломить забастовку. Во многих городах Северного Кавказа почтово-телеграфная забастовка влилась в декабре 1905 г. во всероссийскую стачку, и в дни вооруженной борьбы краевого пролетариата контроль над почтой и телеграфом перешел в руки рабочих.

Мы, к сожалению, не располагаем полными данными о том, программой какой партии руководствовались северокавказские комитеты Всероссийского профсоюза работников почты и телеграфа. Имеющиеся же материалы говорят, что подавляющее большинство членов этих комитетов были беспартийными.

Однако определенно можно сказать, что в Екатеринодаре, Новороссийске, Грозном, Армавире большое влияние на комитеты оказали социал-демократические организации. Так, например, комиссия по обследованию причин забастовки в Екатеринодаре установила, что на собраниях местного комитета «...присутствовали постоянные лица и, в частности, представители социал-демократической рабочей партии». На этих заседаниях они произносили речи и выражали решимость рабочих поддержать забастовку. Далее в этом же документе сказано, что «влияние социал-демократической рабочей партии сказалось очень сильно в деле забастовки...».³⁷ В Георгиевске, когда некоторые работники, шедшие

³⁶ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 1, д. 78, лл. 2—3.

³⁷ Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг. Сб. документов и материалов. Краснодар, 1956, стр. 130.

на поводу у черносотенной пропаганды, решили прекратить стачку, на митинге работников местной конторы один из ораторов «...призывал почтово-телеграфных служащих к забастовке, как единственному средству борьбы с правительством в целях изменения существующего в государстве общественного строя, советуя им примкнуть к социал-демократической партии, бойкотировать Государственную думу, которая не дает народу тех прав, которые он должен получить и какие может дать ему Учредительное собрание».³⁸ После этой речи митинг решил продолжать забастовку. О влиянии социал-демократов на забастовку служащих почты и телеграфа и в других городах Северного Кавказа также сохранились некоторые материалы.³⁹

Как видно из документальных данных, движение работников почты и телеграфа Северного Кавказа за объединение в свои профорганизации, а также их забастовка проходили под определенным влиянием революционных социал-демократов. Это влияние особенно усилилось к концу 1905 г.

* *
*

Достигнув в декабре 1905 г. своей высшей точки, революционное движение в стране потерпело поражение. На Северном Кавказе вооруженная борьба рабочих также была подавлена. Почти все губернии, области края и Владикавказская железная дорога были объявлены на военном положении, на основании чего производились массовые аресты и увольнения.

Царские власти понимали, какую громадную роль в организации вооруженной борьбы рабочих края сыграли профессиональные союзы, поэтому обрушились на них и прежде всего на самые крупные из них — союзы рабочих и служащих Владикавказской железной дороги и почтово-телеграфных контор. Из мастерских и депо железной дороги было уволено свыше 1220 рабочих, причем 532 — с лишением права вторичного приема на работу.⁴⁰ Только из почтово-телеграфных контор Владикавказа, Грозного, Новороссийска, Пятигорска, Ставрополя было дополнительно уволено в ян-

³⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 22, д. 535, лл. 2—7 об.

³⁹ СКГА, ф. 1008, д. 70, лл. 25—30; Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг. Сб. документов и материалов. Краснодар, 1956, стр. 131, 133; Северная Осетия в революции 1905—1907 гг. Документы и материалы. Орджоникидзе, 1955, стр. 267.

⁴⁰ М. Шигабудинов. Рабочее движение на Северном Кавказе в период первой русской революции. «Ученые записки» ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. X, 1962, стр. 56.

варе 1906 г. 54 человека.⁴¹ В Ставропольской конторе число уволенных достигало 30% всех работающих.⁴² На станциях железной дороги были запрещены всякие митинги и собрания, закрыты железнодорожные клубы, читальни и даже столовые.⁴³

Несмотря на репрессии царизма, отступление революции на Северном Кавказе, как и во всей стране, шло с боями, принимавшими порою острый характер. В 1906—1907 гг. на Северном Кавказе наблюдалось два подъема революционного движения — во втором квартале 1906 г. и в июне 1907 г.

В 1906—1907 гг. также наблюдается дальнейшее укрепление социал-демократических организаций Северного Кавказа, в них усилилось влияние большевиков.

Все эти факторы способствовали росту классового самосознания рабочих края, усилению профсоюзного движения. В период отступления первой русской революции профессиональным движением здесь были охвачены даже менее организованные рабочие и служащие.

Царские власти, издав «Временные правила о профессиональных обществах», в начале 1906 г. сделали попытку ограничить их деятельность рамками «законности», поставить их под контроль полиции. Царским указом были лишены права объединяться в профсоюзы железнодорожники, почтово-телеграфные служащие и др. Закон запрещал объединение профсоюзов в масштабе города, области и т. д., разрешая существование отдельных, не связанных между собой союзов.⁴⁴ Союзы обязаны были регистрироваться.

Большевики Северного Кавказа развернули большую работу по сохранению нелегального профсоюза железнодорожников и созданию новых союзов. В своей пропаганде они разъясняли рабочим края необходимость создания широких классовых организаций, руководили их революционной работой. «Для того, чтобы завоевать власть, — писали большевики в листовке Северокавказского Союза РСДРП в 1906 г., — нужно объединиться всем сторонникам свободы между собою, нужно объединиться с теми солдатами и казаками, которые сочувствуют народу, нужно запастись хоть небольшим количеством оружия».⁴⁵ Эта листовка, напечатанная тиражом в 3 тыс. экз., широко распространялась в крае.

В свою очередь передовые рабочие Северного Кавказа во главе с революционными социал-демократами проявили

---

⁴¹ Северная Осетия в революции 1905—1907 гг. Документы и материалы, Орджоникидзе, 1955, стр. 264.

⁴² Газ. «Северный Кавказ», 13 декабря 1905 г.

⁴³ ГАКК, ф. 454, д. 3285, лл. 5, 6.

⁴⁴ История профдвижения в СССР. Профиздат, 1961, стр. 40—41.

⁴⁵ ГАКК, ф. 454, д. 3284, л. 39.

и после поражения вооруженного восстания решимость объединиться в профсоюзы. «Склонность рабочих, — доносили краевые власти, — ко вступлению в профессиональные союзы не могла не привлечь к себе внимания революционных организаций, которые не замедлили принять меры к использованию такого положения дел в своих партийных целях. Первой из существующих революционных организаций в деле использования профессионального движения в свою пользу стала Российская социал-демократическая партия...». ⁴⁶

Так, в декабре 1905 г. с помощью Минводской группы Терско-Дагестанского комитета РСДРП в Пятигорске было организовано собрание представителей рабочих Минеральных Вод, Кисловодска, Пятигорска, которое выработало устав своего профсоюза. В последующие дни оформились профсоюзы каменщиков, сапожников и несколько ранее — союз работников трамвайного парка Пятигорска. ¹⁷

Несмотря на запрещение властей, образовали свои профсоюзы служащие государственных учреждений и торгово-промышленных предприятий. В Грозном во главе профсоюза работников госучреждений и служащих торгово-промышленных заведений, который возник в начале 1906 г., встали большевистски настроенные работники. ⁴⁸ Еще до этого в Грозном образовались профсоюзы металлистов и типографских рабочих. ⁴⁹

Особенно усилилось стремление рабочих Северного Кавказа к объединению в профсоюзы в мае-июне 1906 г., что было связано с новым подъемом революционного движения в крае.

2 мая в Ставрополе состоялось собрание служащих типографских и переплетных мастерских города. Собрание рассмотрело устав союза и решило организовать профсоюз печатников. ⁵⁰ В мае 1905 г. в Армавире было организовано еще два профсоюза — булочников, кондитеров, пряничников и рабочих портняжного дела. Тогда же армавирские революционные социал-демократы развернули работу по объединению торгово-промышленных служащих в профессиональный союз. ⁵¹

О том, как летом 1906 г. среди рабочих ширилась идея объединения в профсоюзы свидетельствовало также сообще-

---

⁴⁶ СКГА, ф. 1008, д. 106, лл. 101—102.

⁴⁷ Газ. «Народная правда», № 3, декабрь 1905 г.

⁴⁸ А. Хасбулатов. Чечено-Ингушетия в революции 1905—1907 гг. (рукопись).

⁴⁹ Е. П. Киреев. Пролетариат Грозного в революции 1905—1907 гг. Грозный, 1955, стр. 161.

⁵⁰ Газ. «Голос», 4 мая 1906 г.

⁵¹ Газ. «Голос», 30 мая 1906 г.

ние социал-демократической газеты «Колос»: «На днях у нас образовалось два профессиональных союза: печатников и портных. Профессиональное движение разрастается вообще на группах К., М., В. Как ни старается начальник области со своим военным положением и казаками, все же ему не победить народа».⁵²

Несмотря на репрессии царизма, профессиональный союз рабочих Владикавказской железной дороги продолжал существовать нелегально.

С объявлением декабрьской стачки был созван II съезд профсоюза железнодорожников, который состоялся в Ростове 11—13 декабря.⁵³ Однако с занятием ростовского вокзала царскими войсками 13 декабря делегаты вынуждены были покинуть Ростов. Прибывшие в Батайск делегаты Грозного. Дербента рекомендовали «немедленно собраться в Минеральных Водах и взять в свои руки руководство забастовкой, ввиду крайне тяжелого положения Ростовского бюро».⁵⁴

На собрании, состоявшемся 15 декабря на ст. Минеральные Воды, обсуждался вопрос об образовании нового Центрального бюро, вскоре была также получена телеграмма от ростовских большевиков с просьбой организовать Центральное бюро для руководства вооруженной борьбой.⁵⁵

У нас нет прямых свидетельств об образовании нового Центрального бюро на этом собрании. Но деятельность стачечного комитета ст. Минеральные Воды по руководству забастовкой дает основание полагать, что временно функции Центрального бюро перешли к местному отделению Союза железнодорожников.

После подавления декабрьского вооруженного восстания, большевики Северного Кавказа развернули борьбу за сохранение Союза рабочих и служащих Владикавказской железной дороги. Еще 28 декабря 1905 г. рабочие ст. Тихорецкая по инициативе большевиков выступили с требованием прекратить преследование руководителей местной профессиональной организации железнодорожников. Когда управляющий Владикавказской железной дороги отклонил это требование, рабочие объявили забастовку.⁵⁶ В июне-июле 1906 г. полицейские власти доносили о сходках рабочих станций Тихорецкая, Кавказская, Новороссийск, Минеральные Воды.

⁵² Газ. «Колос», 29 июня 1906 г.

⁵³ 1905—1907 гг. на Дону. Сб. документов. Ростов-на-Дону, 1955, стр. 184.

⁵⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 23, д. 866, лл. 2—13.

⁵⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 114, оп. 1, д. 202, л. 5 об.

⁵⁶ ГАРО, ф. 26, оп. 5, д. 2523, лл. 18, 21.

На этих сходках обсуждались вопросы восстановления деятельности профсоюза, организации новой стачки.⁵⁷

В результате этих сходов большевикам края удалось в ряде крупных депо Владикавказской железной дороги провести новые выборы в руководящие органы союза железнодорожников. В начале июля 1906 г. при деятельном участии представителей РСДРП было созвано собрание рабочих ст. Кавказская, которые решили организовать профсоюз. В руководство союза были избраны представители от депо, телеграфистов, машинистов и др. На сходках, на которых присутствовало от 80 до 300 человек, был выработан и принят новый устав союза. Решено было отчислять в союз 2% с заработка.

В июне 1906 г. в Новороссийске на сходках железнодорожников с участием 50—100 чел. большевики выдвинули предложение о восстановлении деятельности профсоюза. В конце месяца на одном из собраний районной (железнодорожной) организации Черноморского комитета РСДРП большевики опять подняли этот вопрос. В результате усилий большевиков в Новороссийске вновь стало функционировать местное отделение союза рабочих Владикавказской железной дороги. 26 сентября 1906 г. общее собрание рабочих утвердило проект устава союза. Собрание обратилось к телеграфистам Новороссийска с призывом войти в союз. «Кроме правления дороги, — говорилось в обращении, — у нас есть еще другой враг народа, защитник эксплуататоров — самодержавное правительство. И как гражданам и как членам союза нам придется принять участие в борьбе за свержение самодержавия, за созыв Учредительного собрания. Организуйтесь же, товарищи, время не терпит!»⁵⁸ Таким образом, профсоюз железнодорожников Новороссийска летом 1906 г. сложился как боевой резерв Черноморского комитета РСДРП.

Тем же летом 1906 г. большую работу по сохранению и организационному укреплению профсоюза железнодорожников провели большевики Бакинского комитета РСДРП. По сведениям властей, прибывший «из г. Баку некто Хаплин... проехал по всей линии Владикавказской ж. д. и всюду вел агитацию в целях скорейшей организации железнодоро-

---

⁵⁷ Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг. Сб. документов и материалов. Краснодар, 1956, стр. 265, 270; Второй период революции. 1905—1907 гг., ч. II, кн. вторая, документы и материалы. М., 1962, стр. 232.

⁵⁸ Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг. Сб. документов и материалов. Краснодар, 1956, стр. 285.

рожных союзов и высылки от железнодорожных комитетов делегатов на съезд...».⁵⁹

Местные царские власти, видя, что в крае пролетариат вновь объединяется в профсоюзы, предприняли широкие репрессии. 8 июня 1906 г. особый комитет при управлении Владикавказской железной дороги разработал план особых мер борьбы с растущим влиянием союза железнодорожников среди рабочих. В связи с деятельностью профсоюза по подготовке новой забастовки и «беспорядков в мастерских, а затем на линии железной дороги», комитет решил «не уменьшать количество войск на станциях».⁶⁰

Летом 1906 г. профсоюз железнодорожников Северного Кавказа настолько укрепился, что назрела необходимость созыва его очередного съезда. Исходя из этого, 30 июня Северо-Кавказский союзный комитет РСДРП разослал обращение к рабочим железной дороги с призывом направлять делегатов на съезд.⁶¹

Обращение пронизано идеей вооруженной борьбы с царизмом и капитализмом: «...В надвигающейся борьбе он (железнодорожный пролетариат — М. Ш.) должен занять место передового борца. Он должен готовиться и вступить в последний бой могучим и стойким отрядом нашей пролетарской армии». Большевики края призывали железнодорожников объединиться в свою профсоюзную организацию, «которая бы сплотила разрозненные силы и связалась с силами пролетариата всей России».⁶² В обращении предлагалась следующая повестка дня съезда: 1) доклад делегатов о положении дел на местах; 2) кампания железных дорог в связи с роспуском Государственной думы; 3) организация союза; 4) отношение к Всероссийскому железнодорожному союзу; 5) отношение к политическим партиям; 6) выборы делегатов на Всероссийский съезд.

В июле 1906 г. большевики станции Баладжары также обратились с призывом укрепить профсоюз рабочих Владикавказской железной дороги. Выдвинутая ими повестка дня была такая же, какую предлагал съезду Северо-Кавказский союзный комитет РСДРП.⁶³

Очередной (III) съезд союза рабочих и служащих Владикавказской железной дороги состоялся, как и предлагалось в обращении Северо-Кавказского союза РСДРП, в г. Ставрополе 4 августа 1906 г. В «Проекте устава профессиональ-

⁵⁹ Второй период революции 1905—1907 гг., ч. II, кн. вторая, документы и материалы, М., 1962, стр. 233.

⁶⁰ ГАКК, ф. 454, д. 3285, лл. 47—48.

⁶¹ 1905—1907 гг. на Дону. Сб. документов. Ростов-на-Дону, 1955, стр. 279—280.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

ного союза рабочих и служащих Владикавказской железной дороги», принятом на этом съезде, были разработаны принципы экономической и политической борьбы рабочих дороги. «Проект» показал, что рабочие Владикавказской железной дороги за годы первой русской революции выросли политически и укрепились организационно. Стремление рабочих создать свой профсоюз, даже в условиях поражения революции, лучше всего свидетельствовало о том, что они твердо решили продолжать борьбу с существующим строем.

Царские власти на Северном Кавказе были серьезно встревожены усилением влияния большевиков среди рабочих Владикавказской железной дороги. В связи с массовым движением за организацию профсоюза на станциях Новороссийск, Тихорецкая, Минеральные Воды, Кавказская, Екатеринодар, Баладжары 16 сентября было обнародовано обязательное постановление, запрещающее всякие собрания на линии Владикавказской железной дороги.

Несмотря на эти меры, 26 сентября царские власти вынуждены были донести о том, что «по линии Владикавказской железной дороги идет работа по организации железнодорожного союза. В Новороссийске среди служащих идут записи в этот союз».⁶⁴ В сентябре 1906 г. «Проект устава профсоюза рабочих и служащих Владикавказской железной дороги», изданный тиражом 1600 экземпляров Кубанским комитетом РСДРП,⁶⁵ получил значительное распространение в крае. Профсоюз начал издавать листок «Железнодорожный пролетарий», распространял революционную литературу.⁶⁶

Летом 1906 г. под руководством большевиков готовилась новая стачка рабочих Владикавказской железной дороги. На заседании Особого комитета 8 июня 1906 г. начальник Владикавказского жандармского управления железной дороги доложил о полученных им сведениях «о готовящихся в близком будущем забастовках и беспорядках на железных дорогах, а также о деятельности союза... о возникшем вновь брожении среди служащих железных дорог».⁶⁷ Но осуществить крупное выступление рабочих дороги против царизма и капиталистической эксплуатации в 1906—1907 гг. не удалось.

Как было указано выше, в период отступления революции 1905—1907 гг. профессиональным движением были охвачены новые слои рабочих. О боевой революционной деятельности профсоюзов и о стремлении широких слоев

---

⁶⁴ Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг. Сб. документов и материалов. Краснодар, 1956, стр. 283—284.

⁶⁵ Второй период революции. 1905—1907 гг., ч. II, кн. вторая. Документы и материалы. М., 1962, стр. 480.

⁶⁶ Ю. Серый. Указ. соч., стр. 77.

⁶⁷ ГАКК, ф. 454, д. 3285, лл. 47—48.

трудящихся объединиться в свои классовые организации доносил, например, в июне 1906 г. ставропольский губернатор. Он писал: «Под влиянием революционной агитации ремесленные классы стремятся объединиться в ряды профессиональных обществ с уставами, составленными по одному и тому же шаблону, несколько таких обществ уже зарегистрировано». Сообщая о боевой готовности Ставропольского комитета РСДРП, он доносил, что «во время мятежа состав дружины может увеличиться до 500 человек, ибо к ней, по всей вероятности, примкнут многие добровольцы из учащейся молодежи и членов вновь образованных нескольких профессиональных обществ рабочих».⁶⁸

Несмотря на строгое запрещение властей, профсоюзы руководили стачечной борьбой, вмешивались в трудовые конфликты. Так, 26 июня 1906 г. работники «Владимирского магазина» в г. Ставрополе объявили забастовку, требуя вежливого обращения к себе. Профессиональный союз служащих торгово-промышленных предприятий города сразу же вмешался в этот конфликт.⁶⁹

Порою профсоюзы возникали в крае в результате стачечной борьбы, поскольку стачка, руководимая революционными социал-демократами, была важным оружием в деле духовного пробуждения рабочих. Так, строительные рабочие Армавира в результате стачки добились создания третьей комиссии и организации своего профсоюза.⁷⁰ Вслед за строителями создания третьей комиссии, в которую вошел секретарь Армавирской организации РСДРП, добился также профсоюз рабочих-печатников.⁷¹

В ходе стачечной борьбы рабочие и ремесленники края создавали и другие формы классового объединения. Так, например, осенью 1905 г. забастовали пекари Майкопа, за что хозяин их рассчитал. Пекари решили образовать товарищество на паях, в которое вошло 90 человек. Хозяева решили удовлетворить требования бастующих, но рабочие, организовав работу в своей пекарне не хуже, чем у хозяина, отказались. По примеру пекарей, как писала социал-демократическая газета, устраивали такие же товарищества сапожники и портные Майкопа.⁷²

В 1907 г. на Северном Кавказе наблюдается дальнейшее расширение сети профессиональных организаций рабочих, что было связано с новым подъемом революционного движе-

⁶⁸ СКГА, ф. 69, оп. 1, д. 582, лл. 110—111.

⁶⁹ Газ. «Колос», 2 июля 1906 г.

⁷⁰ Газ. «Колос», 4 июля 1906 г.

⁷¹ Газ. «Ставропольский вестник», 26 ноября 1906 г.

⁷² Газ. «Колос», 12 июля 1906 г.

ния в крае. Особенно заметных успехов добились профсоюзы в Екатеринодаре, Новороссийске и Армавире.

В 1907 г. оформились следующие профсоюзы: в Екатеринодаре — рабочих маслобойного производства, портных-подмастерьев, рабочих по металлу и др. — всего 11 союзов с охватом 629 членов; в Новороссийске⁷³ — общество взаимного вспоможения новороссийских приказчиков (80 чел.), общество защиты интересов труда (89 чел.), общество новороссийских работниц и рабочих; в Армавире — союз строительного дела, общество рабочих по металлу и дереву, профсоюз рабочих маслобойного производства (440 членов), союз торгово-промышленных работников Армавира и др. — всего 9 профсоюзов, из которых 3 нелегальных и 6 легальных; в Пятигорске функционировала профсоюзная организация — «Совет профессионального союза служащих в ресторанах и буфетах Кавказских Минеральных Вод»; в Майкопе оформился союз рабочих маслобойного производства и др.

Под руководством профсоюзов края в 1907 г. проходил ряд забастовок рабочих. Так, один из крупных профсоюзов Армавира «Союз рабочих по металлу и дереву» провел в течение семи месяцев 6 забастовок, из которых 3 закончились победой рабочих.⁷⁴

Нужно отметить, что не все союзы стояли на четких классовых позициях. На Кубани созданию боевых профсоюзов, как писала в феврале 1907 г. социал-демократическая газета «Армавирский пролетарий», препятствовали эсеры.⁷⁵

Один из руководителей социал-демократов и профессиональных союзов Армавира также писал тогда: «Правда, не все союзы стоят на точке зрения классовых интересов, три даже совсем невинного характера с чисто филантропическими задачами и мелкобуржуазными наклонностями...».⁷⁶

Классовая борьба рабочего класса в годы первой русской революции приобщила к освободительному движению народов России один из отрядов демократической интеллигенции — учителей Северного Кавказа. Почти во всех областях края в 1905—1907 гг. возникли профессиональные союзы учителей. Одним из первых возникло «Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в церковных школах Осетии». Как доносили полицейские власти, на общих собраниях этого союза произносились антиправительственные речи под лозунгом «Долой царизм!». Одно из собраний учителей церковных школ Осетии решило послать телеграмму графу Витте, содержащую следующие требования: «о немед-

⁷³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 3, д. 21, лл. 29, 47, 48, 49.

⁷⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 186, л. 2.

⁷⁵ Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг. Сб. документов и материалов. Краснодар, 1956, стр. 325.

⁷⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 186, л. 2.

ленном созыве Учредительного собрания, о даровании Кавказу широкого местного самоуправления, о скорейшем возвращении горцам лесов и земель, отобранных казной, и о полнейшей амнистии политических...». ⁷⁷

Программа «Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в церковных школах Осетии» признавала необходимость политической борьбы, но, разумеется, выдвинутые им требования не могли быть осуществлены в условиях царизма. ⁷⁸ В 1906 г. на основании военного положения общество было закрыто.

В конце 1905 — начале 1906 г. профсоюзы учителей были созданы и в ряде других областей Северного Кавказа. В декабре 1905 г. состоялось собрание учителей и учительниц гор. Грозного, решившее образовать свой союз и присоединиться к «Всероссийскому союзу учителей и деятелей по народному образованию». В резолюции, принятой на этом собрании, говорилось, в частности: «...вопреки сообщениям о неимении, якобы, прав у государственных чинов вступать в какие бы то ни было политические союзы, вступаем в ряды оппозиции против темных реакционных сил страны, выражая этим полное презрение всяким правительственным распоряжениям...». ⁷⁹ На собрании была избрана комиссия, которой была поручена выработка «политической программы для активной деятельности членов, вступивших в союз».

Царские власти и чиновники ведомства народного просвещения старались дать движению учителей либерально-буржуазное направление. Так, например, съезд учителей Лабинского отдела Кубанской области, который проходил с 24 по 28 июня 1906 г., ограничил свою работу обсуждением чисто школьных вопросов. Как писала социал-демократическая газета, директор народных училищ и полицейский пристав, присутствовавшие на съезде, прерывали выступления учителей при их малейшей попытке коснуться общегосударственных и общеполитических вопросов. ⁸⁰ Часть прогрессивно настроенных учителей в знак протеста покинула съезд.

Большевики Северного Кавказа развернули значительную работу, чтобы вырвать прогрессивно настроенных учителей из-под влияния буржуазных и мелкобуржуазных партий.

В этом отношении показательна работа большевиков Ставрополя. 30 июня 1906 г. на съезде местного отделения «Всероссийского союза учителей» при обсуждении политической программы союза произошла острая схватка между

---

⁷⁷ ЦГА СО АССР, ф. 24, оп. 1, д. 32, лл. 12—13.

⁷⁸ Северная Осетия в революции 1905—1907 годов. Сб. документов и материалов. Орджоникидзе, 1955, стр. 134.

⁷⁹ Газ. «Народ», 8 декабря 1905 г.

⁸⁰ Газ. «Голос», 31 мая 1906 г.

большевиками и эсерами. При этом выяснилось, что за РСДРП идет значительное число членов союза и учителя социал-демократы решили на съезде образовать свой отдельный союз.⁸¹

Вскоре они разработали «Устав социал-демократического союза деятелей по школьному и внешкольному образованию». В первом параграфе его говорилось: «Союз ставит целью объединение деятелей по школьному и внешкольному образованию для создания условий, обеспечивающих существование свободной школы и переустройство существующего строя».⁸²

Этот союз сыграл важную роль в пропаганде революционных идей среди многотысячного крестьянства Ставропольской губернии. Сохранившиеся материалы свидетельствуют, что члены союза руководили революционными кружками крестьян и учащейся молодежи, распространяли революционную литературу.⁸³

Для проведения революционной работы среди широких слоев трудящихся края большевики и руководимые ими профсоюзы использовали и другие легальные возможности. В условиях наступления реакции большое значение в этом отношении приобретали рабочие клубы, народные библиотеки и т. д. В предписании кавказских властей начальнику Терской области говорилось: «...весь Кавказ покрыт сетью этих учреждений в виде школ, приютов, народных университетов, читален, библиотек, народных аудиторий, артистических трупп и даже театров и клубов».⁸⁴

Такие организации функционировали в 1906—1907 гг. в ряде рабочих центров Северного Кавказа. В работе их активное участие принимали профсоюзы, широкие слои рабочих, революционной молодежи и демократической интеллигенции.

Легальные просветительные организации сыграли в условиях наступления реакции важную роль в пропаганде революционных идей среди широких слоев трудящихся масс Северного Кавказа. Большевики края принимали активное участие как в создании этих учреждений, так и в организации их работы. Кавказские власти доносили: «цель обществ — дать развитие и воспитание всей массе населения Кавказа согласно политической программе партии... социал-демократов, фракции большинства».⁸⁵

---

⁸¹ Газ. «Колос», 2 июля 1906 г.

⁸² Газ. «Северный Кавказ», 10 ноября 1906 г.

⁸³ СКГА, ф. 69, оп. 1, д. 547, л. 266.

⁸⁴ ЦГА СО АССР, ф. 20, оп. 1, д. 8, л. 45.

⁸⁵ Там же.

*
*
*

Как видно из приведенных данных, профдвижение на Северном Кавказе берет свое начало от первой русской революции. Оформление социал-демократических организаций еще в 1904 г., с одной стороны, и растущее революционное движение в крае на протяжении 1905—1907 гг., с другой, определили боевой характер местных профсоюзов. Приводимые в статье материалы, особенно о деятельности союза рабочих Владикавказской железной дороги, свидетельствуют о том, что профсоюзы сыграли на Северном Кавказе выдающуюся роль в политической организации пролетариата, в подготовке и проведении вооруженного восстания.

Процесс создания профсоюзов на Северном Кавказе можно разделить на два периода, связанных с наступлением и отступлением первой русской революции в крае. Первый период характеризуется тем, что профдвижением были охвачены в основном наиболее организованные кадровые рабочие во главе с металлистами Мастерских Владикавказской железной дороги. Характерной чертой движения рабочих при отступлении революции 1905—1907 гг. является включение в классовую борьбу тех слоев рабочих городских предприятий края, которые в период высшего подъема революции стояли в стороне от боевых действий железнодорожников и некоторых других отрядов пролетариата. Это оказало влияние на создание новых профсоюзов в крае в 1906—1907 гг.

Как показывают приводимые документы, в период отступления первой русской революции на Северном Кавказе была создана довольно широкая сеть профсоюзов. По нашим подсчетам, только в Екатеринодаре, Новороссийске, Армавире, Ставрополе, Пятигорске, Минводах, Майкопе в 1906—1907 гг. было более 43 профсоюзов. Летом 1906 г. возобновил свою деятельность крупнейший на Северном Кавказе профсоюз — Союз рабочих Владикавказской железной дороги. В крае существовали и нелегальные союзы, в которых большевики имели особенно большое влияние. К сожалению, о них сохранились весьма скудные сведения.

Все имеющиеся материалы в целом дают основание утверждать, что значительная часть рабочих Северного Кавказа в ходе революции 1905—1907 гг. осознала необходимость объединения в свои профсоюзы.

Как было указано выше, только профсоюз рабочих Владикавказской железной дороги был объединен в масштабе всего Северного Кавказа. Других крупных объединений в крае не было; лишь кое-где делались попытки объединения мелких союзов, например, в масштабе города без различия профессий. Так, из письма одного из деятелей Армавирской

организации РСДРП, перехваченного полицией, видно, что он одновременно состоял секретарем четырех союзов. В Екатеринодаре почти все союзы объединились и образовали летом 1907 г. Центральное бюро; на заседаниях его присутствовал представитель Кубанского комитета РСДРП. Образование крупных производственных союзов во главе с Центральным бюро было результатом борьбы большевиков за слияние мелких профорганизаций.

Однако успехи профсоюзного движения в крае не следует преувеличивать. Союзы, возникшие до Всероссийской Октябрьской политической стачки, были малочисленны и слабы. Часть рабочих Северного Кавказа все еще не осознала необходимости образования массовых классовых организаций пролетариата.

Это объясняется прежде всего малочисленностью кадрового пролетариата в крае. К тому же подавляющее большинство рабочих Северного Кавказа в силу колониального характера развития экономики было занято на мелких предприятиях, т. е. объединено в мелкие коллективы. Разумеется, уровень их политического развития нельзя сравнить с уровнем развития кадровых рабочих Мастерских Владикавказской железной дороги и некоторых других предприятий. Тяжелый труд на капиталистических предприятиях, репрессии царизма, с одной стороны, и преобладание среди рабочих крестьянского элемента, малочисленность социал-демократических организаций — с другой стороны, мешали объединению части пролетариата края в профсоюзы.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ РУССКО-ДАГЕСТАНСКИХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО II ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Одной из важнейших проблем советской исторической науки является проблема присоединения нерусских народов к России. В связи с этим изучение вопроса о присоединении Дагестана к России также имеет большое значение. Оно невозможно без признания объективно прогрессивных последствий присоединения, без глубокого раскрытия реакционной сущности великодержавной колониальной политики царизма.

В дореволюционной кавказоведческой литературе основное внимание уделялось истории войн, оправданию захватнической политики царского правительства на Кавказе, затушевыванию военно-феодалных методов его деятельности. Вопросы экономических отношений народов Кавказа с Россией в трудах немногих дворянско-буржуазных историков решались неполно и тенденциозно.¹

Только в советской историографии вопросы политических и экономических взаимоотношений народов Кавказа, в том числе и Дагестана с Россией, получили всестороннее раскры-

---

¹ М. Чулков. Историческое описание российской коммерции... М., 1785; С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I—II, 1823; А. Семенов. Изучение исторических сведений о русской внешней торговле и промышленности с пол. XVII столетия по 1858, ч. I—III, СПб, 1859; В. Зубов. Общее обозрение торговли с Азией. «Русский архив», кн. V, 1873; П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. I—III, 1869 и другие.

тие². Тем не менее еще остается широкое поле для исследования различных этапов в развитии русско-дагестанских отношений в целом и русско-дагестанских торговых отношений, в частности.

Данная статья не претендует на полное освещение истории развития русско-дагестанских торговых отношений, возникновение которых относится к отдаленным временам. Ее задача — показать на основе архивных документов укрепление этих отношений накануне присоединения Дагестана к России, т. е. во II половине XVIII в.

Этот период характеризуется усилением борьбы Турции, Ирана и России за господство над Кавказом, а следовательно и Дагестаном. Особенно острой эта борьба была между Россией и Турцией.

Усиление России, ее возросшая роль в международных делах, ее стремление овладеть причерноморскими землями и добиться решающего влияния на Кавказе, встречало резкое сопротивление со стороны Турции.

Некогда сильная Турецкая империя во II половине XVIII века переживала период распада военно-феодальной системы. Он был вызван не кризисом способа производства, ибо турецкий феодализм был еще далек от той стадии, на которой возникает капиталистический уклад, а коренившимися в самой системе противоречиями. В экономике Турции господствовал ростовщический капитал, который, подрывая старый феодальный способ производства, в то же время консервировал его основы.

Характеризуя состояние Турции во II половине XVIII в., Ф. Энгельс писал, что в это время турки и их вассалы — крымские татары — представляли собой лишь обломок прежнего величия, «наступательная сила турок была сломлена уже сто лет тому назад, оборонительная же их сила, пока еще значительная, тоже стала убывать»³.

---

² Р. М. Магомедов. Присоединение Дагестана к России. Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1950; И. Р. Нахшунов. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956; В. Г. Гаджиев. Присоединение Дагестана к России. Ученые записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. I, Махачкала, 1956; Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX вв. Махачкала, 1957; Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958; А. В. Фадеев. Россия и Кавказ I трети XIX в. М., 1960; Х.-М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; Н. П. Гриценко. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII—I пол. XIX вв. Труды Чечено-Ингушского НИИИЯЛ, т. IV. Грозный, 1961; Н. Х. Тхамоков. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик, 1961; Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963.

³ Маркс, Энгельс. Соч., Т. XXII, 1958, М., стр. 17.

Ослабление Турецкой империи во II половине XVIII в. вело к усилению политической и экономической зависимости ее от европейских государств и в первую очередь от Англии и Франции. И чем больше слабела Турция, тем больше менялся характер экономических взаимоотношений ее с этими государствами, тем больше она превращалась из страны, экспортирующей изделия своей промышленности, в поставщика сырья для европейских государств и в потребителя европейских товаров⁴. Выход из углублявшегося кризиса турецкое правительство искало во II половине XVIII в. в войнах с Россией.

Не в лучшем состоянии, чем Турция, находился в этот период и Иран. В то время как в европейских государствах шел процесс развития капиталистических отношений, здесь по-прежнему господствовали феодальные отношения, не прекращались междоусобные войны. Все это не могло не вызвать ослабления Ирана, чем не замедлила воспользоваться Турция, стремившаяся «прибрать к своим рукам не только провинции Кавказа, которые Персия все еще считала своими, но и земли, принадлежащие России»⁵.

В этой обстановке Дагестан, раздробленный на множество феодальных владений, слабо связанных между собой экономически и политически, не мог отстоять свою независимость. Он должен был подпасть под власть Турции или Ирана, либо присоединиться к России⁶.

Отмечая, что среди дагестанских феодалов не было единства в отношении внешнеполитической ориентации, вместе с тем следует подчеркнуть, что с середины XVIII в. в Дагестане, как и в других областях Кавказа, растет тяга к сближению с Россией, чему способствовало не только стремление отдельных феодальных владетелей найти покровительство у России, но и растущие торговые связи народов Кавказа, в частности и Дагестана, с Россией.

В описываемое время Россия по уровню развития производительных сил, по политическому и культурному уровню стояла значительно выше, чем Турция или Иран. В недрах феодально-крепостнического строя России шел процесс складывания капиталистического уклада, развивались различные отрасли промышленности и особенно быстро — текстильная. В связи с этим все большее значение приобретал вопрос о сырьевой базе, и в правительственных кругах России начали рассматривать Кавказ, а следовательно и Дагестан, «как возможный источник снабжения русских текстильных пред-

---

⁴ А. Д. Новичев. История Турции. Л., 1963, стр. 210.

⁵ Очерки истории Дагестана, т. I. Махачкала, 1957, стр. 171.

⁶ Там же, стр. 172.

приятый хлопок, мареной и шелком»⁷. В колониальном характере намерений царского правительства сомневаться не приходится, но в рассматриваемое время политика России на Кавказе сводилась к укреплению Кавказской линии, к переговорам с местными владельцами о вступлении их в российское подданство и к прочим менее значительным действиям, ибо главное внимание правительства было направлено на решение черноморской проблемы, т. е. на борьбу с Турцией за черноморское побережье. Вместе с тем царское правительство продолжало укреплять экономические связи с Кавказом, в частности расширять торговые отношения с местными народами, рассматривая торговлю как одно из средств распространения своего политического влияния среди этих народов⁸.

Одним из основных центров русско-кавказской, а следовательно и русско-дагестанской торговли был в это время г. Кизляр. Первое упоминание о нем относится еще к началу XVII столетия, но лишь в начале XVIII в., в 1735 г. он превращается в город и становится как бы связующим звеном между Россией, Дагестаном и Закавказьем, своего рода «русской столицей на Кавказе», как писал о нем в предисловии к Актам Кавказской археографической комиссии Ад. Берже⁹.

Уже в 1755 г. указом Правительствующего Сената в Кизляре «для привозимых в Кизляр на продажу и для отвозу в Астрахань из-за границы товаров, то есть из Персии, из Грузии, от лезгинцев, комык и от других заграничных и горских мест, кои народы состоят не в подданстве (России)»,¹⁰ была учреждена пограничная таможня для сбора пошлин. В Кизляр привозили товары из близлежащих селений Эндери, Аксая, Костека, из Тарков и Дербента, из горных районов Дагестана, из Кабарды и Чечни, из Шемахи, Тифлиса и других мест. Отсюда товары отправляли в Астрахань, Москву, Петербург и другие города. Торговлей в основном занимались кизлярские и астраханские купцы различных национальностей: русские, армяне, грузины, евреи, индийцы, а также местные купцы — тезики¹¹. Привозили в Кизляр шелк-сырец, хлопок, марену, шелковые и бумажные ткани, ковры, паласы, войлоки, бурки, кожи, пшено сарачинское (т. е. рис), фрукты свежие и сушеные, грецкие орехи, воск, мед, гончарную и де-

7 А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 69.

8 Там же, стр. 60.

9 АКАК, т. I. Предисловие. Тифлис, 1866.

10 ЦГАДА, ф. 276, д. 564, л. 9. (Из донесения астраханского губернатора Жилина Сенату от 17/I 1755 г.).

11 Е. Н. Кушева в указ. соч. (стр. 41) пишет, что «тезики» — это «восточные, преимущественно среднеазиатские и иранские купцы, в первоначальном значении — таджики». Нам остается добавить, что во II пол. XVIII в. тезиками называли также купцов из кавказских народностей, в том числе и дагестанцев.

ревянную посуду¹² и т. д. Вывозили же из Кизляра холст, хлопчатобумажные ткани, меха, бумагу, сундуки, мыло, зеркала, сита, изделия из железа, сахар, постное масло и т. д. «Уже в 50-х годах XVIII в. в Кизляр привозилось различных товаров на 6—7 тысяч рублей, а в начале XIX в. до 90% торговых оборотов Кавказской линии принадлежало Кизляру, что составляло более 600 тыс. руб.»¹³

Рассматривая торговлю с кавказскими горцами как средство распространения своего влияния, царское правительство стремилось приобрести доверие местного населения. Именно этим можно объяснить издание указа от 23/X 1760 г., разрешающего ввозить на Кавказ к кабардинцам, кумыкам, осетинам, «как к подданным России, холст и другие предметы, вывоз которых в Иран был временно закрыт»¹⁴. С этой же целью царское правительство издает в 1765 г. указ, по которому кабардинцы и кумыки были освобождены от уплаты пошлин в Кизляре как при покупке товаров, так и при продаже своих изделий.

Заинтересованное не только в торговле с кавказскими народами, но и в восточной торговле, осуществлявшейся через территорию Кавказа, русское правительство со времен Петра I стремилось «сделать Россию посредницей в торговле между Европой и Азией»¹⁵. С этой целью еще в 1723 г. для поощрения торговли с Ираном и азиатскими народами было создано «торгующее в Персии купеческое общество», деятельность которого была «подкреплена» указом Сената в 1758 г.¹⁶ С этого времени это общество стало называться «Персидского торгу компания». Ей принадлежало монопольное право торговли российскими и иностранными товарами через Астрахань и Кизляр с Ираном и подвластными ему кавказскими провинциями. В 1760 г. в Кизляре была открыта контора этой компании¹⁷, в непосредственном ведении которой находилась торговля с горцами.

Не рассматривая всей деятельности этой компании, мы остановимся лишь на тех ее сторонах, которые имели непосредственное отношение к Дагестану. И тут, в первую очередь, приходится отметить, что деятельность Кизлярской конторы и ее поверенного московского купца Петра Дмитриева не способствовала расширению торговли с горцами. Более того, повышение цен на «компанейские» товары, отказ поверенного обменивать привезенные товары на холст, запрещение вы-

¹² ЦГА ДАССР, фонд «Кизлярский комендант», д. 3310, л. 59 об., д. 3610, л. 56; д. 3310, л. 44; д. 3283, л. 57 об., 62; д. 3288, лл. 35, 57. (Ссылки даются на еще неописанный фонд архива).

¹³ Н. П. Гриценко. Указ. соч., стр. 72.

¹⁴ Н. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 85—86.

¹⁵ А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 53.

¹⁶ П. Г. Бутков. Указ. соч., т. I, стр. 147.

¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. Кизлярский комендант, д. 3363, л. 98.

возить из Кизляра товары, купленные у лиц, не входивших в компанию, вызывали резкое недовольство как у кизлярских купцов, так и у приезжих «тезиков»¹⁸. А заявление поверенного, что он не намерен посылать товары даже во владения, находящиеся в русском подданстве, т. е. в Андреевское, Аксайское, Костековское, а также в Большую и Малую Кабарду, вынудило Кизлярскую пограничную таможенную в донесении на имя коменданта Фрауендорфа от 9/III 1760 г.¹⁹, где приводится это заявление, отметить, что оно причиняет «немалое неблагополучие и оскорбление» горцам. Поэтому Кизлярская таможенная просила разрешения отпускать в эти владения товар, ссылаясь на указ 1758 г., который не запрещал этого.

О том, что деятельность компании не способствовала расширению торговых связей с другими районами Дагестана, свидетельствует и отрывок из письма казикумухского торгового человека Назбадина Исмаилова от 26/IV 1760 г., в котором он писал, что «от оной Персидского торгу компании не токмо в Казы-Кумыках, но и во всех горских жилищах никаких торгов и товаров не имеется»²⁰.

Поэтому, чтобы не обострять недовольства горского населения, кизлярская администрация и даже сама Государственная коммерц-коллегия²¹ считали возможным отпускать в соседние с Кизляром владения: Аксайское, Андреевское, Костековское, в Большую и Малую Кабарду «к приласканию предписанных народов» необходимые им товары: холст, рыбу, решета, сита, всякую посуду, ножницы, замки и т. д. Об этом же свидетельствует и письмо кизлярского коменданта А. А. Ступишина от 16/I 1762 г. к дербентскому и кубинскому Фет-Али-хану, в котором говорилось, что посланцу его, Ахмет-аге, купившему для хана 20 аршин сукна, 2 конца китайки (простая бумажная ткань), 200 аршин тастару (бумажная ткань) разрешено все это вывезти из Кизляра, «хотя указами, кроме учрежденной в Персию компании, пропускать запрещено».²²

Выше сказанное свидетельствует, что деятельность «Персидского торгу компании» не дала положительных результатов. Основанная на монопольной системе, она сковывала свободу торговли, препятствовала расширению и углублению торговых отношений с восточными народами. Естественно, что деятельность этой компании так же, как и вся система монополий, существовавшая в России, вызывала резкое недовольство со стороны русского купечества. Поэтому правитель-

¹⁸ Там же, д. 3391, л. 77; д. 3363, л. 102; д. 3334, л. 8.

¹⁹ Там же, д. 3363, лл. 98—99.

²⁰ Там же, д. 3355, л. 44.

²¹ ЦГАДА, ф. 276, д. 568, л. 14 об.

²² ЦГА ДАССР, ф. тот же, д. 3318, л. 129.

ство указом 1762 г. отменило монополии и провозгласило свободу торговопромышленной деятельности. Это мероприятие так же, как и отмена в 1753 г. внутренних таможенных пошлин, свидетельствовало о больших сдвигах, происшедших в русской экономике.

Все это способствовало развитию как внутренней, так и внешней торговли, а следовательно и концентрации купеческого капитала, крупнейшие представители которого имели своих поверенных и комиссионеров во всех городах России²³, в том числе и в Кизляре. Так, один из наиболее богатых русских купцов того времени, владелец московской суконной фабрики Василий Суровщиков, имел своих комиссионеров среди кизлярских жителей, которые «в Астрахани, в Кизляре и в прочих здешних местах» закупали для него марену и в год вывозили ее до двух и более тысяч пудов²⁴. Имели в Кизляре своих комиссионеров и петербургские купцы—владельцы краповой²⁵ фабрики Грязновский, Лапшин и Протопопов²⁶. Растущий спрос на марену приводил к повышению цен на нее и к конкуренции между отдельными предпринимателями. Примечателен в этом отношении отрывок из письма комиссионера фабрики Суровщикова к кизлярскому коменданту от 24/X-1761 г., в котором он просил запретить покупку марены в вышеперечисленных местах поверенному петербургской краповой фабрики. «дабы на оный корень марену возвышения цены не было и от того суконной... Суровщикова... фабрике, яко заведенной в Российском государстве, самонужнейшей, не последовало напрасного убытка»²⁷.

Сбором корня марены занимались жители ряда дагестанских владений: Андреевского, Аксайского, Костековского, шамхальства Тарковского, уцмийства Кайтагского, где, по словам С. Броневского, росла «наилучшая марена». Из Дербентского ханства в конце XVIII в. вывозили в Астрахань и Кизляр до 6 тысяч пудов ее.

Дагестан поставлял не только марену, но и шелк-сырец и хлопок для русской промышленности. Характер торговли Дагестана с Россией, степень ее развития определялись уровнем социально-экономического и политического развития самого Дагестана.

Господство патриархально-феодальных отношений, феодальная раздробленность являлись причиной слабого развития товарно-денежных отношений и отсутствия в Дагестане собственной монеты, ибо деньги, по словам К. Маркса, «эта

²³ Очерки истории СССР. II половина XVIII в. Изд. АН СССР. М., 1956, стр. 134.

²⁴ ЦГА ДАССР, ф. тот же, д. 3335, л. 60.

²⁵ Крап — красильное вещество, извлеченное из корней марены.

²⁶ ЦГА ДАССР, ф. тот же, д. 3363, л. 102; д. 3381, л. 17.

²⁷ Там же, д. 3335, л. 60 об.

совершенно простая категория исторически выступает в своей полной силе только в наиболее развитых состояниях общества»²⁸. Поэтому торговля в Дагестане, как внутренняя, так и внешняя, носила в основном меновой характер, а имевшиеся в обращении деньги были русские, турецкие и иранские.

Во II половине XVIII в. в Дагестане существовал целый ряд крупных торговых центров как в горах, так и на плоскости, причем последние выполняли функции центров русско-дагестанской торговли.

Большая роль в этой торговле принадлежала кумыкским феодальным владениям: Андреевскому, Аксайскому и Костиковскому.

На правом берегу реки Акташ было расположено селение Эндери (или Андреевская деревня), жители которого занимались земледелием, скотоводством, виноградарством, пчеловодством, различного рода ремеслами. Они привозили в Кизляр мед, воск, вино, фрукты, орехи, шелк-сырец, марену, шелковые и бумажные ткани, колья для виноградников, изделия из шерсти и т. д. Покупали здесь андреевцы главным образом русские товары. Так, в одном из архивных документов говорится, что андреевскому узденю Бамату Шафиеву в мае 1762 г. из Кизляра «отпущено покупного на домашние надобности холста 10 концов, зеркала — 2, башмаков — 2 пары, китайки — 5 концов, котел чугунный I, яловочная кожа одна»²⁹. В другом архивном документе дан перевод письма андреевского князя Темира Хамзина, в котором он просит не задерживать в Кизляре его посланца, отправленного для покупки «парчей» и «красной юфти»³⁰.

По своему торговому значению селение Эндери занимало первое место среди кумыкских селений. Сюда приезжали купцы из Кизляра и Астрахани, из Тарков и Дербента, из Кабарды и Чечни, из Крыма и Турции. Здесь можно было приобрести не только продукты и изделия, изготовленные жителями Эндери или привезенные купцами из других мест, но и приобрести «живой товар» — ясырей, т. е. пленников, превращенных в рабов. Вот что писал об этой роли Эндери хорошо знакомый с местными условиями А. И. Ахвердов, бывший в 1802—1803 гг. кизлярским комендантом: «Деревня сия есть всему кавказскому народу воротами, ведущими на плоскость, в которую из всех мест лезгинцы, в Кавказе внутри живущие, чеченцы и прочие народы достатых ими в плен разных родов людей привозят на продажу...»³¹.

²⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. XII, 1958, М., стр. 729.

²⁹ ЦГА ДАССР, ф. тот же, д. 3313, л. 99.

³⁰ Там же, д. 3705, л. 48.

³¹ А. И. Ахвердов. Описание Дагестана. 1804; «История, география и этнография Дагестана». М., 1958, стр. 213.

Работоторговля приносила большие доходы андреевским и кизлярским жителям; последние, по словам С. Броневского, получали за счет нее дешевую рабочую силу для обработки своих виноградников³². Основными покупателями ясырей выступали крымские и турецкие купцы, менявшие привезенные ими товары главным образом на невольников, которых они затем вывозили через Анапу в Константинополь и Крым. Эта торговля существовала и в I половине XIX в, но, благодаря усилиям русского правительства, уже в меньших размерах.

Вторым по торговому значению центром было селение Аксай, расположенное на правом берегу р. Аксай, в нескольких десятках верст от Кизляра. Жители его, как и андреевцы, занимались земледелием, скотоводством, садоводством, различного рода ремеслами и торговлей. Они привозили в Кизляр на продажу горское сукно, бурки, мед, воск, фрукты³³ и другие товары. О том, что вывозили аксайцы, можно узнать из архивных документов. Так, в журнале Кизлярской комендантской канцелярии запись, сделанная 10 мая 1762 г, гласит, что «прибывшим из Аксайской деревни князя Каплана узденям: Сеиту Физулаеву, Кулишу Баксанову, Акаю Аташеву, Абдулле Чучукову, Али Уршанову для домашних их надобности спущено при них котлов чугунных — два, сундук окovaný жестью — один, башмаков савровых четыре пары, сито одно, холста на 4 рубахи, крашенины на одну рубаху, китайки один конец с половиною, выбойки на один бешмет, бумаги хлопчатой один фунт»³⁴. Из этого видно, что аксайцы так же, как и андреевцы, приобретали в Кизляре главным образом изделия русской промышленности, которые не производились у них самих.

Кизлярские купцы имели свои лавки в Аксае, в которых они торговали не только привезенными товарами, но и приобретенными в самом селении у местных жителей или у приезжих из других мест купцов. Подтверждением этого является и донесение кизлярского купца Ефремова³⁵ на имя коменданта, в котором он жаловался на то, что в мае 1762 г. его лавка была ограблена несколькими аксайскими жителями. Этот факт сам по себе не имеет для нас значения. Интерес вызывает приложенный к этому донесению реестр товаров, в котором наряду с русскими товарами, такими, как холст, иглы, медные наперстки, зеркала, складные ножи, замки, перечислены бязь шемахинская и крымская, сукно мичкиское (чеченское), черкесские башлыки, ноговицы и др. И если учесть, что Ефремов часть этих товаров получил от аксайцев в счет пога-

³² С. Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 199.

³³ Н. П. Гриценко. Указ. соч., стр. 73.

³⁴ ЦГА ДАССР, ф. тот же, д. 3313, л. 97. «Реестр данных разных наций людям о проезде в горские жилища и в прочие места билетов».

³⁵ ЦГА ДАССР, ф. тот же, д. 3304, лл. 84, 85 об.

шения долгов, а другую часть выменял на привезенный им из Кизляра холст, то можно сделать вывод о довольно широких торговых связях аксайцев с соседними народами.

Не менее развита была торговля Кизляра и с селением Костек, расположенным на левом берегу реки Койсу. Архивные документы, в частности рапорты с Каргинского форпоста, через который проезжали едущие из Костека в Кизляр купцы, дают представление о товарах, привозимых ими. Так, в рапорте от 4/XI-1761 г. говорится, что кизлярский купец Назар Артемьев привез из Костека «...муки пшеничной два чувала (мешка), проса три чувала, куреги один чувал, посуды глиняной один чечень».³⁶ В другом рапорте с того же форпоста от 14/II-1763 г. говорится, что кизлярский «тезик» Баба Исмаилов привез из Костека «шелку-сырцу два полутайка (тай-мешок, тюк), разного разбитного товару шелкового и бумажного один полутаек, один узел и трое переметные сумы, да в четырех малых мешках миндальных орехов и пшена сарачинского»³⁷. Нам кажется, что в свете приведенных, пусть и немногочисленных фактов нельзя согласиться с утверждением Н. П. Гриценко о том, что «костековцы устанавливают торговые связи с Кизляром в последней четверти XVIII века»³⁸. Мы полагаем, что они возникли гораздо раньше и уже в 50—60-х годах стали постоянными.

Не все товары, привозимые из Эндери, Аксая и Костека, производились в этих селениях. Они служили и своего рода транзитными пунктами в торговле жителей нагорного Дагестана и Закавказья с Кизляром и Астраханью. Именно это и вызывало беспокойство царских властей, опасавшихся, что купленные в Кизляре товары беспошлинно будут провозиться через эти селения, находящиеся в российском подданстве, в Дагестан и далее в Закавказье и Иран. Поэтому, вопреки указам о невзимании пошлин с российских подданных, царская администрация требовала уплаты пошлин с андреевцев, аксайцев и костековцев, что, естественно, вызывало неоднократные жалобы с их стороны. Еще в 1755 г. костековский воевода Алиш Хамзин и аксайский князь Каплан-Гирей Ахматханов писали кизлярскому коменданту, что они вместе со своими подвластными являются подданными России, «а когда-де их подвластные, приезжая в Кизляр, покупают лошадей, быков, баранов и прочее, то с них требуют пошлины и чрез то они против россиян несут обиду...»³⁹. Об этом же писали кизлярскому коменданту два года спустя андреевцы,

³⁶ Там же, д. 3336, л. 11. (Чечень — плетеная из прутьев корзина для перевозки глиняной посуды, фруктов).

³⁷ Там же, д. 3310, л. 53.

³⁸ Н. П. Гриценко. Указ. соч., стр. 73.

³⁹ ЦГАДА, ф. 276, д. 564, оп. 1, л. 1.

жалуясь, что «их с российской стороны с верноподданными не равняют, что с ними во взятъе пошлин как с чужестранным народом поступают, чем их совсем отгоняют»⁴⁰.

Царская администрация пыталась оправдать свои действия ссылками на то, что и сами кумыкские владельцы взимают пошлины с российских купцов, проезжающих через их владения⁴¹, и более того — отдают сбор пошлин на откуп. Так, в 60-х годах XVIII в. кизлярский купец Мелкум Давыдов держал пошлинный откуп в Костековском владении, за который платил 70 рублей⁴².

Однако, не желая озлоблять кумыкских владельцев, кизлярская таможня часто отпускала им товары без взятъя пошлин. Так же неоднократно обходила она и указ, запрещающий прогон лошадей и скота как в кумыкские селения, так и за границу, т. е. в Дагестан и прочие кавказские владения. Указ этот, изданный во время приближения войск Надир-шаха к здешним границам, был отменен лишь в 1762 г. Но сама жизнь заставила Государственную коллегия иностранных дел еще в 1747 г., т. е. задолго до запрета, издать распоряжение, по которому разрешалось покупать лошадей тем из подданных (в том числе и кумыкам), «которые к российской стороне доброхотными»⁴³ являются.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что торговые отношения между Андреевским, Аксайским и Костековским владениями и Кизляром во II половине XVIII в. становятся более прочными и широкими. Владения поставляли в Кизляр пшеничную муку, просо, фрукты, орехи, шелк-сырец, который, по утверждению знатоков из кизлярских купцов, был не хуже кизлярского и дешевле его,⁴⁴ шелковые ткани, ремесленные изделия и марену. Лишь за шесть месяцев 1790 г., с июня по декабрь, из этих владений было вывезено 2617 пудов марены на 7851 руб.⁴⁵

О деловых связях кизлярских купцов с жителями этих селений свидетельствуют их прошения кизлярским комендантам, содержащие просьбы пропустить в «горские жилища: Андреевскую, Аксайскую, Костековскую деревни» холст для погашения имеющихся на них долгов⁴⁶. Эти просьбы станут понятны, если вспомнить, что ввиду запрещения вывозить российские серебряные и медные деньги за границу, купцы давали кумыкским «тезикам» за приобретенные товары векселя, по которым расплачивались холстом; им же расплачи-

40 АВПР, ф. «Дела андреевской деревни 1757 г.», оп. 101, л. 1, л. 7 об.

41 ЦГА ДАССР, ф. тот же, д. 3338, л. 29.

42 ЦГАДА, ф. 276, д. 564, оп. 1, л. 6.

43 Там же, л. 5.

44 ЦГА ДАССР, ф. тот же, л. 3587, л. 89; д. 3302, л. 12.

45 Там же, л. 2584, лл. 1—64.

46 Там же, д. 3665, л. 105; д. 3635, л. 112.

вались и за марену⁴⁷, так как «те народы на деньги ничего не продают, а меняют на товары, а особливо на холст»⁴⁸.

По территории этих княжеств проходили торговые пути, связывавшие Россию и Северный Кавказ с закавказскими странами. Старинным торговым центром на этом пути было селение Тарки — резиденция шамхалов тарковских. «Жители города Тарку, — писал М. Чулков, — отправляют купечество с Персиею и с Россиею...»⁴⁹. Они, по его словам, имели виноградники, огороды, пашни, скот, собирали хлопок. В окрестностях Тарков в большом количестве росла марена, сбор которой шамхалы тарковские давали на откуп кизлярским купцам. Ее вывозили обычно в Кизляр или в Баку, оттуда направляли морем в Астрахань. Тарковцы привозили на продажу в Кизляр пшеницу, мед, воск, шелковые материи, шерстяные паласы. Из тарковского владения в большом количестве вывозили в русские города айву, яблоки, грецкие орехи, шепталу (персики) и др.

Среди архивных документов II половины XVIII в. встречается много писем от шамхалов тарковских к кизлярским комендантам с просьбами разрешить покупку лошадей, быков, баранов, хлеба, российского вина, масла коровьего, рыбьего жира, смолы, холста, кожи, железа, олова и т. д.⁵⁰ С этими письмами приезжали в Кизляр приближенные шамхалов или тарковские «тезики».

На территории своего владения шамхалы тарковские так же, как и другие владетели, взимали пошлины с проезжих купцов. В 50-х годах XVIII в. эта пошлина (судя по архивным документам) составляла с каждой арбы 1 руб. 80 коп. Но уже в 1762 г. шамхал тарковский Муртазали и владетель Буйнака Бамат за провоз товаров и препровождение их через опасные места стали брать по 8—9 руб. Это вызвало жалобу кизлярских купцов на имя коменданта А. А. Ступишина, в которой они просили его воздействовать на шамхала⁵¹. В марте 1762 г. Ступишин обратился к шамхалу с письмом, в котором заявил, что своими действиями шамхал нарушает трактат, существующий между Россией и Персией, «по которому... в произвождении купечества всякая вольность и взаимовспоможение положено».⁵² Далее в письме указывалось, чтобы с проезжих через шамхальское владение купцов лишних пошлин не взимали и «напрасного разорения не чинили».

⁴⁷ Там же, д. 3381, л. 17.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ М. Чулков. Историческое описание российской коммерции... М., 1785, стр. 472.

⁵⁰ ЦГА ДАССР, ф. тот же, д. 3678, л. 58; д. 3604, л. 10; д. 3619, л. 68; д. 3669, лл. 38, 41, 53.

⁵¹ Там же, д. 3315, л. 81.

⁵² ЦГА ДАССР, ф. тот же, д. 3318, л. 143.

Посланному из Кизляра в Тарки Терского войска мурзе Алишу Киялкаеву шамхал Муртазали объяснял свои действия тем, что раньше «купцы российские ездили с малым товаром, потому и пошлина прежде малою бралась, а ныне купцы возят шелк и протчие шелковые и бумажные товары и на каждой арбе бывает по цене на тысячу и более».⁵³

Разумеется, взимание пошлин при провозе товаров через феодальные владения тормозило развитие торговли. Отрицательно сказывалась на ее развитии и междуусобная борьба владетелей. Так, объясняя причину ограбления кизлярского купца Мелкума и его товарища «тезика», шамхал Муртазали сказал, что они, проезжая через его владение, назвались не российскими подданными, «но армянин — кубинского хана человеком, а тезик — хайдакского владельца подвластным», а с ними у шамхала было «междуусобие»⁵⁴.

В 1798 г. тарковский шамхал Мехти задержал товар шушинских купцов — 200 пудов шелка в 49 полутайках стоимостью в 24 тыс. рублей, купленный у джарцев для отвоза в Кизляр. Свои действия шамхал оправдывал тем, что эти купцы якобы являются подданными казикумухского хана, с которым у него была ссора⁵⁵. Лишь после вмешательства русских властей шелк был возвращен купцам.

Из сказанного видно, что торговые связи и во II половине XVIII в. не всегда осуществлялись в мирной обстановке. Но ничто уже не могло прервать или остановить их: ни случающиеся на дорогах грабежи, ни ограбления купеческих судов, потерпевших крушение вблизи дагестанских берегов (этим средневековым обычаем дагестанские феодалы продолжали пользоваться и в рассматриваемое время)⁵⁶.

Переписка кизлярской администрации с местными владетелями по поводу возвращения товаров с разбитых судов затягивалась иногда на несколько лет, как это было в случае с судном московского купца Ситникова. В ней приняла участие и Государственная коллегия иностранных дел, которая в своем указе от 9/X 1759 г. писала кизлярскому коменданту Фрауендорфу о необходимости настойчиво добиваться возвращения товаров от тарковцев, а если понадобится, то задержать в целях наказания товар тарковских купцов в Кизляре. При этом Коллегия высказывала опасение, как бы тарковские жители за такую барангу⁵⁷ не стали бы «отмщение делать над проезжими из Кизляра в Персию российскими подданными людьми»,⁵⁸ но и оставить тарковцев без наказания Колле-

⁵³ Там же, л. 106.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 276, д. 667, л. 2.

⁵⁶ Очерки истории Дагестана, т. I. Махачкала, 1957, стр. 122.

⁵⁷ Баранта — захват чужого имущества в обеспечение долга.

⁵⁸ ЦГА ДАССР, ф. тот же, д. 3407, лл. 63 об, 64.

гия не считала возможным, ибо это, по ее мнению, могло дать повод и впредь поступать таким же образом.

Интересно отметить отношение тарковских купцов к данному событию. О нем говорится в этом же указе Коллегии иностранных дел со слов мурзы Алиша Килякаева. Последний доносил, что, будучи послан в Тарки по поводу возвращения товаров, слышал от тарковских купцов о их готовности заплатить за разграбленное, хотя «в том, кто и не участен», т. к. они опасались, что за обиды, чинимые шамхалом российским купцам, им придется страдать от «разорения и захвата баранты» со стороны кизлярских властей.

Но было бы, конечно, неверно расценивать экономические и политические отношения дагестанцев с русскими, исходя только из подобных событий, как это сделал П. Г. Бутков, писавший, что «вообще с шамхалом и уцмием не было почти других сношений, как по поводу или разбитых при берегах их российских мореходных судов, с коих они задерживали товары и припасы, либо по задержанию и захвату сухопутно-возимых товаров».⁵⁹

Не только шамхальство Тарковское, но и уцмийство Кайтагское имело широкие торговые связи с русскими городами. Выше уже отмечалось, что во владениях уцмий росла «наилучшая марена», за которой приезжали купцы из русских городов. В одном из архивных документов говорится, что приказчик кизлярского купца Иерусалимского, купив в «Башлеевской деревне» 520 пудов марены общей стоимостью в 1560 рублей, просит разрешения у Кизлярской пограничной таможни вывезти ее на продажу в Астрахань⁶⁰. Но не одной только мареной славился Кайтаг. С. Броневский писал, что «каракайтаки, в горах поселенные, пашут несколько земли, и сверх того занимаются развозкою в Кизляр и даже в Астрахань для продажи разных плодов свежих и сушеных, как-то: груш, яблок, квитиов (айва), персиков, абрикосов, орехов»⁶¹.

Далеко за пределами Дагестана, в частности и в русских городах, были известны изделия кубачинских оружейников. Так же, как и жители других дагестанских владений, кайтагцы приезжали в русские города для закупки необходимого. В архивах встречаются документы, содержащие просьбы кайтагцев отпустить из Кизляра купленные ими товары, а также скот, железо и др.⁶²

Таким образом, можно с полным основанием говорить

⁵⁹ П. Г. Бутков. Указ. соч., т. I, стр. 255.

⁶⁰ ЦГА ДАССР, ф. тот же, д. 2584, л. 8.

⁶¹ С. Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 317.

⁶² ЦГА ДАССР, ф. тот же, д. 3593, л. 42.

о наличии довольно широких торговых связей, осуществляемых в мирных условиях, между русскими городами и дагестанскими владениями.

О заинтересованности дагестанских владетелей в укреплении этих отношений свидетельствует и письмо казикумухского Магомед-хана к командующему на Кавказской линии генерал-поручику П. С. Потемкину, в котором он писал: «покорнейше прошу... позволить всякого состояния вашим купцам ездить для торгу и в наши владения и прошу верить, что они безбедственно будут возвращаться»⁶³. О том, что казикумухские торговые люди ездили в русские города для покупки необходимого, мы узнаем из письма уже упомянутого Назбадина Исмаилова кизлярской канцелярии от 26/V-1760 г. В нем он просил также и о пропуске купленного в Астрахани товара всего на 600 рублей⁶⁴.

Большая роль в развитии русско-дагестанской торговли принадлежала городу Дербенту. Из описания, сделанного П. Г. Бутковым в 1796 г., перед нами предстает довольно большой по тому времени город с населением примерно в 10 тысяч человек, с несколькими караван-сараями, многочисленными торговыми лавками и фабриками шелковых и бумажных материй⁶⁵. Конечно, эти фабрики не были предприятиями развитого капиталистического типа, скорее это были зародыши мануфактур.

Жители Дербента сеяли пшеницу, ячмень, выращивали пшено сарачинское, из фруктов — виноград, яблоки, груши, гранат и др. Занимались они шелководством, сбором марены, шафрана.

Дербент вел большую торговлю с Кизляром и Астраханью, с дагестанскими владениями, с закавказскими городами. Из России в Дербент привозили железо, сталь, краски, бумагу, холст, мыло, сахар, кожи, меха и пр. Часть этих товаров оставалась в Дербенте, другая вывозилась дербентскими приезжими купцами в Баку, Шемаху, Шеку, Гилян. В русские города из Дербента вывозили марену, хлопок, шелк-сырец, шелковые и бумажные ткани, сафьян, пшено сарачинское и другие товары как местного дербентского, так и иранского производства, а также товары, произведенные в горных районах Дагестана.

Хотя Дербент и вел морскую торговлю с Астраханью, Гиляном и Баку, но как морской порт он уступал им. Еще академик С. Г. Гмелин, посетивший Дербент в 70-х годах

⁶³ ЦГАДА, ф. 23, д. 13, ч. 3/2, л. 455.

⁶⁴ ЦГА ДАССР, ф. тот же, д. 3355, л. 44.

⁶⁵ П. Г. Бутков. Выдержки из «Проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем» 1796. «История, география и этнография Дагестана». М., 1958, стр. 202.

XVIII в., писал, что каменистое дно не позволяет судам приблизиться к дербентскому берегу, а поэтому они вынуждены в отдалении ложиться на якорь. «Сие есть главною причиною тому, для чего в сию пристань мало заходят и мало торгуют».⁶⁶ То же отмечал в конце XVIII в. Бутков.

Несмотря на это торговые связи Дербента с русскими городами крепили, чему способствовала обоюдная заинтересованность. Выше уже говорилось, что Дербент был одним из поставщиков марены и шелка-сырца для текстильной промышленности России. В свою очередь, Дербент нуждался в русских товарах, особенно в железных изделиях и в самом железе. О заинтересованности его в торговле с Россией свидетельствует письмо дербентского и кубинского Фет-Али-хана к астраханскому губернатору, в котором хан просил разрешить русским купцам приезжать для торговли в Дербент⁶⁷. Другим подтверждением этого является тот факт, что в 1781 г. Фет-Али-хан отменил в своем владении пошлины с русских купцов⁶⁸.

О том, что торговля с Дербентом принесла бы выгоды России, указывал еще академик Гмелин, писавший, что сюда можно было бы ежегодно посылать по два корабля с мукой, железом, сталью, свинцом и все это продавать «с великим барышом»⁶⁹. И хотя в середине XVIII в. железо входило в число запрещенных к вывозу товаров, царские власти разрешили по просьбе дагестанских владетелей отпустить его из Кизляра и Астрахани.

Итак, II половина XVIII в. характеризуется усилением торговых связей между дагестанскими владениями и Россией.

Купцы российские ездили для торговли не только в селения, расположенные на плоскости, но и в глубь гор, в «тавлинские деревни». Их не удерживали ни трудные дороги, ни незнание языков, ни многочисленные пошлины, взимаемые феодалами в своих владениях, ни грабежи, которые часто случались в те времена.

Чтобы обезопасить себя и свои товары от всяких случайностей, приезжие купцы нередко прибегали к покровительству местных феодалов. В этом отношении большой интерес представляет письмо Умма-хана Аварского к Андалальскому обществу, написанное в конце XVIII в.: «Вы были друзьями, но житель селения Меgeb Мирза причинил большой ущерб моему имуществу и моим гостям-евреям. Среди исламистов небыва-

---

⁶⁶ С. Г. Гмелин. Путешествия по России для исследования трех царств естества. СПб, 1785, I пол., ч. III, стр. 9.

⁶⁷ ЦГА ДАССР, ф. тот же, д. 3374, л. 42.

⁶⁸ Е. Козубский. История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, стр. 106.

⁶⁹ С. Г. Гмелин. Указ. соч., стр. 21—22.

мый случай убийства еврея и ограбление. Относительно крови мы разберемся после моего возвращения из поездки. Имущества возвращено на 250 руб. меньше, чем было ограблено. Если подобный случай был бы со стороны моих людей, то я бы быстро разрешил этот вопрос. По этому поводу едет к вам Максуд-Кади, примите меры к удовлетворению ограбленных»⁷⁰.

Много неожиданностей подстерегало приезжих купцов в пути, но выгоды, получаемые ими от торговли с горцами, были немалые. И это являлось причиной того, что из разных русских городов приезжали они в Дагестан со своими товарами, чтобы обменять их у местных горцев на продукты сельского хозяйства и ремесленного производства.

Не только кизлярские и астраханские купцы вели торговлю с горцами. К ним приезжали московские и петербургские купцы и даже купцы из более отдаленных мест. Так, среди многочисленных прошений, поданных летом 1790 г. в Кизлярскую пограничную таможенную, имеются и просьбы красноярского купца Ивана Ганешкина о разрешении вывезти в Астрахань для продажи фрукты, орехи и марену, купленные им в Андреевской деревне⁷¹.

Из Петербурга специально в дагестанские владения посылались люди для закупки фруктов, коней для царского двора⁷². Приказчики московских и петербургских фабрикантов закупали в Дагестане марену и шелк-сырец. Так, только с сентября по декабрь 1790 г. из Дербента было вывезено для продажи в Астрахани 452,5 пуда шелка-сырца на 19010 рублей⁷³.

Все это свидетельствует о заинтересованности России в торговле с Дагестаном. На ее развитии положительно сказался и указ, изданный Сенатом в 1798 г., разрешающий вывозить из Астрахани и Кизляра к соседним народам железо, олово, медь (кроме военных снарядов) и хлеб. Но еще до этого указа правительство неоднократно разрешало дагестанским и другим кавказским владельцам вывоз железа и других запрещенных к вывозу товаров, что, конечно, делалось с определенными целями.

Однако, говоря о расширении и укреплении русско-дагестанских торговых отношений во II половине XVIII в., о мерах, принимаемых правительством в целях «приласкания» горских народов (разрешение вывозить из русских городов многие запрещенные к вывозу товары, отмена пошлин, раз-

---

⁷⁰ Цитируется по книге Х.-М. Хашаева «Общественный строй Дагестана в XIX веке». М., 1961, стр. 115.

⁷¹ ЦГА ДАССР, ф. тот же, д. 2584, лл. 6, 11.

⁷² Там же, д. 3342, л. 45; д. 3345, л. 71; д. 3295, л. 117.

⁷³ Там же, д. 2584, лл. 23, 24, 30, 38, 40, 41, 48, 62, 65, 66, 69.

решение покупать лошадей и т. д.), мы не должны забывать о колониальном характере политики царизма по отношению к горцам Дагестана.

В области торговых отношений он проявлялся в сохранении в течение длительного времени меновой торговли, в создании меновых дворов в начале XIX в., в продаже русскими купцами своих товаров по завышенным ценам, в обмане неискушенных в торговле горцев, которые, по словам кизлярского коменданта Н. А. Потапова, не имели знаний в больших торгах и деньгах, и др.

Архивные документы свидетельствуют, что в Дагестане во II половине XVIII в. торговлей с русскими занимались, как и раньше, представители феодальной знати. Именно они в первую очередь и получали выгоды от нее. Но вместе с тем эти документы показывают, что в рассматриваемый период возрастает и роль местного купечества и узденей в торговле, причем последние выступают не только как поверенные феодалов, но и от своего собственного имени, закупая, как об этом говорилось выше, товары «для своих домашних надобностей».

Участие более широкого круга дагестанских горцев в торговле с Россией и другими соседними странами, проникновение изделий русской промышленности в горы, развитие производительных сил самого Дагестана — все это не могло не вызвать известных сдвигов в экономике Дагестана, главным из которых было развитие товарно-денежных отношений, рост общественного разделения труда и торговли⁷⁴.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что задолго до присоединения Дагестана к России между дагестанскими и русским народами существовали торговые отношения, которые несомненно явились одной из предпосылок этого присоединения, ибо объективно способствовали сближению народов Дагестана и России.

В условиях обострения борьбы между Турцией, Ираном и Россией за господство на Кавказе, развитие и укрепление экономических связей народов Дагестана с Россией имело для них большое значение, ибо по уровню своего развития Россия стояла значительно выше, чем Турция или Иран.

Несмотря на то, что политика России по отношению к Кавказу в целом носила колониальный характер, отдельные экономические мероприятия русского правительства отвечали интересам народов Кавказа, в частности Дагестана, способствовали сближению этих народов с русским, о чем свидетельствуют и просьбы дагестанских владельцев о принятии их в русское подданство, участвовавшие во II половине XVIII в.

⁷⁴ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX вв. Махачкала, 1957, стр. 383.

Большое место в развитии и укреплении русско-дагестанских торговых отношений принадлежало г. Кизляру, который на протяжении более чем 100 лет играл роль связующего звена между Россией, Кавказом и Закавказьем. Именно через Кизляр и Астрахань осуществлялись связи дагестанцев с русским народом.

Местные торговые центры Дагестана, такие, как Эндери, Аксай, Костек, Тарки, Дербент, играли немаловажную роль в развитии русско-дагестанской торговли, кроме того они являлись транзитными пунктами в торговле горных районов Дагестана с русскими. Отсюда вывозили в русские города марену, шелк-сырец, бумажные, шелковые и полушелковые товары, кожи сырые, хлопчатую бумагу, нефть, табак, рыбу, ишено сарачинское, мед, воск, вино виноградное, ружья, пистолеты, кинжалы⁷⁵ и др. Далеко за пределами Дагестана были известны и дагестанские фрукты, свежие и сушеные, за которыми приезжали даже из Петербурга.

В свою очередь в Дагестан привозили товары, в которых нуждались горцы: холст, красители, железо, сталь, мыло, сахар.

Господство патриархально-феодальных отношений, феодальная раздробленность являлись главной причиной того, что торговля Дагестана с Россией в рассматриваемый период не приняла широких масштабов. Вместе с тем следует отметить, что в этот период возрастает роль местного купечества и узденства в торговле с Россией. Многочисленные архивные документы свидетельствуют о большой заинтересованности дагестанских феодалов в расширении торговых отношений с Россией.

Царское правительство, стремясь упрочить свои позиции на Кавказе и в Дагестане, в рассматриваемый период действовало еще осторожно, проводило мероприятия, направленные к «приласканию» горцев, без сомнения имея в виду главным образом феодальных владетелей.

Но методы экономической политики России в Дагестане менялись по мере усиления позиций России на Кавказе. Так, если во II половине XVIII в. царские власти не шли дальше захвата баранты или задержки приезжих купцов, то с переходом к политике завоевания Дагестана царские власти перестают соблюдать осторожность и дипломатию и начинают проводить открытую колониальную политику.

Подчеркивая это изменение в политике царского правительства в конце XVIII — начале XIX вв., следует иметь в виду не только возросшую активность царизма в Дагеста-

---

⁷⁵ С. Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 454.

не, но и растущее тяготение к России среди различных слоев местного населения. А это тяготение было подготовлено всем ходом развития русско-дагестанских отношений и, в частности, усилением и расширением русско-дагестанских торговых отношений во II половине XVIII в. Забвение хотя бы одной из этих сторон может привести к неправильному толкованию процесса присоединения Дагестана к России ⁷⁶.

---

⁷⁶ А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 75.

**К ВОПРОСУ О ХАЗАРСКОМ СЕМЕНДЕРЕ
В ДАГЕСТАНЕ.**

(Материалы по истории нагорного Дагестана).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Автор статьи «К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане» Бахадур Гамзатович Малачиханов — один из представителей дагестанской интеллигенции старшего поколения — родился в 1882 г. в ауле Ашильта Унцукульского района. Окончив Московское высшее техническое училище (ныне им. Баумана) в 1910 г. со званием инженера-техника, преподавал математику в гимназиях г. Порт-Петровска (Махачкала), работал инженером округа путей сообщения в Тифлисе — (ныне — Тбилиси), начальником Кедабекского медеплавильного завода (Аз. ССР), восстановив его после разрухи. В годы гражданской войны в Закаталах Бахадур Малачиханов укрывал от преследования контрреволюционеров известного дагестанского революционера Мухаммедмирзу Хизроева. Затем он работал зам. наркома просвещения ДАССР, зам. председателя Дагсовнархоза, зав. сектором энергетики Дагестанского научно-исследовательского института.

Бахадур Гамзатович Малачиханов является автором первого сценического произведения в нашей республике на аварском языке (МестIер). Его перу принадлежат брошюра «О прошлом Аварии», «Букварь для взрослых. Ява-Ярлы» и др. Кроме того, Малачиханов — переводчик большого количества аварских эпических и лирических народных произведений, отдельных стихотворений народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы (все они хранятся в рукоп. фонде ИИЯЛ).

В 1938 г. Бахадур Гамзатович пал жертвой культа личности и ныне посмертно реабилитирован. Настоящая статья Бахадура Малачиханова, отличающаяся конкретностью и ори-

гинальным подходом к теме, публикуется без изменений, хотя отдельные высказывания автора устарели и носят дискуссионный характер: обнаруженные ныне материалы и выявленные в последнее время документы вносят некоторые коррективы в истолкование ряда положений автора.

М. Саидов

I

Тарики. Шамхалы.

По традиции официальной истории принято считать, что хазары — народ севера — имели на территории нынешнего Дагестана город Семендер. Местонахождение Семендера определяют по-разному, но большинство высказываний сходится на том, что город Хазар находился на территории, занятой нынешним аулом Тарки (правильно — Таргу) у гор. Махачкала. Внимательный взгляд на топографию района доказывает, что здесь мы имеем налицо, благодаря близкому подходу горного кряжа к берегу моря, одну из тех стратегических теснин, которые на языке арабских писателей называются воротами «баб». (Дербентские ворота были отличены более резкой характеристикой «баб-уль-абваб» — ворота ворот, благодаря главным образом своим монументальным древним стенам, сложенным из местного мягкого известняка).

Существует предание о том, что территория Таргу с прилегающей низиной также защищалась в далекие времена двумя стенами, тянувшимися от горы к морю. Одна из них, считают, шла примерно от сел. Кяхулай, а другая протягивалась ей параллельно у Таргу. Удивительно, что упоминаемое обстоятельство до сего времени нигде в литературе не отмечено. Надо думать, что с помощью осведомленных в старине товарищей возможно было бы произвести изыскания для фиксирования направления стен в отысканием, может быть, и их следов. Одно лишь ясно, что стены могли быть сложены из глубокого камня местных пород — твердых известняков, что по всей вероятности и было причиной их недолговечности и разрушения.

У академика Бартольда В. В. мы встречали упоминание о том, что Семендером некоторые считают аул Буйнак. Мы не знаем, на чем базируется это предположение о подобной роли Буйнака, но отзвук о былом его большом значении встречаем и в русских исторических документах начала XVI века.

Так например, посол грузинского царя «старец» Кирилл, освещая перед «приказом» по иностранным делам вопросы, имеющие отношение к просимой у русского царя помощи против Дагестана, говорит про Буйнак: «А на том городище стены и башни и ныне есть, только посыпались; а мерой то городище в длину и поперек сажено по 300. А бывал тот город ставленья Олександра царя Македонского».

Однако, господствующее мнение все же утверждает, что в Семендере надо видеть нынешнее Таргу у гор. Махачкала.

Выяснение местоположения Семендера, конечно, не праздный вопрос: можно встретить множество авторитетных суждений о необходимости раскопок на месте Семендера в целях изучения материальной культуры хазар. Поэтому мы поставили себе задачей попытаться дать некоторое освещение вопросу о том, насколько основателен существующий взгляд на Семендер, как в смысле географического нахождения, так и в отношении его значения чуть ли ни как столицы великого в прошлом государства, павшего, как считают, в 965 г. под ударами великого князя Святослава, который, взяв город Белу-Вежю «и Ясы победы и Касоги и приведе Киеву».

Шамхалы. Нуцал и уцуми.

Одного беглого взгляда, брошенного на аул Тарки, расположенный у северного входа в узкий проход вдоль берега Каспия, достаточно, чтобы понять его вероятное большое значение в прошлых исторических перепетиях на Кавказе. Русские дипломатические и исторические документы со времен еще Иоанна Грозного полны свидетельств большой роли «Таргу» в связи с здешним владельцем — Шамхалом. Этот последний по данным более ранних из упомянутых источников имеет в сущности постоянное пребывание в Казикумухе, что совершенно согласуется и с нашими местными достоверными сведениями. Столицей Шамхала был первоначально Кумух; лишь в XVI—XVII вв. местопребывание владельца гор было перенесено окончательно в Тарки. Такое перемещение «центра тяжести» надо думать было приурочено к той оживленной у моря ситуации, которая создалась здесь вследствие появления на сцену антагониста Персии—Турции и подстрекаемого ею к действиям с севера Крымского ханства. Кто же этот Шамхал, древней базой которого был Кумух? Самый титул «шамхал» заслуживает того, чтобы остановиться на том. Наряду с другими терминами, занесенными в Дагестан монголами, тюрками, персами (хан, бий, бек, джанка), обращают на себе внимание такие, которые имеют сугубо местный характер. Главные и наиважнейшие из них это: «шамхал», «нуцал» (нуцияу, нуци) — титул аварского владельца, «уцуми» — титул владельца Хайдака (у Дербента).

По вопросу происхождения слова «нуци» я уже высказывал свое мнение в том смысле, что это есть ничто иное, как иудейский термин «нуси», «носи» (предводитель колена, вельможа, старейшина, князь), занесенный в горы, по всем вероятностям, при владычестве хазар на плоскости. В местном распространенном манускрипте «Тарихи Дагестан» не жалуют красок для мрачного изображения нуцала, оказавшего действительное сопротивление надвигавшемуся впервые в горы исламу. Традицией правоверия нуцал — средоточие неверия и всего худого — производится по прямой линии от высшего носителя богомерзких свойств — проклятого фараона.

Если так обстоит в кругах арабистов с делом характеристики нуцала, то в отношении хайдакского «уцуми» они пошли по пути значительной снисходительности. Более того, мусульманские клерикалы, вынужденные соответствующей к тому обстановкой, пробовали угодливо подвести под этот термин арабскую основу, производя его от слова «исми» — (имя) и приравнивая понятию «именитый». Между тем, интересно то, что в упомянутом «Тарихи Дагестана» при описании столкновения арабов с сопротивлявшимися им хайдаками вождь последних назван по арабски «Газан-фар-аль-Харар» (Обманутый лев).

«Тут мусульмане из любви к аллаху продолжали свои войны за религию и неприязненные действия во всех частях Дагестана. Они разорили Хайдак и предали смерти из числа других храбрых и мужественных князей неверных главу этого владения, который назывался «Газанфар-аль-Харар». Чем объяснить то, что местный историк оставил без упоминания специфически местный термин «уцуми», широко популярный и уж конечно хорошо известный в Дербенте — базе арабской культуры. Объяснение этому недоуменному на первый взгляд обстоятельству надо видеть в том, что слово «уцуми» арабист того раннего периода воспринял в скрытом для нас виде, требующем некоторой расшифровки. Суть дела заключается в том, что он усвоил это слово, как лексический элемент, совпадающий с созвучным арабским «усама» *أسامة*, означаящим «лев», что он и запечатлел в своем труде использованием одного из равнозначущих многочисленных в арабском языке синонимов «Газанфар». В таком случае, мы имели бы основание утверждать и о большей древности титула «уцуми», имевшего применение свое в Хайдаке еще значительно ранее проникновения ислама за стены Дербента. В загадочном термине, интересующем нас, мы склонны видеть иудейское слово «оцум» (множ. ч. — ацамим), означающее «сильный, мощный». Кто сколько-нибудь знаком с вопросами распространенности иудаизма в прошлом в районе Юждага и Дербента и в частности в ущельи Хайдака, носящем

у даргинцев название «Джуфут-Гатта» («Еврейское ущелье»), тот не отвергнет без внимания мое впервые высказываемое в литературе предположение, что вождь Хайдака мог для вящего почета носить звание, почерпнутое из лексикона иудейского языка — языка священных книг древней религии, господствовавшей на значительной части территории доисламского Дагестана. При этом не лишено вероятия и то, что иудейское «оцум» («сильный, мощный») и арабское «усама» (синоним «льва») родственно тождественны по своей общесемитической этимологической природе; в положительном случае выходило бы так, что этот синоним льва у арабов представляет из себя эпитет, характеризующий силу и мощь «царя зверей». Так или иначе мы видим, что титулы «нуцал» и «уцуми» не пользуются в арабско-мусульманской среде Дагестана богобоязненным расположением. В противность этому само слово «шамхал» усердием клерикалов возведено на высшую ступень правоверного ореола. Носитель этого титула никто иной, как отпрыск святого рода исламского пророка Магомета. По этой версии «Шамхал» — имя первого ставленника арабов в Нагорном Дагестане. Так будто назван он по имени своего деда родом из селения Хал и Шаме (Сирии). Блистательная родовитость узаконяет его права на занятие царственного престола. «Согласно родословию он был (сын) Эмир-Хамза и потомок в восходящей линии Султан-Ахмеда, Хан Мухамеда (?) Аль-Арабий, Хала, Феридука, Амир-Султана, Али-бега, Абдул Азиза, Ахлаба, Амир-Чуфана, Амир-Мухамеда, Гази-Абдуль-фети, Муслима, Абдул-Мелика, Ибрагима, Исхака, Мансура, Касима, Якуба, Омара, Наиба, Сулеймана, божья милость да покоится на нем». Под Сулейманом автор генеалогического древа, надо полагать, понимает царственного пророка библейского мудрого Соломона.

Впрочем в «Дербент-намэ» имеется и другая версия подхода к прозвищу «шамхал». Здесь рассказывается о том, что Муслима — брат Халифа Хишама бен Абдул Мелик — военно-начальник арабских войск в Дагестане, завоевав Кумух, назначил здесь правителем некоего Шахбала, сына Абдуллы, сына Абаса. По другому списку того же Дербент-намэ, Шамхал — сын Абдуллы, сына Абдул Муталлиба, сына Аббаса. Неизвестно, на каком основании Абаскули Ага Бакиханов в своем «Гюлистан Ирам» сделал Шамхала сыном Абдуллы, сына Касима, сына Абдуллы, сына Абаса. Во всех этих случаях Шамхал происходит однако от дяди пророка, какое обстоятельство делает сугубо неоспаримым право шамхальской династии и ее отпрысков на властвование в Дагестане. Ученый арабист Гасан Алькадари в своем «Асари Дагестан» приводит еще одну версию шамхала, как термина, получившего видоизменение от начальной формы «шах-лал».

Как мы сказали выше, все исторические данные неоспоримо подтверждают то обстоятельство, что древней резиденцией шамхалов является Кумух (Гомели). Каким же образом этот, именно, пункт мог получить такое господствующее верховенство над прочими местами в нагорьи? Какие географические, политико-стратегические и экономические преимущества обеспечили ему такое положение? Можно ли верить ходячим писаниям о раннем устремлении арабского ислама в направлении Кумуха? В результате подытожения и сопоставления целого ряда фактов, имеющих отношение к нашей теме, мы должны будем увидеть, что Кумух является крупнейшим этапом на великом древнем пути народов и, как таковой, привлекая к себе внимания, должен был еще в очень ранний период арабских завоеваний на Кавказе сделаться на самом деле предметом яростной исламистской экспансии, направленной к северу.

«Шевкал русских летописей»

Интересующий нас титул «шамхал» получил это свое морфологическое письменное оформление несомненно в позднейшую эпоху. В XIV веке это слово во внешнем употреблении имело иной вид, в значительной мере совпадающий с принятым его произношением у кумыков «шаухал». Мы имеем свидетельство восточных историков о том, что форма «шакал» свидетельствована и в эпоху завоеваний в Дагестане Тамерлана». «Шавкал» в ту пору выступал в коалиции, враждебной новому завоевателю, и Тамерлан по этому случаю обращался с упреками к кази-кумукам за поддержку «неверных».

В русских исторических документах форма «шевкал» неизменна с первых моментов агрессии царей на Кавказе. Еще в 1552 г. российский приверженец ногайский мурза Исмаил, по словам служилого татарина Белека, ездил в Шевкальскую землю. В 1552 г. к Ивану Грозному прибыли послы «шевкальского царя и тюменского князя» с изъяснением того, «что дань же на себя кладут и на службы на государевы ходити хотят с государевы вместе». С той поры Шевкал является знакомой фигурой в политической игре на Кавказе, фигурой, переходящей из одного стана в другой, в соответствии с теми или другими возможностями по извлечению для себя выгод.

В связи с той метаморфозой, которой подверглось слово «шаухал», обратившееся в «шамхал» небезынтересно обратиться к судьбе, постигшей и его собрата, обозначающего шаухальского наследника. Термин этот дошел до нас в виде «Крым-Шамхал», имея в русских дипломатических документах времен царей Федора Ивановича и Бориса Годунова форму «Крым-Шевкал». Тенденция приставки «Крым» являлась совершенно непонятной, тем более, что она и не сопровождала

лась какими-либо поползновениями в сторону родственных связей с Крымским ханством. Между тем по утверждению в Дагестане царской власти специальная комиссия по определению «личных и поземельных прав туземцев Темир-Хан-Шуринского округа» сталкивается с необходимостью объяснения термина «Крым-Шамхал». Объяснение находится: «...он (т. е. наследник) как бы считался в половину шамхалом, что на местном кумыкском языке выражается так «крым-шамхалы», и многие думают, что звание крым-шамхала происходит из этих слов». Эта версия и сделалась общепринятой. Между тем она искусственна до очевидности; очень удивительно, что в то время на это никто не обратил внимания, несмотря на то, что старинная транскрипция слова в виде **خرب**, что по лакски означает «после», давая понятие «будущий шамхал». Период нахождения шаухала в Кази-Кумухе — лакском центре, как бы, был уже позабыт, и поиски значения «Крыма» были произведены лишь в кумыкском языке.

Не безынтересно, что «Шевкал», как собственное имя тарина, встречается уже в Золотой Орде в царствовании здесь хана Узбека (712—741 гг. от Хиджры — 1312—1340 гг. европейского летоисчисления). Двоюродный брат хана, которого звали «Шевкал», отмечен русской историей по связи с некоторыми малозначущими событиями, разыгравшимися в Твери. Шевкал был послан сюда с какими-то важными полномочиями. Рисуемый русской историей, «как ревностный читатель Алкорана», он пал жертвой распространившейся провокации, заподозрившей его в намерениях обратить россиян в магометанскую веру. Мстительную роль при этом сыграл князь Александр Тверский, сын казненного по суду в Орде Михаила; на рассвете 15 августа 1327 года он напал с силами взбудораженных горожан на незначительный татарский отряд. После продолжительной схватки татары не выдержали и заперлись во дворце. Дворец этот тверитяне подожгли, и Шевкал с своей дружиной погиб в огне. Так рассказывается русскими летописями о судьбе этого Шевкала сына Дуденя — брата хана Тохты. Он приобрел большую известность в старорусском обиходе через посредство тенденциозной песни, которая обратила его в ненасытного кровью «Щелкана Дудентьевича».

Необходимо иметь в виду, что нынешний Дагестан составлял пограничную область Золотой Орды и по этому самому должен был вызывать к себе со стороны золотоордынских ханов дипломатические заботы по закреплению верности и преданности местных влиятельных владельцев и правящих верхов. То, что мы имеем в позднейшей достоверной практике царей среди черкесских народов и, в частности на примере, с царем Иваном Грозным, закрепившим свою политику узами

брака с черкешенкой Марией — дочерью князя Темрюка, должно нас ориентировать в той или иной степени в вопросе о тех взаимоотношениях, которые могли установиться в свое время между высшими сферами Золотой Орды и владельческими родами на территории, имевшей исключительное серьезное значение при существовавшей активной завоевательной тенденции к югу, и это тем более, что Орда, ко времени воцарения даже Узбек-хана, насчитывала лишь полстолетия своего официального обращения лицом к Каабе, в то время, как Шаухал в Кумухе был возведен традицией к истокам правоверия II века хиджры, что создавало его династии значительный религиозный приоритет с вероятностью использования в золотоордынских кругах импонирующих терминов и имен, употребительных в Дагестане. Происхождение имени «Шевкал» у ханского родственника могло иметь своим источником именно такой авторитет дагестанского Шевкала, в значительной мере обязанного своей популярностью усилившемуся влиянию и престижу ордынского мусульманского духовенства. Арабский путешественник XIII века Ибн-Батута рассказывает о том, что в дни посещения им Сарая Берки — столицы Золотой Орды во главе Шефиитского полка там состоял знатный ученый Садрэддин Сулейман Лекзи. Обстоятельство это указывает на то, что вместе с другими странами, наводнившими в то время Орду своими исламскими просветителями, некоторая доля участия во влиянии принадлежала и верхам Дагестана. А на сколько усиливалось это влияние духовенства видно, например, из того, что один из имамов родом из Ховарезма не считал нужным даже вставать перед особой Узбека, пользуясь его особенным почитанием.

Шамхалы в Гидатле

Только ли в отношении властителя Кумуха (избравшего резиденцией позднее «Таргу») находил применение титул «шамхал?» Не встречается ли этот термин, может быть в несколько иной замаскированной форме, где либо в другом уголке дагестанских гор с традицией обозначения этим словом доморощенной собственной знати, местного масштаба. И, действительно, такой единокровный близнец шамхала, к успеху разрешения интересующей нас задачи, отыскивается в недрах гор на правом берегу Аварского Койсу против Аварского плато. Представитель классовых верхов Гидатлинской долины титулуется в единственном числе «шауха»; форма множественного числа «шухби» (би — аварский суффикс множеств. числа). В записанной мною предании о низвержении со скалы бунтарями-заговорщиками жестокого гидатлинского владельца, последний именовался Оло — «Шоавха». Эта форма гидатлинского «Шоанха» почти тождественна

с тем, как аварцы именуют популярного властителя плоскости «Шоанхал». Интересно к тому же то, что книжная форма гидатлинского титула та же, что у властителя Кумуха и плоскости — «Шамхал». По принятой местными араоистами традиции генеалогия гидатлинских «шухби» восходит к некоему аравитянину Хаджи-Али-Шамхалу, прибывшему в Дагестан с Абу-Муслим-Шейхом. Здесь необходимо отметить, что в широких массах населения гор имя «Абумуслим» популярно, как веха древнего приобщения к исламу. При этом в смешении исторических фактов и преданий традиционно утвердилось путаница вокруг имен двух разновремененно живших лиц. Можно встретить множество наивных рассказов о том, что Абумуслим — покоритель Дербента (VIII-й век) — нашел упокоение в Хунзахе. В действительности же арабский полководец звался Маслама, а под именем Абу Муслим известен богомолец-миссионер XI века. Могилу последнего указывают в Хунзахе, где хранятся его плащ и сабля, кстати сказать ничем не изученные с точки зрения приуроченности этих предметов ко времени и месту их происхождения. Заслуживает упоминания также и то, что чтимые в могилах «святые» с известными и неизвестными именами, рассеянные по разным уголкам Дагестана, апокрифически также возводятся в братьев «Абу-Муслима». В Гидатлинской генеалогии вас должна крайне заинтересовать тенденция фиксирования письменного термина «шамхал», употребляемого для классового обозначения командующих верхов — «шухби». Таким образом, мы имеем перед собой полное совпадение титулования династий, как на общинной территории, включающей в себя нагорье Дагестана вместе с побережьем Каспия, так и в скромной, казалось бы, по своему удельному значению, долине Гидатля с ее несколькими аулами. Рядом с этим совершенно очевидной достоверностью мы имеем перед собой большое историческое прошлое Гидатля. Мы наблюдаем здесь удивительную военную организованность и спаянность против внешних недругов. Гидатль временами борется успешно с такой мощной в своем масштабе организацией, как Авария, для которой запирает проход в Грузию, входит в коалиции с койсубулинцами и др., ведет наступательные действия против соседей — баголалов, в центре коих Коанада, например можно услышать множество рассказов из этой тревожной полосы взаимоотношений. Эта изустно передаваемая от поколения к поколению история Гидатля дополняется картиной развалин укреплений и башен, с первого взгляда останавливающих на себе изумленное и недоуменное внимание. Для чего такой малой политической единице понадобилось такое активное развертывание своих воинственных средств. Служили ли эти средства самообороне, или они являлись необходимой предпосылкой обуравующих тенденций к беспокойной

агрессии. Какими внешними воздействиями индуцировалась и питалась эта агрессия? Не находит ли себе объяснение эта местная микроситуация в наличии тут главенствующей верхушки «шухби», примостившейся в этом глухом как будто уголке Дагестана? По нашему разумению, гидатлинское слово шух-би (шаухи, шо-анха) есть множественная форма арабского классового термина «шуюх» от единственного «шейх (начальник, старейшина)». Точно также и прославленный в более крупной роли Шамхал (Шевкал, Шаухал, Шоавхал) есть ничто иное, как видоизменение от основного Шаухал, в свою очередь представляющего из себя испорченное фонетикой Шуюхал-Шуюх, т. е. ту же множественную форму от арабского упомянутого титула. Вообще говоря, употребление арабских терминов в форме множественного числа, для обозначения ими понятий в единственном числе, находило себе в религиозной практике «аджамских» (иноязычников для арабов) народов широкое применение и, в частности, у дагестанцев, например: «будала» — святой (от ед. «абдал»), «малаик» — ангел от ед. «малек», «шуада» — погибший за веру от ед. Шаһид; ашаб — спутник-сподвижник от ед. Саһиб (например Ашаб Али). В приведенном совпадении и идентичности наименований высшего правящего сословия для нас раскрывается целый комплекс неразъясненных до сего времени моментов истории гор. В частности мы видим, что Гидатлинский союз, ориентирующийся на базу исламизма Кумух, выполняет в известную эпоху роль форпоста по продвижению и распространению соответствующей политики в сторону племен Багол и Чамал в бассейне Андийского Койсу. Имеются свидетельства о том, что в ауле Тинди еще сравнительно недавно указывались могилы древних воителей из Кумуха, павших здесь «в борьбе за веру».

II

ВЕЛИКИЙ ПУТЬ НАРОДОВ ЧЕРЕЗ ГОРЫ ДАГЕСТАНА:

Авария
 р. Самур—Кумух—Чох — — р. Андийское Койсу —
 Гидатль
 Чечня

По данным истории, родоначальник персидских шахов-сефевидов Шейх Джунейд воспыал в 1447 году намерением пойти в страну черкесов воевать за веру. Осуществляя благочестивое дело, он вышел из Ардебиля, прошел походом территорию Ширвана и достиг Самура. Дагестанцы преградили ему путь на левом берегу реки, и в кровопролитной схватке близ сел. Гапча Шейх был убит. Тело его затем было перенесено и похоронено на правом берегу Самура в лезгинском

ауле, получившем впоследствии через то наименование Хазри (т. е. связанный). Могила Шейх Джунейда на правом берегу Самура является для нас показательной вехой, поставленной на пути продвижения сил юга на север. Как дальше предполагал итти родоначальник Сефевидов: к Дербенту или на Кумух? Вопрос этот остается без ответа, и его скорее пожалуй надо решить в пользу Дербентского района, где на левом берегу Рубаса в Табасарании сложил свою голову в 1489 году сын Джунайда Шейх Гайдар, тот самый, который установил для своих приверженцев головной убор красного цвета, послуживший основанием для популярного прозвища «Кизиль-баш» («Красная голова»).

Проходит однако несколько столетий, и путь на Кумух осуществляет армия энергичного завоевателя Надир-шаха персидского, прошедшего в один из рейсов, как известно и до Чоха. Дагестанские источники истории достоверно свидетельствуют нам о том, что Чолак-Сурхай (хан Кази-Кумухский) сбежал от него в Гидатль, где нашел прибежище у Ибрагим-Хаджи Урадинского, являющегося представителем знатного рода гидатлинского «шухби». Через сто двадцать пять лет после этого события через то же Гидатлинское ущелье, но уже в противоположном направлении со стороны Чечни, искал спасения своему делу и имам Шамиль. Уйдя из Ведено с немногими своими последователями, семейством и казной, Шамиль следовал к Гуниб-горе по маршруту: Чечня—Ичичали—Карата—Асса—Гидатль—земли Куяда.

Таким образом, перед нами сомкнуто вырисовывается пересечения гор Дагестана кратчайшей трассой дороги от берега Самура до Чечни. По отдельным участкам этой артели связи мы наблюдаем в хорошо нам известную эру прохождения больших человеческих масс, приведенных в движение взаимной противоречивостью и столкновением интересов ведущих верхов (походы предводителей на Кубу—Шемаху через «Чиракские ворота», движение Надир-шаха на Кумух и Чох и т. п.). По той же линии поддерживались и торговые взаимоотношения между соседними странами. Живой иллюстрацией такого положения явились заезжие из нынешнего Азербайджана верблюжьи караваны с грузом нефти, которые еще лет 30 тому назад наблюдали у себя на аульской площади жители Чоха. (Кстати сказать, в этом последнем ауле мы имеем и памятники былого влияния армянской религии, занесенной сюда также несомненно с товарами юга).

Вполне естественно предположить, что этот путь служил средством связи между Югом и Северным Кавказом в обход Прикаспийской низины, с малых отдаленных с незапамятных времен; и это особенно относится к передвижению конницы в летний сезон, когда дорога через горы вместе с обеспечением коней подножным кормом представляет несравненно

благоприятные климатические преимущества против изнурительных условий передвижения вдоль берега моря с широко заболоченными низовьями рек и речек. В силу этого в толще той культуры, которая сложилась в складках Дагестанского нагорья, надлежало бы видеть сложнейший конгломерат воздействия с двух противоположных сторон. В частности, говоря про Север, мы должны иметь в виду вероятность занесения в горы не только элементов воздействия культуры Восточной Азии, влияния Золотой Орды, но и отголосков древней цивилизации Запада через посредство скифов и черкесов (культура греко-римлян на берегах Черного и Азовского морей).

Находящаяся на левом берегу Аварского Койсу возле селения Датуда, христианская часовня бесспорно принадлежит к памятникам старины Гидатля, приобщенного к исламу, согласно принятых среди местных арабистов данных, стараниями просветителя Хаджи-Удурета из аула Мачада в 880 г. хиджры (1475 г.). Эта принадлежность часовни Гидатлинскому союзу нам важна в том смысле, что проход в Грузию, в верх по ущелью Аварского Койсу, был в известные периоды в полном обладании этой сильной федерации. Обладание территорией Датуна открывало вместе с тем Гидатлю прямую связь через аулы Асса и Тиянуб к аулу трех ущелий Ахваха (Тлибишу, Зонотляр и Кудияб росо) — месторасположению нынешнего Ахвахского районного штаба, откуда уже рукой подать до Андийского Койсу, с возможностью близкого достижения и Северо-кавказской низины. Не лишнее отметить, что на линии пути Асса—Ахвах на перевале «наричи» мы имеем ответвление для проникновения на недоступное Аварское плоскогорье, окаймленное стенами величественных скал. При противоречии местных интересов этот узел путей должен был служить причиной и поводом для раздоров Гидатля с Хунзахом. Одна старинная запись, как например, удостоверяет, что аварский князь Барти Китлиляу — отец нуцала Андуника — убит в ауле Тукита в войне с пришедшими сюда «войсками кумухцев и гидатлинцев». Если верить весьма пространной записи т. н. «завещания Андуника» с датой 890 год хиджри, есть основание приурочить это событие к последним десятилетиям XV века. Таким образом, в наметившейся линии р. Самур—Курах—Кумух—Чох—Гидатль мы рассматриваем трассу чрезвычайно важного стратегического пути с Юга на Северный Кавказ в обход Дербента и всей приморской узкой полосы.

Монголы. Ширваншахи. Разгром Кумуха в 637 г. Хиджры.

В свете такой концепции не безынтересно задаться следующим вопросом: не могло ли случиться, что в первый свой приход на Кавказ в 1222 году монголы шли на север именно

по этому показанному нами пути через Кумух. О чем свидетельствует нам история? После разгрома хорезмийского шаха Магомеда повелитель Азии Чингиз-хан отправил для преследования остатков вражеских сил свою конницу во главе с военно-начальниками Джабе-Нойоном и Субудай-Багадуром. Это войско прибыло через Персидский Мазандаран в Ширван и к Дербенту. Однако этот проход представился большим препятствиям для дальнейшего их продвижения, почему монголы и пошли обходной дорогой по пути, указанному Ширван-Шахом.

Современник прихода монголов армянин Киракос Гандзакци (1201—1272), служивший переводчиком в штабе действовавшего в Закавказьи татарского военачальника Моларнойона, сообщает об этом свежем для него событии следующее: «однако таджики, владевшие Дербентом, не пропустили их. Тогда татары по местам неприступным перешли Кавказские горы, заваливая пропасти деревьями, камнями, бросая туда свой багаж, даже лошадей и военные снаряды, и таким образом прошли в свою родину. Предводителя их звали Сабата-Багадур».

Если допустить, что политические интересы соседей с Дербентом области приморья, со включением и низовьев Сулака, также расходились с завоевательными стремлениями пришельцев с юга, то осуществление начертанного нами выше маршрута, приведшего монголов к блестящей победе над кипчаками и русскими, является весьма вероятнейшим эпизодом.

Согласно свидетельства российских источников, монголы имели столкновение с коалицией князей на берегах реки Калки близ нынешнего Мариуполя. Со стороны монгол в деле участвовали, как видно, и русские части (воевода Бродников). Князьям было нанесено страшнейшее поражение. «Земля русская по словам летописцев, от начала своего не видала подобного бедствия: войско прекрасное, бодрое, сильное совершенно исчезло; едва десятая часть его спаслась; одних киевлян легло на месте 10000, — говорится об этом событии у Карамзина. Могло случиться, что для главных сил монголов достаточно было овладеть Кумухом с тем, чтобы оттуда лавиной наброситься на Сулак и на побережье к нынешнему Тарки, где по всей вероятности стоял областной штаб военной администрации северного государства. Имеется ли, однако, у нас какое либо вообще основание к убеждению в том, что монголы или родственные им силы побывали в Кумухе в начале XIII века. На этот вопрос приходится ответить утвердительно. Мы попытаемся систематизировать весь имеющийся в этом направлении материал. В затрагиваемый нами период времени на плоскости господствовали кыпчаки (северные турки), границы которых порой включали в себя и стены дербентской твердыни. Арабский историк Ибн Асир, умерший

в 1233 г., рассказывает о том, что кипчаки, разбитые татарами, пробовали разные хитрости, чтобы овладеть Дербентом. Владетель последнего — некий Рашид, поддавшись в конце концов обману, впустил в крепость множество кипчаков, но затем, угадав предательское намерение врага вероломно овладеть страной, он бежал в Ширван. Если такое положение имело место сейчас же после первого монгольского победоносного марша, то совершенно естественно напрашивается уверенность в том, что политические позиции кипчаков в районе Дербента в предшествовавшую эпоху были также основательными и прочными. Та же политическая ситуация зафиксирована историей в последующую после битвы на Калке (31 мая 1223 г.) пору. Известно, что около 1227 года к Дербенту с юга подступила агрессия Султана Джелал Эддина (сына разгромленного Чингиз-ханом Хорезмийского шаха Магомеда), действовавшего при содействии кипчаков. Из всего этого усматривается, что власть кипчаков, враждебных монголам, остановилась тут в той или иной силе, вплоть до той поры, когда монголы вновь вторгаются в Закавказье и завоевывают в этот свой, второй по счету, приход также и Дербент и другие территории на севере. Это событие имело место в 1239 году, причем, по данным истории нынешнего Азербайджана, Ширван-шах явил особую активность в Закавказьи по водворению монгольской власти.

Разгром Кумуха в 637 году Хиджры (1239 г.).

Интересно теперь обратиться к старинным историческим манускриптам, имевшим до самых последних времен распространение во множестве списков внутри самого Дагестана; насколько реальны и близки к истории и к какой эпохе могут быть отнесены те события, которые здесь изображены с приурочением к Гази-Кумуху и Хунзаху? Речь идет о рассмотрении в такой плоскости прежде всего рукописи «Тарихи Дагестан» Мухамед Рафи Ширванского, которая, как известно, получила опубликование в «Сборнике сведений о Кавказских горах» еще в шестидесятых годах XIX века. Личность автора содержит в себе несомненно большое ориентирующее значение. К сожалению, в прошлом очень плохо разобрались в этом важном вопросе, а кое-кто из местных интеллигентных любителей истории увлеклись в своем усердии до такой степени, что старинный автор, плоть от плоти уроженец Кавказа, переживавший в своем преломлении судьбы гор, превратился у них в известнейшего арабского географа Абульфеда. Здесь не место ставить этот вопрос во всем его исчерпывающем объеме, однако, необходимо все же разъяснить, что все недоразумения с подобного рода заблуждениями происходят на почве неправильного чтения арабского письма, а также и ис-

кажений при переписке текста. В данном случае после имени Мухаммед Рафи следовало согласно арабской традиции прозвища двух родов «кунья» и «лакаб», и эта часть титула читалась:

аль-муканна би абиль фатх альмукалаба Мала-Челеби, т. е. прозванный отцом откровения, называвшийся Мала-Челеби. Вследствие пропуска одной точки в начальном слове и исключения конца, начиная с последней буквы третьего слова, получилось аль-маккийи аби-альфида, т. е. Маккский Абульфеда

Для нашей задачи скромное писанье местного арабиста, со всей его субъективной насыщенностью идеями воинствующего ислама, в тысячи крат интереснее, чем эрудиция и авторитет в науках мирового ученого Абульфеда, тень которого лишь зря и искусственно потревожена для сего случая. Нам ценно то, что в лице Мухаммед Рафия мы несомненно имеем перед собой человека, знающего Дагестан известной эпохи. Более того целым рядом записей и старинных отметок устанавливается то обстоятельство, что отец Мухаммед Рафия Абдурахим с прозвищем Гасан-Алави Сефевии был казием в Кумухе в период постигшего его разгрома. Это заставляет нас быть еще более внимательными к наследию, которое приписывается отцу и сыну, хотя много вероятий в том, что цензура времени и внесла сюда немало поправок и добавлений. С этой предпосылкой мы и приступим к событиям в изложении «Тариха». которые не во времени, ни в причиненности их возникновения не связаны в этом манускрипте какой либо родственностью. События эти представляются какими-то крупными осколками исторических формаций, не имеющих как будто между собой никакой видимой связи.

Одно из событий — катастрофический разгром Кумуха с свержением властвовавшей здесь арабской династии из рода дяди пророка.

Другое — свержение исламской (арабской) власти в Хунзахе и реставрация старой аварской династии нуцалов.

Попытаемся вдохнуть жизнь в схоластическое писание, выхоленное тенденцией аналогии владычества в горах «потомков дяди пророка». «Тарихи Дагестан» посвящает кумухскому событию следующие горестные строки:

«Зеркало согласия между князьями Кумуха и Хайдака разбито было усилиями сатаны... Те из потомков князя мучеников (Хамза), которые в продолжении этих беспокойств были живы из числа владетелей хайдакских, а именно Мухаммед-хан, Ашир-хан и Амир-Хамза нашли убежище у повелителей Авари и обязались клятвой быть их союзниками... Тут произошло между ними и князьями кумухскими страшные войны... Царь аварский послал письмо и посланников, изб-

ранных из числа мудрых и красноречивых людей, к султану Каутаршаху в страну турок, жители которой приняли религию ислама еще во время Омара—сына Хаттаба и предложили союз и дружбу, согласно законам соседства и на условиях взаимной помощи в войнах с своими врагами и недоброжелателями. Такой союз был основан с обеих сторон на дружбе, согласии и братстве. Каутар шах взял прекрасную дочь царя аварского в жены сыну своему Кей Кобеду, а прелестную сестру последнего выдал за Саратана—сына царя аварского... Каутар шах тогда повел своих турок с востока, а Саратан с князьями хайдакскими направил войска аварские с запада против Кумуха, куда они прибыли во вторник 1-го рамазана в дни Нажмутдина».

Далее говорится, что обитатели Кумуха сражались с большим мужеством, и последние защитники крепости — 70 юношей — погибли в квартале Кикули. «Сартан и Каутар опустошили Кумух в субботу месяца Сафара, и все князья кумухские, происходящие от Хамзы, рассеились по разным частям света... и попали пленниками в руки... Каутар-шах и Сартан и возвратились в свои земли, но потомство Хамза — аравитянина поостигла та участь, как мы рассказали в надлежащем месте между событиями 718 г. хиджры, в каковое время они имели в руках древние документы...».

Далее следует заключительное вопияние к правоверным, под страхом божьих кар, о том, чтобы представителю несчастного рассеявшегося рода, если такой окажется на чьей либо земле, оказывались почет и всякое уважение.

Анализируя эту версию кумухского разгрома, произведенного «Каутар-шахом с его турками», в союзе с аварским владетелем Саратаном, раньше всего бросается в глаза то, что имя Саратан использовано здесь из фальшивой генеалогической таблицы аварских ханов. Саратан в этих таблицах, как известно, выведен отцом традиционно проклинаемого Сурагкана, а в данном случае это имя повторяется как бы характерное династическое, создавая впечатление эрудиции историографа в этой области. Другое дело имена Каутаршаха и его сына Кай-Кобада. Тут совершенно очевидно, что автор называет представителей Ширван-шахской династии, владычествовавшей над Ширваном, т. е. провинцией, включившей в себе Кубу, Шемаху, Баку и другие районы нынешнего Азербайджана. Имя Кай-Кобад часто встречается в роде Ширваншахов, а Каутар-шах (в другом варианте Каусаршах) повидимому есть ничто иное, как Кесре-шах, где Кесра — есть титул Ширваншахов, указывающий на тенденцию происхождения владетелей Ширвана от Хосро (Кесра) Ануширвана царя персидского.

Необходимо, однако, остановиться на том, что дата 718 г. хиджры никак не может быть отнесена ко времени, когда произошли катастрофические события. На это обстоятельство приходится обратить внимание в силу того, что некоторые комментаторы дали ошибочное направление и в этом вопросе, допустив, что в «турках» надо разуть одно из многочисленных кочевых тюркских племен на побережье моря.

718-й ход хиджры, т. е. 1318 год европейского летоисчисления, соответствует шестому — седьмому году воцарения хана Золотой Орды Узбека. В связи с казнью в 1319 г. в орде великого князя Михаила Ярославовича Тверского, русские летописи дают следующее определение местонахождению орды в тот период: «У болвана медяного, у златые главы у Темиревы, у богатыревы могилы, за Терекон под великими горами под яскими и черкасскими, у града Тетякова на р. Сивинце, близ врат железных». Узел названий запутанный, но достаточно фиксирующий внимание на горах Северного Кавказа. Арабский путешественник Иб-батута, побывавший на Северном Кавказе и в частности посетивший гор. Мажары на р. Куме, видел двор Узбека и его четырех жен в районе минеральных вод «Бештаг» (Бештау — Пятигорье). Власть Узбек-хана была сильна и могущественна. К тому же известно, что в 718 году войска орды пришли в Дербент, далее в Ширван и вглубь Закавказья. Совершенно невероятно, чтобы разоренный Ширван в эту пору был в состоянии являть свою акцию вглубь дагестанских гор. Таким образом, если дата 718 имеет за собой основание, то оно относится ко времени составления «Тарих», а каковое обстоятельство подтверждается датами других писаний, приписываемых Магомед-Рафи.

Вместе с тем по другим памятникам мы имеем дату событий, отмеченные 637 годом хиджры (т. е. 1239 г. христианской эры). Эта дата распространена в различных записях «памятниках, разбросанных в камнях по разным рукописям, и, в частности, зафиксирована в записи на одном камне в стене мечети аула Рича, находящегося у входа в Могударинское ущелье (Чирахчай). Аул этот, игравший большую стратегическую роль, как этап на пути из Южного Дагестана в Нагорье, в арабской местной манускриптной литературе имеет почетнейшее название «Баб-уль Кист», что означает «ворота справедливости». В ауле Рича указывают возвышающиеся на скале развалины той крепости, которая некогда была разрушена татарами при их вторжении в горы.

637 год хиджры приводит нас к царствованию в Ширване Ширван Шаха Ферибурза бен Гершасп (622—641—653 г. хиджры). Ферибурз, по данным сохранившихся памятников азербайджанской старины, весьма примечательная и активная фигура феодального мира на Кавказе. Некоторые высказывают предположения, что он пришел к власти путем низло-

жения отца своего Гершаспа. На монетах Ферибурза красуется следующая высокопарная апология этого властителя: «мелик высочайший, высота мира и веры (ала едунья не дин), защитник повелителя правоверных». В надписи на развалинах укрепления Хапека от раджаба 641 г. хиджры (1243 г.) он же именуется: «могучий победитель, любитель мира и веры, венец султанов... Фридун (?) Абдуль-Музаффар Ферибурз бен Гершасп» Совершенно определенно известно, что именно при этом «могучем победителе» и «защитнике повелителя правоверных» произошло полное подчинение Ширвана монголам. Известна также действительная роль Ферибурза по распространению власти монголов на соседние страны. Надо считать вполне достоверным, что разгром Кумуха при участии монголов, разрушивших «ворота справедливости», принадлежит экспедиции этого Ширван-шаха, трудное торжественное имя которого автор или переписчик «Тарих» а заменил популярными родовыми именами Ширван-шахов Кесранидов. Совершенно естественно допустить, что дорога на Кумух, известная хорошо Ширван-шахам, была испытана Ферибурзом еще в предшествовавший рейд во время первого прохождения через горы монголов Джебе-Нойона и Субудай-Багадура, т. е. в 1223 году.

Так или иначе не подлежит сомнению, что разгром Кумуха относится ко времени появления на историческую сцену Кавказа монголов — виновников ослабления, а затем и сокрушения арабского халифата.

Кровавый переворот в Хунзахе в начале XIII века.

Для того, чтобы определить место во времени хунзахского события, нам придется исходить от некоторой вехи, которую необходимо будет предварительно установить с возможным вероятием. Речь идет об упомянутом выше Шейх-Абу-Муслиме, пользующемся широкой известностью, как просветитель Аварии. Могила этого шейха указывается в квартале «Самилал» аула Хунзах, истари являясь местом «зиярата почитателей. Вокруг имени этого Абу-Муслима создавалась местная грубая легенда, сделавшая из этого миссионерствовавшего богомольца никого другого, как известного арабского полководца Маслама — покорителя Дербента в начале VIII века европейской эры (2-й век хиджры). Халат и сабля, демонстрируемые при гробнице, имеют ту же тенденцию величественного происхождения их «обладателя». Поразительно то, как мистификация с этими атрибутами проходила без громких недоумений со стороны ортодоксальных алимов прошедших времен. На упомянутом халате имеются вышитые надписи, и одни из них представляют собой изречения сугубой апологии имени Халифа Али, что кричаще свойственно шиитскому тол-

ку ислама. Это одна сторона дела. С другой стороны, мы имеем тут выдержки стихов из посвященной пророку оды «Кассидатуль бурда», принадлежащей поэту Египта Мухаммад-Аль-Бусири, жившему в конце XIII века (год смерти 694-й год хиджры, или 1295 европ. эры). Надо думать, что ни в чем неповинные халат и сабля, случайно связанные судьбой для соответствующего тенденциозного назначения, в действительности попали в горы в виде подношения какого-либо влиятельного лица, или они прибыли сюда, как трофеи, доставшиеся в набегах на Закавказье. Во всяком случае раз навсегда надо отказаться от поисков на халатах даты II века, мерещившейся традиционному хранителям гробницы.

Аббас-Кули-хан Бакиханов в своем сочинении «Гюлистан Ирам» относит Шейх-Абу-Муслима к концу V века хиджры, основываясь на том, что автор манускрипта «Тарихи Дагестан» Мухамед Рафи, живший в начале VIII века хиджры, выводит хайдакского владетеля Эмир-Чобана (современник Шейх-Абу-Муслима) в 9 колене (на каждый век принято 4 поколения). Этот вывод находит себе параллельное подтверждение и в следующем абзаце текста т. н. Кайтагских рукописей Мухаммед Рафия: «... через посредство посланников он (т. е. Эмир-Чобан-Хайдакский) заключил мирный договор с Ширванским Султаном Фридуном, выдав дочь свою за его сына Султана Кай Кобада, женил своего сына Султана Сулеймана на его дочери». Эмир Чобан Хайдакский изображается «Тарих» ом», как победитель гор и насадитель ислама вплоть до Аварии, властитель которого Баяр (?) при этом принужден был бежать в Тушетию. В Хунзахе мусульмане поставили владетелем некоего Маасума «из потомков Шейх-Ахмеда» и к нему кадием лучшего из духовных лиц «Абу-Муслима».

Для нас интересно то, что в конце V века хиджры по генеалогической таблице династии Ширван-шахов отыскивается властитель с именем Фридун (Афридун сын Ферибурза). Ему соответствуют следующие нумизматические даты 487—511—514. Его соправитель (старший?) брат Манучахр сын Ферибурза указан в пределах почти тех же цифр — 487—512 гг. Таким образом единоличное царствование Фридуна как будто имело место в 513—514 годах хиджры. Остановимся на этой дате 513—й год (Хиджры) с той условностью, что это и есть тот хронологический этап, когда исламские силы, представляемые главенством хайдакского владетеля Эмир-Чобана покорили впервые «неверную» Аварию. С этим допущением мы процитируем полностью выдержку на Тарихи, которая, трактуя о хунзахских событиях, содержит в себе некоторые наводящие данные хронологического порядка:

«По прошествии долгого времени Амир Султан сын Байрампа, сын проклятого Сурака, с прозвищем Нуцал, который бежал от ислама к неверию и жил в Туше, выпросил по-

мощь войска алланов, чтобы вновь получить место своего отца и престол своих предков и чтобы восстановиться в ряду их. Большое войско было собрано от границы Цумта (дидо) до оконечности Аришти (чеченское племя). Он провел его тайно в темную ночь в округ Хунзаха. Он вступил в переговоры с теми из своих земляков, которые... только наружно исповедывали ислам и дружили с мусульманами, питая в душе совершенно иные чувства. Эти туземцы, приняв участие в его коварстве, скрыли всех его воинов в своих домах и распределили их между обитателями своих селений и ждали, когда найдется случай напасть на Амир-Ахмада, сына Чуфана, сына Султана, сына Маасум-бега, который в это время сидел на престоле своих предков. В это время Абу-Муслиму, сыну Юсуфа, сына Магомеда, сына Шейх-Абу-Муслима приснилось в ту ночь, что неверные напали на мусульман в Хунзахе, и что в городе произошло великое бедствие. Посему он ужаснулся этого сна и до полудня бежал в Кумух. На следующую ночь неверные напали на Амир-Ахмада до рассвета и умертвили его, отразали голову и выставили ее над входом в крепость. Они также умертвили всех мусульман, которые жили в этом городе и таким образом успели в своем намерении.

Тогда Амир-Султан вступил на престол своего отца по примеру своих предков. Его подданные отклонились от веры, и между ними и мусульманами начались неприязненные действия, которые продолжались 24 года. Но, наконец, оскудели средства, продовольствия; поддерживать жизнь сделалось весьма трудным; они утомились войной и кровопролитие им опротивело, посему они раскаялись и снова приняли ислам».

Из этой выдержки мы усматриваем, что продолжительность времени господства исламитян на Аварском плоскогорьи оценивается и сменой в Аварии четырех поколений мусульман-правителей, что, из расчета 25 лет на поколение, можно принять за эру в 100 лет.

Затем после реставрации в Хунзахе старой династии нуцалоов властитель Аварии ведет с мусульманами (т. е. с Кумухом) непрерывные войны еще в течении 24 лет. Суммируя все перечисленные выше последовательные хронологические слагаемые, мы получаем $513+100+24=637$ год хиджры (1239 год европейской эры), т. е. год разгрома Кумуха, о котором говорилось выше. Полученная нами дата может быть названа искусственно подогнанной, вызывая критику методологии ее получения. Мы не имеем в этом случае исчерпывающих материалов для защиты этой именно даты во что бы то ни стало. Для данной цели нашей такая точность впрочем и не требуется. Наша убежденность, на основе приведенных ориентировочных выкладок, заключается в том, что хунзахские события ямогли назреть лишь при определенной политической ситуации начавшегося ослабления Арабского кали-

фата, и что эти потрясения в Аварии, очевидно, являются звеном той цепи местных катализмов, которые разразились, царствование Ширван-шаха Ферибурза III (622—641 г. Хиджры), сыгравшего выдающуюся роль на службе монгольским интересам. В свете такой концепции упоминание историографа о том, что войска Аварии пришли в Кумух на соединенные действия с тюрками, представляется по этому самому невероятным и понятным фактом. Интересы аварского феодала вынуждали его оказать самую действительную помощь новым победителям расчисткой путей для свободного их движения через горы на север. В этом последнем случае монголы могли со значительными для себя удобствами пройти через просторное Аварское плато с дальнейшим направлением через Андийский хребет где либо в районе Ботлихской котловины. Эта трасса и является, по нашему мнению, основной магистралью великой дороги, определяя тем самым и причину древнего зарождения на плато аварской знати, питаемой из века выгодами господствования на доходных путях сообщений. Дорога через Гидатль была соперничавшим ответвлением — вариантом великого пути, выступавшим в разные эпохи с разными силой и значением в соответствии с событиями, как в самих горах, так и во вне.

III

Географические наименования по «Дербент-Намэ».

«Дербент-намэ» является одним из основных источников, претендующих на осведомление в исторических перепетиях, имевших место на прибрежной полосе Дагестана; поэтому представляет немалый интерес рассмотрение географических наименований, принятых в нем: Ирхан, Гюльбах, Балх, Эндери и др. Разбор этих названий, надо дать справедливость, крайне усложнен теми вольностями, которые позволяли себе позднейшие переписчики. Вот, например, один из образчиков грубой отсебятины:

«Эндери был правителм Балха; вот причина, почему этот город получил его имя: раньше он назывался Валхом; первоначальное название Гюльбаха Ихран, но, имев правителя, называвшегося Гюльбахом, он принял его имя». Эта выдержка взята из варианта французского ученого Клапрота, где имеется также следующий абзац: до Нуширвана задолго эти места были во власти Шаха-Исфендияра... Сам он пребывал в то время в Ихране или Гюльбахе...».

Версия «Дербент-намэ», которой пользовался М. Алиханов, говорит между прочим: «Ихран носит теперь название столицы Аваристана, Гюльбах — Эндерея, Сурхаб — Кизляра. В Кизляре было месторождение меди, а у Терека серебра, и

оба они находились во власти правителя Ихрана... некоторые, впрочем, называют Ихран Кумуком...».

Взятые нами цитаты отражают в себе влияние реминисценции былого могущества древнего Ирана на Северном Кавказе. Текст «Дербент-намэ», которым пользовался Бакиханов в своем «Гюлистан-Ирам», вспоминает даже о золотом престоле в Ихране мифического царя Инсфендира сына Гиштаспа. Для нас, однако, очень важно обратить внимание на то, какое важное положение занимают тут Гюльбах и Ихран, во власти правителя которого оказывается и месторождение серебра на Тереке (т. е. Садон близ нынешнего гор. Орджоникидзе). Упоминание о себерре на Тереке заставляет нас вспомнить о том, что артерия Терека с его притоками представляла из себя в истории мощнейшие ворота для прохождения народов с севера на юг. Ворота Дарьяна, кое где также именовавшиеся «железными», были предметом внимания персов, римлян, арабов, хазар, что удостоверено многочисленными свидетельствами исторических сведений. Операции Золотой Орды на Северном Кавказе также никак не мыслятся без действенного ее контроля их над «Аланским проходом». Естественные богатства на территории Осетии (Ирина) не могли не пользоваться большой известностью и притягивающей к их овладению славой.

Примерно через тридцать лет после крушения Багдадского хребта монголах, мы застаем в Осетии такое положение: го хребта монголах, мы застаем в Осетии такое положение: прославленный герой Осетии Оса-Багатар участвует за одно с военначальником Гулагида Казана Кутлу-шах-Нойоном в операциях против карталинского царя Давида VI, а этот последний находится в деятельных сношениях с ханом Золотой Орды Тохтой, войско которого обещает провести через свою территорию для борьбы с Казаном.

Эта сложная ситуация дает основание думать, что позиции севера по овладению проходами в бассейне Терека были достаточно прочны, и нахождение Оса-Багатара в Закавказьи могло быть вынужденным и обусловленным репрессиями Золотой Орды в районе Осетии.

Авторы «Дербент-намэ», взирая на окружающий мир из центра, каковым для них была древний город Дербент, получивший от арабов свое имя Баб-уль-Абваб» (ворота ворот), оказываются весьма мало сведующими в географии севера. Они, очевидно, плохо разбирались в значении той огромной территории, которая была занята горцами: черкесами, осетинами и др. народностями. В частности, получается убежденность, что мало их эрудиции проходило также внимание к той роли, которую играли в истории народов проходы через Кавказский хребет в бассейне реки Терека с его притоками. Между севером и югом происходит бесконечные распри и битвы,

имеют место победы и поражения, наступления и отступления, и вместе с тем театр военных действий, как будто, держится на одной нитке магистрального пути от Дербента, по берегу моря, через Мажары на р. Куме к Итилю (р. Волга). Ответвлений в сторону как будто не существует, или, если они существуют, то окутаны мраком густого тумана. Однако, сквозь завесу этого тумана, как нам кажется, порой все же проявляются контуры Кавказских гор в районе Терека. Этим и можно ли объяснить ссылку на серебро возле этой реки. К такого же характера туманным отражением этих мест у авторов «Дербент-Намэ» мы относим и торжественно применяемое ими название страны (города) «Иран». Аварцы называют осетин «higi» и знают хорошо higi driarili («теснину — higi»). Если видеть в наименовании «Иһран» географический термин, проникший в Дербент, через посредство Кумуха, то нет ничего удивительного, что название Осетии «Ирон», популяризованное аварцами, могло видоизмениться в Дербенте в форму, и приводимую авторами «Дербент-намэ».

Такое объяснение названия «Иһгап» нельзя считать исчерпывающим, но тем не менее его необходимо привести здесь как противопоставление упрощенным, ходячим тенденциям видеть в Иһгап аул Ирһапай (по аварски Рихуни) на правом берегу Аварского Койсу, несомненно, этот аул имел большое коммуникационное значение для обеспечения связи плоскости с Хунзахским плоскогорьем. Легенды о 999 (или 9999) домах, о дворце в местности «Кабуда-Бакхтли» какого-то властителя, колокол которого отдавался в аул и т. п., отражают былую роль этого района. Однако, от всего этого, конечно, далеко до того, чтобы он заслуживал упоминания, как один из пунктов, о котором «историки рассказывают, что от ограды Эльпена до Иһрана включительно находилось семь климатов (стран)». Мы являемся более сторонниками той мысли, что получение у авторов «Дербент-Намэ» названия иһгап шло не только по наслышке об Ироне (Осетии). Здесь должен был оказать большое встречное воздействие весьма распространенный и почти универсальный географический термин, употребляемый сейчас в Дагестане. Левобережье Сулака именуется у кумыков «Ари-як» («та сторона»). Эндери, Аксай Костек... и др. находятся в Ари-яке. Этот же термин употребляется у лаков в отношении ко всей той территории, что лежит ниже Кизильярского перевала, т. е. за Юртом («Юрт — группа аулов: Аймаки, Ах-кент, Кулецама, Агни»). Термин «Арияк» в переводе на южный тюркский язык видоизменяется в «Ариян». Передвижение сил севера с правобережья Сулака на левый берег могло получить в Дербенте трактовку, как уход их в Ариян, что в позднейшей арабско-персидской переделке получило созвучный с «Ариян»ом «Иһран». В этой иранизированной иммитации мы должны видеть название страны за

Сулаком вообще, что, конечно, не исключает того, что в отдельные моменты южане под «Итрап» разумели господствующий на левобережье Сулака и игравший видную роль в истории Дагестана районный центр Эндери.

Стоит только ближе подойти к пониманию стратегического для того времени значения ряда мест на Сулаке у его входа из коньона на низину, как перед нами открывается живая картина укрепленной связи между обоими берегами. На левобережье город Эндери, занимающий крайне интересное топографическое положение, преграждающее путь через лесистые горы на Салатау. По своему природному климатическому состоянию и условиям хозяйственно-экономических ресурсов с окружающими его летними и зимними пастбищами Эндери имел все данные к тому, чтобы обслуживать большие в нем расположенные силы. Эндери пользовался в известную пору славой крупного работоргового пункта. «Гюльбах» — расшифровываются не в виде «Гюльбаг» («цветочный сад»), как этого может быть хотелось любителям восточной цветистости. Название это относится к верхнему Чирюрту, далекому, как известно, от каких либо цветов живописности и сохранившему свое древнее название у аварцев в виде «Гельбах». Чирюрт имеет весьма интересные следы стен, замыкавшихся с прилегающими хребтами, что делало это место защищенной со всех сторон цитаделью. У восточных историков слово «кюльбах» встречается именно в таком его значении.

Балх — в этом названии надо видеть монгольское слово Балех — город вернее всего, что Балех, имея нарицательный вообще смысл, относилось к Эндери, определяя его характеристику, как крупного поселения, имевшего влияние на большую округу.

Существовал ли семендер?

Как мы уже выше сказали, под Семендером принято разуметь нынешнее Таргу. Не подлежит сомнению, что «Таргу» относится к разряду слов, принадлежащих тюрко-монгольской культуре, представляя из себя вариант монгольского слова «Даруга». Даруга — это термин административного подразделения; в царской России Башкирия делилась, как известно, в известный период на традиционные «дороги». В таком случае не сохранилось ли где-либо в недрах гор другое ревнее название этой местности с его большим стратегическим значением командования над первым с севера узким проходом на побережье Каспийского моря. Если бы это название отыскалось в употреблении соседних не тюркских народностей, то оно могло послужить ключем к разгадке интересующих нас вопросов о Семендере. Невозможно допустить, чтобы такое наименование пункта, игравшего исключительно видную роль в истории народов, сгнуло без всякого следа,

без всякой о нем памяти. Дербент, имеет местное городское наименование (Чур, Чор, Чуль); Чирюрт известен у аварцев Гельбах. Может ли случиться, что Таргу отодвинулся на второстепенные позиции в смысле сохранности своего второго имени в лексиконе изустной географии.

При поисках второго имени аула Таргу с особой настороженностью пришлось отнестись к тому, что в песнях аварцев имя Шамхала сопровождается эпитетом «Азайни» — «Азайни Шоанхал». Попутно с этим выяснилось, что наименование Аза(й) ни в отношении Таргу с окрестностями живо в обиходе и по сей день. В Кумухе вид Аза(й)ни с букв «н» употребителен в формах падежей, обнаруживая, однако, совершенно точно свой первоначальный образ «Азами», термин, употребляемый для обозначения местоположения Таргу и в наше время. Над этим названием «Азами», известным между прочим и языковеду Услару, следует основательно призадуматься. С легкой руки некоторых старых арабистов распространено объяснение ему, как варианту произношения «ажами» — арабского термина для обозначения неарабских народов: персов, тюрок и др. Это, конечно, неверно, ни с какой стороны. Правы лишь эти арабисты в том, что учуяли арабскую природу слова «Азами», постигнуть смысла которого они все же не сумели. Так или иначе, нам важно зафиксировать то положение, что «Азами» на прежнем ходячем языке является названием территории Таргу.

Как это уже доказано учеными, специалистами-европейцами, дошедшие до нас арабские исторические источники о Кавказе грешат часто повторениями, без какого либо указания и ссылок, непроверенных данных предшествующих авторов. Тем не менее факт остается фактом — упоминание о Семендере встречается почти у всех писателей конца IX и X столетий. Нельзя в этих условиях и помыслить о том, чтобы поставить под какое-либо сомнение распространенность на юге такого названия.

«Азами» на правом берегу Сулака и «Эндери» на левобережье были связаны между собой путями, проходившими между гребнями хребтов, пересекающих Сулак. Для перехода через эту реку из века должны были служить такие сужения русла, как это мы видим у сел. Черкей и Ахатль (известно, например, что Тамерлан в конце XIV века после карательной экспедиции на Салатау перешел на правобережье в местности Оргоу у Ахатля). В этих условиях все нижнее течение Сулака с прилегающими к нему территориями составляло единый в стратегическом отношении организм, достаточно сильный и авторитетный для всего нагорья.

Невольно напрашивается мысль о том, что «Азами» и «Эндери» — эти важнейшие поселения на севере от Дербента, и участвуют в слитном словообразовании «Азами—Эндери»

(Азамендер), очерчивая этим самым для южан контуры вражеской пограничной провинции, живущей единой хозяйственно-политической общностью. К тому времени, как впервые выявились арабские писания X век, «Азамендери» под персидским влиянием успел уже преобразиться в «Семендер», заметав, таким образом, следы своего происхождения из двух отдельных элементов, из которых, как оказывается, один, несомненно, все же раннего арабского происхождения. Примеривание термина «Азами», популяризованного из культурного центра, каковым был Кумух, к близким по созвучию словам восточных языков, дает ему смысл и значение в совпадении с арабским «Азами». «Азаме» форма множественного числа от арабского слова «Зимам» (управление, правление, бразды правления زمام - أزمة. Bride, Diration, administration см. «Dictionnaire» Sami Bey.

(Принятие такого толкования ставит нас перед необходимостью признания и того, что это слово в таком случае выпестовано в Кумухе в очень ранний период проникновения туда арабского влияния (VIII век).

Для древнего Кумуха, захлеснутого прибоем арабской волны, такая приморская твердыня, как Таргу, со ставкой непобежденных хазарских сил, не могла быть ни чем иным, как местом, откуда исходило высшее управление. Нужда в хлебе, соли, зимних пастбищах и др. — все это являлись такими диктующими экономическими причинами, которые должны были неминуемо заставить ставленника арабов «Шейха» направить свою политику по пути лояльности и признания начальства, поставленного мощным северным государством. Нынешнее «Таргу, представляющее из себя несколько видоизмененное монгольское наименование «даруга» («начальство»), в сущности является повторением почти того же смысла в арабском «Азиме». Отзвук той же монгольской государственности мы принуждены между прочим считать и сохранившееся у аварцев наименование лака «Тумау». Разгадка этого слова отыскивается параллельно с тем, что в «Дербент-намэ» мы имеем упоминание о стране «Туман» с неясными ее предельными очертаниями. Тумень (десять тысяч) — название единицы армии Чингис-хана, впоследствии наименование административного военно-племенного деления. Такое наименование вполне резонно могло относиться к Кумуху, как центру соответствующего масштаба.

«Азимендер» и «Семендер» в отдельные моменты может быть привязывалось южанами к «Таргу», как главнейшему пункту всей провинции, но в основном мы здесь имеем дело с искусственно полученным названием для территории низинного Дагестана, населенного тюркскими народностями.

Примеры употребления названий двух местностей для

очертания контура каких-либо территорий составляют обычное явление на Востоке, встречаясь также и в Дагестане (Ахты-Кюре, Шеки-Ширван, Баку-Сальян и т. п.).

«Семендер» — персидское слово, обозначающее Саламандру, окруженную на Востоке ореолом мифического существа, которое не горит в огне. Невольно напрашивается вопрос: не является ли превращение «Азами-Эндери» в «Семендер», пронизанной некоторым юмором данью признания со стороны Юга неуязвимости беспокойных соседей, легко оправляющихся для новых тревожных действий из-под истребительного огня и пожарищ, которым порой удавалось беречь их нивы и села.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. «Дербент-намэ». (К древней истории восточного Кавказа. «Тарихи Дербент-намэ», Тифлис, 1898 г.).
2. «Тарихи Дагестан».
3. Аббас-Кули Хал Бакиханов. «Гюлистани Ирам».
4. Алькадари Гасан. «Асари-Дагестан».
5. Бартольд В. В. «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира».
6. Белоусов. «Сношения русских с Кавказом».
7. Сысоев. «История Азербайджана».
8. Ибн-Батута (арабский писатель). «Путешествия».
9. Неопубликованные сведения из материалов, почерпнутых у Али Каяева.

Э Т Н О Г Р А Ф И Я

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

РЕЗЬБА ПО СТУКУ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ДАГЕСТАНЕ.

В Дагестане эпоха феодализма, как и на Кавказе, в Средней Азии и любой другой стране, характеризуется сравнительно высокой степенью развития ремесла и торговли. Определяя значение ремесла в средневековый период, В. И. Ленин отметил, что ремесло становится необходимой составной частью не только городского быта, но и в сельском крестьянском хозяйстве¹.

Археологический материал говорит о сравнительно развитом ремесленном производстве в раннесредневековом Дагестане (V—VIII вв.), о торговых связях с Северным Кавказом, государствами Закавказья, Передней Азии и арабскими странами². На территории ранне-средневекового Дагестана существовали крупные центры сосредоточения ремесла и торговли: города Семеде́р, Дербент, общество Зирехгеран³. В IX—XIII вв. усиливается торгово-ремесленное значение Дербента, Кубачи, Семендера. Ремесло занимает исключительно большое место в жизни дагестанцев.

Подъем хозяйственной жизни, развитие культурных связей и торговли способствуют не только отделению ремесла от земледелия, но и выделению из общины определенного слоя мастеров-профессионалов. Это имело, в частности, большое значение для развития декоративного и прикладного искусства Дагестана IX—XIII вв.

Развитие ремесла, торговли, усиление внешних связей способствовало усилению отдельных феодальных образований и горских обществ, образованию крупных населенных пунктов из мелких родовых поселений. Такими аулами являлись

¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 286.

² Очерки истории Дагестана, т. I, 1957, стр. 42.

³ Там же, стр. 43.

Каракюре, Кубачи, Чох, Кумух, Рича, Калакорейш, Хунзах и др. Все они расположены вблизи древней транспортной магистрали, проходившей через центральный Дагестан, и соединявшей его южную часть с Северным Кавказом.

Упомянутые исторические условия способствовали также расцвету строительной деятельности в средневековом Дагестане, причем огромное значение крепостного строительства было обусловлено междоусобными войнами феодалов.

Процесс феодализации в Дагестане, как и в других странах, сопровождается и широким размахом строительства культовых сооружений. При этом мечети украшались снаружи и внутри чрезвычайно богатым декоративным убором.

Расцвет монументально-декоративного и прикладного искусства в средневековом Дагестане был связан как с социальными сдвигами в общественной жизни, так и с народными художественными традициями и местными природными условиями (наличие подходящего материала: камня, глины, алебастра, дерева).

Таким образом, развитие производительных сил, расцвет монументально-декоративного и прикладного искусства характеризует культуру не только стран Закавказья, Средней Азии и Ближнего Востока, но и Дагестана IX—XIII вв.

В этой связи очень интересным представляется средневековый архитектурный орнамент, в частности, памятники искусства резьбы по стуку в Дагестане.

Летом 1959 года, будучи в Кайтаге в целях сбора материала по камнерезному искусству дагестанцев, я посетил покинутое жителями живописное селение Калакорейш (Кайтагского района) и был поражен необычным декоративным убором микраба здешней средневековой мечети. Поразил не только необычно сложный, пышный, напоминающий белое кружево орнамент, но и стройность, легкость, монументальность микраба в целом. Местные жители утверждали, что виденное мною украшение создано из цемента и мела.

Позднее аналогичный декор я встретил еще в двух средневековых мечетях: в селения Каракюре и Луткун (Ахтынского района).

Все они оказались замечательными памятниками искусства резьбы по стуку, получившего в Дагестане, как и во всем средневековом мусульманском Востоке большое развитие в IX—XIII веках.

Эта форма архитектурного декора не известна исследователям дагестанского искусства. Но техника нанесения узора резного стука и его орнаментальные формы оказали большое влияние на все декоративное искусство горцев X—XII вв., а также на художественную культуру Дагестана позднейшего периода.

В досоветский период для изучения художественной культуры Дагестана не привлекались памятники монументально-декоративного искусства. Монументальное и монументально-декоративное искусство дагестанцев, имеющее многовековую историю, оставалось мало изученным.

Изучение искусства Дагестана в советский период начали именно с памятников архитектуры и монументально-декоративного искусства. Так поступили известные исследователи Н. Б. Бакланов⁴ и А. С. Башкиров⁵, которым принадлежат первые после революции работы по художественной культуре и искусству Дагестана. Средневековые каменные рельефы Дагестана изучались И. Орбели⁶ в связи с проблемой Кавказской Албании.

За последние годы вышло в свет несколько работ Г. Н. Любимовой и С. О. Хан-Магомедова⁷, посвященных архитектуре южного Дагестана, где они выделили две формы архитектурного декора — резной камень и резное дерево. В 1959 г. вышла книга Э. В. Кильчевской и А. С. Иванова⁸, где подчеркнута еще одна форма декора, применяемая дагестанцами для украшения интерьера и фасада зданий — глиняный орнамент.

Однако еще ни один исследователь не отметил существования уже в средневековом монументально-декоративном искусстве Дагестана нескольких форм архитектурного декора. Между тем в результате систематического изучения декоративного убора средневековых мечетей Дагестана (Кубачи, Хунзах, Каракюре, Калакорейш, Луткун, Обох, Рича, Хив) выяснилось, что архитектурная декорация Дагестана IX—XII вв. отличалась большим разнообразием.

Наряду с резным камнем, резным деревом и глиняной орнаментикой в средневековом архитектурном декоре широко применялись и стукковые рельефы. Этот четвертый вид декора был совершенно забыт после XIV.

Известно, что стук (или стукко) — это раствор на воде

---

⁴ Н. Бакланов. Художественная культура Дагестана. Журнал «Новый Восток», № 5, 1925; его же. Архитектурные памятники Дагестана. М., 1935.

⁵ А. С. Башкиров. Скульптурные памятники дагестанского аула Кубачи. Труды секции археологии РАНИОН, т. 4, 1928; его же; средневековый памятник дагестанского аула Калакорейш. М., 1926; его же: Деревянные двери дагестанского аула Калакорейш. М., 1926; его же: Искусство Дагестана. М., 1931; его же: «Резьба по камню и дереву в Дагестане». М.—Л., 1931.

⁶ И. Орбели. Албанские рельефы и бронзовые котлы. Л., 1938; его же: «Проблема сельджукского искусства». Л., 1939.

⁷ См. Г. Н. Любимова, С. О. Хан-Магомедов. Народная архитектура южного Дагестана. М., 1956; Г. Н. Любимова. Культурные постройки агульских селений горного Дагестана. М., т. 3, 1963 г.

⁸ Э. В. Кильчевская и А. С. Иванов. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.

смеси алебастра с гипсом. Быстрое схватывание в затворенном состоянии, прочность и долговечность определили его повсеместное применение как раствора и отделочного материала.

На территории СССР в наибольшем количестве средневековые стукковые рельефы обнаружены на памятниках архитектуры IX—XII вв. в Средней Азии (Узген, Мерв, Термез, Африсиаб, Бухара). На Кавказе такие памятники обнаружены в Азербайджане (близ с. Ханаке и около г. Нахичевань). На всем Северном Кавказе стукковые рельефы Дагестана являются единственными.

За пределами СССР средневековый стук встречается на памятниках архитектуры Ближнего Востока, Афганистана, Ирана, Месопотамии, Сирии. Памятники эти изучены хорошо. При этом среднеазиатские стукковые рельефы изучены лучше чем закавказские (Азербайджан), хотя в посвященных им работах Б. Денике⁹, Засыпкина, Шишкина очень мало сказано о значении этих памятников и ничего не сказано о технике нанесения стукковых рельефов.

Среди трех дагестанских памятников наиболее древними являются стукковые рельефы из сел. Каракюре.

Местное народное предание и сведения из дагестанской хроники связывают образование сел. Каракюре и строительство там первой мечети с именем Абумуслима и относят эти события к X веку (913 г. н. э.). Мы имеем в виду так называемый «Ричинский список истории Абдумуслима»¹⁰, обнаруженный в сел. Рича кандидатом исторических наук А. Р. Шихсаидовым.

Мечеть представляет собою прямоугольное в плане здание (см. рис. 1). Фасадная часть имеет навес с опорным столбом, террасообразную площадку и деревянные входные двери оригинальной формы: в виде двух спаренных с арочными завершениями дверных проемов (рис. 2—4), с четырьмя створками¹¹.

Стукковые рельефы украшают со всех сторон квадратные в сечении базы шесть очень массивных опорных столбов внутри мечети (высота столба 360 см, ширина его круглой

⁹ Б. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1939. В этой работе подытоживаются ранее опубликованные сведения о стукковых рельефах Средней Азии.

¹⁰ А. Р. Шихсаидов. Распространение ислама в Дагестан. Кандидатская диссертация. Махачкала, 1959. Рук. фонд Института ИЯЛ, фонд 3, оп. 1, д. 63, л. 173.

¹¹ Две стены мечети (фасадная и юго-западная), деревянный микраб, входные двери и столб, поддерживающий навес, созданы в середине XIX в. (1256 г. хиджры). Об этом говорит арабская надпись, помещенная над входом в мечеть. Входные двери и столб мастер орнаментировал формами, характерными для древних стукковых рельефов, находившихся внутри мечети.

части 120 см, ширина базы 120 см, высота 125 см). Столбы расположены (см. рис. 5) в два ряда (по 3 в каждом), сложены из рваного камня на глиняном растворе¹².

Итак, кубовидные базы шести опорных столбов украшены 24 стукowymi панно прямоугольной формы, но разнообразными по композиции. Стукowym раствором покрыты и круглые части столбов, которые позднее (во второй половине XIX в.) были расписаны водяными красками. Стуковой микраб не сохранился. Остатки его встречаются в куче земли у юго-западной стены (там, где сейчас имеются остатки деревянного микраба). Значительная часть стукowych рельефов отвалилась от стены или сильно испорчена действием атмосферных явлений.

Однако мы можем представить себе процесс нанесения стукowego орнамента. Сырая стуксовая кашеобразная масса наносилась прямо на каменную кладку несколькими слоями. Первый слой состоит из грубо молотого алебаstra, содержит крупные зерна песка и мелкого камня. Второй и третий слой состоят из мелко молотой, однородной алебастровой массы.

В зависимости от процентных соотношений составных частей стуксовая масса (смесь гипса и алебаstra) охватывалась быстрее или медленнее. Орнамент прорезался от руки по еще незатвердевшей массе. Специфической особенностью техники резьбы по стуку является именно то, что медленное или быстрое затвердевание мягкой массы давало возможность мастеру быстро и легко вырезать рельефный узор сложного рисунка любой высоты, широко применять различные штампы для тиснения и режущие инструменты с профилированным лезвием.

Характерной особенностью рассматриваемых рельефов является то, что схема композиции каждого панно построена из сочетания разнообразных (круг, многоугольник, стрельчатая арка) фигур, которые разделяют орнаментированную поверхность на участки и обрамляют их бордюрами. Для бордюра чаще всего применяется линия из ряда крупных пуговицеобразных выступов, центр которых отмечен сверленной точкой. Часто применяется также линейный узор из архаических мотивов (рис. 6—10).

Основными элементами декора являются также крупные формы растительного орнамента: полупальметка, пальметка, трилистик. Они сочно моделированы, предельно гармонируют с линиями бордюров и подвергнуты дополнительной обработке штампами, то есть украшены рядами треугольников, ромбиков, розетками (см. рис. 6—10).

Интересно, что каждое из 24 панно завершается фризом

¹² Сейчас помещение используется под склад, разделено на две половины стеной, проложенной между второй парой опорных столбов.

красивой куфической надписи, разнохарактерной по содержанию. Фриз в виде ленты опоясывает со всех сторон верхнюю часть базы. Надписи введены и в центральную часть некоторых панно (см. рис. 5—10).

Важнейшим художественным достоинством исследуемых рельефов является впечатление монументальности, которое создается у зрителя не только крайне простой формой и великолепной пластикой украшения массивных столбов (глубина рельефов до 5 см), но и сложным рисунком разнохарактерных композиций — исключительно стройных и предельно ясных.

Все это говорит о подлинном взаимопроникновении смысловой и декоративной сторон в произведении художника.

В качестве аналогий к рельефам из Каракюре можно привести памятники из Средней Азии (Варахша, Термез, Африсиаб), Ирана и Ближнего Востока (Самарра, Ктесифонт, Дамгана, Сава, Мешед-Мисриана, мечеть в Наине, Ибн-Тулун в Каире, мечеть в Испагани)¹³. Все они датируются IX—X веками. Эти аналогии близко родственны с нашими памятниками по построению схемы композиции из разнохарактерных фигур, обрамляющих участки панно, по отдельным формам орнамента: линии из пуговицевидных выступов, формы растительного орнамента (полупальметки, пальметки, трилистик и другие мотивы); по технике нанесения рельефов: высокий сочно моделированный рельеф, мягкие контуры, широкое применение различных штампов, наконец, по трактовке букв куфической надписи.

Обращаясь к эпиграфике наших панно, мы видим незамысловатые, простые надписи (рис. 6—10). Для букв характерны сдержанность, строгость форм, стрельчатый «мим», склонение широких буквенных окончаний, острота клиньев и полное отсутствие каких-либо сплетений. Все эти черты составляют особенность куфического алфавита переходного периода, из которых составлялись монументальные надписи в IX—X вв. в Средней Азии и в странах Ближнего Востока¹⁴.

Данные стилистического и эпиграфического анализов дают возможность датировать рельефы из сел. Каракюре IX—X веками и тем самым подтвердить датировку этого памятника в упомянутой местной дагестанской исторической хронике.

---

¹³ См. Б. И. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939, рис. 60—75; его же. Новое в изучении архитектуры и архитектурной декорации средневековой Персии. «Архитектура СССР», № 1—2, 1935, рис. на стр. 102—105; его же. Изображение фантастических зверей в термезской резной декорации. РАНИОН, М., 1930, стр. 82; Герцфельд. Поездка в Персию, «Новый Восток», кн. 13—14, 1926.

¹⁴ См. В. А. Крачковский. Эволюция куфического письма в Средней Азии. Эпиграфика Востока, т. III, Л., 1949, стр. 17.

Стуковый михраб мечети сел. Калакорейш.

Небольшое селение Калакорейш (в переводе «Крепость корейшидов»), как и сел. Каракюре со своей древней мечетью, расположено на древней транспортной магистрали.

Очень примечателен внешний вид сел. Калакорейш. Селение как бы обрамляет вершину заросшей густым лесом горы Кубачидаг. «Место для поселения выбрано с чрезвычайным вкусом и пониманием красоты места и тех естественных условий, которыми обуславливаются удобство и выгоды стратегического и экономического положения», — говорит А. С. Башкиров¹⁵. Из селения хорошо просматривается значительная часть упомянутой древней дороги. У подножия горы Кубачидаг, там, где начинается подъем в сел. Калакорейш, до последнего времени стояло здание, служившее постоялым двором. Около этого места имеются остатки караван-сарая — древней каменной постройки (каменные блоки до 1 метра в ширину).

В сочинениях средневековых арабских авторов упоминается Калакорейш как резиденция кайтагских правителей из рода корейшидов при описании событий VIII—X веков¹⁶. Дальнейшая история Калакорейша также находится в непосредственной связи с историей верхнекайтагских правителей — феодалов.

Калакорейшская мечеть в два раза меньше мечети в сел. Каракюре, но и она имеет на фасаде две входные двери (не спаренные), навес и террасу (см. рис. 11—13 и 14).

Внутри мечети были четыре каменные опорные столба со сложной конфигурацией (сохранились только два). Квадратные базы столбов выше переходят в круглую часть (см. рис. 15—16). Столбы завершаются каменными подушками. На них упирались четыре пята двух рядов подпружных арок (сложенных из кирпича), перекинутых с западной стены на восточную для поддержания кровли (кровля не сохранилась). На стенах сохранились остатки четырех пилястров, сложенных из кирпича. На них, видимо, упирались две другие пары арочных пята (остатки см. на рис. 17). Кирпич хорошо обожжен, но имеет не продолговатую, а квадратную форму (27 × 27 см).

Сложной конфигурации опорных столбов соответствовала изысканная орнаментика наружных дверей и михраба внутри мечети.

Михраб имеет оригинальную форму (общая высота 320 см). Его наружные края образуют трапециевидную фигуру (верхний край 270 см, нижний край равен 260 см,

¹⁵ А. С. Башкиров. Средневековые памятники дагестанского аула Калакорейш. Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, оп. 26.

¹⁶ «Очерки истории Дагестана», т. I, Махачкала, 1957, стр. 47; Абас-Кули Бакиханов. Гулистан Ирам. Баку, 1926, стр. 52.

рис. 18). Значительная часть стукowego рельефа отвалилась, что дает возможность представить себе процесс нанесения орнамента на михраб. Кашеобразная масса стука наносилась прямо на стену (как и в Каракюре) несколькими слоями.

Ввиду большой высоты вертикальной орнаментируемой поверхности в первый слой стука утапливались различной длины деревянные планки, которые снимались после затвердения слоя. Образовавшиеся желобки (продольные, поперечные, косые) способствовали прочному удержанию нового слоя стука на вертикальной поверхности.

При нанесении орнамента на калакорейшский михраб мастер использовал, кроме отмеченных выше инструментов, еще и профилированный шаблон, вращающийся вокруг неподвижной оси, при наведении круговых обрамлений.

Архитектурная композиция михраба в основном состоит из П-образного обрамления, внутри которого помещается центральная часть с нишей.

Большую часть орнаментированной поверхности занимает широкая лента П-образного главного обрамления (ширина ленты 40 см). Она образована из арабской надписи стиля «цветущий куфи». Левая вертикальная полоса содержит «басмалу», правая вертикальная и верхняя горизонтальная полосы — «формулу единобожия» (см. рис. 19, 20, 24—27).

Главное обрамление в общем выглядит как пышный, сложный, но легкий орнамент. Стволы букв сильно удлинены. Они снабжены узлами и сплетениями из сердцевидных и подобных восьмерке фигур. Иногда соединение двух букв («Л» и «А») путем украшения стволов и введения «V»-образного украшения ради равновесия приобретают форму чисто декоративного узора.

Концы стволов часто перехвачены лентой с двумя продольными желобками, после которых развиваются сложные формы растительного орнамента, насыщенные каплевидными фигурками (рис. 19, 20, 24—27). Мастер придает линиям рисунка букв самые неожиданные движения ради равномерного заполнения украшаемого участка, использует все декоративные возможности алфавита стиля «цветущий куфи».

Центральную часть михраба занимают две ниши (большая — высота 235 см, ширина — 95 см; малая — высота — 150 см, ширина — 70 см, общая глубина 100 см), помещенные одна в другую.

Размеры ниш подобраны так, чтобы в них мог свободно стоять человек — служитель культа. Наружная большая ниша михраба украшена архивольтом в виде ленты из куфической надписи, повторяющей контуры килевидной арки. Архивольт и «поддерживающие» трехчетвертные колонки на краях имеют внушительные размеры. Более условно трактованы архивольт и колонки у внутренней малой ниши.

Ниши калакорейшского михраба мастер рассматривал не только как декоративный мотив (так он обычно трактуется в вытянутых по вертикальной оси михрабах позднейших времен), а в первую очередь учитывал практическое назначение их. На этой основе определились и размеры ниши и общие пропорции михраба (он сейчас представляется нам необычно широким).

Следует отметить, что средневековый мастер — создатель калакорейшского михраба — прекрасно понимал так называемую «конструктивную логику» и отлично чувствовал значение орнамента в художественном изделии.

Давать художественный анализ каждой детали михраба нет возможности и необходимости. Богатством рисунка и сложностью ритма отличается орнаментика всех деталей элементов архитектурной композиции нашего михраба (рис. 21—23, 28—30). Все это усиливает впечатление цельности, стройности и монументальности михраба.

Орнаментированная поверхность везде сохраняет почти одинаковый уровень (украшение ниши выступает незначительно). Это тоже не случайно: мастер хотел поразить зрителя именно графической основой узора и таким путем повысить эмоциональность последнего.

В калакорейшском памятнике в отличие от рельефов из Каракюре следует отметить широкое применение одножелобной ленты, вычурность рисунка букв кувической надписи, определенную измельченность орнаментальных форм.

Все это не позволяет считать рельефы из Каракюре и калакорейшский памятник созданными в одно и то же время.

После очистки от позднейших наслоений рельефы Калакорейша оказались по фону покрытыми розовой краской приятного оттенка.

Оригинальный по форме, не встречающийся нигде на территории СССР михраб из Калакорейша имеет отдаленную общность с михрабом мечети Пир-Хусейна в Азербайджане (близ с. Ханаке Казимагомедовского района) и Шир-Кабир в Туркмении.

Помимо общих черт в архитектурной концепции и орнаментации этих памятников, необходимо принимать во внимание и характер декоративного письма, входящего в их декор в качестве одного из компонентов.

Характерные особенности надписей калакорейшского михраба: стрельчатый «мим», дуги и разнохарактерные сплетения на стволах «алифа», «ляма»; сочетание букв со сложным переплетением, характерным и для эпиграфических элементов главных П-образных обрамлений михрабов Шир-Кабир и Пир-Хусейн.

Такие элементы появляются на монументальных надписях Средней Азии в XI—XII вв.

По мнению В. А. Крачковской, этими чертами характеризуется второй вариант куфического алфавита — «радканский», который оформился в XI—XII вв.¹⁷

Михраб мечети Пир-Хусейн датируется исследователями XII—XIII вв.¹⁸ Михраб мечети Шир-Кабир Г. И. Котов датирует X веком¹⁹. Этот же михраб В. А. Крачковская датирует XI веком, что подсказывают ей формы куфических букв²⁰. Такой разрыв во времени очень затрудняет датировку калакорейшского михраба, не имеющего аналогий ни в Дагестане, ни вне Дагестана.

Вместе с тем те же данные эпиграфического анализа не позволяют датировать наш памятник ранее XI—XII вв. Деревянные двери калакорейшской мечети, безусловно созданные вместе с михрабом при первоначальном строительстве мечети, датированы А. С. Башкировым XII в.²¹ По стилю орнаментики эти двери близко родственны средневековым опорным столбам мечети XII в. в сел. Рича²² и аналогичным памятникам XII века из Грузии²³.

На основании вышеизложенного мы датируем калакорейшский михраб XII—XIII вв.

Остатки стукowego михраба в мечети сел. Луткун Ахтынского района

В перестроенном виде средневековая мечеть стоит в центре заброшенного селения Луткун²⁴, расположенного на возвышенности вблизи древней транспортной магистрали.

О времени строительства Луткунской мечети никаких сведений в местной исторической хронике не имеется. В местных преданиях строительство первой мечети в сел. Луткун связывается с именем Абдулмуслима²⁵.

¹⁷ В. А. Крачковская. Эволюция куфического письма в Средней Азии. «Эпиграфика Востока», т. III, 1939, стр. 19, 20.

¹⁸ М. А. Усейнов. Памятники азербайджанского зодчества. М., 1951, стр. 55; Б. И. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939, стр. 30—35.

¹⁹ Г. И. Котов. Михраб Мешеди Мисриана. Сб. «III съезд по иранскому искусству и археологии», Л., 1939, стр. 106.

²⁰ В. А. Крачковская. Эволюция куфического письма в Средней Азии. Указ. работа, стр. 19, 20.

²¹ А. С. Башкиров. Деревянные двери дагестанского аула Калакорейш. М., 1928.

²² А. Р. Шихсаидов. О пребывании монголов в Рича и Кумухе (1239—1240 гг.). Ученые записки ИИЯЛ, т. IV, 1958.

²³ Н. Чубинашвили. Грузинская средневековая художественная резьба по дереву. Тбилиси, 1958, табл. 59—80.

²⁴ Жители сел. Луткун живут теперь в новом ауле, построенном у самого берега р. Самур.

²⁵ Житель сел. Луткун Насрулла Гамидов и другие утверждают, что описанная мечеть построена «шейхом Абдулмуслимом».

Сохранившиеся остатки стукových рельефов имеются на грехчетвертных колонках, украшающих края центральной полукруглой ниши (рис. 31), и внутри самой ниши. Столбы боковых колонок украшены плоскостным геометризованным орнаментом. Рисунок его образует одножелобковая лента. Здесь в шахматном порядке расположены геометризованные свастикообразные фигуры и квадратные медальоны с декоративной куфической надписью (слово «аллах»). Орнамент внутри михраба образован из множества рядов геометризованных свастикообразных фигур.

Внутри мечети имеются 4 опорных столба. Из них два старинные (из орехового дерева) имеют пышные пластические формы (рис. 32, 33). Капители и четырехгранные столбы покрыты многими формами орнаментики, характерной именно для средневековых памятников монументально-декоративного искусства Дагестана: ряд спиралеобразных фигур (на капителях), орнаментальный мотив в виде оконного проема со стрелчатым завершением (на столбах, см. рис. 32, 33), волнообразновьющаяся лента, снабженная полупальметками («византийская ветка»); наконец, орнаментальный мотив в виде ленты с линией из точек или пуговок, который довольно часто повторяется в орнаментике капителей столбов (рис. 32, 33).

Последний орнаментальный мотив является датирующей деталью наших столбов. Такой характерный мотив нами был отмечен в орнаментике четырех створок разных деревянных дверей XII в. из калакорейшской мечети и на капителях старинных опорных столбов ричинской мечети, которая датирована тоже XII веком²⁶.

Отмеченный выше орнаментальный мотив в виде оконного проема мы находим в декоре каменных опорных столбов внутри калакорейшской мечети (рис. 15—16), а «византийскую ветку» — в орнаментике древних столбов внутри ричинской мечети.

Все эти данные дают основание датировать ранние луткунские деревянные столбы XII веком. Мы считаем, что эти столбы созданы одновременно с михрабом при первоначальном строительстве луткунской мечети.

При сравнении орнаментики луткунского михраба с рельефами из селений Каракюре и Калакорейш видно, что свастикообразные фигуры характерны для памятников из Каракюре (ср. рис. 6, 9 с рис. 31). Одножелобковая лента, из которой состоит рисунок этих свастикообразных фигур на луткунском михрабе, весьма характерна и для калакорейшского стукového орнамента, который мы датировали XII веком.

²⁶ А. Р. Шихсаидов. О пребывании монголов..., стр. 7.

На основе данных сравнительно-стилистического анализа орнаментального декора рассмотренных выше памятников возможно датировать стукový михраб луткунской мечети также XII веком.

Теперь ответим на важный вопрос: являются ли рассмотренные здесь стукóвые рельефы произведениями местных мастеров-дагестанцев?

Данные химического анализа кусков стука из Калакорейша, Каракюре, Луткуна и пробы, взятые из бассейна среднего течения р. Самур («зоны алебастра»), показывают одни и те же составные элементы и их процентное соотношение²⁷.

У нас нет фактического материала, позволяющего показать процесс возникновения и развития искусства резьбы по стуку в Дагестане. Вместе с тем в орнаментике наиболее ранних памятников (из сел. Каракюре) мы видим свастикообразные и спиралеобразные фигуры — формы, характерные для древнейшей дагестанской орнаментики. Таких самобытных черт гораздо больше в орнаментике калакорейского михраба. Здесь нижние края двух вертикальных полос главного П-образного обрамления опираются на два прямоугольных панно (40 × 55) с разнохарактерной орнаментикой (рис. 18, 20—23). Из них левое имеет плоскостной сетчатый узор (рис. 22—23). Основные узлы последнего представляют собой фигуру с тремя отростками, исходящими из общего центра и загибающимися в виде буквы «s». Отростки здесь трактованы в виде одножелобковой ленты. Концы s-образных отростков, соединяясь с концами отростков соседних фигур, образуют ячейки сетчатого узора. В образовавшиеся ячейки помещены шестиконечные звездочки (рис. 23).

Плоскостной узор, созданный путем соединения ветвей аналогичных фигур (с тремя, четырьмя и больше ветвями), часто встречается в древней дагестанской орнаментике (в петроглифике). Он удержался до наших дней в резном дереве Дагестана и не встречается за пределами его территории.

Совершенно самобытной чертой является трактовка букв надписей стиля «цветущего куфи» в главном обрамлении ка-

---

²⁷ Химический анализ, произведенный в Дагестанском науч.-исследовательском институте геологии, дал следующие результаты:

магний больше	1%
кальций больше	1%
алюминий до	0,1%
кремний до	0,1%
натрий до	0,1%
железо до	0,1%
марганец до	0,1%

Территория бассейна среднего течения реки Самур (в этом районе расположены селения Каракюре и Луткун) у геологов именуется «зоной алебастра».

лакорейского михраба. Украшение концов стволов букв двухжелобковой лентой (рис. 24—27) не встречается нигде за пределами Дагестана.

Несомненно, что эти характерные особенности орнаментальных мотивов являются результатом влияния местных художественных традиций.

Наконец, трапециевидная форма михраба появилась безусловно тоже на основе местных художественных традиций и не встречается нигде за пределами Дагестана.

Художественный анализ рассмотренных нами памятников говорит о существовании еще в X—XII вв. в Дагестане определенного слоя мастеров-профессионалов, воздвигавших архитектурные сооружения с прекрасным декоративным убором. Высокие художественные качества, выразительность рассмотренных памятников говорит о большом профессиональном мастерстве создателей стукových рельефов. Эти профессионалы постоянно совершенствовали свое мастерство на основе достижений современного им искусства. Дагестанские народные умельцы всегда были чутки и восприимчивы к любым новшествам, помогающим совершенствованию мастерства.

Дагестанское искусство резьбы по стуку находит параллели в памятниках стран Закавказья, Средней Азии и Ближнего Востока. Это подтверждает в X—XIII вв. широких культурных связей Дагестана с соседними странами.

Безусловно, надписи «куфического стиля» и художественный образ михраба появились на территории Дагестана при внедрении здесь ислама.

Говоря о влиянии искусства мусульманского Востока, мы имеем в виду, прежде всего, большое развитие монументального и монументально-декоративного искусства в Дагестане IX—XII вв. Это было обусловлено как социальными сдвигами, так и местными художественными традициями.

Все три рассмотренные памятника обнаруживают общую черту — монументальность, которая воспринимается зрителем при первом же взгляде на них.

Видимо, в монументальности и находит свое отражение породившая эти памятники эпоха. В этот период были вызваны к жизни многие формы декоративного искусства. Вспомним известные кубачинские каменные рельефы и бронзовые котлы XI—XII вв., до сих пор удивляющие исследователей своим художественным совершенством.

Это была эпоха, когда декоративному искусству предъявлялись высокие требования, продиктованные общенародными и частными потребностями.

Влияние технических приемов или стилистических особенностей, характерных для стукových рельефов, легко обнаружить в орнаментике из глины: линия из глазков на глиняном

рельефе камина («тавхана») в доме Ханум Мустафаевой из сел. Ругуджа²⁸. Такой же мотив мы видим на средневековом сосуде из городища Урцеки и на кувшине XX в. из сел. Сулевкент²⁹. Здесь многие формы орнамента нанесены штампом и очень сходны с формами на рассмотренных нами стукowych рельефах. Один из них — листовидный мотив с загнутой книзу вершиной часто встречается в орнаментике балхарских кувшинов³⁰.

Растительные формы с каплевидными фигурками встречаются в орнаментике калакорейшского михраба (рис. 19, 30), бронзовых котлов XII—XIII вв. из сел. Кубачи и в украшении «шашки Мстиславского»³¹.

Обработку фона точечками, характерную для стукowych рельефов, мы видим и на медном кувшине, изготовленном в сел. Кубачи³².

В резном камне линии из глазков или пуговицевидных фигур, нанесенных пунсоном, видны в орнаментике двух четырехгранных баз, найденных в сел. Хунзах и датированных XII—XIII вв.³³. Является доказанным, что форма и схема орнаментального декора ранних дагестанских (трапециевидных) надмогильных памятников повторяют форму и орнаментацию калакорейшского михраба³⁴ (рис. 34—38). Повторение форм и орнаментики рассмотренных баз из мечети сел. Каракюре можно видеть среди надгробий из того же селения.

Аналогичными примерами в резном дереве средневекового Дагестана являются отмеченные нами выше точечный мотив на створках дверей калакорейшской мечети, на капителях опорных столбов ричинской и луткунской мечетей.

Количество аналогичных примеров можно увеличить во много раз, причем из многих отраслей художественных промыслов и со всей территории Дагестана. Это доказывает, что многие орнаментальные формы в декоративном искусстве дагестанцев имеют свои прообразы в средневековых стукowych рельефах.

Видимо, ареал распространения резьбы по стуку на территории средневекового Дагестана нельзя ограничивать местонахождением трех рассмотренных здесь памятников. Они

---

²⁸ См. Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов. Художественные промыслы Дагестана. Таблицы, рис. 11.

²⁹ Там же, рис. 40.

³⁰ Там же, рис. 32—39.

³¹ Там же, рис. 49.

³² Там же, рис. 17.

³³ Одна из них, находящаяся в Дагестанском краеведческом музее в г. Махачкале, рассмотрена в книге А. С. Башкирова. Искусство Дагестана, стр. 71, табл. 88—91.

³⁴ П. П. Дебиров. Надмогильные памятники Дагестана XV—XVIII вв. Ученые записки ИИЯЛ, т. X, 1962.

являются всего лишь уцелевшими памятниками искусства резьбы по стуку, получившего значительное развитие и распространение в Дагестане в средневековый период.

Высокие художественные качества, чрезвычайно выразительная пластика стукowych рельефов Дагестана позволяет им занять видное место среди подобных памятников, обнаруженных в Советском Союзе. Даже при ближайшем сопоставлении дагестанский стук не уступает ни техническими качествами, ни художественным уровнем исполнения однотипному архитектурному декору Средней Азии и Ирана.

Обнаружение и изучение стукowych рельефов Дагестана открывает новую страницу в истории народов Дагестана. Знакомство с приемами и техникой создания стукowych рельефов, выяснение художественного процесса, анализ художественных традиций, в частности раскрытие прогрессивных традиций, дает возможность поставить вопрос о критическом освоении богатейшего наследия художественной культуры Дагестана, применения его в монументальных сооружениях, воздвигаемых в нашей республике, еще большего сближения профессионального и народного искусства.

Умелое новаторское освоение прогрессивных традиций народного искусства дагестанцев обогатит искусство не только Дагестана, но и всего Советского Союза.

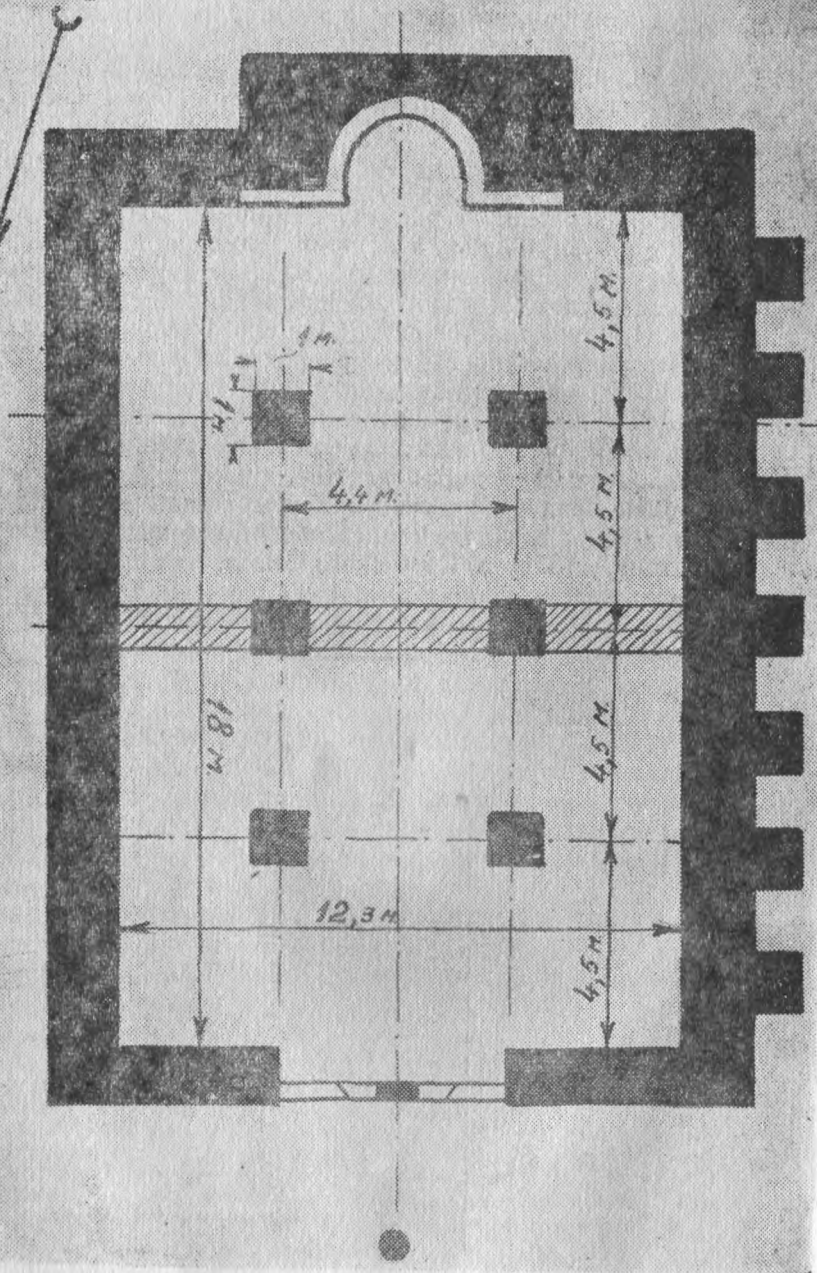

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

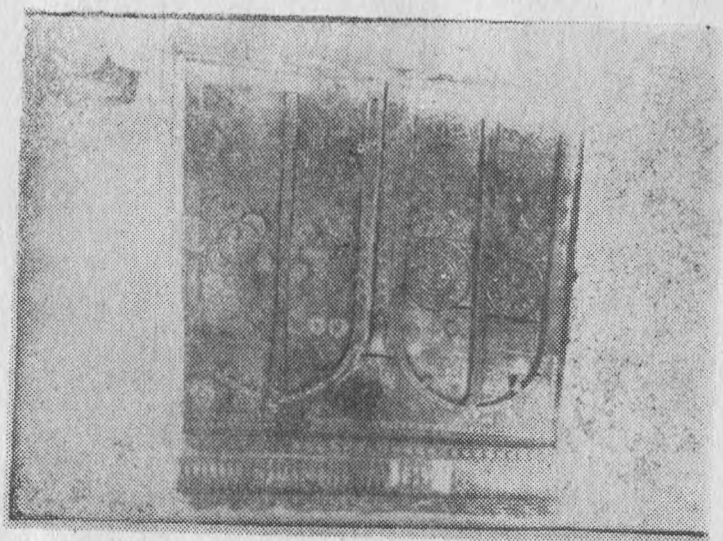

instituteofhistory.ru

C
C-10

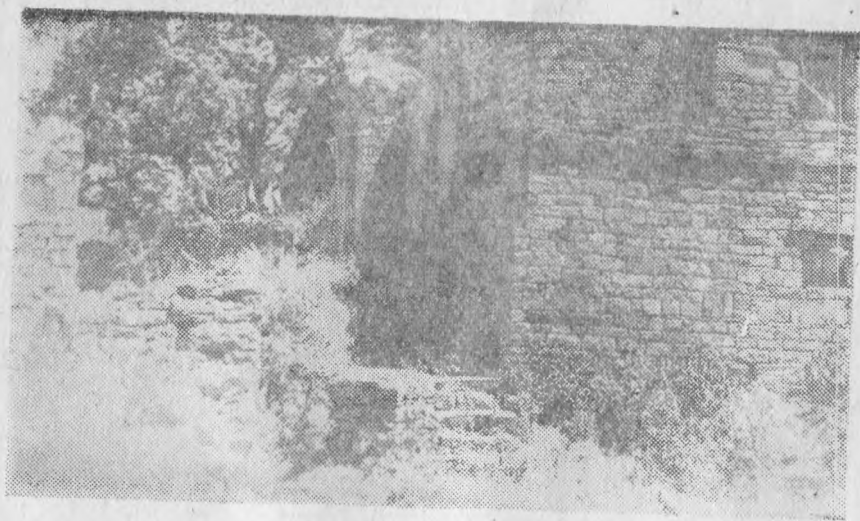

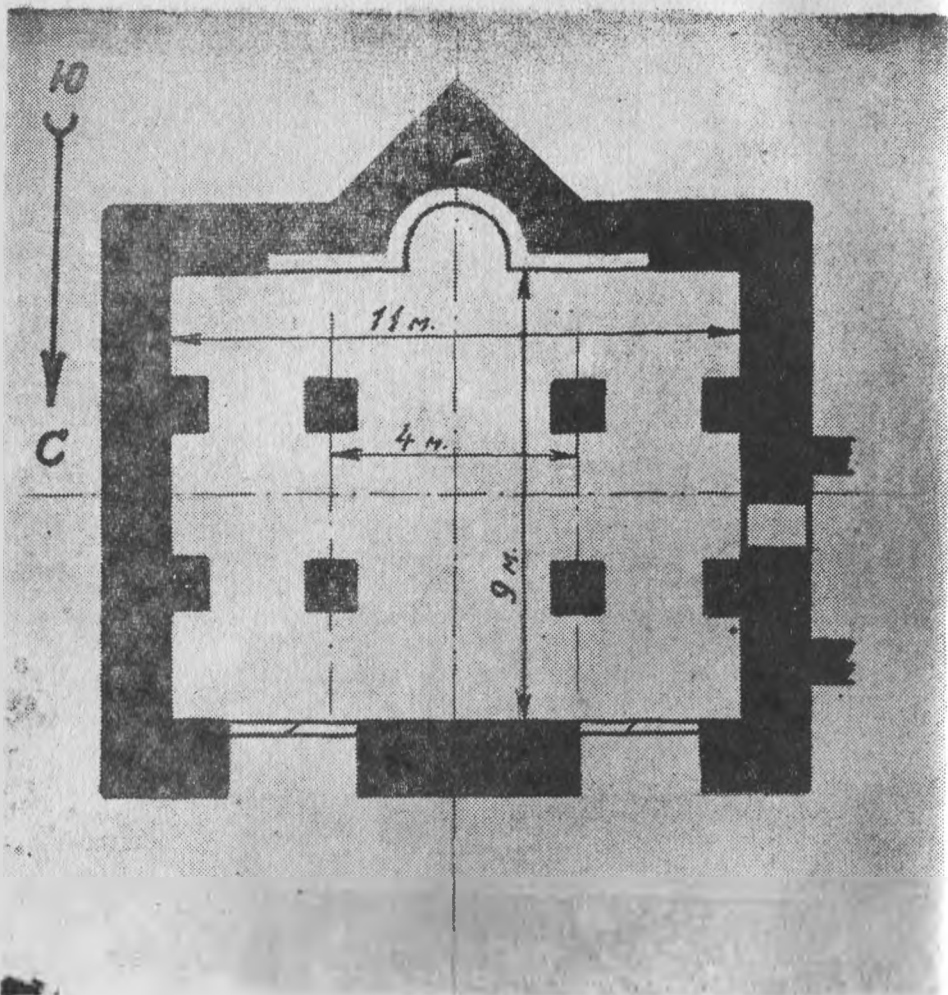

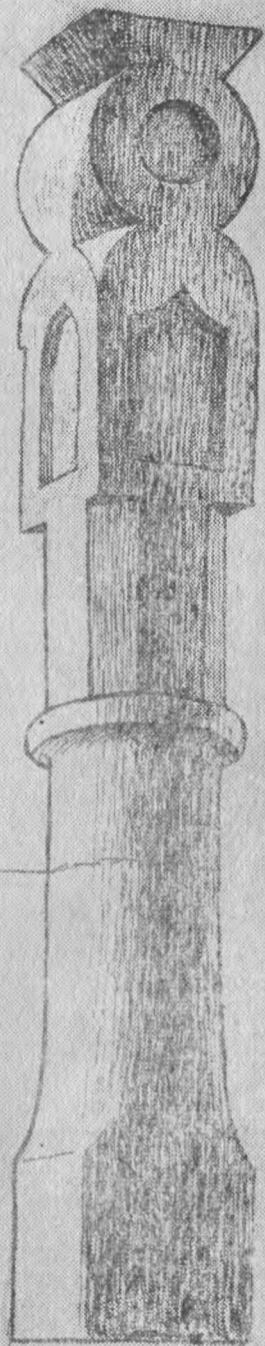
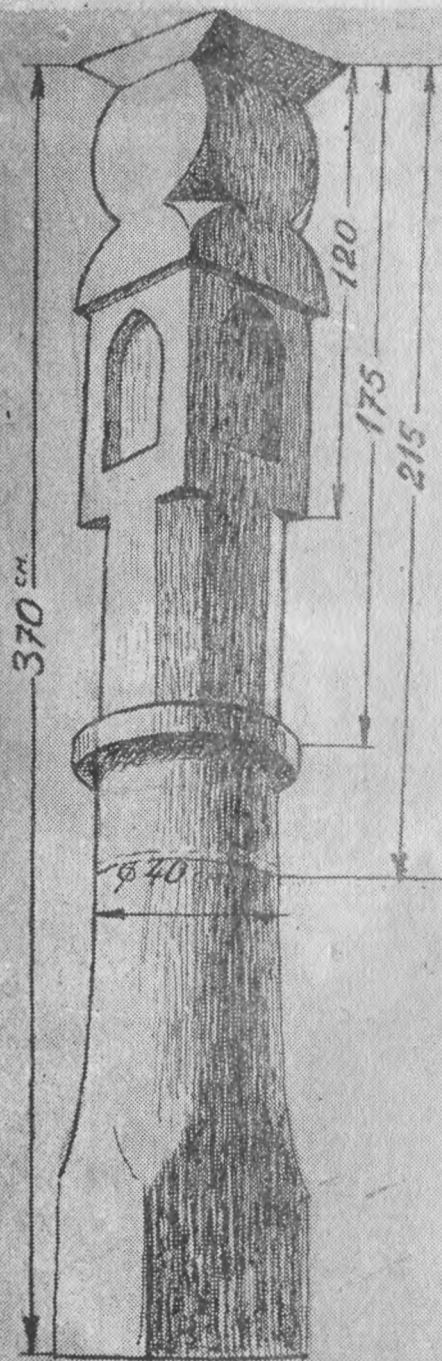

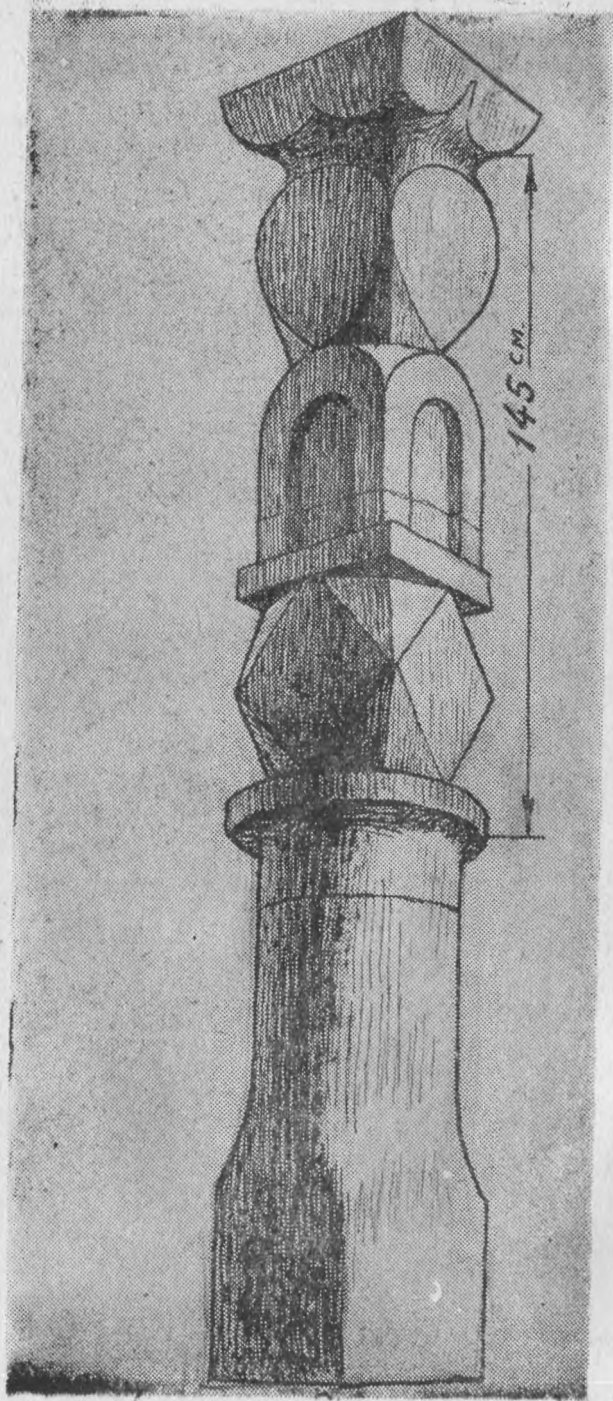
Proc. 196

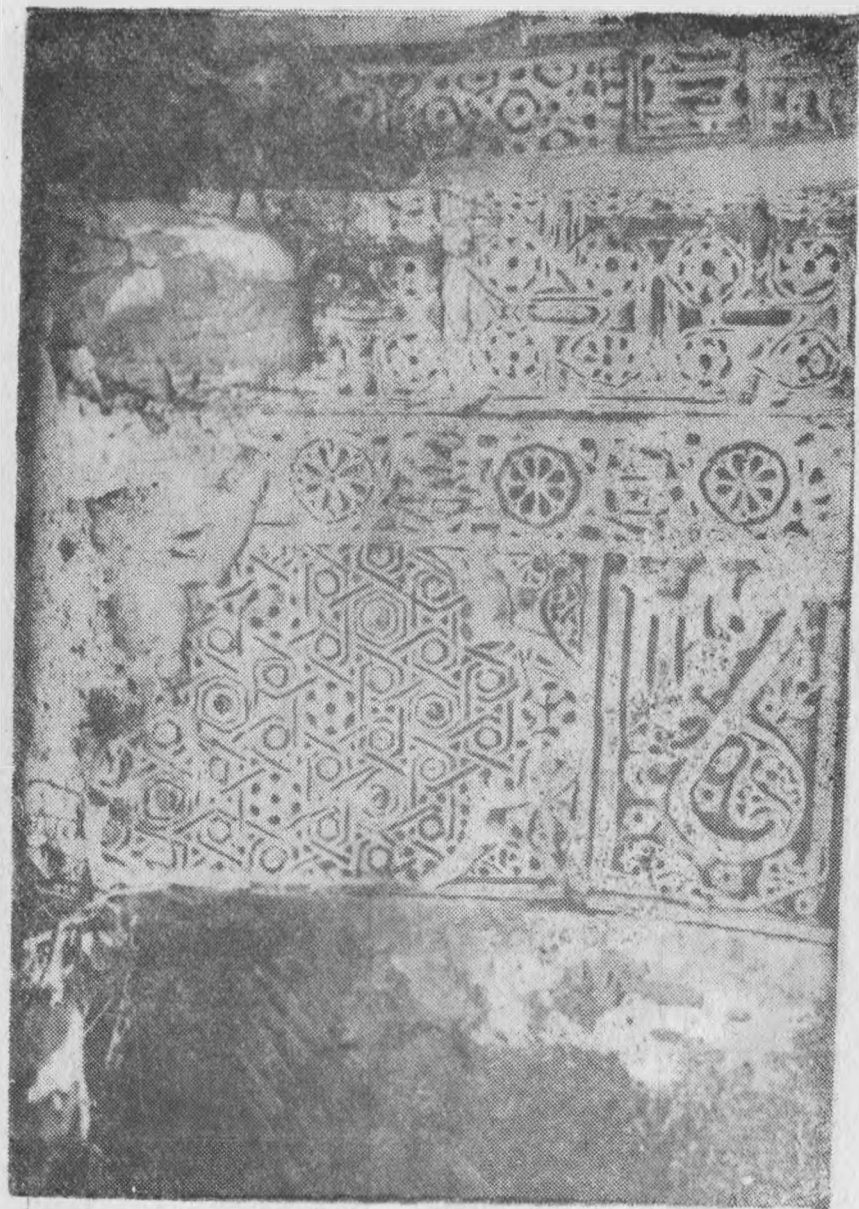

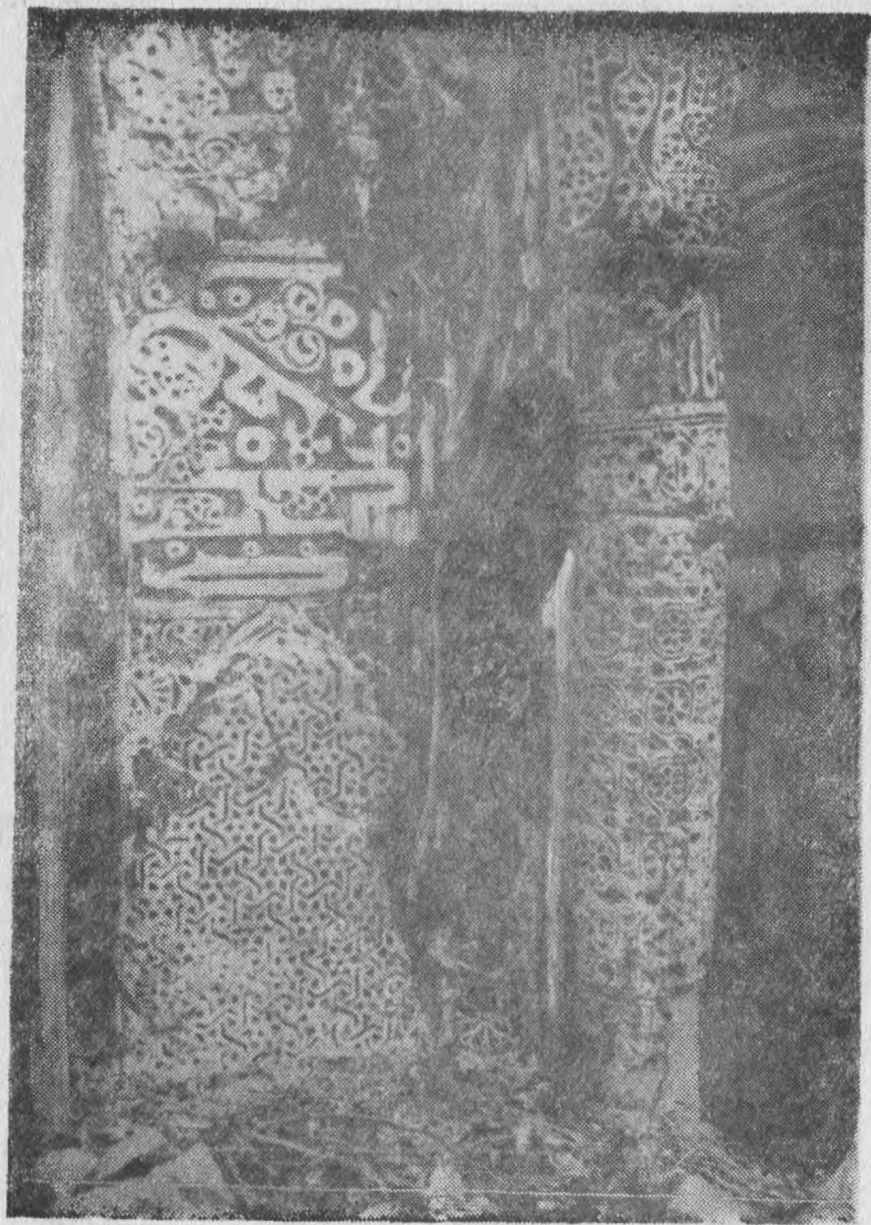

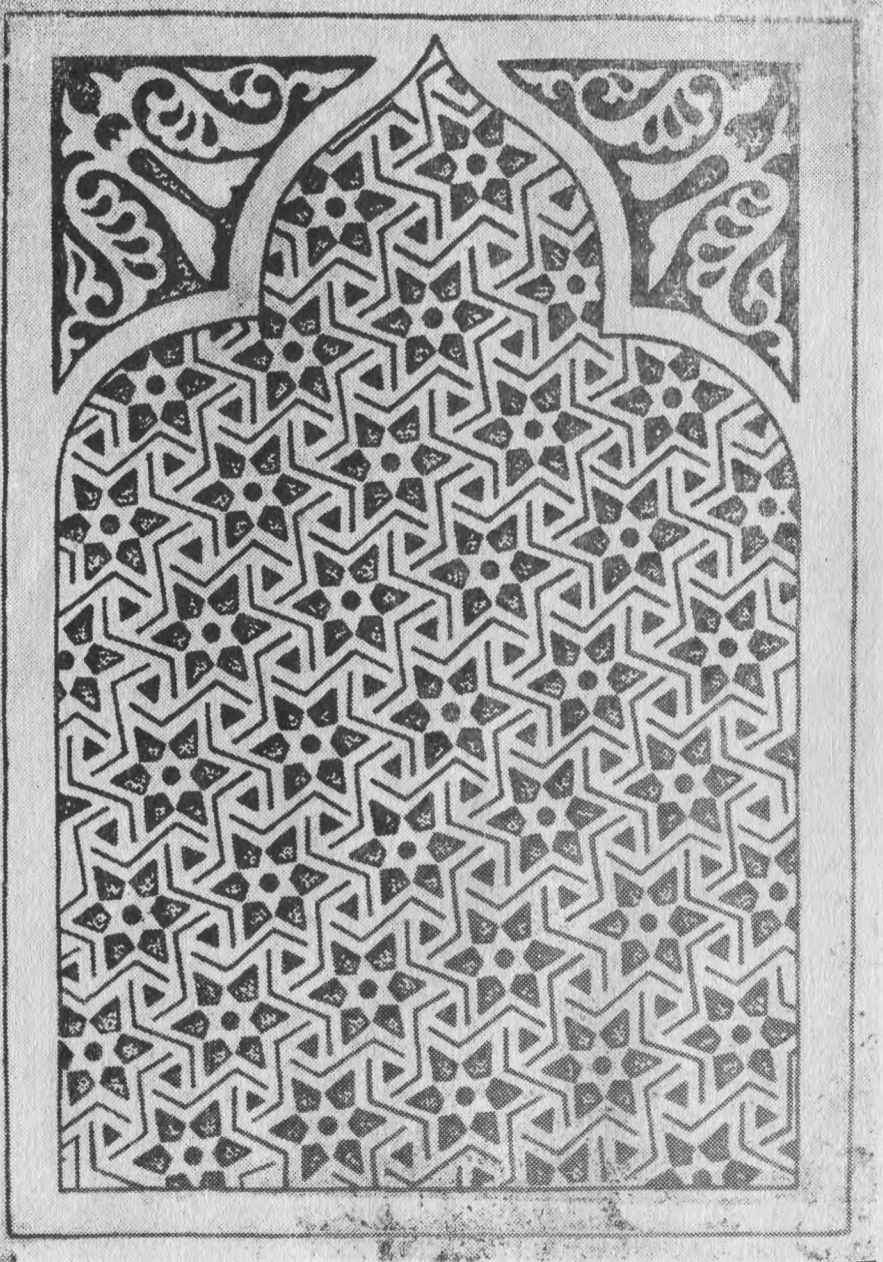

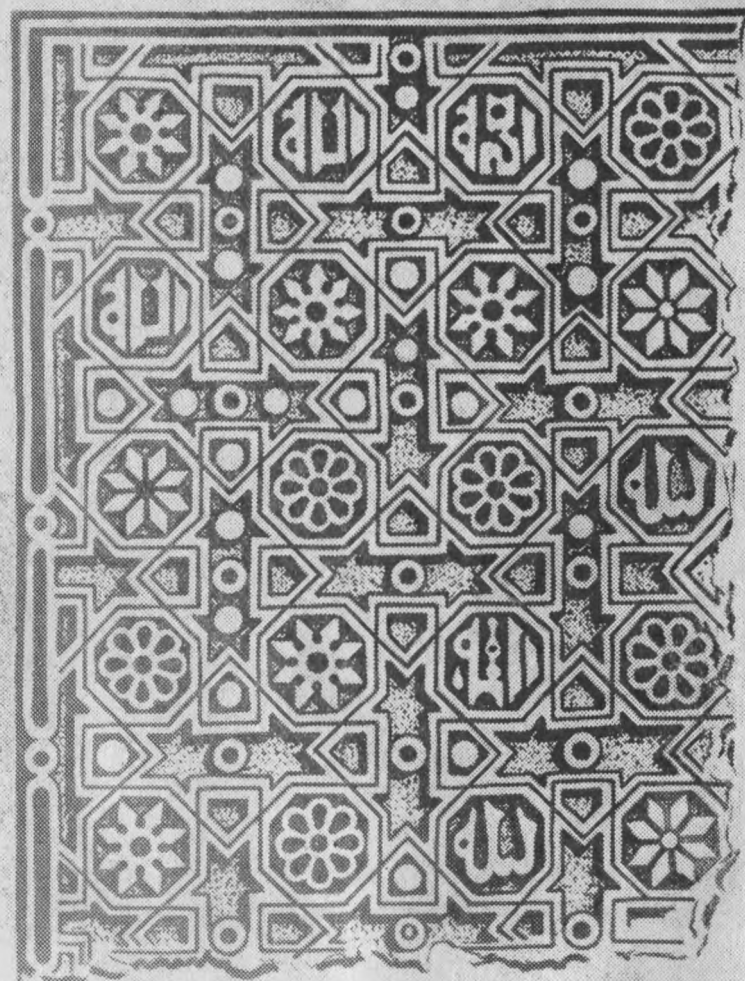
0 10 20 30 40 cm.

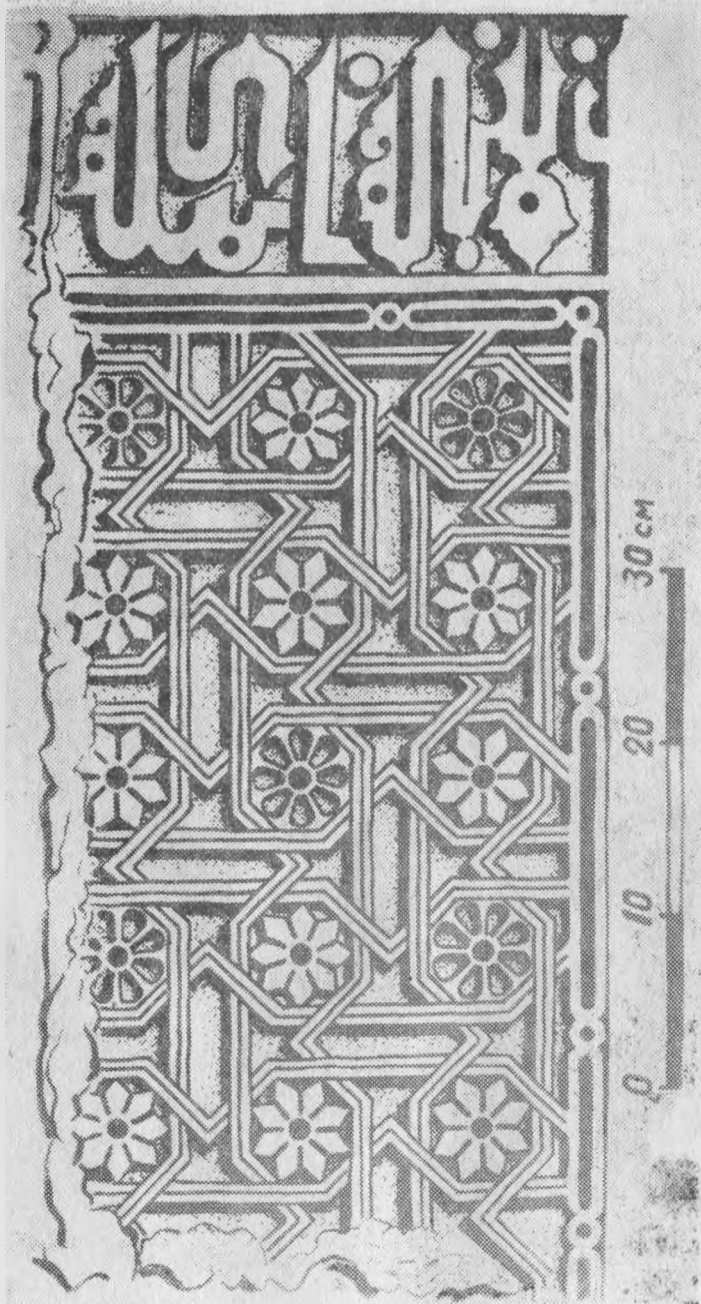

الله أكبر

0 10 20 30 cm.

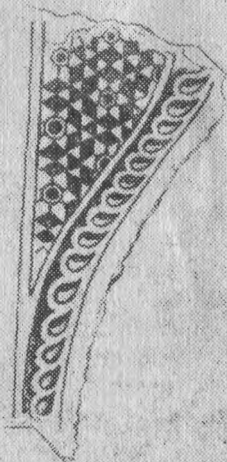
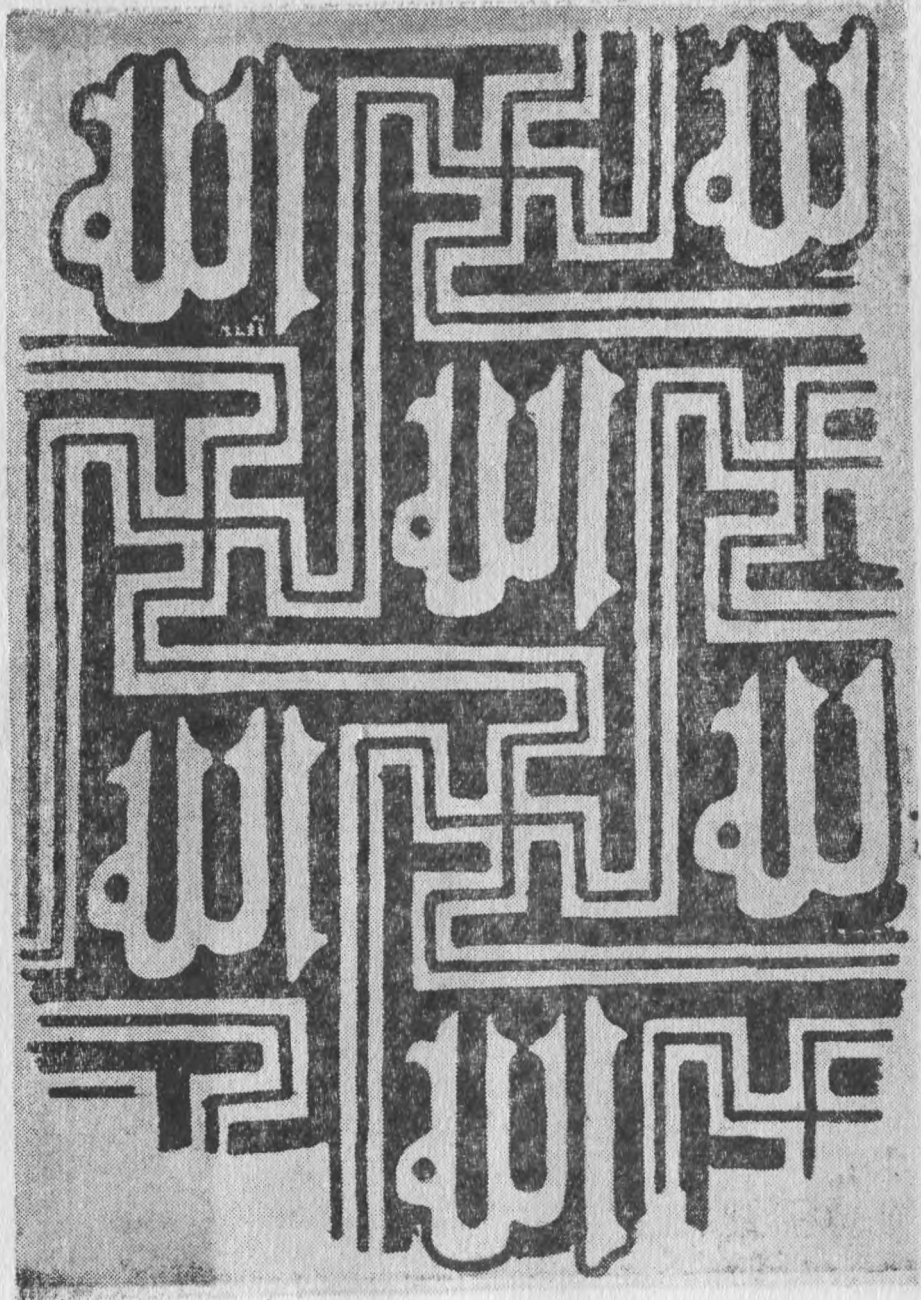
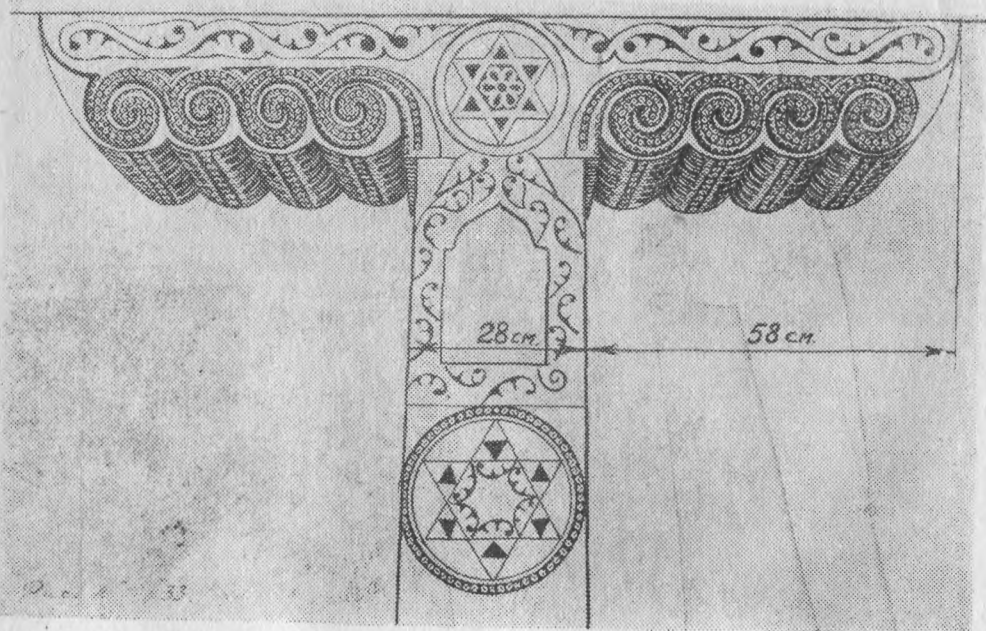
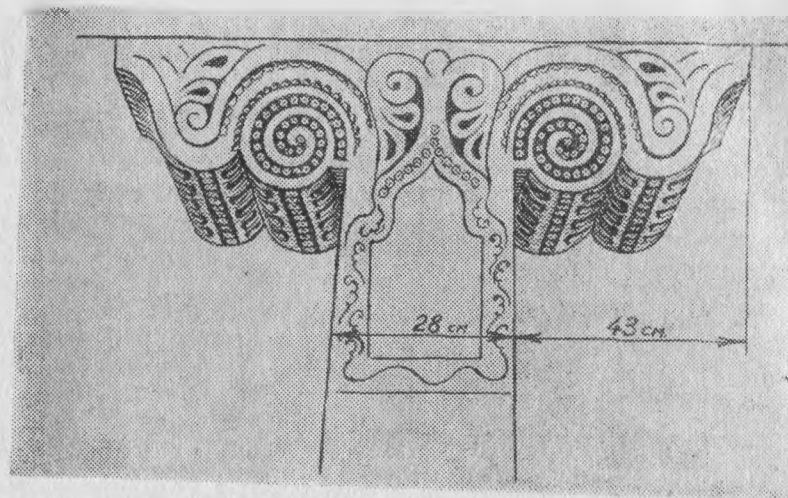

Рис. 20

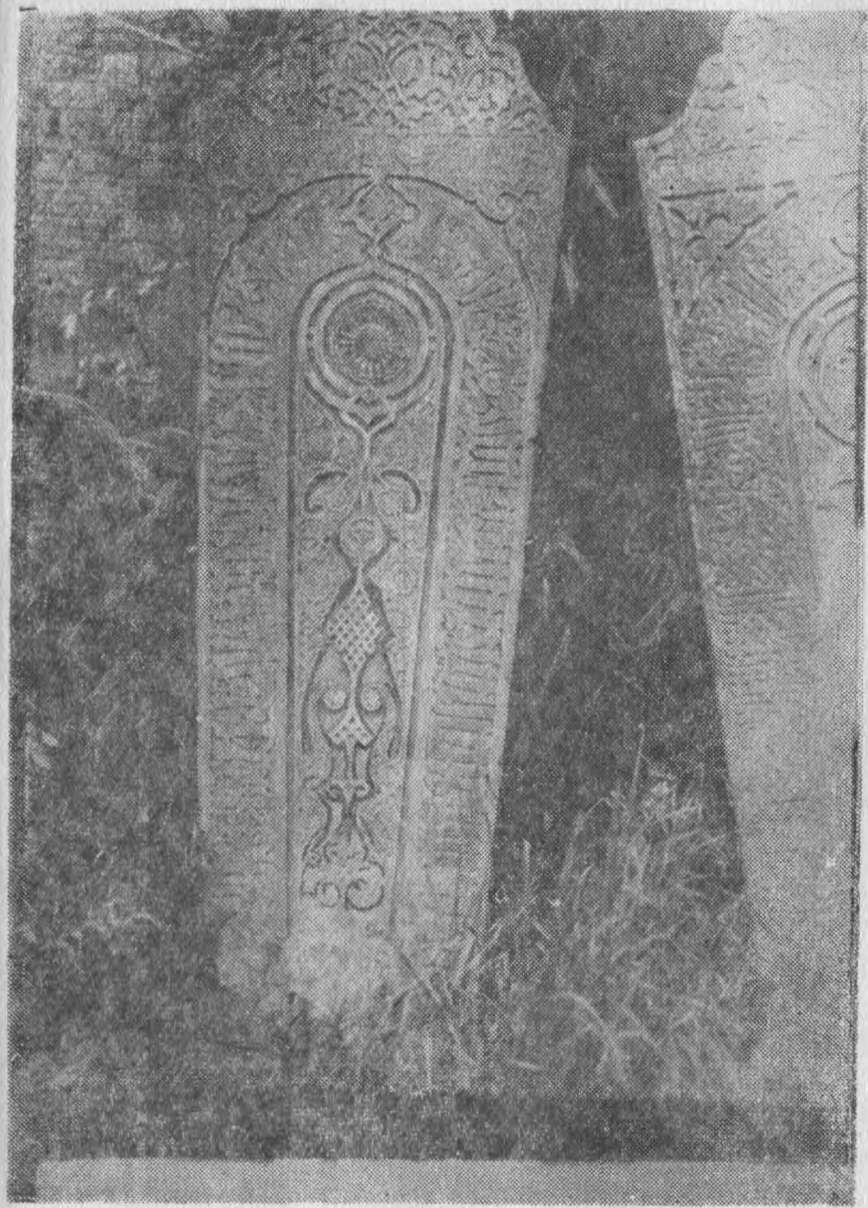

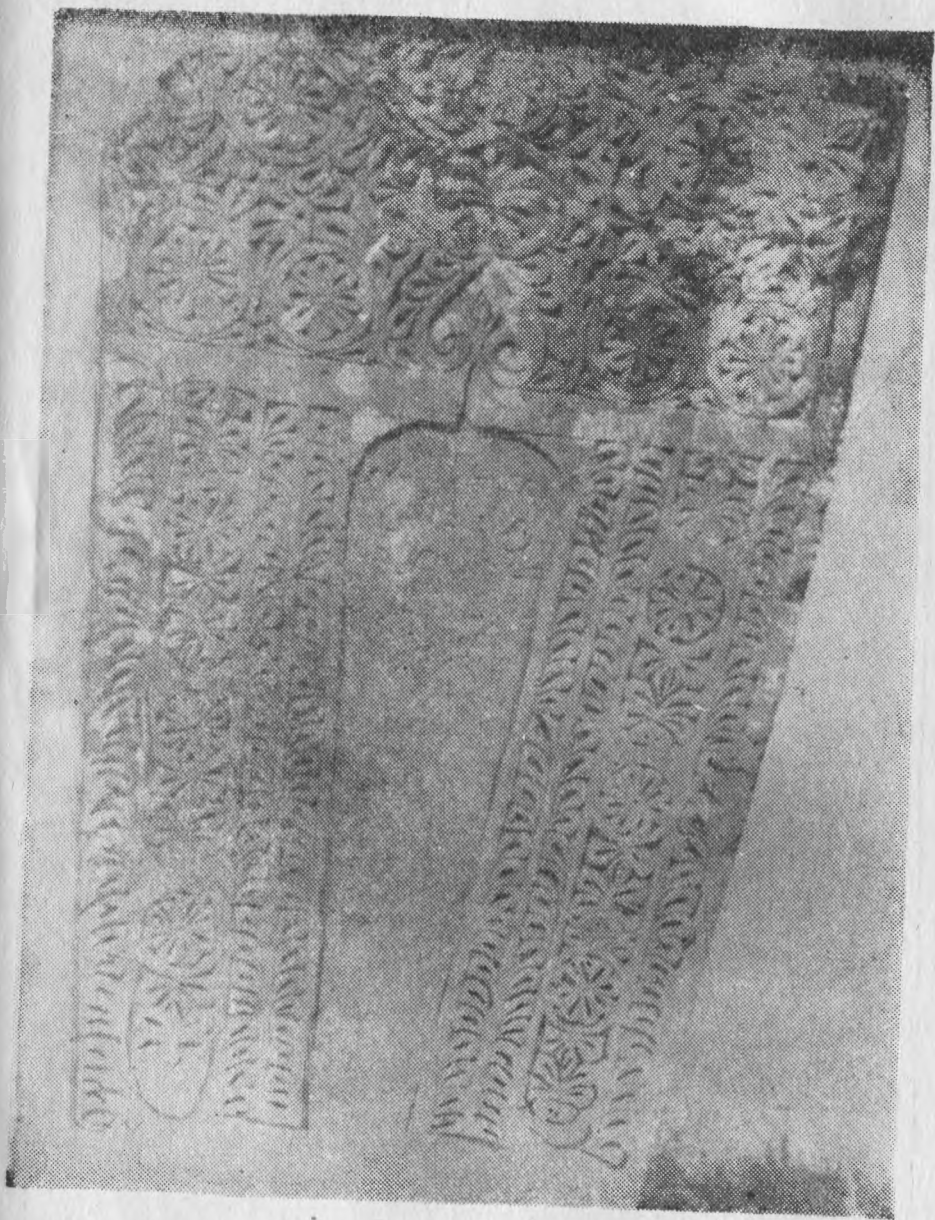

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ АВАРСКОГО ЖИЛИЩА В XIX—XX ВЕКАХ.

Аварское жилище в своем историческом развитии прошло длительный путь от простейшей одноэлементной постройки с земляной плоской кровлей до благоустроенных, современных многокамерных домов, под железной крышей, с застекленной верандой, деревянными полами. Продвижение по этому пути тесно связано с социальным, экономическим и культурным развитием народа.

На территории аварских районов в XIX в. встречались дома разнообразных форм. Это разнообразие касалось как внутренней планировки, так и их внешнего облика и архитектурной композиции: от небольших одноэтажных построек, углубленных в землю, до многоэтажных домов, имеющих 5—6 этажей, от одиноких домиков до громоздких ансамблей, где сосредоточен весь комплекс жилых и хозяйственных служб.

Несмотря на внешнюю несхожесть форм и кажущуюся многочисленность конструктивных типов жилища, их все же можно подразделить на три основные типа: одноэтажное жилище, двухэтажное, трехэтажное и многоэтажное.

Конструктивная типология жилища в известной степени соответствует зональному делению территории, находится в тесной связи с данной естественно-географической зоной: для предгорных районов характерно одноэтажное жилище, для горных — двухэтажное и для высокогорных — трехэтажное и многоэтажное. Разумеется, такое подразделение является несколько условным. Господство того или иного типа жилища в отдельных районах объясняется не только природно-географическими условиями местности, но и исторической обстановкой, характером местных строительных материалов, строительной традицией. Подобная конструктивная типология жилища не может отражать всей социальной сущности его и этапы исторического развития, она ограничена в своих возможностях показать изменения, которые происходили и происходят в нем.

Любая систематизация жилища, проведенная на основе какого-нибудь одного признака, — будь то этажность, строительный материал или внутренняя планировка, не может быть полной. Систематизация жилища возможна только с учетом наиболее характерных признаков его и местных особенностей, вследствие чего становится почти невозможным создать единую, общую типологию всего аварского жилища. Любая типология будет страдать теми или иными недостатками. Однако, мы позволим себе, не отвергая других принципов, установить в данном случае типологию, основанную на внутренней планировке — камерности, наиболее полно отражающей социальную сущность жилища. Таким образом, мы разделяем жилище на три типа: одноэлементное, двухэлементное, трехэлементное и многоэлементное.

Наиболее характерным и распространенным жилищем аварцев в XIX веке был двух-трехэлементный двухэтажный каменный дом в горах и саманный одноэтажный двух-трехэлементный дом в предгорье. Хозяйственные помещения, хлев в предгорье находились в пристройках на одной плоскости с жилым домом, а в горах для них был отведен первый этаж. Но наряду с такими домами в XIX в. в отдельных районах Аварии встречались одноэлементные одноэтажные постройки несложной конструкции, выдаваемые некоторыми путешественниками и наблюдателями XIX в. за типичное жилище аварцев, при этом они архаизировали быт аварцев в целом, подчеркивая недостатки подобного сооружения и отсутствие обстановки в доме.

Одноэтажное здание в горных районах Аварии в XIX в. было явным пережитком, анахронизмом, связанным с бедностью владельцев таких домов. Подобное жилище не отвечало ни экономическим, ни культурно-бытовым требованиям семьи, и каждый, кто был в состоянии, строил двухэтажный дом — более удобный и практичный в горных условиях. Для предгорья это было нормальным явлением.

Пережиточно сохранившееся старинное одноэлементное жилище представляет определенный научный интерес как наиболее ранняя форма аварского жилища.

Отсутствие письменных источников и датированных памятников затрудняет задачу восстановления более ранних форм жилища, но данные археологии позволяют определить отдельные этапы развития жилища горцев и приблизительно предположить его формы,

Все данные, полученные при раскопках как памятников бронзового века¹, так и раннего средневековья², подтверждают, что наиболее архаичная форма жилища аварцев XIX в. имеет много общего с жилищами горцев указанных эпох и обнаруживает связь и непосредственную преемственность формы постройки, методов и приемов строительной техники, плоской кровли и ее конструкции, оформления дверных проемов, лежанки для сна и т. п. Следовательно, можно предполагать, что основные формы старинного жилища горцев, выработанные в далеком прошлом, прошли через столетия и в усовершенствованном виде продолжали существовать до XIX в.

Особого внимания заслуживает одноэлементное жилище больших размеров, которое, видимо, является древнейшим. Подобное жилище сохранилось в глухих селениях Гунибского, Чародинского, Советского, Тляратинского и других районов. Оно, как и другие типы жилища, сильно врыто в склон, построено из камня на скрепляющем растворе и представлено одной комнатой, размером от 90 до 120 и более квадратных метров. Интерьер этого жилища, где бы оно ни находилось, в основном одинаков, и поэтому считаем возможным привести описание одного такого дома в качестве типичного³.

Возьмем к примеру дом А. Нухулова в сел. Тидиб Советского района⁴. Дом этот расположен у невысокой скалы, которая служит задней стеной жилища. Длина комнаты 12 м, ширина 9 м. В жилище ведет низкая двухстворчатая дверь из двух толстых грубо отесанных досок, которые вращаются на петях, вставленных в гнезда. Вдоль задней, т. е. северной сте-

---

¹ В. И. Каневец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. УЗ ИИЯЛ, т. III, Махачкала, 1957, стр. 158; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 90; К. А. Бредэ. Отчет о дополнительных раскопках в 1957 г. на нижнем Сигитминском поселении и городище, а также о разведке на прибрежных полосах низовья Сулака. Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 2470, л. 21; Д. М. Атаев, М. Гаджиев, М. Погребова. Отчет о работе 2-го горного отряда ДАЭ в 1957 г. Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 2637, л. 19.

² Н. Д. Путинцева. Северо-восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья (по материалам раскопок в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС). Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 2875, л. 36; В. И. Каневец, С. С. Березанская, И. П. Костюченко, А. П. Савчук. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1955 году. Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 2223, л. 133; В. И. Каневец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 году. Ученые записки ИИЯЛ, т. I, Махачкала, 1956, стр. 217.

³ Описание подобного жилища дано в статье З. А. Никольской «Из истории аварского жилища». СЭ, 1947, № 2, стр. 159—164.

⁴ Полевой материал 1961 г. Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 3025, л. 25.

ны комнаты «цагур» — специальное помещение для продовольственных и других запасов⁵.

Вся лицевая поверхность перегородки цагура покрыта глубокой резьбой, причем особо выделяется большой столб, занимающий центральное положение. Центральный столб, как и два других, поддерживающих основную балку, конструктивно входят в состав цагура.

Недалеко от центрального столба находился открытый очаг, выложенный из плит квадратной формы. Вдоль перегородки цагура на полу лежало толстое четырехугольное бревно, служившее подставкой для посуды. Часть посуды, особенно мелкой, висела на деревянных колышках, вбитых в цагур. Других полок или ниш для посуды и утвари в комнате не было, и, что интересно, вся эта посуда, за исключением двух котлов, представлена деревянными и керамическими предметами местного производства. В расстановке кухонной утвари соблюдался определенный порядок: ближе к очагу находилась посуда повседневного пользования.

Дым от очага выходил в отверстие, специально оставляемое под перекрытием, и в небольшое окно в южной стене размером 0,4 на 0,3 м., которое находилось на высоте 1,3 м от пола. Необходимо отметить, что отверстие для проникновения света и выхода дыма в большинстве случаев находилось над очагом в потолке.

Длительный опыт показал, что дым от открытого очага, поднимаясь к потолку и стелясь под ним, не успевает выйти в узкое отверстие и по мере накопления спускается ниже. Как правило, в таких жилищах потолок бывал высоким, до 4—4,5 м. Здесь он доходит до 4 метров.

---

⁵ «Цагуры» (в некоторых селениях «Къам», «КитГун») бывают разнообразных видов. В одном случае он фактически может превратиться в специальное помещение, занимая всю длину и высоту комнаты. Такой «цагур» обычно разделен на 2—3 отсека, куда ведут невысокие дверцы (до 1 м.), и внутри которых сооружены ящики для муки и зерна, а также специальные приспособления для хранения мясных продуктов.

Один отсек предназначен для домашнего скарба, топлива, сельскохозяйственного инвентаря и т. д. Иногда для этих целей выделяют специальные сооружения в виде цагура, называемые «цух».

Цагур другого вида похож конструктивно на вышеописанный, но он меньше и имеет только один отсек. Внутри находятся несколько ящиков с откидными крышками. Такие сооружения более характерны для багулалов, тиндалов, каратин (Карата, Арчо, Анчик), и, что является специфической особенностью этих сооружений, они часто бывают вынесены из жилой комнаты и стоят под самостоятельными крышами, некоторые примыкают к комнате. В последнем случае цагур — «гьикГуш» имеет вход из комнаты, и его лицевая сторона является одной из стен жилища.

Третий вид цагура — это большой ящик с отделениями на невысоких ножках, не доходящий до потолка, с откидными крышками. Такой цагур может быть перенесен с места на место.

Имеются и другие формы цагура, но они близки к описанным.

Мебелью в комнате служили две низенькие треугольные скамейки, на которые садились женщины во время приготовления еды, а также во время приема пищи, и длинная скамейка «халабакI», стоящая справа от очага, ближе к выходу. Под потолком, у западной, противоположной от входа стены, была укреплена длинная жердь, на которой висели разные предметы и хранились одежда, овчины, шубы, бурки, хурджины, мясные продукты и т. д.

Место для сна в комнате специально не выделялось, но обычно женщины спали в дальнем от входа углу — юго-западном, а мужчины ближе к входу.

В большинстве случаев, особенно за пределами территории Гидатлинского общества, место для сна специально выделялось. Оно находилось в каком-нибудь углу комнаты и отгораживалось невысоким валиком, если место было углублено, но чаще оно бывало приподнято на 10—12 см.

На столбах и в стены были вбиты большие колья для оружия, повседневной одежды, деревянных подносов и других предметов.

Говорить о внутренней обстановке этого жилища очень трудно, собственно ее и нет как таковой, и вышеупомянутые предметы составляют все его убранство. Однако, несмотря на бедность обстановки, земляной пол, закопченные стены и потолок, помещение содержалось в относительной чистоте и выглядело аккуратным.

Это помещение использовалось для жилья до 40-х годов XX века, и описанный интерьер воссоздан частично по рассказам.

Одноэлементное жилище может быть и двух- и трехэтажной конструкции, но это, скорее, два одноэлементных жилища, поставленных друг на друга. Камеры расположены вертикально друг над другом и непосредственно не сообщаются между собою — каждое помещение имеет самостоятельный ход со склона⁶.

Жилые камеры, расположенные на втором и третьем этажах, совершенно одинаковы по устройству и оборудованию и похожи на вышеописанную одноэтажную большую комнату. Правда, иногда заметна некоторая разница в форме и размерах помещений, цагура, очага, дымовых и световых отверстий, в оформлении места для сна и т. д., однако, все эти большие комнаты могут быть классифицированы как разные варианты одного типа жилища. К подобному типу жилища могут быть отнесены и дом М. Ачанкилава в селении Корода, описанный

---

⁶ Своеобразие данной планировки, без попытки ее объяснения, было отмечено Г. Я. Мовчаном в статье «Предварительные заметки о типологии жилища народов нагорного Дагестана», КСИЭ, 1948, вып. 4.

Н. Б. Баклановым⁷, дома Хадо Гитинова в селении Тидиб⁸, Чеэрова, где площадь комнаты равна 126 кв. м., и Чунтилова — 104 кв. м. в селении Урада, Алиевой А.—96 кв. м., М. Нурмагомедова — 100 кв. м., М. Дибировой — 150 кв. м. в селении Ругельда, Омарова и Магомедова — 150 кв. м. в селении Хотода, О. Кулдуева — 95 кв. м., Г. Гаджиева — 90 кв. м. и др.⁹.

Многие из этих помещений в их первоначальном виде не сохранились (они разделены на несколько камер, перегорожены), но первоначальную планировку этих комнат восстановить можно без особого труда.

Необходимо отметить, что хозяева многих из указанных домов были состоятельными людьми, владели большими земельными угодиями. Возможно, они строили эти большие комнаты для каких-то особых целей просто по традиции. Однако подобное объяснение причин возникновения этих больших камер не совсем убедительно.

Старинное одноэлементное жилище больших размеров в XIX в. не соответствовало ни хозяйственным, ни культурно-бытовым требованиям семьи, которая состояла в среднем из 4—5 человек. Как нам кажется, и интерьер, и размеры этой громадной камеры подтверждают предположение, что она когда-то была формой жилища патриархальной большой семьи.

Как известно, у большой семьи сохраняется коллективная собственность на землю и основные средства производства, которая обуславливала полное хозяйственное и потребительское единство. Коллективному производственному единству соответствуют большие цагуры, предназначенные для хранения большого количества запасов, в один отсек таких цагуров вмещалось более двух тонн зерна. В конце XIX в. малая середняцкая семья с имеющегося участка пахотной земли собирала такой урожай зерновых, что еле заполнялось одно из трех отделений отсека.

Как элемент жилища, цагур первого типа характерен только для больших комнат и то не для всех.

Особый интерес вызывает наличие в одном доме двух и трех комнат громадных размеров, с самостоятельными однотипными интерьерами, которые не были вызваны потребностями

---

⁷ Н. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана. Л. 1935, стр. 43.

⁸ Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа. СЭ, 1947, № 4, стр. 187—199.

⁹ Полевой материал 1961—62 гг. Рукописный фонд ИИЯЛ, д. № 3025, л. 3.

ми одной малой семьи. Чтобы попасть в верхнее помещение, членам семьи нужно было выходить на улицу и подниматься по склону. Вся жизнь одной семьи в прошлом проходила в одной комнате, и появлявшееся второе помещение обычно располагалось рядом по горизонтали с первым. Возможно, что вертикально расположенные огромные комнаты были помещениями двух самостоятельных больших семей. Уровень развития производительных сил не допускал чрезмерного расширения большой семьи, увеличения числа ее членов. Это обстоятельство приводит «к сегментации семейной общины, разделению большой семьи на части — сегменты, представляющие собой, в свою очередь, такие же семейные общины, но первоначально численно меньшие»¹⁰.

Видимо, когда назревала необходимость разделения семейной общины, все ее члены заранее сооружали жилище для нозой семьи, строя комнаты на втором, третьем этаже. Только после этого новая семья отделялась и начинала свою самостоятельную жизнь.

Известно также, что семейная община, большая семья является консервативной общественной формой, в которой даже в условиях развитого классового строя сохраняются пережиточные патриархальные начала, тогда как вне ее, в общественно-экономических отношениях данного общества в целом распад патриархальных начал давно завершен¹¹. Это позволяет предположить, что некоторые пережиточно сохранившиеся большие семьи существовали в отдельных районах Аварии до XVI—XVII вв. И старинные громадные комнаты, видимо, являлись помещениями этих семей.

О существовании в прошлом у аварцев такой семьи и одной комнаты в качестве ее жилища говорят и данные языка. В аварском языке сохранился малоупотребительный термин «цо рукъалъул гIадамал» («цо рукъалъулчагIи») — «люди одного дома». Очевидно, на раннем этапе данный термин относится к большой семье, проживающей в одной камере — доме с единым хозяйством. Позднее этот термин стал обозначать круг наиболее близких родственников, хотя они жили в отдельных, далеко друг от друга расположенных, самостоятельных домах. С изменением социальной структуры семьи термин этот, видимо, принял новое содержание — «из одного дома происходящие».

Слово, обозначающее «дом», в аварском языке хотя и имеется («ригъ»), но часто его смысл передают через слово «комната, комнаты» («рукъ, рукъзал»). Видимо, и дом, и комната в первоначальном виде являлись одним и тем же. Это

¹⁰ М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М. 1963, стр. 54.

¹¹ Там же, стр. 55.

также подтверждает мнение о том, что первоначально у аварцев жилище состояло из одной комнаты.

Само по себе предположение, что когда-то у аварцев существовала семейная община и большая комната была ее жилищем, не лишено основания, но конкретно представить себе жизнь такой семьи в подобных помещениях мы не можем. Ни в одном аварском селении нам не удалось получить материал, в какой бы то ни было степени относящийся к жизни и быту большой семьи, и даже больше того — вообще о существовании ее. Мы не могли зафиксировать случай, когда старики вспомнили бы что-либо о существовании семейной общины, хотя некоторые исследователи считали, что она существовала даже в конце 20-х годов XX века¹².

Имели место случаи, когда во время сбора полевого материала нам (как, видимо, и другим) рассказывали в том, или ином селении, что до недавнего времени (до образования колхозов) существовала «кӀудияб хъизан» (большая семья), состоящая иногда из 20 и более человек. Но при внимательном рассмотрении структуры этой семьи и экономической ее основы выяснилось, что это не что иное, как несколько малых, индивидуальных родственных семей, временно живущих в одном доме, за неимением своего жилища. В таких домах авторитет старшего, главы семьи, был огромен — он пользовался большим почетом, однако распоряжаться имуществом семьи имели право только ее члены.

Каждая семья имела свою собственность, причем особенно четко выделялись пахотные участки. Это была довольно распространенная форма, когда женившись сын не отделялся сразу, а оставался жить в доме родителей в течение нескольких лет, накапливая самостоятельное имущество. Как только образовывалась новая семья, ей выделяли участок пахотной земли, скот и все необходимое для обзаведения собственным хозяйством, старались также отводить и специальное помещение. Если же для этого не было возможности, она некоторое время жила в одном помещении с родителями мужа, отгородив себе угол комнаты.

Естественно, выделение новой, самостоятельной семьи с женитьбой сына нашло свое отражение в языке. «Женитьба сына» в аварском языке звучит как образование семьи — «хъизан гъабизе» или создание дома — «ригъин гъабизе». Эти выражения отлично передают сущность данного процесса — образование новой семьи вне семей жениха и невесты, а не увеличение семьи жениха.

---

¹² Г. Ф. Чурсин. Авары. Этнографический очерк. Рук. фонд. ИИЯЛ, д. 1570, л. 25.

В виду того, что первоначальное значение термина забы-
вается и этимология его раскрывается только в результате
специального исследования, можно думать, что этот термин
возник еще в древности. Иными словами, в древности возник
и обычай выделения семьи женившегося сына из родитель-
ского дома. Ранний распад патриархальной семьи в Аварии,
видимо, объясняется своеобразными хозяйственно-экономиче-
скими условиями.

Таким образом, полевой материал, собранный нами
в аварских районах, свидетельствует о том, что малая семья
как общественно-производственная форма стала господствующей
ячейкой задолго до исследуемого времени; найти большую
семью, сохранившуюся хотя бы в пережиточной форме,
не удалось, тогда как соответствующая ей форма жилища
не только пережиточно сохранилась, но и использовалась
в XIX веке.

Новое строительство, переселение семьи в свое собствен-
ное жилище было связано с большими трудностями. Уже су-
ществующий дом был тесно зажат со всех сторон другими
домами и строиться рядом возможности не было. А уход да-
леко от родителей и родственников на окраину селения был
крайне нежелателен и поэтому новая семья стремилась
остаться на месте, построив свое жилище этажом выше роди-
тельского или построив его сбоку. Так росла из года в год
скученность и теснота в селении.

Дальнейшее укрепление малых семей, связанное с усиле-
нием роли частной собственности, к началу XIX века нашло
свое отражение в одном интересном обычае. В отдаленных
аварских селениях (Сагада и Макок Цунтинского района,
Хуштада Ботлихского района и в других) нами обнаружено,
что наряду с домами продавались отдельные жилые комнаты
и даже крыши домов. Крыша, купленная другим хозяином,
становится его собственностью, и он мог построить здесь жи-
лище или сеновал. В результате этого дом, состоящий из трех
или четырех этажей, может принадлежать двум-трем разным
хозяевам (Магомедову, Гусейнову, П. Алиевой и З. Алиевой—
в селении Хуштада; М. Ильясову, Х. Шуабовой, М. Курама-
гомедову в том же селении; А. Алихановой и М. Дибирову —
в селении Ругельда; Газимагомеду Рамазанову и Омарову
в селении Мокок и т. д.).

Безусловно, возникновению и распространению этого яв-
ления способствовали как интересы обороны, стремление
к недоступности, так и малоземелье.

В аварских селениях иногда встречаются дома, конструк-
тивно связанные с башней. Такой дом похож на боевую баш-
ню, но имеет всего 3—4 этажа. В камерах башни, особенно
на втором этаже, в двух случаях обнаружены угловой очаг,
ниши и следы от полочки (Хотода, Гоор). Стены закопчены;

помещением, видимо, пользовались не только для военных нужд, но и для бытовых целей. Часть членов семьи могла там спать; также возможно, что с выделением новой семьи помещение превращалось во вторую жилую камеру до окончательного отделения семьи. Вход в башню был из самого жилища.

Башня при доме выполняла те же функции, что и тухумная башня, и нам думается, что их не следует рассматривать как разные типы. Кроме того, необходимо отметить, что дома с башнями встречаются редко и сохранились только в селениях Гидатлинского общества. Следовательно, такое жилище не было типичным для большинства аварских жилищ, и утверждение авторов о их типичности представляется нам не верным¹³.

Развитие производительных сил, усиление экономических возможностей горцев, быт индивидуальной семьи с дифференцированным хозяйством способствовали возникновению в жилище специального хозяйственного помещения. Еще в одноэлементном аварском жилище намечается тенденция разделять комнаты на два отсека: жилой и хозяйственный (кладовая). В первую очередь от основного жилища отделяется место для запасов. Первоначальной стадией намеченного разделения можно считать возникновение небольших цагуров, ларей, где горцы держат свои продовольственные запасы. Однако новым этапом эволюции аварского жилища нужно считать появление в доме небольшого специального помещения — «къора», имеющего широкое хозяйственное назначение. Оно было образовано в результате перегораживания комнаты, не имело ни окон, ни дверей, и было связано с жилищем узким проходом. Эта небольшая каморка — кладовая была первым шагом к возникновению двухэлементного типа жилища. Постепенно увеличиваясь в размерах и приобретая все большее значение в хозяйстве, она со временем становится обычным помещением.

По-прежнему жизнь семьи в основном проходит в очажной комнате — «цIа бакулеб рукъ» («комната, где зажигают огонь»), а второе помещение служит кладовой. Эти помещения сообщаются между собою через небольшой проход, но иногда последнее имеет и самостоятельную дверь. У аварцев обнаружены некоторые двухкамерные жилища, построенные еще в начале XVIII века, но возникновение их, видимо, нужно отнести к более раннему времени.

Развитие семейных и общественных отношений, рост производительности труда способствовали возникновению «къачIараб рукъ», где принимали гостей и находилась луч-

---

¹³ З. А. Никольская. Из истории аварского жилища. СЭ, 1947, № 2, стр. 159.

шая обстановка. Выделение такой «убранной» комнаты было в начале XIX века под силу только состоятельным горцам.

Увеличение количества скота, расширение хозяйственного профиля обусловили необходимость увеличения площади помещений, занятых под хозяйство. Камера, расположенная под жильем, уже не удовлетворяла потребности хозяйства, появилась необходимость в дополнительном помещении. Такой пристройкой и явился навес, обнесенный высокой каменной стеной, которая превращала дом в изолированную от внешнего мира усадьбу. Эта ограда служила и для лучшей обороны дома в случае нападения, на что обращали внимание и некоторые наблюдатели¹⁴.

Навес, который появился перед домом, имел большое хозяйственное значение, благодаря чему он постоянно расширялся, пока не превратился в хозяйственное помещение — крытый дворик. Однако появление крытого двора характерно не для всех районов Аварии. Если в некоторых селениях центральной Аварии навес сливается с оградой-стеной и дворик превращается в помещение, то в селениях Хунзахского, Мехтулинского ханств, общества Кайсубулу и других навес окружает дом с двух-трех сторон, и под навесом иногда устраивают небольшое хозяйственное помещение. Однако подобная «усадьба» была настолько мала, что ее нельзя назвать собственно усадьбой. Это было «небольшое четырехугольное строение с маленьким двориком в середине»¹⁵.

Вместе с эволюцией самого жилища, с изменением его планировки, характера, изменился и интерьер. Эволюция жилища повлекла за собой и эволюцию отдельных элементов его. Остановимся на некоторых из них.

В старое жилище вела низкая и узкая дверь, состоявшая из двух толстых половинок. Иногда дверь состояла из одной доски толщиной в 10 и более см, грубо обработанной топором. Техника распиловки, видимо, была еще не освоена и все деревянные детали дома, в том числе и створки двери, делались путем откалывания досок из толстого бревна. Одну из створок двери наглухо закрепляли изнутри, а другая открывалась со скрипом во внутрь на двух пятах, выступающих сверху и снизу в виде колышков, которые вставляются в каменные гнезда в каждом углу проема.

Видимо, такой прием устройства дверей уходит своими корнями в глубокую древность. Аналогичные камни с гнездом для пята дверей были найдены в памятниках бронзового

---

¹⁴ И. Н. Норденстам. Описание Антль-Ратля. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., М., 1958, стр. 325.

¹⁵ Н. Глиноецкий. Поездка в Дагестан. «Военный сборник», 1862, №№ 1—3, стр. 85.

века в непосредственной близости от дверных проемов¹⁶. Выработанный задолго до нашей эры способ устройства входа в жилище, в условиях отсутствия железных петель и гвоздей, специальных инструментов, доживает до XIX века.

Небольшие углубления в камне служат петлей для прикрепления створок двери к проему и свободного вращения их. Роль дверной ручки выполняет железное кольцо, иногда фигурное, прибитое к открываемой створке. Иногда встречается оригинальное решение этой задачи, особенно в селениях Гидатлинского общества: ручку вырезают на самой двери, для чего делают рядом на поверхности створки две выемки, соединяющиеся на глубине 2—3 см, над ними остается мостик-ручка. Такая операция возможна лишь при достаточной толщине досок.

С дальнейшим развитием жилища развивается и способ устройства дверей. К XIX в. дверной проем несколько увеличился в размере и вход снаружи стали отделять тщательнее других частей дома и часто завершали аркой. Створки дверей стали сколачивать из двух-трех толстых досок, которые скрепляли поперечными рейками. Появляется дверная коробка, к которой на петлях прикрепляли двери, закрываемые плотно, не оставляя щелей.

Другим элементом, который прошел длинный путь своего развития, усовершенствуясь по мере эволюции жилища, и который стал неотъемлемой частью современной комнаты, является световое окно.

Наиболее ранняя форма аварского жилища не знает светового окна. В крыше такого жилища имелось небольшое отверстие, через которое в помещение проникал свет в дневное время и которое служило дымоходом, либо оставляли продухи под самым потолком и небольшие узкие отверстия в стене, которые имели форму бойниц.

Со временем в помещениях появились специальные отверстия, которые могут быть названы окнами. Оконные проемы были маленьких размеров, обычно в пределах $0,4 \times 0,5$ — $0,3 \times 0,4$, не имели деревянных коробок, а если они и были, то носили характер украшения и не были приспособлены для вставления стекла¹⁷. Нужно отметить, что стекло проникло в Дагестан позднее, в середине XIX в, и то в дома богачей.

---

¹⁶ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2867, л. 152; Д. Атаев, М. Гаджиев, М. Погребова. Отчет о работе 2-го горного отряда ДАЭ в 1959 г. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2637, л. 17; К. А. Бредэ. Отчет о дополнительных раскопках в 1957 г. на нижнем Сигитминском поселении и городище, а также о разведке на прибрежных полах низовьев Сулака. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2470, л. 26.

¹⁷ П. Н. Данилевский. Кавказ и его горские жители. М., 1846, стр. 139.

Даже в окнах дома хунзахских ханов в конце 20-х годов XIX в., по сообщению Хрисанфа, не было стекла¹⁸. Однако, в оконные переплеты не вставляли и какого-нибудь другого пропускающего свет материала, по той причине, что окно служило и для выхода дыма. До появления отопительного сооружения с дымоходом, окно в жилище оставалось открытым; появившиеся ставни зачастую были приспособлены для выхода дыма, когда они бывали закрытыми: в верхнем углу ставни оставляли небольшое круглое отверстие.

Если в дневное время свет в помещение проникал через небольшое окно и открытую дверь, то ночью единственным источником света первоначально был огонь, разводимый в очаге. Быть может поэтому среди аварцев утвердилось выражение «цIадухъе ине» — «у огня», обозначающее вечерние работы, выполняемые женщинами: шитье одежды, вязание, расчесывание шерсти и т. д. Часто для освещения использовали и «кан» (лучину). Лучиной пользовались для освещения дороги при выходе ночью из дома, хлева, т. е. для кратковременных нужд.

Поддерживать огонь в очаге весь вечер во многих районах Аварии было не под силу из-за отсутствия топлива, а если и был кизяк, то он не давал нужного освещения. Это обстоятельство способствовало раннему появлению специального «чираха», предназначенного для освещения комнаты. Это небольшой каменный брусок размером 15×10 см, чашеобразной формы; внутренняя поверхность его имеет небольшой наклон к узкому концу. В углубление наливалось растопленное внутреннее сало животных, в качестве фитиля опускали кусок ткани, скрученной и пропитанной тем же жиром. Такой «чирах» или «нахучирах» (жировая лампа) имел разные формы и хорошо обрабатывался для большей декоративности. Ставили его на выступ в стене, специально вылепленный для этого. Другим вариантом подобного «чираха» является железная чаша на надочажной цепи, прикрепленной на высоте 1,20—1,30 м. Позднее существовали и керамические светильники, аналогичные по форме металлическим (бронза, медь, чугун) и каменным.

Неотъемлемой составной частью жилища является очаг, который за последние столетия претерпел большие изменения. Для наиболее ранней формы аварского жилища характерным был центральный очаг открытого типа, который уходит своими корнями к простому костру, перенесенному в жилище одновременно с его сооружением. На протяжении тыся-

---

¹⁸ Хрисанф. Сведения об аварском ханстве. 1828 г. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под редакцией М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958, стр. 267.

челетий очаг развивался в тесном взаимодействии с развитием всей материальной культуры, строительной техники, внутренней обстановки жилища. Он всегда занимал определенное место в жилище — в центре помещения. Очаг встречается двух типов: углубленный в пол жилища и устроенный на поверхности земли.

Очаг — «гъасито» обычно имел квадратную форму: 1×1 м. Существенным элементом очага являлось приспособление для размещения посуды во время приготовления пищи. Такое приспособление имеет три вида: каменная подставка, треножник (махх) и цепь. Каменных подставок обнаружено сравнительно немного и они сочетаются с надочажной цепью. На них ставится «къоно» (каменная плита), позднее чугунная сковорода (тоже «къоно», т. е. плита), предназначенная для жаренья и печения хлеба, а на цепь подвешивали котел для варки. Специально обработанные камни, некоторые из которых напоминают по форме керамические очажные подставки ранних эпох¹⁹, видимо были древнейшей формой подставки. Их сменили железный треножник — «махх» («железо») и цепь, которые вошли в быт аварцев с появлением металлургии.

Огонь в древние времена играл значительную роль в погребальных обрядах древних горцев, как магическая, очистительная сила²⁰, что находит свое отражение во многих обычаях и обрядах, существовавших еще в XIX веке.

Очаг стал почитаемым местом, символом благополучия семьи. олицетворял ее мощь, богатство и сплоченность.

Обращает на себя внимание обычай сохранения огня. По сообщениям стариков, в начале 20-х годов XX в. во многих домах в Аварии можно было найти очаг, где горит древний огонь. Это имело символическое значение — семья отличается древним происхождением: очаг (т. е. семья) ни разу не был разрушен, уничтожен победителями. Уничтожение очага было для семьи большим оскорблением и унижением.

В Аварии сохранились предания, в которых говорится о том, как из поколения в поколение в наследство передавался огонь. Дочь, выходя замуж, получала от матери головешку или кизяк с тлеющим огнем, и должна была строго

---

¹⁹ О. Абибуллаев. Энеолитическая культура Азербайджана (по материалам Кюльтепе) МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 78—79; В. М. Котович. Верхнегуньбское поселение. МАД, т. II, Махачкала, стр. 102.

²⁰ М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Плановая тема 1962 г., стр. 104; В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 31—32; А. П. Круглов. Сезеро-восточный Кавказ в II—I тыс. до н. э., МИА, № 68, 1958, стр. 58.

следить за тем, чтобы огонь в очаге не гас всю жизнь, а в последующем, в свою очередь, передать его своей дочери. Идя за невестой, родственники жениха даже в солнечный день брали с собой огромную лучину, видя в ней магическую очистительную силу.

Почитание огня нашло свое отражение в фольклоре. Кстати сказать, почитание огня и культ очага существовали и у других народов Кавказа²¹.

Очаг, как символ монолитности семьи и ее благополучия, превратился в центр семейной жизни. Часть домашних работ, как говорилось выше, производилась у очага. Вокруг него собиралась вся семья. Огонь, разведенный в очаге, служил для приготовления пищи, являлся источником света и тепла.

В расположении членов семьи соблюдался известный порядок: мужчины садились по одну сторону очага, а женщины — по другую. При этом мужчины занимали внешнюю сторону очага, ближе к выходу, а женщины располагались у задней стены. В этом вероятно следует видеть пережиточно сохранившиеся следы патриархального уклада, порядка, имевшего место в семейной общине, когда мужчины постоянно заботились о безопасности семьи.

«ХЮбокь» (под столбом) — на внешней стороне помещения находились инструменты, орудия мужского труда и оружие. А на дальней стороне — «КГалах» («КГала» — место приготовления пищи) находилась кухонная утварь, оборудование и приспособления для женского труда (ведения хозяйства, приготовления пищи и т. д.). Следует отметить, что комната аварцев не делилась на условные части, и мнение, что она делилась на мужскую и женскую половину²², не обосновано — имеющиеся этнографические данные отрицают это. Вечером, когда готовилась пища, мужчины сидели около очага, у центрального столба, на противоположной стороне от женщин не потому, что им нельзя было находиться на другой стороне, а просто из практических соображений — чтобы не мешать женщинам заниматься делом. И сосредоточение продуктов и утвари на одной стороне помещения произошло в результате большого опыта — так удобнее и легче было выполнять функции хозяйки, а не потому что эта их стопона.

Ночью, когда семья ложилась спать, такого разделения помещения не существовало. Обычно для сна отводилось особое место — угол комнаты. Условное разграничение места сна

---

²¹ М. И. Чартолани. Очаг сванского дома. Из истории материальной культуры грузинского народа. Тбилиси, 1961, стр. 212, 216, 218; В. П. Кобычев. Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX веке. Кавказский этнографический сборник, вып. III, М.—Л., 1962, стр. 24.

²² З. А. Никольская. Из истории аварского жилища. СЭ, 1947, № 2, стр. 163.

отдельно для мужчин и отдельно для женщин нами обнаружено только в селениях Гидатлинского общества, и то в том случае, когда в семье имеются взрослые дети. И в тех селениях, где жители не имеют никакого понятия об условном разделении жилья на две половины, при наличии в семье взрослых детей, мужчины и женщины спали в противоположных концах «спальни». Здесь на первый план выступает мораль горца, его тактичность и культура в воспитании детей, а не условное разделение комнаты на мужскую и женскую половины.

Во время еды члены семьи собирались около очага, располагаясь на низких стульчиках, на овчинах или шубах. Мнение о том, что мужчины ели отдельно на своей половине, а женщины довольствовались остатками пищи после мужчин»²³, не соответствует действительности. Мужчины ели отдельно от женщин только тогда, когда в семье бывал гость, а обычно горцы ели вместе со своими семьями, собираясь в один круг.

Слово очаг употребляется в двух значениях: первое—собственно место для разведения огня, второе — «дом», «семья», «хозяйство». Понятие «хозяйство», «дом» передается словами: «цIараки», что буквально означает «зажигание огня». Но в анцухском диалекте и на севере Аварии слово «цIараки» заменено словом тюркского происхождения — очахъ (оджакъ)²⁴.

Первой ступенью развития очага следует считать перенесение его к стене, где впоследствии над ним был сооружен дымоход из плетенки, обмазанной с обеих сторон глиной. Но первоначально очаг, видимо, был перенесен с середины в угол, т. к. наиболее древние типы очага встречаются именно там, да и создать дымоход над угловым очагом было проще и легче. Пристенный же очаг постепенно, к середине XIX века эволюционирует в камин.

Исчезновение лесов и, следовательно, топлива, привело к появлению в некоторых районах Аварии (Андалял) своеобразного отопительного сооружения закрытого очага «кора»²⁵, рассчитанного на максимальное использование тепла от огня, зажигаемого в нем.

«Кор» имеет форму усеченного конуса. Этот вид сооружения имел преимущество перед открытым очагом в смысле экономии топлива. Огонь, разводимый внутри «кора», направлялся к горлышку, на котором стояла посуда, а жар и золу

²³ З. А. Никольская. Указ. сочинение. стр. 160.

²⁴ Любезное сообщение Ш. И. Микаилова.

²⁵ Данный «кор» отличается от «кора» для поджаривания зерна и выпечки хлеба как по конструкции, так и по назначению.

выгребали в полукруглое углубление, устроенное перед ним на полу и огражденное небольшим валиком.

Кроме названных отопительных сооружений, в Аварии имеются так называемые «общественные коры», предназначенные для поджаривания и подсушивания зерна перед помолотом и приготовления хлеба обрядового назначения. Таких сооружений в селении бывает не более двух-трех и они обслуживают все население. Их строят в специальных помещениях или под навесом двора какой-нибудь хозяйки, которая ухаживает за ними.

Обнаружено большое разнообразие этих «кор», начиная от простейших архаичных форм, предназначенных только для поджаривания зерна, и кончая совершенными, приспособленными для выпечки хлеба, поджаривания зерна и приготовления традиционного блюда «мугь». Археологические данные свидетельствуют, что подобные сооружения были известны горцам с древних времен²⁶ и они находились в жилых помещениях для «обогрева жилищ и приготовления пищи»²⁷. Но таких кор, расположенных непосредственно в жилище, обнаружить нам не удалось.

Для предгорных районов Аварии характерным отопительным сооружением была комнатная печь. Видимо, комнатные печи аварцами были заимствованы у соседних кумыков, о чем свидетельствует и ее название в ряде районов — «лъарагI кор» — «кумыкская печь». Такая печь появилась как результат дальнейшего развития и усовершенствования «кёрюка»²⁸.

Обязательным элементом старинного аварского жилища был высокочтимый центральный столб. Он располагался в центре помещения, напротив очага и недалеко от него, и нес на себе основную тяжесть перекрытия: на нем лежал центральный прогон (матица), на котором в свою очередь покоились поперечные балки. Столбы бывали разных сечений — круглые, четырехугольные (квадратные и прямоугольные), из разных материалов и конструкций. Монолитные каменные столбы встречались крайне редко, так же, как и сложенные из тесаного камня и деревянных брусков, а прямоугольные

---

²⁶ В. И. Канивец. Памятники бронзового века на Сулаке. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2326, л. 12; его же. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 году. Ученые записки Института ИЯЛ, т. III, Махачкала, 1957, стр. 158; В. М. Котович. Отчет о работе Гунибского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1959 г. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2639, л. 27; М. И. Пикуль. Отчет о работе 3 Бавтугайского отряда ДАЭ 1958 г. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2550, л. 77.

²⁷ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана, стр. 153.

²⁸ Подробное описание устройства печи «кёрюк» см. С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960, стр. 83—84.

деревянные столбы, обращенные широкой стороной к очагу, имели большое распространение. Иногда столб бывал огромных размеров с широкой капиталью (подбалкой). Ширина столба у основания в некоторых случаях доходит до 1,30—1,40 м. и завершается подбалкой размером до 3,4—4 м., которой придают самые разнообразные формы. Особенно выделяются внушительными размерами центральных столбов жилища в Гидатлинском обществе. В селениях Хотода, Урада, Тидиб, Гоор и других²⁹ столбы отличаются не только большими размерами, но и своим оформлением, причем особое внимание уделено подбалке с лицевой стороны. Языковые факты указывают причины этого явления: «кьолбол хІуби» («столб корня»), «кьочІол хІуби» («столб фундамента»). Часто кровно-родственная группа, которая произошла от одного предка, в аварском языке называлась «кьибил», т. е. «корень» («от одного корня происходящие»). Помещения, где особое значение придавалось столбу, бывали больших размеров и, видимо, когда-то были жилищем семейной общины. В результате разрастания и сегментации одной большой семьи образовалась группа семей близкородственных, сохраняющих общественное и идеологическое единство, хотя и живущих в разных помещениях. Возможно, для такой группы первоначально объединяющим термином служил «кьибил» — «от одного корня происходящие», несмотря на то, что в XIX в. этот термин в одном случае был равнозначен термину «тухум», а в другом «объединению нескольких тухумов». Для обозначения близкородственной группы в XIX в. служил термин «цо рукъа лъулчи» — «человек одного дома», в противовес термину «цо хъизаналъулчи» — «человек одной семьи». Объединяющим центром для этих групп родственников служили очаг и центральный столб, находящиеся в жилище старшей, т. е. родоначальной семьи. На столбе часто вырезали обереги, заклинания и другие магические знаки, а также даты знаменательных событий.

Кроме того, этот столб, будучи опорой для потолка, имел большое конструктивное значение. Основная тяжесть перекрытия лежала на нем, и в случае его непрочности мог рухнуть потолок. По-видимому слово «хІуби» — «опора» первоначально означало «высокая скала», а значение «столб» слово «хІуби» получило позднее, когда опорой перекрытия стал деревянный столб вместо скалы³⁰.

²⁹ См. А. Башкиров. Резьба по камню и дереву в Дагестане. Художественная культура Советского Востока. М.—Л., 1931, стр. 113.

³⁰ Ш. И. Михайлов. Очерки аварской диалектологии. М.—Л. 1959, стр. 126.

О главе хозяйства, кормильце семьи, часто говорят, что он является «рукъалъул хІуби» — «столбом дома». Видимо, центральный столб, как и очаг, стал олицетворять благополучие семьи, ее монолитность.

Почитание центрального столба было характерно и для других народов Дагестана и всего Кавказа³¹. В этнографической литературе было высказано мнение, что столбы носили культовый характер³², исходящий от поклонения дереву.

Среди аварцев существовало представление о дереве как о живом существе, но случаи поклонения ему не обнаружены. Зеленое дерево не рубили, относились с уважением к нему, как к живому существу, особенно к фруктовому, плодоносящему. Подобное отношение к деревьям существовало не только у многих народов Кавказа, но и далеко за его пределами³³.

Таким образом, с эволюцией жилища изменились почти все элементы его, обусловленные развитием производительных сил, ростом культурного уровня населения. Внутреннее убранство жилой комнаты характерного жилища начала XIX в. существенно отличается от древнего, частично воссозданного нами.

В комнате нет цагура на всю стену, его заменил ящик на ножках, с откидными крышками. Во многих случаях функции ларя для хозяйственных запасов выполняли и диваны для сидения — «халабакI». Нужно отметить, что в Аварии «халабакI» встречаются трех видов: собственно диван, предназначенный только для отдыха и не имеющий ящика; «халабакI», у которого сидение сделано в виде ящика; и диван — ларь, у которого высокая спинка являлась лицевой стороной ящика. Для хранения муки имелись и небольшие сундуки. Как зерно, так и муку старались хранить в нежилой комнате.

Очаг с дымоходом, перенесенный к стене, изменил всю внутреннюю планировку комнаты и освободил ее от дыма. Кухонная утварь и посуда вслед за очагом были перенесены к очажной стене. Появились полки и ниши, предназначенные для посуды; и количество ее заметно увеличилось. Самые мелкие предметы (ложки, вилки, ножи) хранили в поставце — «ГучIалтIам», который висел на стене, сбоку очага.

Вдоль продольной стены внизу делалось возвышение, куда ставили большие сосуды и днем хранили убранную постель.

³¹ С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 217; М.-З. Османов. Жилище цудахарцев в XIX—XX вв. Ученые записки ИИЯЛ, т. IX, 1961, стр. 245; С. А. Токарев. Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 276.

³² М.-З. О. Османов. Жилище даргинцев в XIX—XX вв. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2917, лл. 8—9.

³³ Г. Ф. Чурсин. Авары. Этнографич. очерк. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1570, л. 76.

Выше на стене развешивали оружие, мелкую медную, фарфоровую и фаянсовую посуду, которая почти не использовалась в быту.

Дальнейшие изменения формы и планировки жилища связаны с развитием производительных сил, превращением хозяйства в многоотраслевое, расширением культурных и экономических связей не только внутри Дагестана, но и с Россией, Закавказьем и т. д.

Годы Кавказской войны сильно изменили характер жилища аварцев. Многие селения разрушались по несколько раз, и, естественно, изменялось и жилище. На месте фундаментальных зданий, каковые сохранились в некоторых неразрушенных селениях, возникают небольшие временные постройки. Конец войны создали благоприятные условия в горах для дальнейшего развития домостроительства.

Полное исчезновение потребности в укрепленных поселениях и домах, проникновение в хозяйство капиталистических элементов послужили причиной перехода к новому этапу домостроительства в горах. Глухие, изолированные дома в новых условиях подвергались изменениям, перестройкам. Под влиянием изменившейся политической обстановки и новых экономических условий жилище аварцев существенно перестраивается с учетом хозяйственных интересов владельца. Возникают галереи, балконы, увеличивается число помещений как жилых, так и хозяйственных, которые получили самостоятельное значение.

Как было сказано выше, экономическое укрепление семьи предрасполагало к выделению в доме хорошо убранной комнаты, чему немало способствовало традиционное гостеприимство горца. Гость был почетным лицом в доме и ему стремились создавать максимальные удобства, выполнять все его желания, чтобы он чувствовал себя как дома. В распоряжении гостя предоставлялась лучшая комната, однако специальной кунацкой комнаты у аварцев не было.

Дом, состоящий из двух-трех помещений, был в середине XIX века наиболее распространенным и типичным для среднего хозяйства. Что касается беднейших слоев населения, то их жилью по-прежнему составляло одно помещение. Богатые же семьи строили огромные дома, состоящие из многих комнат.

Убранство жилых комнат, как и вообще жилище бедных семей, резко отличалось от убранства помещений состоятельных хозяев, хотя традиционные особенности стремились соблюдать и бедняки. Разница проявлялась не столько в системе убранства, сколько в количестве и качестве посуды, ковров, постельных принадлежностей и т. д. Огромными размерами, множеством комнат, обстановкой выделяются дома З. Нахибашева, Мавраевых, М. Мамалова, И. Газалиева

в селении Чох Гунибского района, Абашилова — в сел. Согратль того же района, Ф. Дациева — в сел. Чиркей Ленинского района и другие; такие дома стоили огромных средств и, естественно, их могло быть немного.

Существенным элементом жилища этого периода становится открытая веранда. Ее устройство и соединение с жилыми помещениями были самыми разнообразными: в виде лоджии, на выносных балках, кронштейнах, арках, на крыше нижнего этажа и т. д.

Эти же типы и формы жилищ в основном существовали и в начале XX века, хотя под влиянием изменений социально-экономических отношений исчезают многие элементы старого жилища и его убранства, которые заменяются новыми, более совершенными. Однако резкие изменения в жилище и его архитектуре произошли только после Октябрьской революции. Более 50 процентов ныне существующих домов построено после Великой Октябрьской революции, а сохранившиеся добротные, вполне пригодные под жилье дореволюционные дома подверглись модернизации.

Упрочение колхозного строя в Дагестане привело к коренному изменению всей культуры и быта горцев.

Социалистический строй обеспечил широкие возможности для свободного, всестороннего развития личности, для выявления творческих способностей каждого человека, его индивидуальных особенностей и интересов. Все это отразилось и на жилище, домостроительстве.

В развитии современного аварского жилища наблюдается три этапа. Первый этап охватывает период от установления Советской власти до коллективизации сельского хозяйства. Он характеризуется сегментацией жилой площади, увеличением количества хозяйственных помещений, расширением размера двора.

В этот период в основном продолжали существовать с небольшими изменениями формы жилища, выработанные в конце XIX в.

В первые годы после установления Советской власти в Дагестане преобразование быта аварцев происходило хотя и медленно, но повсеместно.

В начальной стадии этого процесса наблюдается стремление приспособить старое жилище к новым общественно-хозяйственным условиям путем переустройства, но в рамках традиционной формы. В первую очередь, эти изменения выразились во внутреннем переустройстве аварского жилища. Окончательно исчезли очаг и камин, вместо них появилась железная печь и это существенно улучшило быт. Появились световые окна со стеклами и большие двери. Заметно улучшилась и обогатилась внутренняя обстановка дома.

Двухэтажный дом, являясь в горных условиях наиболее практичным, обеспечивающим семью хозяйственными и жилыми помещениями, при максимальной экономии земли, получает еще большее распространение. Продолжается расширение хозяйственных помещений и двора, начавшееся со второй половины XIX века. Открывшиеся широкие возможности для роста хозяйства после победы Октябрьской революции отразились на размерах двора и дворовых построек.

Для второй стадии развития современного аварского жилища характерно уменьшение количества хозяйственных помещений и размера двора, устройство деревянного настила и увеличение количества жилых помещений.

Важнейшим событием, оказавшим непосредственное влияние на характер жилищного строительства, явилось образование колхозов в Аварии и обобществление скота. В результате многие помещения для скота и кладовые освободились, ибо одна из важнейших хозяйственных функций жилища потеряла свое значение. В процессе социалистического преобразования аварского жилища это сыграло большую роль в коренном улучшении санитарно-гигиенических условий быта. Сосредоточение экономической жизни в колхозе привело к тому, что часть помещений нижнего этажа стала пустовать, а второй этаж, занятый исключительно под жилье, стал тесен и не удовлетворял потребности семьи. Поэтому часть помещений на первом этаже превратилась в жилые.

Существенные изменения произошли и во внутренней обстановке жилища. Стены парадной комнаты (зала) увешены коврами, паласами, иногда разрисованы масляными красками, появились никелированные кровати, диваны и другая фабричная мебель.

При доме этого периода еще нет усадьбы в прямом значении этого слова, нет двора с плодовыми насаждениями и огородом. Но резкое сокращение площади хозяйственных помещений и изменение назначения двора обуславливают появление приусадебного участка. В прошлом у аварцев огородов и приусадебных участков вообще не существовало. И появление таковых в рамках старого аула было невозможно ввиду тесноты и скученности.

Наиболее существенный этап в развитии аварского жилища начался с 50-х годов. Резкий экономический подъем, преобразование культуры и быта аварцев за последние годы привели к разительным изменениям не только в элементах и деталях жилища, но и в самой аварской усадьбе, в ее планировке.

Если раньше в Аварии господствовала двухэтажная конструкция дома, то сейчас широкое распространение получило одноэтажное здание. Строительство двухэтажных домов стало отступать на задний план, ибо они не всегда стали соответ-

ствовать потребностям семьи. Размещение жилых помещений на разных этажах создавало определенные неудобства в семейном быту, особенно при небольшом числе членов семьи. Свободное расположение усадьбы аварцев позволяет разместить все жилые и хозяйственные помещения в горизонтальной плоскости, но такая планировка имеет свои недостатки, связанные с потерей большой площади ценной земли. Таким образом, вопрос решается самим хозяином — либо он выбирает двухэтажную конструкцию и освобождает участок для сада и огорода, либо выбирает одноэтажный дом и теряет часть участка.

Рассредоточение жилых и хозяйственных помещений, которое стало возможным только в условиях социалистического быта, и явилось совершенно новым явлением для горной Аварии, привело к увеличению жилой площади и позволило улучшить санитарно-гигиеническое состояние дома. Дома снабжены широкими верандами, чаще застекленными и украшенными резным орнаментом. Висячие балконы исчезли совсем, т. к. исчезла порождавшая их причина — скудность.

Крытый двор, обусловленный земельной теснотой, или небольшой открытый дворик, огороженный высокой каменной стеной, рассчитанный на полную изоляцию от внешнего мира, исчезли вообще. Появляется открытая усадьба с насаждениями без каких либо капитальных ограждений. Ограда, предназначенная для защиты двора и изоляции его, уступила место живой изгороди или жердям, которые указывают границы участка усадьбы. Ограда из жердей предназначена для защиты участка от скота, но не может помешать человеку подойти к дому.

Свободная планировка возможна преимущественно в новых кварталах, и многие жители переселяются туда, а оставшиеся в черте старого аула расширяют свои участки за счет ушедших. Такая тенденция сейчас является преобладающей, хотя многие селения еще мало изменились в плане, и дома в них продолжают модернизировать, приспособлявая старую форму к новым условиям.

Отличительной особенностью старой планировки являлось стремление отнести дом вглубь двора, подальше от улицы. Если же дом соприкасался с улицей, то он был обращен к ней глухой стеной. Современные же дома зачастую обращены фасадом, открытой верандой к улице, куда выходят окна и двери всех помещений.

Если раньше для большинства горцев жилым помещением была одна комната, которая служила всем от кладовой и кух-

ни до гостиной³⁴, то сейчас трудно найти дом, где не было бы несколько жилых помещений.

За последние годы большое признание получила капитальная кирпичная печь, рассчитанная на использование каменного угля в качестве основного топлива. Хотя горцы хорошо знают трудности, связанные с его доставкой, тем не менее в Аварии ошутимо усилилась тенденция к строительству кирпичных печей, вытесняющих менее совершенные железные печи, которые в свое время являлись большим шагом вперед в развитии системы отопления.

Появление городской мебели существенным образом изменило интерьер. Каждая вещь в доме приобретает свое определенное место и значение. Во внутреннем убранстве жилых комнат, особенно парадной, существенную роль по-прежнему играют ковры. Иногда встречается своеобразное убранство комнаты, где сочетаются национальные традиции с современной городской обстановкой. Иногда, наряду с никелированной кроватью, диваном, покрытым ковром, круглым столом, книжным шкафом, в комнате сохраняется полочка с расставленной на ней посудой как украшение.

Жилище по-прежнему имеет разные варианты планировки и композиции в зависимости от местных условий и традиций, замыслов хозяина, но господствующим становится один тип — многоэлементное жилище, представленное двумя конструктивными типами: одноэтажными и двухэтажными домами. Количество комнат в современном аварском жилище колеблется в среднем от 3 до 5, в зависимости от числа членов семьи, экономических возможностей и вкусов хозяина.

Многие дома, особенно вновь возводимые, имеют двускатные крыши, покрытые железом или шифером. Но основная масса жилищ имеет по-прежнему плоские земляные крыши.

Почти во всех аварских селениях имеется электричество, которое резко изменило всю систему освещения жилища.

Дома имеют преимущественно три формы: в линию; с одной удлиненной комнатой — «г» = образные; и с двумя выступающими крайними комнатами «п» — образные, независимо от этажности.

Для северных районов Аварии преобладающей формой жилища по-прежнему остается одноэтажный дом, окруженный садом и огородом. Этот тип дома тоже имеет разные формы. В одном случае — это однорядовая планировка комнат с верандой впереди, характерная для большинства домов аварцев, в другом случае — это квадратный дом, где комнаты расположены в два ряда.

---

³⁴ Г. Амиров. Среди горцев северного Дагестана. ССКГ, вып. VII, 1873, стр. 79.

Своеобразным явлением для некоторых одноэтажных домов является высокий фундамент, который получает все большее распространение. Пол жилища приподнят над поверхностью земли на 70—80 см., так что подниматься на веранду нужно по ступенькам. Иногда в целях экономии жилой площади и удобства хранения скоропортящихся продуктов создают подвал, для чего углубляют пол под верандой. Подвал еще не становится помещением, но можно предполагать, что наметилась тенденция к созданию «приподнятого» (полуторазтажного) дома, широко распространенного у даргинцев³⁵ и кумыков³⁶. Интересно, что такие подвалы нередки и в двухэтажных домах. Например, под верандой нижнего этажа двухэтажного дома Насрудина Османова в сел. Цада Хунзахского района, состоящего из 12 комнат (хозяйственная постройка отделена от дома), устроен подвал для хранения овощей и солений. Подобную планировку нельзя объяснить недостатком помещений для припасов (семья Османова состоит из 5 человек).

Таким образом, современное жилище аварцев резко отличается от дореволюционного жилища. Существенно изменилась планировка, господствующей формой стал многокамерный тип жилища, интерьер, и весь характер его изменился в соответствии с изменениями в экономике, быте и культуре аварцев за годы Советской власти.

В целом современное аварское жилище, его планировка, интерьер развиваются на основе образцов старого жилища, сохраняя национальные черты и строительные традиции, выработанные веками, и приспособляясь к новым, постоянно развивающимся культурно-бытовым условиям народа, обусловленными социалистическими преобразованиями в горах и улучшением материального благосостояния колхозников.

* * *

*

1. В целом можно сказать, что аварское жилище было тесно связано с уровнем социально-экономического развития населения. Отсутствие обстановки, предметов обихода, развитых отопительных сооружений обусловлено отсталой формой общественных отношений. Наиболее древней формой аварского жилища являлась однокамерная одноэтажная комната, пережиточно сохранявшаяся до XIX века.

---

³⁵ М. З. О. Османов. Жилище цудахарцев в XIX—XX вв. Ученые записки Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, Махачкала, т. IX, 1961, стр. 250—251.

³⁶ С. Ш. Гаджиева. Народное жилище каякентских кумыков, СЭ, 1953, № 3, стр. 78.

2. В своей эволюции жилище прошло несколько ступеней, характерных для определенных этапов развития семейно-общественных отношений аварцев, оно развивалось от одноэлементного к двухэлементному, и от двухэлементного к трехэлементному и многоэлементному.

3. Тревожный быт горцев, институт кровной мести, постоянные столкновения с соседними народами наложили определенный отпечаток на жилище аварцев XIX в., их следствием были укрепленные дома — крепости, дома с башнями,

4. На размерах, форме, внутренней и внешней отделке жилища лежит отпечаток социального положения домовладельца.

5. Сравнение жилища XIX в. и его элементов с жилищем отдаленного прошлого, известного нам из археологического материала, показывает глубокую преемственность строительных традиций, последовательность в развитии материальной культуры.

6. За последние годы произошли и продолжают происходить резкие изменения в планировке жилища аварцев, в количестве комнат, системе освещения и отопления, в связи с улучшением материального благосостояния трудящихся и их культурным ростом. Особенно интенсивно преобразуется интерьер, его обстановка, элементы.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДАРГИНСКОЙ ТОПОНИМИКИ

(Материалы по названиям селений)

Данная статья не претендует на исследование специально топонимической темы. Последняя является скорее лингвистической темой, нежели этнографической, и поэтому предметом нашей работы быть не может. В нашу задачу входит рассмотрение и увязка собранного нами во время поездок и экспедиций в даргинские районы¹ топонимического материала с вопросами расселения даргинцев, образования и эволюции поселений. Топонимический материал проливает дополнительный свет на этапы образования поселений, являясь еще одним доводом в пользу предложенной нами периодизации расселения даргинцев.

Вкратце эти этапы эволюции расселения даргинцев выглядят так: 1) XI—XV вв. — образование территориально-родовых поселений (ши), постепенно эволюционирующих в территориальные; 2) XVII—XIX вв. — образование чисто территориальных селений (маши, ая); 3) новые поселения советского периода. По полевым материалам мы реконструировали и тип, предшествовавший первому этапу, — родовые² поселки³, однако их названия, с одной стороны, явно легендарны и поэтому требуют специального исторического исследования, с другой стороны — большинство из них являются просто обозначениями ландшафтных особенностей мест расположения их остатков (развалин) и поэтому не являются собственно названиями поселений и должны быть отнесены к ландшафтной микротопонимике. Ввиду всего этого мы не будем на них останавливаться.

Топонимический материал подкрепляет положения о эволюционных этапах поселений двояким образом: во-первых,

¹ Поездки (1959—1960 гг.) и этнографические экспедиции (1961—1963 гг.), организованные Институтом ИЯЛ. Руководитель экспедиции С. Ш. Гаджиева.

² Термин родовой является условным; имеется в виду, что поселки образовывались родственными коллективами, возможно, тухумами.

³ Подробнее об этом см. нашу статью «Поселения даргинцев в XIX—XX вв.» УЗ ИИЯЛ, т. X, 1962.

поселения каждого этапа имеют топонимы, свойственные только этому этапу по своей внешней конструкции, формульности и, во-вторых, что особенно важно, само содержание этих топонимов, особенности их образования указывают на природные, экономические и политические корни возникновения поселений каждого этапа. Иными словами, содержание топонимов каждого этапа имеет свою специфику, которая отражается и в формульности топонимов.

Грамматическая классификация их представляет большие трудности. Это и понятно, т. к. даже при классификации топонимов гораздо более изученных в историческом и языковом отношении народов, имеющих собственную древнюю письменную традицию, исследователи испытывают большие затруднения⁴. Впрочем лингвистическая классификация не только трудна для нас, но и не входит в наши намерения. Мы ставим своей задачей дать только первичную классификацию наших материалов, имеющую целью привести их в некоторую систему.

Исходя из этих соображений, мы разделили все топонимы на две большие группы, соответственно двум крупнейшим этапам образования поселений и конструкции самих топонимов. Эти две группы разделяются, в свою очередь, соответственно своей грамматической формульности и синтаксическим особенностям на подгруппы.

Рассмотрим топонимы каждой группы (пласта) в отдельности.

Одним из самых верных признаков поселений первого этапа является наличие форманта «ши» в самом названии, а также тот факт, что такое селение, какое бы маленькое оно ни было, не называют «махьи». При попытках этимологизировать топонимы поселений этого рода выясняется, что большинство из них этимологизации не поддается, так как представляет слишком древний пласт названий. Другой верный показатель их древности — обилие легенд, связанных с их происхождением, пытающихся объяснить этимологию названия селения. Разумеется, среди этих легенд много и таких, которые являются вторичными, гораздо более поздними попытками объяснить название своего (или соседнего) селения.

Поддающиеся этимологизации названия показывают, что наиболее часто в названиях этих селений подчеркивалось их

⁴ Ср. С. Б. Веселовский. Топонимика на службе истории. «Исторические записки» АН СССР, М., 1945, № 17; А. П. Дульзон. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения. «Вопросы языкознания», 1959, № 4; Б. А. Серебренников. О методах изучения топонимических названий. «Вопросы языкознания», 1959, № 6; В. Н. Топоров. К проблеме классификации в топонимии. «Исследования по структурной типологии», АН СССР, 1963 и др.

географическое или стратегическое положение, внешний вид селения, история его образования или какой-либо факт (событие), связанный с этим селением, его историей.

В грамматическом отношении они подразделяются на две подгруппы.

1. В первую подгруппу входят первичные имена (как правило, апеллятивы) без специальных топонимических формантов, в большинстве случаев утерявшие первоначальный смысл и поэтому трудно поддающиеся этимологизированию. Иногда у них возможны форманты, но заостеневшие и как таковые не воспринимающиеся; нередко это бывают адитивы (Губдани, Цугни и др.). В некоторых случаях мы встречаемся с попытками народной этимологии как бы ономастизировать топоним-апеллятив, связать его с личностью-основателем. Поскольку этимологизирующиеся названия показывают подавляющее превосходство топонимов не ономастического, а топографического характера, следует, видимо, признать, что большинство преданий ономастического толка в этой подгруппе носит вторичный характер и возникло из стремления объяснить происхождение селения. Это, конечно, не исключает возможности существования здесь ономастических топонимов, которые своим содержанием и формой отражают факт связывания происхождения этого селения с отдельной личностью.

Говоря в целом о всей подгруппе, можно предполагать, что в ней находится наиболее древний пласт даргинских топонимических названий. Об этом свидетельствуют косвенным образом обилие преданий и легенд о происхождении селений, трудная поддаваемость этимологизации, заостенелость названий и т. п.

II. Для второй подгруппы топонимов характерна сложная (двучленная) синтаксическая группа, как правило, детерминативного характера. Нередко двучленная группа сращивается (это общая тенденция), превращаясь в двучленную композицию, являющуюся одним из признаков древности топонима.

Определяемым нередко служит слово «поселение» (ши, ая), т. е. название селения образуется из сочетания, в котором дается какая-то характеристика, подчеркивается определенная особенность поселения (Дибгаша — Крепкое селение).

Остановимся на топонимах обеих подгрупп конкретнее:

I. Первичные топонимы (апеллятивы).

1. АштЫ (Ашты, Дахадаевский район).

По местным преданиям, название произошло от слова иштУ (здесь) следующим образом. Группа людей в Кубачи, которым угрожало физическое уничтожение, бежала ночью из селения. Чтобы сбить со следа преследователей, они подбили копыта коней подковами, обращенными в обратную сторону.

Когда беглецы дошли до места, где ныне находится аул, они сказали: здесь — иштҮ (остановимся, поселимся). Отметим, что селение Ашты является одним из двух селений (второе Сулевкент), язык которых является кубачинским.

2. Бутри (Бутри, Акушинский район).

По преданию, название происходит от слова «батур» (оставили). Связывается это с временами Надир-шаха. Когда его войска проходили через даргинские земли, то миновали этот аул. Человек, наблюдавший за движением войск, увидев это, стал кричать — батур, и с тех пор аул получил название от этого слова.

Бутри принадлежал раньше к Усишинскому союзу, но был тесно связан и с сюргинцами. Поэтому здесь сложилось еще одно любопытное предание, имеющее антиакушинскую направленность. Вероятно, оно сложилось в то время, когда Бутри и окрестные селения вышли из Акушинского союза. По этой легенде селение Акуша основано ханом, который был изгнан из Бутри. Причиной изгнания послужило то, что хан стал выпускать свой скот пастись на сельское кладбище. В результате конфликта хан потерпел поражение и бежал, причем бежал на место нынешнего аула Акуша и основал там селение. Звали этого хана Акуш, откуда и название селения.

Таким образом, налицо явное стремление подчеркнуть, во-первых, большую древность Бутри в сравнении с Акуша, во-вторых, независимость Бутри и отсутствие связи между названиями Акуша и словом ахъу (в значении — главный).

Что касается названия самого Бутри, то здесь мы имеем, видимо, некоторую натяжку. Дело в том, что сел. Бутри расположено в конце узкой долины, упирающейся в хребет, и как бы охраняет вход в ущелье. Вход в ущелье, долину и вообще всякий вход или выход называется «барт», откуда могло получиться «бутри».

3. Барсит (Варсит, Кайтагский район).

Название связывается со словом войлок, бурка (варси). Рассказывают, что нагорные кайтагцы жили раньше на плоскости и были впоследствии вытеснены в горы пришельцами. Это могло иметь место до арабских завоеваний и нашествий тюркоязычных кочевников. Последние и вытеснили часть местного населения в горы. По преданию, люди, основавшие Варсит, жили в первое время под бурками и поэтому селение получило название Варсит. Фактически основатели, видимо, жили в войлочной юрте, которая распространилась на плоскости и могла быть заимствована местными жителями и принесена с собой как временное жилище.

Предание о Варсите также как и о селениях Тама, Цудахар и др. интересно тем, что указывает на заселение в прошлом даргинцами плоскости.

4. Губдани (Губден, Сергокалинский район).

Название связывается с именем легендарного старика Губдена, о котором имеется целый цикл преданий, причем ряд из них посвящен нашествию Тимура и взаимоотношениям Губдена и Тимура⁵.

Губден расположен у самого выхода из гор. Герга и Хала Херк (слившихся недалеко от него). Тем самым он закрывает один из проходов с плоскости в горы — и наоборот. По преданию, на землях Губдена было очень много небольших селений (родовых поселков), которые объединились по инициативе Губдена, главы одного из селений. Главный довод, который он приводил представителям селений, — необходимость обороны. Положение Губдена, остатки средневековых оборонительных стен, опоясывающих его на огромном протяжении (главным образом ограждая от плоскости), отнесение образования селения к XIV в. — времени жестокого погрома, который Тимур здесь учинил, название одной из крепостных стен, носящей имя Тимура, — все это в определенной степени позволяет предполагать наличие достоверных элементов в этом цикле преданий.

В них приводится и название селения, находившегося на месте центра нынешнего селения, которое после того, как вокруг него объединились остальные селения, получило название Губден. Оно называлось БяхІру-Къадар, что можно этимологизировать в следующих вариантах: 1) в гористом (имеющем много склонов) ущелье; 2) гористый — овражистый; 3) с покатым склоном — овражистый; 4) в ущелье с покатым склоном. В двух последних случаях в слове БяхІру должен быть в конце еще один звук г (БяхІ-руг-Къада-р). С топографической точки зрения вероятность всех вариантов довольно реальна — все зависит от того, что выпячивали основатели селения при определении этой местности (гористость, овражистость, покатость склона или само ущелье). Нам кажется, что четвертый вариант является наиболее приемлемым как с грамматической, так и топографической точки зрения.

5. ГьярцІа (Карацан, Кайтагский район).

Селение возникло на узком продолговатом холме и при росте сильно вытянулось в длину, т. к. никто не хотел сходиться с холма. От этого своего вида селение и получило название (гьярцІа — узкий). Разумеется, теперь оно разрослось во все стороны.

6. Дибгалихъ (Дибгалик, Дахадаевский район). Название произошло от слова дибга — крепкий, неприступный, дибга-

---

⁵ Ср. А. Бакиханов. Гулистан-Ирам, Баку, 1926, стр. 65; Г. Алкадари. Асари Дагестан, Махачкала, 1929, стр. 30 и др. Правда, почти все они ошибочно считают Губден кумыкским селением.

лихь — на неприступном (находящийся). Селение полностью оправдывает название, являясь одним из самых неприступных даргинских селений (на выступе, у слияния рек, с трех сторон пропасть, с четвертой стороны — крутой склон).

7. ДугIахъар (Дуакар, Дахадаевский район).

Об образовании этого селения имеется одно из любопытнейших преданий. Примечательная особенность этого селения состоит в том, что, во-первых, здесь очень четко можно проследить оба этапа образования поселений, во-вторых, предание об образовании селения тесно связывает его с другими селениями. По преданию, основатели аула пришли из селений, находящихся в местности Техъва, недалеко от нынешнего кумыкского селения Кака-Шура (кстати, это название тоже этимологизируется исследователями из даргинского языка — къакъа — теснина, ущелье, Шура — скала, или озерцо). Оттуда вышли три человека и ушли в горы. Перед хребтом «лес» они расстались и каждый пошел своим путем. Один из них основал Урахи, второй — Уркарах, а третий — Дуакар. Названия Урахи и Уркарах сложились, якобы, от поведения их основателей после расставания, а Дуакар так назван потому, что его основатель забрался дальше всех от родных мест и являлся изгоем (дугI ахъиз — уйти на все четыре стороны, в изгнание, дугIрухъ — изгой, изгнанник, отколовшийся).

Обращает на себя внимание тот факт, что предполагаемая родина дуакарцев находится в таком месте, которое во многих аулах считается местом пребывания их предков и вообще даргинцев, а также то, что это место находится недалеко от земель Кадара и Губдена. Между тем предания этих селений соприкасаются. В Кадаре основателем аула считают брата Губдена, в Губдене и во многих селениях, в том числе соседних аварских, место старого Губдена указывают там же, где дуакарцы указывают свою родину; и еще, предания Дуакара и Кадара смыкаются в легенде об одежде с тремя штанинами, с помощью которой враг узнал число жителей селения, после чего смог хитростью разорить его.

Другая сторона — четкость этапов расселения. Дуакар имеет много отселков, все они называются «махьи», и, что замечательно, образование и рост их связывается с ростом производительных сил и необходимостью охраны земель. По отношению ко всем этим махьи главное селение выступает своеобразным центром и, как и в других таких объединениях (Акуша, Цудахар) называется ши (чаще всего именно без названия).

8. Къадар (Кадар, Буйнакский район).

Об образовании Кадара также существует много преданий. По одному из них, селение основали три охотника Чигра-Али, Ала-Элдар и Ата-Узи, приходившие в эти места охо-

тяться из сел. Кадар-Юрт, расположенного на Аркасе, напротив селения Дуранги. Найдя на этом месте пруд, хорошую поляну, они сказали: «зачем нам ходить на охоту так далеко, давайте поселимся здесь».

По-другому преданию, название Гъадар — это видоизменившееся Хазар. Согласно этому преданию, самыми древними селениями в Дагестане являются селения Хазар, Гелубахъ (Чир-Юрт) и Охлы.

По третьей, самой распространенной версии, название произошло от имени основателя селения — Гъадара, являвшегося братом Губдена. Некоторые обстоятельства говорят в пользу наличия определенной общности в происхождении и дальнейшем развитии Кадара и Губдена. Прежде всего это языковое единство, довольно сильно ощущаемое. Затем — соседство владений этих селений и взаимное пользование угодьями (с большей зависимостью Кадара, т. к. у него меньше пастбищ и леса).

Есть еще одно важное обстоятельство: в уже упомянутом нами названии старого Губдена вторая составная часть полностью тождественна с названием рассматриваемого селения (Къадар—БяхъИру-Къадар). Так как в названии Губдена первая часть почти исключает ономастическое происхождение второй части (о человеке не скажешь — гористый), то и в данном случае слово Къадар, надо полагать, означает географическую расположенность селения (в ущелье, овраге, впадине, долине). Расположение Кадара именно таким и является, если его рассматривать в большом плане: т. е. селение расположено на холме, который находится в глубокой впадине по отношению к окружающим горам.

Возможен и другой вариант, предполагающий большую древность Кадара по сравнению со старым Губденом. В этом случае название БяхъИру-Къадар должно было быть производным от Къадар и подчеркивать топографическое отличие этого Кадара от старого (причем независимо от того, является этимология названия старого Кадара топографической или ономастической). Принимая во внимание тот факт, что в даргинской топонимике мало названий ономастического характера, а те, которые имеются в отличие от русских редко эллиптичны⁶ и являются почти обязательно двучленными детерминативными конструкциями (Хожала ая — отселок Хожи; Шахбанламаши — отселок Шахбана, АхИмадла ши — селение Ахмеда), мы думаем, что и в данном случае мы имеем дело с топонимом географического (топографического) происхождения.

9. Киша (Киши, Дахадаевский район).

⁶ Ср. Б. А. Серебренников. Указ. соч., стр. 39.

Предание объясняет это название довольно любопытным образом: при вопросе о том, из какого человек селения, ему говорят — кишан сайри — какого селения есть. Данное селение собралось из многих селений и поэтому здесь частица ки употреблена в смысле — из многих неопределенных (селений) — Киша — из нескольких селений, из каких-то селений.

10. Къуппа (Куппа, Левашинский район).

По преданию, на самом высоком месте селения был какой-то сводчатый купол, от которого селение получило свое название (къуппа — купол). Думается, что это вторичная, поздняя народная этимология. Дело в том, что в самом центре селение обрывается, что происходит из-за глубокого речного обрыва. Однако схема построения селения, единство архитектурного ансамбля обеих частей селения дают основание полагать, что раньше эти половины соединялись между собой над обрывом, а это могло осуществляться только при помощи свода. Не исключена возможность, что здесь при возникновении селения был естественный свод и именно над этим предполагаемым сводом находится центр селения, его древнейшая часть. Близко подходящие друг к другу стены ущелья при первом же взгляде наталкивают на мысль о существовании такого свода.

11. МикхІя (Мекеги, Левашинский район).

✓ Название этого селения также связывается с именем его первооснователя, которого звали МикхІян. В предании любопытным является связывание этой личности с личностью Губдена, которому он приходится братом. Таким образом, перед нами еще один факт (наравне с преданием Кадара) связывания происхождения селения с Губденом. Заслуживает внимания, что Мекеги также соседствует с Губденом и что язык его тоже родственен губденскому. У мекегинцев и губденцев практиковалось также взаимное пользование угожьями. Однако, как и в случае с Кадаром, следует указать, что пользование это было нужнее Мекеги, чем Губдену. Поэтому можно предполагать, что мотивы о родстве с Губденом основателей Мекеги и Кадара являются поздней попыткой обосновать в какой-то степени свою заинтересованность в экономических связях с Губденом. Некоторую убедительность этому предположению придают следующие обстоятельства: во-первых, о родстве этом не имеется никаких намеков в преданиях об основании селения у губденцев; во-вторых, в каждом из этих селений говорят только о родстве основателя их селения и Губдена, и ни в одном нет предания, объединяющего происхождение всех трех селений. Наличие такого объединяющего предания, особенно в Губдене, придало бы гораздо большую достоверность мотивам об общности происхождения этих селений.

Возможно, что существует этимология названия, связанная с топографией селения. Так, не исключена возможность участия в образовании этого названия слова мик, миг (дуб) и слов хяр, хІяр (откос) или хІена (скала, скальная плита) — Микла хяр (Дубовый откос), Микла хІена (Дубовая скала). Селение Мекеги стоит на больших скалах, на которых когда-то были большие дубовые леса. Остатки этих лесов в виде густых дубовых рощ имеются почти рядом с Мекеги и сейчас.

12. Тама (Тама, Кайтагский район).

Селение располагалось на лесистом отроге у бурной и очень шумливой (особенно в этом месте) реки Уллучай. По причине постоянного гула, создаваемого рекой, и слышного днем и ночью, селение называли Тама — шум, гул. В определенной степени селение действительно заслуживало этого названия. Ныне аул переселен на плоскость.

13. ХІинтІа (Гинта, Акушинский район). Буквально означает — скирда. Как гора, на которой расположено селение, так и облик селения, его общий вид очень напоминают конусообразную скирду нагорья. Возможно, первоначально так называлась похожая на скирду гора, а потом, как это обычно бывало, название передалось основанному на этой горе селению.

14. Цугни (Цугни, Акушинский район). По преданию название произошло от слова цуг — ровно, середина. Селение расположено, примерно, на середине склона хребта, разделяющего сюргинцев и акушинцев. Вероятно, вначале это было название урочища.

15. Цудахъар (Цудахар, Левашинский район).

Об этом названии имеется любопытнейшая легенда. Оно произошло, якобы, от тюркского слова Суахар (водопад), причем указываемое место старого селения действительно находится над водопадом⁷. Возможно, название селению (и месту) было дано во время похода Тимура в нагорный Дагестан.

На наш взгляд, этимологизация слова Суахар является поздней, вторичной и объясняется обычной попыткой народа этимологизировать название своего селения. Не исключена возможность, что первичная этимология была утрачена во время нашествия и разорения. В пользу этого говорят некоторые обстоятельства: 1) Старое, средневековое поселение, из которого бежали, по преданию, два брата с сестрой и ее женихом, и которое находится у водопада, отстоит от местоположения Цудахара более чем на 20 км. А в топонимике очень редки случаи, когда выходцы из селения, тем более такого,

⁷ Более подробно о преданиях об основании Цудахара см. вышеназванную нашу статью.

из которого они вынуждены были бежать, дали бы своему новому месту поселения название старого своего селения. А около самого Цудахара такого водопада нет. 2) Вся остальная микротопонимика не дает примера тюркского происхождения.

Возможно, и в этом топониме имеются топографические корни, но найти их сейчас довольно трудно. Возможны несколько вариантов этимологизации, но все они не базируются на конкретных особенностях местоположения села или местности: ЦУ-дахъ (много зерна), ЦУдар-хъар (Черная вершина), Цидар хъар (хвойная, еловая вершина — хвойные, действительно, были). ЧУдаг хъар⁸ (раздвоенная вершина — селение занимало всхолмленность, заканчивающуюся двумя холмами). Возможно, что в образовании топонима участвовало слово ахъ — высокий. Но все эти предположения невозможно аргументировать. Более обстоятельное и близкое знакомство с микротопонимикой может быть прольет свет на этот вопрос.

II. Сложные топонимы (синтаксические группы и композиты).

1. Абдал гІяя (Эбдал-ая, Левашинский район). ГІяя подаргински означает пустырь вокруг дома, «загон», «выгон» (видимо, от гІяй — распространиться, пастись, разбрестись). Однако в топонимах мы довольно часто встречаем слово гІяя в качестве синонима слова ши (селение) или маши (отсенок, хутор). В то же время самостоятельно, вне топонима, слово гІяя выступает только в своем первом, основном значении и синонимом слова «поселение» не является. Обилие этого компонента в топонимических названиях наряду со специфическим содержанием, получаемым им в топониме, позволяет думать, что его присутствие в топониме имеет определенные исторические корни. По всей вероятности в эпоху образования территориально-родовых и территориальных поселений большую роль в хозяйстве даргинцев играли такие загоны (выгоны) — гІяя, на месте которых часто возникали селения. В связи с этим укажем, что гІяя означает именно загон (выгон), как правило, сопутствующий жилищу или пахотным угодьям, и используемый, главным образом, для выпаса рабочего скота. В то же время пастбища, используемые для выпаса больших отар овец или стад специального названия не имеют и называются дабури (гора). Все это является еще одним доводом в пользу высказанного нами раньше положения о том, что хозяйство даргинцев в эпоху образования террито-

---

⁸ На тенденцию замены в даргинском языке шипящих свистящими указывает Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, стр. 91.

риально-родовых поселений носило земледельческо-скотоводческий характер, с преимущественным разведением крупного рогатого скота, используемого на земледельческих работах (как одной из его главных функций).

Возможен и другой вариант — возникновение поселений на пустырях, развалинах, которые иногда называются ая, но он почти исключается, так как непосредственное знакомство с селениями, названия которых содержат компонент гIяя, показывает, что они возникали на местах угодий, а не развалин.

Слово абдал обычно ассоциируется со словом «глупый», «безумный» (абдал) и нередко название селения так и осмысливается. Однако нам кажется, что слово абдал — это видоизменившееся благодаря выпадению звука (синкопе) слово абад, абадил (вечность, вечный).

Можно предположить, что до возникновения селения это место являлось угодьем, пожалованным кому-то в абад (т. е. навечно), и называлось абадла гIяя или абадил гIяя (навечно пожалованный выгон), а потом, как это происходило очень часто, название угодья перешло на селение, возникшее здесь, и сохранилось за ним.

2. Ахъуша (Акуша, Акушинский район). Один из наиболее частых примеров, когда определяемым выступает само слово «поселение» (ши). Ахъу — означает «наверху», «верхний», ша — это направительная форма (адитив) от «ши», название в целом переводится как «Верхнее (наверху расположенное) селение». Это очень точно передает расположение старого селения Акуша на местности, которое находилось на крутом, обрывистом холме, резко выступающем над долиной и имеющем платообразную поверхность. Если бы аул лежал на склоне, он не был бы «расположенным наверху», а просто тянулся бы по склону, а тут крутые склоны без домов плато наверху и на нем селение.

По поводу адитива следует сказать, что в названиях даргинских селений это очень частая форма. Причины этого нам неясны, возможно в этом сыграло роль то обстоятельство, что в повседневном обиходе были более употребительны косвенные падежи.

3. АхIмадла ши (Ахмедкент, Кайтагский район) «селение Ахмеда». По преданию, селение основал некто Ахмед, выходец из одного из двух соседних селений, переставших существовать в результате какого-то бедствия. Развалины этих селений существуют и поныне. По преданию, Ахмед покинул одно из этих селений и ушел в лес. Здесь, в лесу, у найденного им родника он поселился и постепенно вокруг него собрались уцелевшие жители разоренных селений. В честь первооснователя селение и получило свое название.

4. БаршамагIи (Баршамай, Кайтагский район). Топоним образовался сращением названий двух слившихся близлежащих селений — Барша и МагIи. Первое могло возникнуть как от Барг-ша (селение в ложбинке), так и от барш — склон, ложбина. Второе означает — боярышник и связывается с обилием его кустарников в этой местности.

5. ДейбукI (Дейоук, Дахадаевский район).

Этимологию этого названия мы также находим в предании, согласно которому в доисламские времена в двух соседних соперничающих селениях Уркарах и Дейбук было два брата-правителя. Башни их были построены таким образом, что с одной всегда было видно другую. Во времена исламизации Дейбук принял ислам раньше, и поэтому ему было отдано предпочтение перед Уркарахом. Он получил право третейского судьи при возникновении каких-либо тяжб или споров между отдельными селениями округа. Это обстоятельство вызвало возникновение названия Девла бекI — ДевбекI — ДейбукI, буквально означающее «Голова слова», «Глава клятвы».

6. Дибгаши (Дибгаши, Дахадаевский район).

Название скорее всего произошло от стратегического положения селения, расположенного в неприступном месте, и означает «Крепкое селение» (дигба — крепкое)⁹. Любопытно отметить, что В. Минорский считает Дибгаши важным стратегическим пунктом даргинцев, исходя только из источниковедческого и картографического анализа места расположения этого села¹⁰.

7. Лаваш (Леваши, Левашинский район).

По объяснениям местных старожилков название возникло от внешнего сходства селения с голубем, или гнездом голубя (лагья — голубь, лагья ши — лаваша — голубь-село). Старая, центральная часть аула, расположенная на небольшом круглом холме, действительно напоминает в какой-то степени гнездо голубя.

8. Мурего (Мюрего, Сергокалинский район).

Название объясняют обстоятельствами возникновения селения. Рассказывают, что селение вначале не располагало своими землями и потому получило название «безземельного», «безместного» (мер — место, агар — не имеющий, отсутствующий, мер агар — места не имеющий).

До революции у мюрегинцев действительно было мало земель (сравнительно с соседними селениями). Кстати сказать в Акушинском районе тоже существует селение, получившее

---

⁹ Ср. К. Ф. Ган. Опыт объяснения кавказских географических названий. СМОМПК, XI, Тифлис, 1909, стр. 49.

¹⁰ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. ИВЛ, М., 1963, стр. 139—140.

название по тем же мотивам (Меракк = мер + акк, сокращенная форма, частая при сращениях двучленных конструкций — композитах).

9. Уркарахъи (Уркарах, Дахадаевский район).

Объяснения этого названия в преданиях не имеется. Возможно, что оно возникло от слов урркар — в середине, в центре и ахъ — высокий. Такое объяснение с достаточной точностью отвечает местоположению Уркараха, особенно его старой части, которая расположена на резко выступающем гребне, выдвигающемся из хребта торчащим высоким клином и круто обрывающемся. Гребень этот и само селение видны за десятки верст. Таким образом, топоним может быть истолкован как «в середине высокий», или «в середине возвышающийся».

10. Усиша (Усиша, Акушинский район).

Имеются два варианта объяснения названия. Первый (упомянутый у К. Ф. Гана¹¹), имеет географический, топографический характер и производит происхождение названия от слова уси-ларь, Усиша-Ларь-селение. Такое название имеет под собой некоторую почву: селение напоминает вытянутый ларь, когда смотришь на него снизу, от подножия, вверх. Другой вариант объяснения географического названия заключается в том, что селение находится в конце небольшого ущелья и до входа в ущелье его не видно. Так как в даргинском языке выражение «в ларе» означает спрятаться, скрыться, то и название селения могло быть такого же рода: «в ларе находящееся селение», «скрытое в ларе селение», «как в ларе скрытое селение» и т. п. Этот вариант нам кажется наиболее правдоподобным.

Третий вариант носит более топографический характер: название селения связывают с названием Акуша. Если там Акуша, то почему здесь не может быть Убси ша (Нижнее селение, Внизу расположенное селение). Этот вариант подходил бы в том случае, если бы Усиша было расположено в низине, или, если бы были какие-то факты, подтверждающие, что Усиша основан выходцами из селения, находящегося под старым Акуша (т. е. на месте центра нынешнего Акуша, в долине). Но старый Усиша был расположен именно на самом верху горы, ныне даже не заселенном, является довольно древним селением, и каких-либо оснований к тому, чтобы считать его основанным выходцами из долины Акушинки, не имеется.

Название Убси ша было бы справедливым в том случае, если бы мы придали названию Акуша не географический, а общественно-исторический смысл: Акуша — Главное селение

¹¹ К. Ф. Г а н. Указ. соч., стр. 142.

(слово ахъу имеет в языке и такой смысл — главный, предводительствующий). Поскольку Акуша действительно был долгое время главенствующим селением части даргинцев, такая этимология имеет некоторые основания¹².

При этом условии было бы понятным и толкование названия Усиша как «Подчиненное селение». Но нам кажется, что географическое толкование более достоверно.

11. Ходжала ая (Хаджалмахи, Левашинский район).

По преданию, это селение основал некто Хожа (Хужа), выходец из Цудахара, отчего оно и получило название — отселок Хужи, хутор Хужи. Само нынешнее селение не является старым, оно относится ко второму из указанных нами этапов, но не исключена возможность, что на месте нынешнего селения, ввиду его исключительно выгодного расположения на узле дорог в селения Казикумух, Акуша и Аварию, был небольшой хутор странноприимного характера. Недаром, по преданию, Хожа вначале оставил основанный им отселок, по причине обилия гостей, которые разорили его. Понадобилось специальное решение общины об увеличении его владений, чтобы снова вернуть его на это место.

12. Хола ая (Уллу-ая, Левашинский район).

Название произошло, по преданию, от того факта, что здесь был в давние времена большой загон (или выгон), принадлежавший какому-то хану (хола, хула — большой). Кумыки называли его Уллу-ая, скалькировав первую детерминативную часть топонима, а вторую, определяемую, оставив без перевода. В результате получилось гибридное название. Это нередко случается в тех случаях, когда второй, определяемой частью является апеллатив — селение (махьи или ая). Видимо, этот факт объясняется тем, что кумыкское название тоже было дано тогда, когда здесь был именно загон, а потом оно тоже было перенесено на возникшее здесь селение. Ибо, когда кумыки имеют дело с устоявшимся названием именно селения (а не уголья), они калькируют и апеллатив — селение (АхИмадла ши — Ахмедкент).

Не исключена возможность, что это положение с названием Хола ая отражает былые экономические и политические связи с кумыкскими феодальными владетелями. Видимо, не случайно, что здесь же имеется еще несколько топонимов с тюркским элементом кент (Наскент, Сусакент, Бархакент и др.), преобразованных из даргинского кунт. Есть и другой момент — в ряде селений (даргинских и аварских) этой округи указывают на факт принадлежности некоторых горных пастбищ кумыкским феодалам. Возможно, тщательное изуче-

¹² Именно такое толкование встречаем мы у К.Ф. Гана. Указ. соч., стр. 6.

ние этого района пролило бы свет на некоторые вопросы социально-экономической и политической истории даргинцев (и соседних аварцев), пока же мы должны ограничиться этими замечаниями.

Что касается того, что официальным названием селения стало кумыкское, то это объясняется тем, что русские больше общались с кумыками и усвоили многие названия в переложении кумыков. Таких случаев, когда русские усваивали кумыкские названия дагестанских селений, превращая их в официальные названия, было немало (Кахабросо — Ахкент, ЦунрегIе — Ташкопур, Хъар-махи — Кара-махи и др.).

13. ХудуцI (Худуц, Дахадаевский район).

Этимология этого топонима довольно неожиданна и мы приводим ее в качестве любопытного примера народной этимологии. По преданию, название селению дали заблудившиеся путники. Они долго блуждали по горам и неожиданно обнаружили селение. Один из них воскликнул — худе (собаки), другой — ца (огонь), и впоследствии это название как будто бы укрепилось за селением, только оба слова слились в одно Худе-ца — ХудуцI.

Некоторую убедительность этой этимологии придает тот факт, что селение, действительно, внезапно появляется из-за поворота, когда на него смотришь, идя по противоположной горе.

14. Хуршни (Хуршни, Дахадаевский район).

Название селения производится от двух слов — Хула и ши (Большое селение). Согласно преданиям это небольшое селение было в прошлом самым большим и главным селением в округе и поэтому получило такое название.

Следует указать, что название Хула ши (и просто ши) довольно употребительно у даргинцев, когда идет речь о больших селениях, выходцы из которых основали ряд отселков. Чтобы подчеркнуть отличие его от отселков, выросших до больших размеров, говорят — из «большого селения», чаще всего подразумевая первичность этого селения. Так, довольно распространено было употребление термина «хула ши» и «ши» в отношении селений Акуша и Цудахар. Например, цудахарец, услышав от собеседника, что тот акушинец, переспрашивал «Хула шилла»? (Большого селения), т. е. «из самого Акуша?» То же самое мог услышать и цудахарец и поэтому вторым ответом он или подтверждал, что он из «самого» селения, или объяснял, что он акушинец (цудахарец), но не из «самого», а из такого-то селения.

В этом смысле можно считать вероятным, что Хуршни, являясь таким селом, утратило свое первоначальное название и сохранило только то, которое подчеркивало, так сказать, его первородство. Отметим, что даже сейчас жителей Хуршни

часто называют хула шанти (жители большого селения, великосельчане).

15. ХІябшима (Гапшима, Акушинский район). От слов хІябал (три) и ши (селение). Образовалось в результате слияния трех близлежащих сел.

Таким образом, разбор названий поселений первого этапа показывает, что и здесь господствует общее правило топографичности топонимов, а вместе с тем имеется много названий, не поддающихся этимологизации и объясняемых с помощью исторических преданий и легенд.

Топонимы поселений второго этапа, приходящегося на XVII—XIX вв., значительно отличаются от них. Здесь гораздо более велик этимологизируемый слой, многие из них еще несут в себе просто названия определенных ландшафтных пунктов, угодий и т. п.

Количество топонимов ономастического характера очень невелико и в этом пласте. Казалось бы, у дагестанцев, где еще в XIX в. пытались находить формы патриархально-родового строя, и, как часто считалось, тухумы составляли отдельные селения или кварталы, где была велика роль тухумов и т. д., надо было ожидать обилия топонимов ономастического характера. То, что этого нет, и особенно в поселениях XVII—XIX вв., является еще одним доказательством того, что эти селения являлись чисто территориальными. Неонамастичность даргинских топонимов является одной из наиболее характерных их особенностей и чем ближе к нам, тем ярче она проявляется. В этом отличие даргинской топонимики, например, от русской, где 50—60 процентов топонимических названий происходит от имен и фамилий¹³.

Видимо, большую роль в этом сыграло то обстоятельство, что русские поселения находились во владении отдельных людей — крепостников, от которых и получили названия многие деревни. А раз уж была традиция называть по именам, то она часто преобладала и там, где этих владельцев не было, а были первооснователи и т. п. В Дагестане же таких владельцев селений не было, а сам характер местности, ее пересеченность, разнообразие и многочисленность мелких угодий привели к дробным наименованиям их, а важность и насущность этих угодий приводили к тому, что названия угодий переносились на селения, возникшие на них. Особенно четко эта особенность видна на поселениях XVII—XIX вв., которые возникали в результате развития производительных сил, освоения новых земель и окончательного распада патриархальных семей.

---

¹³ С. Б. Веселовский. Топонимика на службе истории, стр. 40.

Более четко выделяются в этом пласте и грамматические категории топонимов, хотя сама формульность их, классификация почти та же, что и в топонимах первого пласта. При чем надо иметь в виду, что конечный элемент (формант) в топонимах этого пласта нередко нейтрализуется приставкой слова махьи. Этим подчеркивается, что данное селение, возможно, даже крупное, является отселком, а не самостоятельно возникшим поселением. В других случаях элемент махьи не прибавляется (хотя он всегда подразумевается), особенно в многочисленных топонимах детерминативного характера. Это объясняется тем, что в двучленных топонимах махьи выступает как определяемое и поэтому, когда — есть одно определяемое (Шинкьбала кьада — Мельничное ущелье), другое уже только мешает. Элемент махьи этой своей ролью отличается от элемента ши, который мы часто видим слившимся с названием, ставшим его составной частью, превратившись в конечный элемент. Поэтому наличие элемента ши в топониме уже является достаточным доказательством древности селения.

Можно выделить три главные подгруппы в топонимах второго пласта (махьи), различающиеся по своей форме:

I. Первичные топонимы (апеллятивы) с нулевым формантом. К ним же примыкают названия во множественном числе, не имеющие другого показателя кроме признака множественности. В этой группе наиболее часты случаи употребления названия вместе с элементом махьи, который является определяемым своеобразной детерминативной конструкции эллиптического характера (Кабка-махьи — Скаламахьи, т. е. «Отселок, расположенный на скале», «Скалистый отселок»). Эллиптичность заключается здесь в том, что отношения между определяемым и определяющим не выражены полностью грамматическими средствами (тогда было бы — Кабкала-махьи) и поэтому эту конструкцию можно, видимо, называть соположением.

Топонимы во множественном числе, напротив, очень редко сочетаются с приставкой махьи и являются эллипсисами, наподобие русских — Барсуки, Березники, Дубровицы и др.

II. Топонимы вторичные, с формантами направительного падежа (адитивы). Уже сама грамматическая конструкция топонима предполагает обстоятельственный характер его содержания — направительная форма предполагает движение к определенному месту (Инзи — к роднику).

III. Топонимы третьей группы являются, пожалуй, наиболее многочисленными. По форме это сложные синтаксические группы детерминативного, классифицирующего, описывающего характера. Выражены они, как правило, субстандивным (Шинкьбала када — Мельничное (Мельниц) ущелье) или

адъективным (Хъанџа къркъа—Синий камень), детерминативным оборотом или же обстоятельственным (места) оборотом (Къасса Гу — Под террасой).

К этой же группе примыкает небольшое число топонимов ономастического характера, являющихся детерминативными оборотами, в котором определяется слово махьи. Но в отличие от первой подгруппы, являющейся эллиптической конструкцией, ибо синтаксические связи не выражены в ней грамматическими средствами полностью (махьи определяется существительным в именительном падеже—Кабка-махьи—Скала-махьи), здесь определением является имя в родительном падеже, придающее обороту смысл принадлежности (Шах-банна махьи — Махи Шахбана). ✓

Рассмотрим каждую подгруппу в отдельности.

1. Первичные (апеллятивы).

1. Айнурубн (Айнурубн-махьи (м), Сергокалинский район), множ. число от ая. Отселок вырос на месте многочисленных загонов.

2. Ая-Махьи (Ая-м, Сергокалинский, Акушинский районы) — Отселок (о) на ая.

3. Жжанга — м (Джанга-м, Левашинский р-н) — отселок на солонце, (жжанга — солонец, солончак).

4. Кабка-м (Кавка-м, Акушинский р-н), Скала-м, отселок, на скале.

5. Къада-м (Када-м, Акушинский р-н) — отселок, в ущелье, къада — ущелье.

6. Къакъа-м (Кака-м, Левашинский р-н) — отселок, в теснине (къакъа — теснина).

7. Къярд-м (Кард-м, Сергокалинский р-н) — отселок, на обрыве реки. Имеет он еще одно название — Бару-къала — крепость с (крепостной) стеной (бару — крепостная стена). Оба названия отражают реальные отдельные стороны поселения.

✓ 8. Мукьи-м (Муки-м, Дахадаевский р-н) — отселок расположен на краю большой террасы (мукьи — край).

✓ 9. Сана-м (переселены на плоскость) — отселок, на теновом склоне (сана — теневой склон).

10. Ттар (Тарли-м, Левашинский р-н) — отселок расположился на круглом холме (ттар).

11. Ургуба-м (Ургуба-м, Акушинский р-н). Ургуба — совокупность возделываемых земель села. На угодьях часто возникали временные постройки, которые в некоторых случаях превращались в поселения. В данном случае такое название вызвано вероятно отсутствием других ландшафтных особенностей на месте поселения.

12. Хъар-м (Кара-м, Буйнакский р-н). Хъар-верхний конец. Отселок был основан в самом конце длинной лощины,

отчего и получил это название. Оно представляет собой один из любопытных примеров фонетической, и из нее семантической адаптации: Хъар превратилось в изложении кумыков в Къара (кумыкское — черный) и от кумыков перешло к русским, а, следовательно, в карты и литературу, став официальным названием.

13. Хъярт (Ташкапур, Левашинский р-н).

Дома отселка расположились вдоль крутого обрыва реки (хъярт). История появления официального названия селения также представляет большой интерес. Раньше отселок Хъярт располагался рядом с другим (ЦунрегIе), который получил у соседних даргинцев название Каменный мост (Къаркъала гуми). Название это было дано за природный мост, который образуют тесно сдвинувшиеся стены ущелья, по которому протекает Казикумухское Койсу. Они подходят настолько близко, что можно легко перешагнуть через пропасть, и образуют свод, в котором не видно даже самой реки. Впоследствии в центре отселка Хъярт был построен большой каменный мост. В это время ЦунрегIе и Хъярт уже представляли одно целое. И окружающие даргинцы (кроме самих цудахарцев), особенно предгорные, где были больше распространены огромные деревянные мосты, постепенно стали связывать название селения не с естественным образованием, а с каменным мостом. И теперь уже не ЦунрегIе дал название Хъярту, а наоборот. Это название объединенного отселка было скалькировано кумыками и от них уже известным путем превратилось в официальное название — Ташкупур¹⁴.

14. Цуни-м (Цунди, Акушинский р-н). от цун-одинокий. Возможно, при возникновении отселок вырос в пустынном, отдаленном от других поселений месте.

15. ЧIанкIурби (Чанкурбе, Буйнакский р-н). Множ. число от чIанкIа — пашня, поле. Отселок возник на месте главного массива пахотных земель основного селения (Кадара).

Следует добавить, что иногда топонимы этой подгруппы употребляются в видоизмененной конструкции. Чаще всего это делается с теми названиями, которые трудно употреблять в первоначальном виде. Изменение выражается в том, что отселок называется посредством жителей селения: Къадакунт, Къакъакунт, Хъарликунт, Ттарлибте и др. — жители Къада-м, Хъар-м и т. д.

В названиях обеих конструкций имеется некоторое смысловое различие: конечный элемент кунт придает просто собирательный смысл — жители селения (хъарликунт — карлинцы, жители сел. Кар), а элемент те в меньшей степени отор-

---

¹⁴ У К. Ф. Гана тоже мы встречаем сначала даргинское название, и потом кумыкскую кальку. Указ. соч., стр. 73.

вался от первоначального смысла названия селения, т. е. его топографического содержания (Ттарлибте — «живущие на холме», Хъарлибте — «живущие на конце» и т. д.).

Между прочим, тюркский элемент кент, появившийся в официальных названиях ряда даргинских селений (Нас-кент), обязан своим происхождением именно этому форманту кунт.

II. Вторичные (адитивы).

Разбирая топонимы первого пласта (группы), мы уже указывали на обилие топонимов с направительными формами, причем они встречаются и в сложных названиях, выделенных нами в отдельную подгруппу.

1. Аймази-м (Аймази, Сергокалинский р-н) множ. число от ая в направительной форме — На выгоны (загоны).

2. Аялизи-м (Ая-Лизи-м, Сергокалинский р-н). На (к) выгон.

3. Яяцы-м (Аяци-м, Дахадаевский р-н) — То же на сюргинском диалекте.

4. БахІла-м (Бак-м, Сергокалинский р-н). О на склоне (бяхІ — склон).

5. Буртани-м (Буртани-м, Левашинский р-н). Направительная форма от барт-вход. Селение расположено у входа в ущелье, по которому проходит сокращенный путь из Цудахара (отселком которого является Буртани-м) в Аварию.

6. Бурхьи-м (Бурхи-м, Акушинский, Сергокалинский р-ны). Одно из распространенных названий как само по себе, так и в составе сложных, что является еще одним подтверждением тяготения поселений к южному склону (бурхІи — солнечный склон).

7. Гъумлизи-м (Гумлизи-м, Сергокалинский р-н), от гъум-песок.

8. Дубри-м (Дубри-м, Акушинский р-н) — направительная форма от дубури (гора).

9. Инзи-м (Инзи-м, Акушинский р-н) — от иниз (родник, источник).

10. Инкъи-м (Инки-м, Акушинский р-н), от иникъ — пещера.

11. Къадани-м (Кадани-м, Сергокалинский р-н), от къада (лощина, ущелье).

✓ 12. Къаркъаццы (Каркаци, Дахадаевский р-н), от къаркъа (камень).

✓ 13. Сумия (Сумия, Дахадаевский р-н), от сумк (ложь, обман). Селение возникло на террасе, которое считалось очень неустойчивым, обманчивым в отношении урожайности.

✓ 14. Узрая (Дахадаевский р-н), от узру — гнет, теснота. Место расположения селения ограничивает возможность его роста вширь.

Чарли-м, (Акушинский р-н), от чар, чарле — круг, кругом, вокруг. Вероятно вначале дома селения выстраивались кругом.

III. Сложные.

В третью группу входят, как мы указывали, все сложные топонимы, независимо от их конструкции и конечных элементов. Наиболее частые конструкции здесь: определительный, квалифицирующий (субстантивный и адъективный) и обстоятельный (места).

1. Аймала бекI (Аймалабек, Акушинский р-н). Ая — выгон, загон, бекI — голова, вершина — Вершина загонов (с загонами).

2. Айма-у (Аймау-м, Сергокалинский р-н), у — под, внизу — Под загонами (выгонами).

3. Айнихъяб (Айникаб-м, Акушинский р-н), Хъяб — шея, — Вершина (верхняя часть) выгона.

4. Алиханла-м (Алихан-м, Акушинский р-н). О. Алихана.

5. Аметерк-м (Аметерк-м, Акушинский р-н). От АхIмад — имя, хIеркI — речка, река — О. на Ахмед-реке.

6. Ая — БурхIила (Ая-Бурхи-м, Сергокалинский р-н) — Выгон на солнечном склоне. Топоним любопытен тем, что показывает обычную эволюцию названия вновь возникшего поселения. Вначале это просто название урочища — Ая — бурхIила — «Выгон (находящийся) на солнечном склоне», а затем к нему присоединяется слово махьи и сокращается конечный элемент ла, т. е. слово махьи выполняет как бы роль конечного элемента и часто нейтрализует другие окончания.

7. Аяла хъяб (Аялакаб, Левашинский р-н) — Вершина выгона.

8. Бай кьатI-м (Байкат-м, Акушинский р-н), бай — средний, центральный, кьатI — квартал. Возможно, основан выходцами из центральной части главного селения (Дубри-м).

9. БекI низ (Бекинзи-м, Левашинский р-н) — Головной родник, название, употребляемое по отношению к истоку реки. Также пример эволюции — из названия родника получилось название селения, что достигнуто приданием ему направительной формы и добавлением слова махьи.

Следует указать, что слово махьи не всегда обязательно в самом топониме, но оно обязательно подразумевается и употребляется отдельно от названия по отношению ко всем поселениям второго пласта. Это тоже один из наиболее точных показателей при определении принадлежности топонима и поселения к первому или второму пласту. Например, в конце XIX в. в с. Хаджалмахи было гораздо больше населения и земель чем в Цудахаре, но все знали, что Цудахар — материнское селение, а Хаджалмахи — дочернее, т. е. отселок Цудахара и соответственно этому Цудахар называли ши, а Хаджалмахи — махи.

10. БерхIе Иниз (Берге-Инзи-м, Акушинский р-н) — Коричневый родник (берхIе — коричневый, иниз — родник). Возможно, от окружающей породы.

11. БурхIи(ла) мякъ (Бургимак-м, Акушинский р-н) — Подножье солнечного склона (мякъ — подножье). Здесь тоже при присоединении слова махьи утерян конечный элемент ла.

12. Ванаша-м. (Ванаша-м, Сергокалинский р-н). Выше мы указывали, что наличие элемента ши, ша, уже является свидетельством древности топонима, его принадлежности к первому пласту. Однако данный случай является интересным исключением. Дело в том, что слово Ванаша является двучленным сращением (композицией) из слов вана-теплый и шин — вода. Т. о. топоним означает «теплая вода». Убедительность этому придает как имеющаяся теплая вода, так и употребление по отношению к этому поселению слова махьи.

Происходит это совпадение следующим образом: названия с элементом шин (Вана шин, Дуар шин, Жжанга шин) постепенно теряют конечный «н» и сращиваются, превращаясь в Ванаша, Жжангаша, которые уже по аналогии с композициями с участием слова ши (селение) нередко получают в направительной форме окончание а (Ванаша, Жжангаша). Довольно соблазнительно продолжить аналогию и допустить, что ши (селение) и шин (вода), часто превращающееся на наших глазах в ши, — происходят от одного корня, и что между ними (водой и селением) имеется какая-то вещественная и этимологическая связь (селение от воды).

13. ГIела къатI (Элакат-м, Левашинский р-н). ГIела — задний, къатI — часть, квартал. Происхождение названия не совсем ясно. Оно может восходить к двум значениям:

1) Отселок мог возникнуть на месте, являвшемся обратной, задней стороной местоположения основного селения. Его положение в определенной степени отражает это.

2) Он мог быть основан людьми рабского происхождения, квартал которых и в самих селениях нередко называли гIела къатI — задний квартал. Первоначальное происхождение и этого названия происходит, впрочем, также от топографического расположения рабских кварталов — их поселяли на задних, несолнечных склонах.

14. Ганзила хъяб (Буйнакский район) — Вершина, конец земли. Отселок возник на холме, который являлся естественной границей земель аула (Кадара), который как бы замыкал их. Название холма перешло на отселок.

15. Гу Инихъ (Акушинский р-н) — гу — внизу, нижний, инихъ — пещера — нижняя пещера.

16. Дершла хIяр (Дешлагар — Сергокала, Сергокалинский р-н) — дерш — дёрен, хIяр — откос, склон. Поселение

было основано в урочище, получившем это название за обилие кустарников дёрна.

17. Дитун шин (Дитунши-м, Левашинский р-н) — дитун — выведенный, добытый, шин — вода — добытая вода.

18. ДугIяр шин (Сергокалинский р-н) — Холодная вода.

19. Жжангаша — БурхIила (Сергокалинский р-н). Топоним аналогичный № 12. Композита из слов жжанга — соленый и шин — вода. БурхIила — на солнечном склоне. Т. о. топоним означает — соленая вода на солнечном склоне. Такая вода там имеется.

20. Инихъла чеб (Акушинский р-н) — инихъ — пещера, чеб — наверху — над пещерой.

21. Кьякыла мякъ (Левашинский р-н) — кьякъ — холм, вершина, мякъ — подножье — Подножье холма.

✓ 22. Къасса гу (Кассагу-м, Дахадаевский р-н), къасси — выступ, терраса, гу — внизу, под — Под террасой (выступом).

23. Къярдар — БурхIила (Сергокалинский р-н) от слов къярд — обрыв реки и бурхIи — солнечный склон — на солнечной стороне обрыва (расположенный).

24. Мигла къаси (Мигла — Каси-м, Сергокалинский р-н), миг-дуб, къаси — выступ, терраса — Дубовая терраса.

✓ 25. Мукри сана (Дахадаевский р-н) — мукри — лестница, ступени, сана — теневой склон — Лестничный (лестнице-подобный) теневой склон.

26. Мусала-м (Мусульте-м, Левашинский р-н) — О. Мусы. Со временем вместо «Отселок Мусы» стали говорить Мусаевцы (Мусалте), случай довольно редкий, но встречающийся.

✓ 27. НикIа барк (Никабарк-м, Дахадаевский р-н), никIа — маленький, барк — ложбина, терраса — Маленькая терраса.

28. Сарси кьякъ (Сарсак, Буйнакский р-н), сарси — передний, впереди находящийся, кьякъ — холм. Передний холм. Селение возникло на холме, находящемся перед материнским селением (Кадаром), на подступах к нему.

29. Тарлан кьякъ (Тарланкак, Левашинский р-н), тар — небольшой холм, горка, кьякъ — вершина, холм — Холмистая вершина.

30. Ташкапур — кумыкская калька с даргинского Къаркъала гуми (Каменный мост). Подробно см. № 13 первой подгруппы.

31. ХIабрела гIела (Левашинский р-н), хIябре — кладбище, гIела — позади — За кладбищем.

32. ХIажила-м (Акушинский р-н) — О. Гаджи.

33. ХъанцI — Къаркъа-м (Ханц-Карка-м, Сергокалинский р-н) — хъанцI — синий, къаркъа — камень — Синий камень.

34. Хула барк (Хулабарк-м, Дахадаевский р-н) — хула — большой, барк — терраса — Большая терраса. Вместе с НикIа

барк (№ 27) является отселком Дуакара. Определения Большая и Малая являются отражением соотносительности этих обоих топонимов, вернее террас, на которых они возникли.

35. Хъули — бухІна (Кули — бухна-м, Левашинский р-н), хъали — дом, бухІна — внутрь, — внутри дома, помещения. Селение находится в конце закрытого ущелья, как-бы в углу помещения.

36. ЧІянкІала-м (Чанкала-м, Акушинский р-н). — О. Чанки (имя).

37. ШахІбанна-м (Дахадаевский р-н) — О. Шахбана (имя).

38. Шинкьала бухІнала (Шинкала бухна, Левашинский р-н), — шинкья — мельница, бухІнала — внутри находящийся, — внутри мельницы находящийся. Название не совсем понятное, видимо, первоначально отселок возник на территории мельницы.

39. Шинкьбала къада (Шинкбала Када, Акушинский р-н), шинкьбе — мельницы, къада — ущелье — Мельничное ущелье (Ущелье мельниц).

40. Шулла гьалабти (Сергокалинский р-н), шури — скала, гьалабти — впереди находящиеся — Перед скалой находящиеся.

Перечень и разбор топонимов второй группы (пласта) подтверждают правильность положения о их специфичности, отличии от топонимов первой группы. Главное их отличие — возможность этимологизации на месте с помощью простого ознакомления с местоположением селения, а порой и просто анализа самого топонима, в то время как в первой группе это невозможно и велика роль преданий. Из других особенностей можно указать: эллиптичность (одна из характерных особенностей), большую связь топонимов с угожьями, связанную с интересами освоения земель на этом этапе, в то время как в первой группе преобладает общегеографический и стратегический момент (большая роль оборонительного, стратегического фактора), обязательное наличие элемента махьи или ая (нередко подразумеваемого), многочисленность сравнительно с первой группой, более четкая формульность, большая очевидность, четкость связи с топографией (т. е. меньшая закосполит, соположений и пр.

Вместе с тем, в обеих группах мы находим и общие черты, и в первую очередь — немногочисленность топонимов ономастического происхождения, большое количество топонимов в адитиве, сходство (почти общность) в топонимических конструкциях, общая тенденция к сращиванию и образованию композит, соположения и пр.

Разумеется, наши выводы и соображения не могут считаться окончательными. Кроме всего прочего, имеется еще много

топонимов, которые не поддаются этимологизации, а многие— даже систематизации. Возможно, что среди них (так же, как и среди приведенных нами) имеются и иноязычные напластования.

Надо полагать, что дальнейшее собирание топонимов и исследование всей топонимики даргинцев (и Дагестана в целом) прольют свет как на этот вопрос, так и на многие другие вопросы истории даргинцев и вообще дагестанцев.

ПАТРОНИМИЯ У ЛЕЗГИН.

Патронимия у лезгин до сих пор не была предметом специального изучения.

Между тем вопрос о патронимии, о ее роли и месте в исторической этнографии представляет большой научный интерес, поскольку на основе изучения данного института можно выяснить ряд важнейших положений в области хозяйственной, общественной и идеологической жизни народа. К тому же путем изучения патронимии вскрывается структура родственных объединений и особенности перехода от родовых поселений к территориально-общинным. Изучение патронимии у лезгин и анализ ряда вышеуказанных положений может пролить свет на некоторые вопросы социально-экономических отношений раннего периода истории Дагестана.

О дагестанском тухуме вообще писали и дореволюционные, и советские ученые. В конце XIX в. такие известные ученые, как М. М. Ковалевский¹ и Ф. И. Леонтович², в своих трудах, посвященных родовому строю и обычному праву кавказских горцев, отождествляли дагестанский тухум с классическим родом.

Ошибочные взгляды буржуазных исследователей подверглись критике в работах советских исследователей С. В. Юш-

---

¹ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II, М., 1890.

² Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, вып. 1—2, Одесса, 1882—1883.

кова³, М. О. Косвена⁴, Р. М. Магомедова⁵, Х. О. Хашаева⁶, С. Ш. Гаджиевой⁷ и др.

М. О. Косвен на основе большого фактического материала, накопленного им в течение ряда лет, приходит к выводу, что архаический род, как реальная социальная единица, давно уже перестал существовать у народов Кавказа, в том числе и у горцев Дагестана. Вместе с тем М. О. Косвен подчеркивает, что родовые связи, нормы и институты в различных формах стойко сохранялись в быту народов Кавказа до недавнего времени.

На основе анализа большой патриархальной семьи у даргинцев, Р. М. Магомедов сделал вывод, что дагестанский «тухум в основе своей был не родом, а семейной общиной»⁸.

Любопытный материал по дагестанскому тухуму, в частности по лезгинскому, приводит Х. О. Хашаев в своей работе «Общественный строй Дагестана в XIX веке», где он с привлечением конкретного материала по Ахтыпаринским аксакалам показывает становление классовых отношений в лезгинском тухуме. Некоторые вопросы, касающиеся характера лезгинского тухума, рассматривают Р. Г. Маршаев⁹, М. М. Ихилов¹⁰ и А. Р. Шихсаидов¹¹.

Настоящая статья представляет собой первую попытку исследования данного вопроса в полном объеме как в смысле материала, так и определения места патронимии в процессе развития форм организации общества.

---

³ С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. Свердловск. 1938.

⁴ М. О. Косвен. История и этнография Кавказа. М., 1961; его же. Семейная община и патронимия. М., 1963.

⁵ Р. М. Магомедов. К вопросу о семейной общине в Дагестане. Труды второй научной сессии Дагестанской базы АН СССР. Махачкала, 1947, стр. 81—95; его же. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957.

⁶ Х. О. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.

⁷ С. Ш. Гаджиева. К вопросу о тухуме и большой семье у каякентских кумыков. Краткие сообщения ИЭ АН СССР, вып. 14, М., 1952.

⁸ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX в, стр. 126.

⁹ Р. Маршаев. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII-нач. XIX вв. Учен. записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, вып. III, Махачкала, 1957, стр. 106—121.

¹⁰ М. И. Ихилов. Лезгинская группа народностей (этнографическое исследование). Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 2921.

¹¹ А. Р. Шихсаидов. Лезгины в XIII—XVII вв. Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 2949.

Собранный автором материал позволяет довольно отчетливо проследить существование патронимии у лезгин.

Время бытования этого института у лезгин, судя по поле-цому и археологическому материалу, относится к раннему средневековью. В видоизмененной, пережиточной форме патронимия сохранялась и продолжала играть существенную роль в быту и в более поздние времена.

М. О. Косвен указывает, что «патронимия является исторической формой: она свойственна патриархальному родовому строю, но весьма устойчиво сохраняется у многих народов и, в период распада родового строя, а нередко и в условиях классового общества, налагавшего на нее свой отпечаток»¹².

Поэтому в пережитках патронимии сохраняются различные ступени развития общества на протяжении всей его истории.

М. О. Косвен также отметил широкое бытование рассматриваемого института у различных народов Кавказа, дав при этом следующее определение: «Патронимия — родственная группа, состоящая из некоторого числа больших или малых семей, образовавшихся в результате сегментации одной большой семьи. Каждая из этих разделившихся семей представляет собой самостоятельную единицу, вместе с тем вся эта группа семей сохраняет в ряде отношений хозяйственное, общественное и идеологическое единство»¹³.

У лезгин патронимию составлял определенный круг родственников или группа семей, ведущих свое начало от одного предка и обозначаемых следующими терминами: «са тухумдинбур» («одного семени происходящие»), «са тебиндинбур» («к одному предку восходящие»), «миресар» («все родственники с отцовской стороны»), «са сихилдинбур» («одного корня возникшие»).

Патронимия имела собственное наименование, идущее от предка-основателя с прибавлением окончаний: «абур», «ар». «яр». Например, «эгьмед+абур», «камал+ар», «ягья+яр» и т. д. Иногда патронимия называлась по наименованию того места, откуда происходили предки, например «Ашарар», «Храхъар» и т. д. Бывали случаи, когда патронимия получила название по роду занятий ее членов. Например, в селении Хпедж Касумкентского района одну патронимию называли «Ашукъар» («певцы-ашуги»).

Лезгинская патронимия, помимо названия «тухум» (иранск. «семья»), именовалась еще «тебин» (местный термин,

¹² М. О. Косвен. Программа для собирания сведений о патронимии и структуре рода. КСИЭ, в. XIII. М., 1961, стр. 20.

¹³ М. О. Косвен. История и этнография Кавказа, стр. 32.

встречающийся в докузпаринском говоре лезгинского языка), «сихил» (местный термин), «миресар» (местный термин). Она имеет еще названия «куьк, са куькуьнинбур» («к одному предку восходящие»), «жинс, са жинсипинбур» («к одному роду принадлежащие»). «Куьк» в переводе с тюркского означает «корень», «основа», а «жинс» в переводе с арабского «род», «порода». Причем у этих терминов существует смысловое различие. Когда говорят «са куькуьнинбур», имеются в виду все родственники с отцовской стороны, а когда применяют слово «жинс» (са жинсининбур) подразумевают всех родственников с материнской стороны.

Названия «сихил» и «тухум» лезгины применяют в основном в одном и том же значении, но все же и в этих словах имеется диалектное различие. Например, во многих селениях, где говорят на кюринском диалекте, чаще употребляют термин «сихил», а в ахтынском и докузпаринском диалектах преобладает слово «тухум». К тому же в селениях ахтынского и докузпаринского говоров под термином «сихил» подразумевают более широкую родственную группу, нежели тухум. Например, когда упрекают или хвалят члена другого тухума, то говорят: «А тухумдин сихил-хана чIуруди я (я хъсанди я) — «сихил-хана (основатели-праотцы) этого тухума были такими же (злыми или добрыми) как и сам тухум».

В некоторых лезгинских селениях термины сихил и тухум различаются. Например, в селении Зрых Ахтынского района существуют 7 сихилов и 20 тухумов. В состав сихила Панаяр входит три тухума (Къаргъияр, Ахтармаяр, Ягъяяр); в состав сихила Эпе лар — четыре тухума (Ргалияр, Аштарар, Энжияр, Пашаяр); в сихил Уманар входит два тухума (Урдуханар, Аспарар); в сихил чепехъанар — три тухума (Хаталар, Эпихъар, Чепехъанар); в сихил Палдабашар — три тухума (Татарханар, Палдабашар, Гъайдарар); и наконец в последний сихил Эскерар входит три тухума (Эскерар, Демирчияр, Адияр).

Поэтому можно полагать, что перечисленные тухумы, входящие в состав сихила, являются молодыми патронимиями, которые М. О. Косвен называет «патронимиями второго порядка», возникшими в результате сегментации, дробления разросшихся и размножившихся крупных патронимий.

Степень родства, градящая внутри патронимии прослеживаются в термине «миресар», т. е. «все родственники по отцовской линии». Кстати сказать, некоторые авторы дают неправильное толкование термина «миресар», считая его наиболее близкой родственной группой внутри тухума¹⁴. Чтобы нагляднее представить эту картину, возьмем для примера

¹⁴ Р. Г. Маршаев. Указ. соч., стр. 110—111.

патронимию Мугъуланбур селения Мака Ахтынского района, которая состоит из 7 родственных групп: Умаранбур, УстИранбур, Ашуманбур, Зейналанбур, Дервишанбур, ГъвечЕканбур, Фейзидинбур. Члены всех этих родственных групп считались между собой «яргъал миресар», т. е. «дальними родственниками по отцовской линии», а члены каждой отдельной группы по отношению друг к другу (т. е. «потомки ветви Умаранбур») считались «мукъвал миресар», т. е. близкими родственниками (см. схему).

Кроме того, внутри близкородственной группы «мукъвал миресар» выделялась третья еще более родственная группа — «тагълукъ миресар», т. е. «подопечные родственники» (см. схему Умаранбур) до 8 колена».

Один из потомков патронимии Мугуланбур имел двух сыновей, Агамета и Таги, от которых следуют (до 8 колена) две связанные родственными узами группы. Причем подопечными родственниками «тагълукъ миресар» считались потомки одного брата по отношению друг к другу, т. е. потомок брата Агамета Шихнабир (8 колена) подопечен потомку того же брата Гадживерди (8 колена). Или же потомок другого брата Таги-Гамидулла (8 колена) подопечен потомку того же брата Аликули (8 колена).

Таким образом, внутри лезгинской патронимии существовали разные родственные отношения сообразно разным степеням родства: «миресар» (все родственники с отцовской стороны), «мукъвал миресар» («близкие родственники с отцовской стороны»), «яргъал миресар» («дальние родственники по отцовской линии») и «тагълукъ миресар» («подопечные родственники»).

В своей зачаточной форме лезгинская патронимия представляла собой большую семью — «чІехи хизанар», внутри которой родство доходило до 4—5 колена. Впоследствии такие семьи путем сегментации образовывали новые, упомянутые выше, «патронимии второго порядка», внутри которых, в свою очередь, создавались новые большие семьи.

Судя по полевому материалу, большие семьи у лезгин пережиточно сохранялись и в более позднее время. Например, в селении Кара-Кюре Ахтынского района в крупном сихиле «Югулар» были семьи, которые доходили до 80 и более человек, когда 7—8 братьев жили вместе со своими родителями, детьми и внуками.

Число больших и малых семей в сихиле Югулар, по сведениям старожилов селения, во второй половине XIX в. доходило почти до 100. Поэтому внутри этого сехила выделялись

крупные родственные группы (ШатIатIар, УстIарар, Кеберар, Кавхаяр и т. д.), которые в прошлом жили совместно¹⁵.

Когда в силу естественного размножения семья разрасталась, происходило деление большой семьи. В этом случае, как было принято у лезгин, отделялись старшие два брата со своими сыновьями, а 3—4 младших оставались вместе с родителями.

По традиции сыновья не имели права, да и вообще это не было принято, выделяться без воли отца, а если был жив дед, то без воли деда.

Отделившимся сыновьям отец выделял землю, скот, строил рядом жилье и т. д.

Архаически патронимия владела всеми видами земельных угодий, в том числе и пахотными, а в последующей стадии в общем владении оставались лишь покосы, пастбища, выгоны, лес, то есть менее интенсивно эксплуатируемые земли, а пахотная земля находилась во владении семей на основе уравнительного землепользования. Наконец, в более поздней стадии пахотная земля переходит в частную собственность отдельных семей, другие же виды земель остаются в общем пользовании.

Об этом свидетельствуют отдельные, пережиточно сохранившиеся моменты в структуре пользования патронимией некоторыми угодиями. Например, в селении Юхари-тахирджал Кусарского района вплоть до конца XIX в. имелось около 4000 га покосных земель под названиями: «Куш», «Чугъун», «Гъвенер вацI», «Жен тулар», «Жемяатдин векьер», которые ежегодно распределялись по жребию (соответственно количеству семей) между тухумами.

В том же селении на плоскости в местности Паласа имелись и пахотные земли, закрепленные за каждым тухумом. Эти земли через каждые три года по жребию перераспределялись соответственно тухумам, а они в свою очередь делили их внутри по семьям. Эти тухумные земли ни один из его членов не имел права продавать и покупать.

Иногда некоторые тухумы сообща обрабатывали эти земли, собирали урожай, а зерно распределяли соответственно количеству рабочего скота или крестьян, которые принимали участие в уборке урожая. Этот вид обработки земли лезгины называли «гутуна» («совместно, сообща»).

Кроме того, бывали случаи, когда объединялись только 3—4 семьи — «амадагар» — для совместной обработки земли, а урожай распределяли равномерно по семьям.

В селении Кара-Кюре Ахтынского района в прошлом каждая патронимия также имела свой лес, носящий имя своей

¹⁵ Полевой материал, 1959 г.

патронимии: Келдейрин там, ШатІатІрин там, Югулрин там и т. д. Каждая семья патронимии запасалась дровами только осенью, а в остальное время рубить лес строго запрещалось. В этом же селении на летних пастбищах имелись места под названием «Душтуьдин цураар», «Мегъвел» и т. п., где содержался скот членов отдельных патронимий.

О том, что раньше патронимия владела общими пахотными землями, свидетельствует и тот факт, что во всех лезгинских селениях земли, которые принадлежали отдельным семьям тухума, сихила, в большинстве случаев расположены рядом или по соседству. И в топонимике эти места сохраняют название того или иного тухума.

В некоторых лезгинских селениях отдельные патронимии имели поблизости общие огороженные места «Парахар», куда загонялся скот членов этой патронимии. Позже эти «Парахар» стали квартальными, т. е. здесь стали содержать скот жители всего квартала.

На наличие у лезгин родовых загонов для скота указывает также Р. Г. Маршаев¹⁶.

Патронимии владели также своими мельницами, доход от которых делили соответственно семьям тухума, или же эксплуатировали поочередно, каждая семья по одному году.

Такие мельницы в прошлом столетии имелись в селениях Микрах, Мискинджа, Мака, Дустаир и др.

Хозяйственное единство лезгинской патронимии выражалось еще и в том, что в селениях, где имелись поливные земли, очередность получения воды устанавливалась по тухумам. Скажем, сегодня поливали члены тухума Таквацар, а завтра члены тухума Сирияяр и т. д.

Таким образом, одним из определяющих признаков лезгинской патронимии в прошлом было хозяйственное единство.

Другим не менее важным признаком являлось общественное единство патронимии. Характерной особенностью, которая прежде всего выражала ее общественное единство в прошлом, было компактное заселение членов патронимии. М. О. Косвен пишет: «Общественное единство патронимии, отражающее ее хозяйственное единство, выражалось прежде всего в том, что патронимия образовывала отдельное поселение, либо отдельный квартал («конец», «улицу») в более крупном селении. Во всяком случае патронимия была целиком локализованной, и она сохраняла такое положение гораздо более устойчиво, чем более широкие родственные группы и род в целом»¹⁷.

¹⁶ Р. Г. Маршаев. Указ. соч., стр. 111.

¹⁷ М. О. Косвен. Программа для собрания..., стр. 21—22.

По археологическим данным и по многочисленным устным преданиям, патронимические поселения на территории лезгин встречаются почти до XIII в. В XIII в и даже намного раньше, с образованием крупных поселений, патронимия стала занимать отдельные кварталы в селении. При этом необходимо отметить, что у лезгин интенсивный процесс образования крупных населенных пунктов на базе переселения и объединения мелких патронимических поселений падает на X—XII вв.¹⁸

В народных преданиях, когда речь идет об образовании крупных селений, информаторам всегда на помощь приходит топонимический материал. А данные топонимики почти всегда бывают достоверны, поскольку и в настоящее время, в окрестностях древних селений, сохранились остатки развалин старых патронимических аулов, где обнаруживается подъемный археологический материал, который достоверно подтверждает существование на тех местах древних поселений. Так, селение Хюрелар Касумкентского района образовалось из трех патронимических поселений, которые были расположены в 1—1,5 км от территории данного селения в местности «Чуру срар», «Кгурагъан» и «Вирар хев», где в настоящее время обнаруживаются следы прежних построек и фрагменты керамики, относящиеся к эпохе раннесредневековой культуры. Сел. Мака Ахтынского района, по преданию, будто бы образовалось из пяти патронимических поселений, которые были расположены в местностях «Срар иел», «Тулан пел», «Келед хев», «Фурар пел» и «Хуьргалай кыл», подъемный материал с которых и материалы раскопок археологи относят к железному веку (поселение «Срар пел») и к раннесредневековому периоду (остальные поселения)¹⁹.

Таким же путем образовались и многие другие селения лезгин (Кара-Кюре, Михрах, Мискинджа, Курах и т. д.)²⁰.

При этом при переходе от тухумных (патронимических) поселений к территориальной (соседской) общине каждая патронимия предпочитала селиться компактной группой. Отголоски этого периода можно проследить на топонимике многих лезгинских селений.

В селении Капир Курахского района почти до середины XIX в. каждая патронимия жила отдельно в своем квартале, что по-лезгински означает «мягъле». В селении было 7 патронимий (Михерар, Чатунар, Чивегъверар, Вартар, Пирер,

¹⁸ С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX-начале XX вв. «Ученые записки» ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. III, Махачкала, 1959.

¹⁹ М. И. Пиккуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Рукоп. фонд ИИЯЛ, Даг. филиала АН СССР, д. 2932.

²⁰ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. Материалы по археологии Дагестана, т. I, Махачкала, 1959, стр. 198.

Къзакъар и Къарухияр) и 7 кварталов (Михер магъле, Чатун магъле, Чивегъвер магъле, Къзакъ магъле, Хъамцал магъле, Къулан магъле и Тулан магъле). Таким образом, лишь некоторые названия тухумов не совпадают с наименованиями кварталов.

В селении Гиляр Касумкентского района вплоть до конца XIX в. члены трех патронимий (Шихалияр, Багъманар, Вартар) жили отдельно в трех кварталах.

В селении Юхари-Тахирджал Кусарского района также почти до конца XIX в. пять крупных тухумов (Пурцуяр, Такътакъар, Сирияр, Хашалар и Келтияр) компактно находились в пяти кварталах (Пурцуярин магъле, ТакъТакърин магъле, Сирийрин магъле, Хашалрин магъле и Келтийрин магъле).

Таким образом, в пределах селения каждая патронимия образовывала свой квартал «магъле», населенный только ее членами.

В прошлом, особенно по причине земельной тесноты, вновь выделявшаяся семья лишь в редких случаях поселялась вне квартала своей патронимии. Часто члены тухума стесняли свои хозяйственные постройки или покупали участки у соседней патронимии для того, чтобы дать возможность вновь отделившейся семье построить дом вблизи родственников, чтобы не нарушить принцип территориального единства патронимии. М. О. Косвен пишет «Вновь образовавшиеся патронимии по общему правилу стремились, сохраняя свое единство, жить компактно, а вместе с тем и не отделяясь от старых патронимий, помогая одна другой и пр. Лишь эпизодически, в особенности с ростом малоземелья, молодые патронимии отделялись и переселялись на свободные места, не теряя все же связи со своими родичами²¹.

В тех случаях, когда отдельные члены патронимии из-за неимения участка в своем квартале строили дома на свободных местах, где возникали совершенно новые кварталы, число кварталов становилось больше числа тухумов. Например, в селении Зрых Ахтынского района насчитывается 7 больших сихилов (Панагъар, Эпелар, Аспарар, Чепехъанар, Палдабашар, Эскерар), а кварталов 8: Вини магъле, РатПарин магъле, Хуьлен магъле и т. д.). При этом, как говорят старожилы, раньше в селении каждая патронимия жила отдельно в своем квартале, и лишь с середины XIX в. стали жить смешанно и многие кварталы получили новые названия. Прежде, например, Вини магъле называли Эпелрин магъле и т. д.

---

²¹ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 34—35.

С течением времени кварталы теряли свой исключительно патронимический характер, что наиболее ярко прослеживается на примере селения Курах Касумкентского района²². В нем насчитывается 7 крупных кварталов (МирчГайрин мягъле, Манчайрин мягъле, Яхулрин мягъле, Къадийрин мягъле, Тгула мягъле, Къурбалийрин мягъле), где живут представители 48 патронимий. Причем первоначально квартал принадлежал членам одной патронимии, именем которой он назывался. Так, в квартале МирчГайрин мягъле первоначально жила только патронимия — МирчГаяр, а позднее стали поселяться еще и члены других пяти патронимий (Атасияр, Небияр, Чамбулар, Агъулар, Тгуьхшерар); в квартале Манчайрин мягъле, помимо своих членов, жили еще представители позднее поселившейся патронимии Букарар, в квартале Яхуарин мягъле жили представители 6 различных патронимий (Надиар, Букарар, Чумарар и т. д.); в квартале Къадийрин мягъле жили члены двух патронимий Къадияр и позднее поселившаяся Букарар. В квартале Къурбалийрин мягъле, кроме членов самой патронимии Къурбалияр жили еще члены 6 патронимий (Чамалар, Къадияр, Эмиар и т. д.); наконец в последнем квартале Тгула мягъле жили представители 11 различных патронимий, поселившиеся почти одновременно.

Вышеприведенные названия кварталов подтверждают, что первоначально патронимия занимала отдельный квартал в селении, а впоследствии она постепенно теряла свое былое значение, уступая место территориальному принципу. Например, название последнего квартала Тула мягъле в этом селении имеет лишь территориальное значение и в переводе означает «квартал на плоском месте». В нем живут представители 11 патронимий, из которых ничьим именем не назван указанный квартал. Название квартала в данном случае имеет только топографическое значение.

В прошлом патронимические кварталы в селении были изолированы один от другого. Они зачастую образовывали в архитектурном отношении единый комплекс. Дома родственников (особенно в нижних этажах) имели внутренние проходы, с помощью которых члены патронимии в случае необходимости (для хозяйственных нужд или же во время нападения врага) общались между собою. Например, в селении Зрых Ахтынского района почти все дома членов патронимии Эпелар по нижним этажам были соединены внутренними проходами, следы которых в старых домах сохранились и в настоящее время.

---

²² Данные о количестве тухумов в Курахе, приведенные нами в статье «Поселения лезгин в XIX в». (Ученые записки ИИЯЛ, т. 6, 1959, стр. 245), в настоящей работе уточнены с помощью дополнительного материала, собранного в последующие годы.

К тому же многие дома в патронимических кварталах плотно прилегали один к другому, фасады с отверстиями для света выходили на улицу, а задние стены, обращенные наружу, отверстий не имели. Таким образом, локализованная на определенном месте в виде самостоятельного квартала патронимия являлась как бы реальной общественной группой. Она в своем квартале или в селении имела общее место сходимки — ким, т. е. квартальную площадь, куда собирались все мужчины патронимии для обсуждения тех или иных вопросов, касающихся всех членов патронимии. Так, в селении Мискинджа Ахтынского района почти каждый тухум имел свой ким. В настоящее время из них сохранились только 12 под теми же названиями, что и названия патронимий (Чед ким, Къайитар ким, Къветер ким, Фисахрад ким, Мисрийрин ким, Келед ким, Тамбулар ким, Шекарин ким, Кандад ким, Какамар ким, Уьред ким и наконец Такацар ким).

В селении Курах Касумкентского района также насчитывалось 12 кимов: 7 квартальных, 4 тухумных (патронимических) и 1 общий для всех. М. О. Косвен, говоря о подобных площадях патронимий, отмечает, что «эти отдельные площади патронимий являются выразительными примерами или показателями сохранившейся обособленности патронимий, обитавших в общих кварталах»²³.

Когда обсуждались вопросы, касающиеся своей патронимии, то ее члены собирались на квартальных площадях, а при обсуждении вопросов, касающихся жителей всего селения, собирались на большой сельской площади.

При рассмотрении отдельных вопросов общественного характера ведущая роль принадлежала главам патронимий, которые назывались различными именами: «Як пайдайди», «Келте», «Сакъа», «Агъсакъал». Из них наиболее древними названиями, видимо, являются «Як пайдайди» («человек, который делит мясо») и «Келте» (не переводится). Термин «Як пайдайди» вероятно сохранился в топонимике лезгин с древних времен, когда в больших семьях мясо, пищу распределяли главы патронимии. Позднее этот термин получил другой оттенок и с которым сохранился почти до наших дней. В народе принято говорить: «а тухумдин як пайдайди фулан кас я», т. е. «распорядитель этого тухума такой-то человек». «Келте» также является древним термином, которым называли главу патронимии. В народе и в настоящее время, когда говорят о более влиятельном человеке в своем квартале или тухуме, то обычно говорят: «абрук вай келте гъам я», что означает «влиятельное лицо среди них это он — келте».

---

²³ М. О. Косвен. Этнография и история..., стр. 35.

Распорядителя в патронимии лезгины также называли «Сакъя», что в точном переводе означает «бабка-бита». А позже, уже в классовом обществе, главных представителей тухума стали называть «агьсакъялар», что означает «седобородые». Это название также происходит от более древнего наименования. «Агь» в переводе с тюркского означает «белый», а «Сакъя» — «бабка-бита». Вместе «агь+сакъя—л» означает «белобородый», т. е. «седобородый» («солидный, важный»).

Если надо было что-нибудь сообщить членам патронимии или же посоветоваться о постройке канала, о водопроводе, о сельскохозяйственных работах, о примирении кровников, о распределении общественной земли по жребью, о пользовании общественным лесом, летним пастбищем и т. п. или по каким-либо другим вопросам «келте» или «сакъя» собирали всех членов патронимии на площадь. Обычно его мнение бывало очень авторитетным и имело силу закона. При выборе «сакъя» или «келте», как свидетельствует полевой материал, экономический фактор почти не играл роли. Главой патронимии мог быть любой опытный, умелый и честный человек. Его специально не выбирали, скажем, путем голосования, такой человек сам по себе становился влиятельным в патронимии. Он выступал на общеквартальных и общесельских сходах, к нему на дом мог пойти любой член патронимии посоветоваться даже о некоторых внутрисемейных делах.

К XVIII—XIX векам, а возможно и раньше, т. е. уже в классовом обществе, аксакалы стали выборными лицами, а в некоторых лезгинских селениях эта должность даже передавалась по наследству²⁴.

Лезгинская патронимия во всех общественных вопросах проявляла большую сплоченность, самостоятельность. Обиду, оскорбление любого члена патронимии каждый ее член воспринимал как собственную обиду.

Право мести соблюдалось по степени родства, т. е. в первую очередь мстили за подопечного родственника, затем за близкого родственника, затем за дальнего родственника. Но бывали случаи, когда и внутри одной патронимии возникали кровники, скажем, между близкими и дальними родственниками. В этих случаях главы патронимии старались быстро примирить кровников. Такие примирения обычно устраивались на квартальных (патронимических) площадях. Собирались все члены патронимии. Виновные приходили (в знак раскаяния) с накинутым на шею саваном (белый материал, в который заворачивали мертвеца). В роли примирителя выступал «Келте» или «Сакъя». После примирения виновные обязательно выплачивали выкуп.

²⁴ Х. О. Хашаев Указ. соч., стр. 188.

При примирении кровников из разных тухумов собирались на общесельской площади, обряд примирения был тот же, но в этом случае обычно кровники мирились с большим нежеланием. И часто после такого примирения, кроме уплаты выкупа—«къан», обменивались «головами», т. е. кровники женили своих сыновей и выдавали замуж дочерей в тухум кровников. Таких девушек называли «а руш къандай гайиди я», что означает «она жертва кровного выкупа». Этим девушкам при выдаче замуж выделяли большое приданное, за что у кровников ничего не брали.

О наличии подобных распорядителей-глав патронимий у других народов Дагестана, в частности у даргинцев и аварцев, свидетельствуют данные Р. М. Магомедова, приведенные в его работе. Он пишет: «Из многочисленных фактов былого устройства тухума можно заключить, что демократизм внутренних отношений тухума строился на общественном равенстве всех членов. Каждый тухум имел своего главу, свой семейный совет. Глава тухума, т. е. патриарх, направлял хозяйственную жизнь семейной общины и регламентировал поведение ее членов в частных и общественных делах, а на семейном совете решались вопросы внешнего характера»²⁶.

Обычно, особенно в более ранний период, лезгинская патронимия была строго эндогамна. Предпочитался брак в пределах одной патронимии и в большинстве случаев бытовал так называемый ортокузенный брак, т. е. брак между детьми двух братьев. Впоследствии же стали наблюдаться нарушения принципа эндогамности, особенно в период нарушения территориальной целостности патронимии. Браки стали заключаться уже между двумя тухумами.

Идеологическое единство патронимии проявлялось прежде всего в участии в делах, событиях и празднествах семей своей патронимии, при рождении ребенка, свадьбе, похоронах и т. д. Такое участие считалось обязательным для всех членов патронимии. Несмотря на то, что в этих случаях солидарность проявляли все члены патронимии, все же степень участия зависела от родственной близости. Например, близкие родственники в течение недели после похорон каждый день посещали семью умершего и поочередно приносили еду (обед, хлеб и т. д.), ибо считалось, что в силу постигшего их горя им не до приготовления пищи. Кроме того, близкие родственники и в дальнейшем со дня смерти до истечения 40 дней также приносили обед в дом умершего. А траур соблюдали все члены патронимии. 40 дней мужчины не брились, а женщины одевались во все черное. Срок ношения траура также зависел

---

²⁶ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX в. стр. 125.

от степени родства. К тому же если у кого-либо из близких родственников на ближайшее время была назначена свадьба или другое семейное торжество, то по случаю смерти члена патронимии они откладывались на полгода или на год.

Члены патронимии проявляли большую солидарность также во время свадьбы. При решении многих семейных вопросов, особенно вопроса о вступлении в брак, решающее слово было за главой патронимии «келте», без согласия которого ни одна семья не женила своего сына и не выдавала дочь замуж.

Идеологическое единство патронимии проявлялось и в отношении культовых мест. В некоторых лезгинских селениях (Капир, Тахирджал, Мака, Курах и др.) специально следили за квартальными пирами (священные памятники предкам). Поскольку раньше в каждом квартале жили члены одного тухума, то они каждый четверг зажигали свечи в своем квартальном пире.

Кроме того, в прошлом в большинстве лезгинских селений имелись квартальные мечети, которые обслуживали жителей своего квартала, и одна общая большая джума-мечеть для всего населения аула. Например, в селении Микрах было 4 квартала и в каждом квартале по 2 мечети. Большинство мечетей назывались именем тухума. Эти примеры свидетельствуют о былой культовой общности лезгинской патронимии.

Патронимия имела и свое отдельное место на кладбище, где хоронили лишь представителей одного тухума и даже одного сихила. Это отчетливо прослеживается и в настоящее время.

Все изложенное здесь дает основание полагать, что в раннесредневековый и в более поздний период у лезгин бытовал в пережиточной форме особый общественный институт-патронимия, сохранявшая в ряде отношений единство и известная под различными названиями: «сихил», тухум», «тебин», «миресар», «куьк» и т. д.

У лезгин обнаруживаются термины субстратного порядка, означающие более широкую, чем патронимия, родственную группу. Например, термин «раг» (в точном переводе «скала») употребляют в качестве определения родственной группы, под которой подразумевают самых отдаленных родственников по мужской линии.

В народном обиходе, когда лезгины хотят выразить о тухуме что-либо лестное или плохое, принято говорить: «чи рагиникни ахьтин тухум квайди туш», т. е. «В нашем «раге» такого тухума не бывало!»

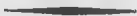

Термин «арха» применяют для обозначения всех родственников, включая самых отдаленных, как с отцовской, так и материнской стороны. Например, говорят: «а архадин дувулар пара чIварахринбур я», что в точном переводе означает «корни этой арха многоростковые», т. е. «арха» понимается как более широкая, разветвленная родственная группа.

Другой термин, охватывающий следующий за патронимией концентрический круг родственников — это «умах». Его употребляют, когда хотят упомянуть основателей тухума. В таких случаях говорят: «А тухумдин умах эсиллубурукай я», т. е. «основатели тухума (праотцы) «умах» из числа достойных представителей».

М. О. Косвен указывает, что «будучи меньшими или большими по числу составляющих их семей патронимии... всегда входят в более широкую родственную группу, которую можно считать родом»²⁶.

Сейчас трудно сказать, можно ли считать вышеупомянутые наименования «раг», «арха», «умах» терминами, обозначающими понятие рода у лезгин. Во всяком случае эти понятия охватывают более широкий круг родственников, чем патронимия. Решение этого вопроса должно стать предметом специального исследования.

---

²⁶ М. О. Косвен. Этнография и история..., стр. 35.

АРХЕОЛОГИЯ

РАННЕЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

(Опыт датировки памятников материальной культуры)¹

Как известно, время и пространство являются важнейшими факторами истории, которые всегда должны лежать в основе всех научных исследований. Установление места или территории, где происходило то или иное историческое событие или изучаемое явление, равно как и возможно более точное определение времени, когда протекало это событие, являются необходимыми и наиболее существенными задачами любого исторического труда. В любом своем труде, выступая как историк, археолог обязательно должен ответить на основные вопросы: что, где, когда? Только успешное решение этих задач и придаёт исследованию ту необходимую конкретность, без чего оно потеряет историческую перспективу и научно-историческую значимость.

При изучении памятников материальной культуры также всегда следует иметь исторический аспект, а он возможен только при непереносимом условии — установлении поэтапного развития как вещи, так и исторического факта или события. Нужно помнить указание В. И. Ленина «...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»². А для этого и нужно выяснить — когда происходило то или иное событие? Хронология — это основная канва всего исторического процесса, начиная с древнейших времен. Между тем, общая проблема хронологии является одной из все еще слабо разработанных проблем в археологии, особенно применительно к древнейшим эпохам, от которых не осталось точно датированных источников. И хотя в последние годы установлены некоторые даже древнейшие даты памятни-

¹ Публикуемая статья является расширенным текстом доклада, подготовленного автором к VI Международному конгрессу доисторических знаний в августе 1962 г. в Риме и опубликованного в *Les rapports et les informations des archeologues de l'URSS. Moscou, 1962.*

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 436.

ков неолита, энеолита и ранней бронзы радиоуглеродными и другими методами точных наук, многие вопросы хронологии памятников бронзового века требуют уточнения и доработки.

Недостаточно разработанной остается и проблема хронологии культур переходного периода от бронзы к железу вообще, особенно раннежелезного века СССР. А ведь эта историческая эпоха, в основном охватывающая рубеж II и I тыс. до н. э. и позднее, является одной из самых важных и интересных во всей истории человечества, хотя бы потому, что только с распространением железа значительная часть населения земного шара получила больше возможностей для более успешного развития своего хозяйства и культуры, вступила в последний этап развития первобытно-общинного строя.

Даже применительно к районам Старого Света следует сказать, что только в эту эпоху на громадных пространствах средней и южных зон Евразии полностью закончился процесс приручения и наиболее рационального хозяйственного использования всех полезных животных, завершилось выращивание основных видов культурных растений и полностью стабилизировалась основа оседло-земледельческих и кочевых или полукочевых обществ.

Эти достижения находились в тесной связи с распространением железа, которое, благодаря своим высоким качествам, довольно быстро проникло во все отрасли производства и быта и определило собой весь дальнейший путь развития человечества.

Если даже иметь в виду только древнюю историю народов СССР, нужно признать, что в полном соответствии с этими сдвигами в области роста производительных сил, тогда же произошли изменения и в общественной жизни и в области культуры. Завершилась полностью консолидация крупных племенных групп и превращение их иногда в малые и неустойчивые, иногда в мощные союзы племен. Проявляясь в самых различных формах, в этот период расширились и значительно оживились межплеменные и даже международные связи. Эти связи обеспечивали широкий обмен культурными достижениями, из которых важнейшим было распространение нового металла — железа. Именно в начальный период освоения железа, которое теперь стало играть ведущую роль в развитии материального (общественного) производства, множество древних племен вступило в период военной демократии, а в южных районах СССР (на Кавказе и в Средней Азии) стали возникать классовые общества и государства (Урарту, Колхидское царство, Синдика и Кавказская Албания).

Подобные сдвиги в области древнего производства и определяли собой главнейшие вехи в общем развитии человечества. Железо и было, по выражению Ф. Энгельса, последним и

важнейшим «из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории»³. Именно поэтому даже самые первые признаки железа мы кладём в основу периодизации тех культур, которыми формально завершается бронзовый век. Появившись ещё в недрах культур эпохи бронзы, железо как новый, более совершенный металл быстро стало играть ведущую роль в самом материальном производстве переходной эпохи (в качестве материала для инструмента).

Заря новой железной эры предопределила дальнейшее, более успешное социально-экономическое развитие древнего населения Евразии, в частности Кавказа. Но, к сожалению, весь ход поступательного движения древних культур раннежелезного века полностью еще не прослежен или не выявлен в деталях.

Недостаточно еще разработанными являются вопросы датировки тех или иных памятников раннежелезного века юга СССР и Кавказа. И хотя в последние годы появился ряд работ, содержащих попытки возможно точнее датировать первое появление железных орудий в Европейской части СССР⁴ и в Закавказье⁵, нельзя быть удовлетворенным общим состоянием этой проблемы.

Все сказанное в равной мере относится и к хронологии культур раннежелезного века Северного Кавказа.

Данное сообщение представляет собою опыт определения во времени наиболее выразительных, ведущих археологических памятников, характеризующих самый конец позднебронзового и начало раннежелезного века Северного Кавказа, выявленных за весь период изучения этого края.

К настоящему времени можно считать прочно установленным, что в интересующий нас исторический период перехода от бронзы к железу и позднее на Северном Кавказе бытовали три самостоятельные археологические культуры: 1) открытая еще в конце XIX в. и ставшая широко известной кобанская культура, расположенная в центре Кавказского перешейка, от верховьев Кубани почти до Дагестана; 2) установленная в восточной Чечне и Дагестане еще в довоенные годы так

---

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1947, стр. 183.

⁴ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28. М., 1953, стр. 37; Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР. СА, М. 1958, № 4, стр. 3; В. Д. Рыбалова. О хронологии памятников эпохи бронзы и раннего железа на Украине. Арх. сборник Гос. Эрмитажа, в. 2, Л., 1961.

⁵ Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных в Самтаврском могильнике. «Вестник Гос. музея Грузии», т. XIX, А и В. Тбилиси, 1957, стр. 139.

называемая каякентско-хорочоевская культура⁶ и, наконец, 3) выявленная после войны на северо-западном Кавказе прикубанская археологическая культура⁷. (Рис. 1, карта).

Ареалы этих трёх археологических культур, возникших в конце бронзового века и получивших развитие в раннежелезном веке, полностью размещались на всей территории Северного Кавказа от Черного моря до Каспийского, заполняя как высокогорную зону у самого Кавказского хребта, так и все предгорные районы вплоть до нижнего течения Терека и Кубани. Но, конечно, кроме этих основных культурных общностей, на Северном Кавказе существовали памятники и других культур, полностью еще не выявленных, особенно в Дагестане.

На территории, сопредельной с кобанской и прикубанской культурами, но по ту сторону Кавказского хребта, в это время пышно расцвела так называемая колхидская культура, сходная с обеими названными культурами, но вместе с тем являющаяся самостоятельной культурой всей западной Грузии и Абхазии.

Наконец, в смежных районах восточной Грузии, северной Армении и западного Азербайджана, собственно в центральном Закавказье в то время существовал очень крупный, яркий и богатый культурный очаг. В местных научных кругах отдельные локальные варианты этой центрально-закавказской культуры принято называть: в Грузии — восточно-грузинской культурой, в Армении — северо-армянской, а в Азербайджане — ходжалы-кедабекской или ганджа-карабахской культурой⁸.

Из всех этих древних культур Кавказа лучше других оказались изученными — кобанская, колхидская и центрально-закавказская культуры.

Опыт комплексного изучения всего могильного инвентаря (металла и особенно керамики), а также особенностей форм погребальных сооружений и погребальных обрядов, характерных для всех этих кавказских культур, в сопоставлении с соответствующими материалами предшествующей эпохи, приводит к заключению о возникновении и развитии всех этих культур на местной единой и более древней культурной основе. Их развитие было порождено успешным ростом производительных сил у ставших этнографически различными кавказ-

---

⁶ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА, 68. 1958, стр. 51; Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. Тр. ГИМ. XI. 1940, стр. 130.

⁷ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, 23, 1951, стр. 80.

⁸ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. М.—Л. 1949, стр. 51—71; Н. В. Минкевич-Мустафаева. О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. Сборник «Материальная культура Азербайджана», т. IV. Баку, 1962, стр. 109.

КАРТА ДРЕВНИХ КРАЕВУР КАМЧАДА РАЙОНА ДЕКАНОВОГО ВЕКА / ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА /

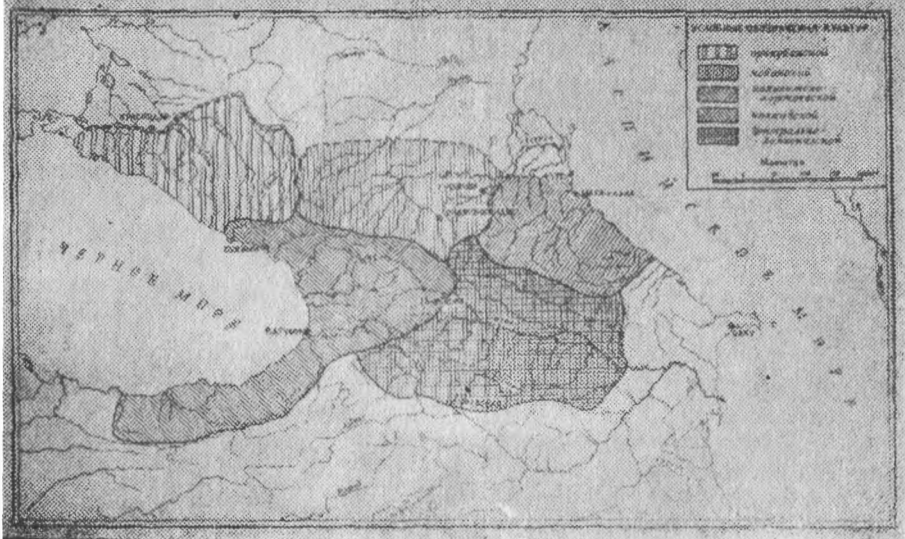

Рис. 1

ских племенных групп населения. Еще позднее эти группы образовали (в основном) одну этническую общность — одну так называемую иберийско-кавказскую языковую семью, резко отличную от всех других языковых систем мира.

Здесь уместно отметить, что носители всех этих древних культур, особенно на Северном Кавказе, еще переживали уровень социально-экономического развития первобытно-общинного строя на разных стадиях его распада.

Переходя к непосредственному показу хронологической шкалы развития основных древних культур Северного Кавказа интересующего нас периода: на Северо-Западе — прикубанской и меотской культур, в Центральном Предкавказье — кобанской, а на Северо-Восточном Кавказе — каякентско-хорчоевской культуры и других памятников Дагестана, как культур еще не определенных, следует коротко сказать об основах предлагаемой периодизации.

Для установления ранних этапов развития этих культур немаловажным фактом является отсутствие или очень слабое наличие железа в бронзовых комплексах, характеризующих становление этих основных культур. С учетом того обстоятельства, что даже в цивилизациях Древнего Востока первое появление железа и его индустриальное, т. е. широкое использование падают по существу только на вторую половину II тыс. до н. э., вряд ли можно предполагать сильное отставание и позднее знакомство с этим ценным металлом населения Северного Кавказа, не говоря уже о Закавказье. Известно, что о первом железе знали в Египте Нового Царства еще со времени XVIII династии, а первое упоминание о нем относится к XV веку до н. эры, когда воинственный фараон Тутмос III получал дань из Аравии, Сирии и Месопотамии очищенным железом. Но широкое, уже промышленное использование железа в том же Египте, да и в Малой Азии началось не ранее XIII в. до н. э. Так, судя по раскопкам хеттского города Кархемыша, только с XII в. до н. э. железо стало широко распространяться в Малой Азии (в северной Сирии) и северо-западной Месопотамии⁹. Но даже в Ассирии железо окончательно вытеснило бронзу только на рубеже IX—VIII вв. до н. эры¹⁰.

Кавказ в целом, и особенно Закавказье, в культурном развитии начиная с энеолитической эпохи, всегда был тесно связан с Передней и Малой Азией¹¹. Поэтому население Кав-

---

⁹ В. И. Авдиев. История Древнего Востока. М. 1946, стр. 74. Всемирная История, т. I, 1955, стр. 327. R. Furuh. *Mahuel de prehistoire generale*. Paris. 1943, стр. 360.

¹⁰ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М. 1959, стр. 163.

¹¹ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА № 100. М. 1961, стр. 164 и сл.

каза не могло долго оставаться в неведении о процессе использования железа, ставшего уже известным многим народам древнего Востока с конца II тыс. до н. э. Здесь важно отметить, что авторы последних работ, специально занимавшиеся рассмотрением вопроса о начале железного века в Закавказье, в частности в Грузии и Армении, пришли к выводу о зарождении там железного производства еще в XII в. до н. э.¹² Широкое же освоение железа в Закавказье, не без воздействия хеттов, а затем урартов падает на самое начало VIII в. до н. э.¹³ Особенно широкую известность, как искусные железоделатели, приобрели древние халибы.

Собственно почти такая же картина, судя по последним статьям Б. Н. Гракова и В. Д. Рыбаловой, наблюдается и на территории Восточно-Европейской равнины и даже в Западной Европе, т. е. в областях Гальштатта¹⁴. Подобный процесс овладения металлургией железа и его обработки тем более можно предполагать на Северном Кавказе, с древнейших времен органически связанном как с Закавказьем, так и с районами Юго-Восточной Европы.

Таким образом, в то время, когда на Кавказе уже бытовали основные типы бронзовых орудий (кобанские, прикубанские, колхидские топоры, закавказские секиры, мечи и кинжалы, дагестанская посуда, оригинальные кобанские пряжки, браслеты, фибулы и различные украшения), почти повсюду, на окружающей Кавказ территории, шел активный процесс освоения железа. И если на Кавказе, особенно на Северном Кавказе, этот процесс несколько задержался (на одно столетие), то это должно объясниться не культурной отсталостью древних племен края (о чём писали Вильке, Гернес, В. Миллер и др.), а очень устойчивой и высокой для своего времени техникой обработки цветных металлов, покоящейся на богатейшей местной рудной базе. Устойчивость давно выработанных форм бронзовых орудий была настолько велика, что нашла свое ограждение в более поздних типах вещей, сделанных уже из железа (например, в топорах, наконечниках копий и кинжалах).

Кроме того, как известно, первое применение железа носителями кавказских культур выражалось либо в орнаментации железом бронзовых предметов (например, кобанских топоров и поясных пряжек), либо в оружии и мелких украшениях, которые могли и не сохраниться. Поэтому не только факты, прямо доказывающие наличие первых железных предметов в памятниках Северного Кавказа, будут для нас исходными

¹² Р. М. Абрамишвили. Ук. соч., стр. 140—142.

¹³ Б. Б. Пиотровский. Указ. соч., стр. 161, 257.

¹⁴ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 9.

данными для установления ранних дат железного века этого края, но и сделанные наблюдения над первыми признаками железа.

Для установления же более поздних дат северокавказских древностей в пределах I тыс. до н. э. следует воспользоваться ретроспективным методом, который может быть применен здесь при отсутствии более древних эталонов, и идти от известного к неизвестному. Такими более или менее хронологически уточненными эталонами более позднего времени могут служить различные импортные вещи, в разные периоды истории попавшие на Кавказ, в том числе и на Северный Кавказ. Это древние надписи (например, урартские), украшавшие предметы и кавказских культур, различные египетско-финикийские стеклянные вещи — посуда и украшения (особенно многоцветные бусы), античная посуда и, наконец, скифо-савроматское оружие (акинаки и наконечники стрел), которые при современной разработанности периодизации производства этого оружия и его бытования¹⁵ в известной степени могут считаться хронологическими эталонами для датировки археологических комплексов, в которые они входят.

Многочисленные случаи встречаемости определенных типов местных археологических предметов с некоторыми из этих «эталонов» (ими уже определенными) также должны учитываться при установлении даты вещевых комплексов и в какой-то мере служить основанием для их датировки.

Памятники центрального Кавказа.

(Кобанская культура).

Из всех древних археологических культур Северного Кавказа лучше других оказалась изученной кобанская культура, легшая в основу многих культур средневековых и даже современных народов центрального Кавказа.

Носители этой культуры были оседлыми племенами, основой хозяйства которых было отгонное скотоводство, земледелие и высокоразвитое бронзовое, а позднее и железное производство. Самой характерной формой погребальных сооружений у древних кобанцев были на раннем этапе прямоугольные каменные ящики, а на позднем — так называемые «колодцы», обложенные булыжным камнем, и могилы в грунте.

По разнице в типах могильных сооружений, морфологии керамики и металлического инвентаря удалось выделить три

---

¹⁵ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, М., 1961, стр. 37—61.

локальных варианта кобанской культуры: западный (или кабардино-пятигорский), центральный (северо-осетинский) и восточный (чечено-ингушский). Материальная культура этих трех вариантов несомненно отражала этнографические черты различных племенных групп единой культуры. Прослежены широкие связи племен этой культуры с племенами и народами Юго-Восточной Европы, Закавказья, Передней и Малой Азии и даже со странами Ближнего Востока (Финикией и Египтом)¹⁶.

Установлено, что истоки кобанской культуры прослеживаются в особом варианте предшествующей ей т. н. северокавказской культуры эпохи бронзы, бытовавшей на Кавказе вплоть до конца II тыс. до н. э.¹⁷

Переломным моментом в древней истории всего Кавказа, и в частности в развитии кобанской культуры, явился контакт носителей ее со скифо-сарматским миром, установленный уже в первой половине VII в. до н. э. в связи с первыми походами скифов в Переднюю Азию через Кавказ¹⁸. Влияние этого контакта очень явственно отразилось в кавказских древностях и послужило опорой для членения местных культур на два хронологических этапа: доскифский и скифский, причем первый период — доскифский — оказывался очень аморфным и неуточненным за отсутствием эталонов.

В настоящее время нам представляется возможным наметить трехчленную хронологическую шкалу, в которой в доскифском этапе можно наметить два периода: I-й период — рубеж II и I тыс. до н. э., с возможным углублением ранней даты до XII века до н. э., и 2-й период начального освоения железа — IX—VIII вв. до н. э.

Какие же к этому имеются основания?

Известно, что проблема датировки кобанской культуры имеет длительную историю. Не давая анализа аргументации всех существующих датировок кобанской культуры, ограничимся указанием на то, что амплитуда колебаний дат для Кобана очень велика и варьирует, начиная от XV в. до н. э. Наиболее раннюю дату кобанской культуры (не говоря о фантастической датировке Моргана (предложили Э. Шантр и В. А. Городцов (XV—XIV вв. до н. э.)).

В наше время только грузинские исследователи проявляют тенденцию углублять раннюю дату Кобана и Колхиды до

---

¹⁶ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 341—356.

¹⁷ Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА, 1957, № 1, стр. 78; В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, № 93. М. 1960, стр. 129, 147.

¹⁸ Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. Сборник «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 186.

XIII в. до н. э. (Г. К. Ниорадзе и О. М. Джапаридзе). Но очень молодой кобанская бронза представлялась только И. И. Толстому и Н. А. Кондакову. Сопоставляя ее с римской бронзой, они относили ее к самому началу нашей эры.

Подавляющим же большинством исследователей (Г. Д. Филимонов, А. С. и П. С. Уваровы, Р. Вирхов, Гёрнес, В. Ф. Миллер, Б. Ф. Фармаковский, А. М. Тальгрэн, М. И. Ростовцев, А. А. Миллер, Ф. Ганчар, С. Пржеворский, А. А. Иессен, Б. А. Куфтин, Е. П. Алексеева, Б. В. Техов и другие) время бытования раннекобанского этапа определялось следующими рамками — конец второго и начальные века первого тыс. до н. э.¹⁹.

В основе аргументации этих авторов лежали типологические соотношения кобанских бронз и стилистические сопоставления их с закавказскими и переднеазиатскими образцами, но главными и основными доводами являлись уточненные даты Гальштатта, а также отсутствие или слабое наличие железа в ранних комплексах Кобана.

Последний факт и для нас всегда служил наиболее существенным критерием (при учете других соображений) для определения даты кобанской культуры, ибо орнаментация из железа и железные предметы были встречены в самых ранних комплексах. Еще Г. Д. Филимонов — первый исследователь кобанского могильника — наряду с массовой бронзой отметил и железные изделия, прежде всего оружие. В. Б. Антонович из пяти вскрытых им могил в двух обнаружил железные предметы, причем в могиле № 2 — с наиболее ранними формами бронзовых кобанских топоров, на которых были выгравированы рыбы и змеи; в могиле же № 3 лежали «бронзовый кинжал с узорчатой рукоятью, а под ним — железный топорик»²⁰.

Из 22-х могил, вскрытых на кобанском могильнике Э. Шантром, в 4-х могилах (№№ 11, 17, 18 и 19) было обнаружено железо, в том числе и пластинчатая поясная пряжка с железной инкрустацией в виде змеи²¹. Железо не раз встречалось и нам при вскрытии ранне-кобанских комплексов на кумбултском могильнике «Верхняя Рутха» и в других местах.

Мы теперь знаем, что ранний этап кобанской культуры характеризуют такие руководящие формы как изящный тип кобанского топора, высокие пластинчатые поясные пряжки, дугообразные фибулы с узким приемником, рубчатые брасле-

---

¹⁹ Литература по этому вопросу приведена в книге «Древняя история Северного Кавказа». М., 1960, стр. 106 и др.

²⁰ В. Б. Антонович. Дневник раскопок на Кавказе. Протоколы заседаний V Археологического съезда. М., 1879, стр. 243.

²¹ E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase. t. I—II. Paris-Lyon, 1886—1888.

ты со спиральными концами, массивные наручники и налокотники, а также керамика с нарезным геометрическим узором. Судя по неоднократному нахождению этих предметов в закавказских комплексах вместе с бронзовыми секирами, мечами, кинжалами и бронзовыми поясами, теперь достаточно точно датировемыми самым концом второго тысячелетия до н. э., начало развития кобанской бронзы мы относим к рубежу II и I тыс. до н. э. Основанием для этого служат смешанные комплексы из Самтаврского могильника как из дореволлюционных, так и последних раскопок (погребение № 591 — Ф. Байерна и другие), а также Бешташенского могильника и ряд кладов — у с. Джвари, на Ингуре, у крепости Мехчисцихе и другие, в которых закавказские орудия сочетались с раннекобанскими формами²².

Уже сказано выше, что зарождение основных форм Кобана прослежено в недрах еще Северо-Кавказской культуры эпохи поздней бронзы. Здесь не лишне вспомнить, что и два иностранных ученых (Ф. Ганчар и С. Пржеворский)²³, занявшись генезисом кобанского топора, появление его также датировали самым концом II тыс. до н. э.

Мы полагаем, что рубеж II и I тыс. до н. э., т. е. XI—X вв. и следует считать для Северного Кавказа переходным периодом от бронзы к железу. К этому первому периоду мы и отнесли все ранние погребения основного могильника в сел. Верхний Кобан, Кумбултского могильника «Верхняя Рутха», Галиатского могильника «Фаскау» и другие археологические объекты центрального Кавказа (см. таблицы I и II).

С некоторой оговоркой можно выделить и второй период в развитии кобанской культуры, ограничив его IX и первой половиной VII в. до н. э. Он определяется установившимся контактом Кавказа с киммерийско-скифским миром. Мы должны признать, что в кобанских памятниках этого периода все еще преобладает бронза в своих традиционных формах, но почти каждый комплекс содержит уже и железо и прежде всего в виде орудий труда (ножи) и оружия (топоры и кинжалы). Именно на этот период падает самый блестящий расцвет кобанской культуры, нашедший свое выражение в широчайшем ассортименте кобанских изделий, начиная с бронзовой посуды и кончая самыми разнообразными украшениями. Несомненно, этот подъем местного металлопроизводства и культуры находился в тесной взаимосвязи с процессом расшире-

²² Б. А. Куфтин. Раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 68—75.

²³ Fr. Hantsch. Beile aus Koban in der Wiener Sammlung Kaukasischer Altertümer. Wiener Præhistorische Zeitschrift. XXI 1931, стр. 12, St. Przeworski. Der Grottenfund Von Ordu. Archiv Orientalni. VII, Praha. 1935, стр. 396.

ния межплеменных и даже международных связей кобанского общества с внешним миром.

Зарубежные связи Северного Кавказа этого периода хорошо прослеживаются как по наличию на территории края ассирийских, урартских, киммерийских и особенно закавказских предметов, так и по кобанским изделиям, находимым в Закавказье и в южных районах Восточной Европы (ассирийский бронзовый шлем из «Фаскау», урартские шлем и пояс из Осетии, киммерийские топоры — кельты и кинжалы из Кабардино-Пятигорья и другие факты). Судя по итогам исследования новых бытовых памятников, именно в это время на Северном Кавказе появились глиняные штампы или «пинтадеры», известные в Закавказье и Малой Азии.²⁴ С этого периода начинается массовое производство различных предметов конского снаряжения (удил, псалий и пр.), судя по исследованиям А. А. Иессена, получивших довольно широкое распространение даже в степных районах северного Причерноморья (особенно двухкольчатые удила на Украине)²⁵. В стилистическом отношении в кобанской бронзе этого периода, особенно в конце его, можно наметить два явления: усиление геометризации в узорах на фибулах и появление некоторой вычурности форм, не свойственной первому периоду; особенно это стало проявляться в оформлении поясных пряжек, фибул и наверший булавок. К этому второму периоду относится большинство кобанских могильников Северной и Южной Осетии (во главе с замечательным могильником у с. Тли)²⁶ и Кабардино-Пятигорья, а также исследованные поселения этой культуры — Баксанское поселение (Кызбурн I), Змейское, Алхастинское и Сержень-Юртовское поселения²⁷ (см. табл. I и II).

Наконец, третий период в развитии Кобана надежно выделяется по ряду таких явно импортных вещей, как ахеменидское серебро (серебряная чаша с арамейской надписью и фигурка барана из Казбекского клада), египетско-финикийские стеклянные многоцветные бусы VI—V вв. до н. э., но особенно предметы скифо-савроматского вооружения.

Еще не так давно некоторые кавказоведы сомневались в правильности датировки на Кавказе скифских образцов VII

---

²⁴ А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. КСИИ, в. 94, М., 1963, стр. 42; Е. Крупнов. Kaukasische «Pintaderys». Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. В. XCII. Wien, 1962, s. 197—206.

²⁵ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1959, стр. 49.

²⁶ Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна. Цхинвали, 1957, стр. 150—151.

²⁷ Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. КСИИ, в. 88, М., 1962, стр. 33.

веком до н. э. Но ставшие многочисленными комплексы северокавказских древностей, включающих и наиболее ранние типы бронзовых двухлопастных втульчатых наконечников стрел (с шипами и без них), при современной разработанности их хронологии, не оставляют сомнения в правильности их датировки во всяком случае второй половиной VII в. до н. э. Такими комплексами VII в. являются опубликованные А. А. Иессеном наборы бронзовых вещей с двухлопастными наконечниками скифских стрел с горы Бештау близ г. Пятигорска²⁸ и из других пунктов Северного Кавказа. Последние данные из раскопок П. Г. Акритаса Нижне-Чегемского могильника в Кабардино-Балкарии еще раз убеждают в правомерности связывать появление первых скифских элементов в древностях Кавказа с первыми походами на Древний Восток скифов в 70-х годах VII в. до н. э.

Вместе с Б. Б. Пиотровским мы склонны думать, что наиболее массовому внедрению железа на Северном Кавказе в определенной степени мы и обязаны скифам, способствовавшим широким контактам между собою даже дальних народов. Эти контакты проявлялись в разных формах. Именно в скифский период и могли попасть на Кавказ серебряные изделия ахеменидской торевтики (из Казбекского клада, из Алгети и др.), а также множество образцов ближневосточной городской ремесленной продукции, в виде стеклянных флаконов (из с. Куши в Триалети) или многочисленных цветных бус и амулетов из египетской пасты.

Рядом европейских исследователей (Киза, Нейбург и др.) давно установлено, что родиной изготовления подобных украшений в VII—V вв. до н. э. были такие прославленные в древности ремесленные центры Восточного Средиземноморья, как финикийские города Тир и Сидон и египетские центры Фивы, Мемфис, а позднее Александрия и Навкратис. Продукция этих центров получила широкое распространение по всему Средиземноморью вплоть до Испании (ожерелье на известной скульптуре «дамы» из Эльче), а также в Причерноморье, в том числе и на Кавказе. Таковы массовые находки различных бус и скарабеев в могильнике Брили (Рача)²⁹, в Моздокском, Луговом, Нестеровском, Исти-су и др. могильниках Северного Кавказа VI—V вв. до н. э.

Разработанная типология скифо-савроматских стрел также позволяет более уверенно (почти по векам) датировать

---

²⁸ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сборник «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 123.

²⁹ Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии (на груз. яз.). Тбилиси, 1952, стр. 103, табл. XII—II.

отдельные памятники кобанской культуры в пределах этого (III) периода до эллинистического времени, до IV в. до н. э.

К третьему периоду развития кобанской культуры скифского времени относится наибольшее количество памятников центрального Кавказа во главе с так называемыми «колодцами» у сел. Верхний Кобан, в которых наряду с железными изделиями все еще широко представлены и бронзовые украшения (см. табл. I и II). Стиль прикладного искусства этого периода в еще большей степени отражает вычурность кобанских форм, может быть не без воздействия скифского звериного стиля.

Эллинистическим временем (IV в. до н. э.) мы и ограничиваем свою периодизацию кобанской культуры, хотя признаем, что в некоторых своих видоизмененных формах эта культура продолжала развиваться и позже, вплоть до II в. до н. э., если вспомнить инвентарь Филимоновского погребения в с. В. Кобан с римским бронзовым сосудом II—I вв. до н. э.³⁰

Северо-западный Кавказ

(Памятники прикубанской и синдо-меотской культур)

В силу слабой полевой изученности археологических объектов на северо-западном Кавказе самого конца бронзового и начала железного века пока еще трудно проследить последовательное развитие общественной жизни и культуры населения этого края. Мы имеем довольно четкое представление только о позднем этапе самостоятельного прикубанского металлургического очага, выявленного А. А. Иессеном, а также обстоятельные суждения о памятниках скифо-синдо-меотского периода, достаточно хорошо изученного Н. В. Анфимовым, К. Ф. Смирновым³¹ и др. Промежуточный же период (раннего железа) был почти неизвестен до самого последнего времени даже по случайным находкам. Только раскопками Н. В. Анфимова интереснейшего грунтового могильника у станции Николаевской (в Адыгее) восполняется и этот пробел³².

В настоящее время имеются основания, правда с более относительной точностью, чем это сделано применительно к кобанской культуре, наметить трехчленную периодизацию памятников и северо-западного Кавказа.

Ранний этап местной культуры, к сожалению, намечается

³⁰ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. «Материалы по археологии Кавказа», в. VIII. М. 1900, стр. 85, рис. 81.

³¹ Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958, ст. 10—22.

³² Его же. Протомеотский могильник с Николаевского. Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. II, Майкоп, 1961, стр. 103.

(по А. А. Иессену) только по отдельным небольшим комплексам бронзовых вещей и даже по случайным находкам. Морфологическая близость ряда категорий вещей к типам кобанской или колхидской культур позволяет прикубанскую бронзу также относить к рубежу II—I тыс. до н. э., с возможным углублением наиболее ранней даты до XII в. до н. э., что допускалось и А. А. Иессеном³³ К этому периоду мы относим ряд бронзовых топоров с овальным отверстием в обушной части из Пицундского клада, из станицы Крымской и других мест Прикубанья, а также кинжалы из Гоначхира и других мест (см. таблицы I и II).

Второй период прикубанской бронзы характеризуется появлением первых предметов конского снаряжения (удил и псалий), развитых форм наконечников копий (чаще уже литых), бронзовых серпов с загнутым крюком, различных секир и тесел и, наконец, железного оружия. Самым показательным для этого отрезка времени является новый и богатый материал из Николаевского могильника, который содержит почти все перечисленные категории вещей и наиболее раннюю для этого периода керамику³⁴.

Вхождение в могильный инвентарь Николаевского могильника бронзовых браслетов, бронзовых и железных копий и ножей, а также самых ранних форм бронзовых двуколычатых удил и псалий³⁵ и двухлопастных втульчатых стрел без шипов, позволяет датировать этот могильник VIII или самым рубежом VIII—VII вв. до н. э.³⁶ Весь же II период определяется нами временем — от IX до первой половины VII в. до н. э. Характерный ассортимент керамики, особенно чарки с высокими ручками, и бронзовые изделия этого времени содержат ряд типов, получивших свое дальнейшее развитие в следующий период сложения уже меотской культуры. Таким образом, в период раннего железа на северо-западном Кавказе, на базе позднебронзовой прикубанской культуры, закладываются основы для сложения культуры племенных групп Прикубанья — синдов и меотов, полностью развившейся уже в скифский период.

Третий заключительный этап нашей периодизации древних культур северо-западного Кавказа легко устанавливается по серии таких хорошо исследованных и изученных поселений,

³³ А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 120.

³⁴ Своей осведомленностью о составе Николаевского могильника еще до публикации его материала я обязан исключительной любезности Н. В. Анфимова, за что приношу ему глубокую благодарность.

³⁵ Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп. 1961, стр. 123—125.

³⁶ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. М., 1961, стр. 38, табл. I А, тип. V.

городищ и могильников Прикубанья как Келермесские курганы, Усть-Лабинские и другие могильники, Семибратное городище и другие археологические памятники. Этот период мы начинаем со второй половины VII в. до н. э. с момента повторных вторжений скифов на северо-западный Кавказ, что доказывается наличием в Прикубанье архаичных типов скифского оружия — акинаков и наконечников стрел. Большинство же исследованных памятников уверенно датируется по скифским и античным эталонам (посуда, бусы и пр.) началом VI в. до н. э. и позднее вплоть до эллинистического периода (IV в. до н. э.)³⁷. Этот период характеризуется оживлением взаимоотношений местных племен с античным миром (с Боспорским царством), распадом первобытно-общинного строя и появлением даже в V в. до н. э. синдского государства, в IV в. вошедшего в состав Боспорского царства (табл. I и II).

Северо-восточный Кавказ.

(Памятники каякентско-хорочоевской и других культур).

К сожалению, еще затруднительнее дать четкое представление о развитии древних культур позднебронзового и раннежелезного веков на территории северо-восточного Кавказа (восточная часть Чечни и Дагестан). И хотя за последние годы значительно оживившаяся археологическая работа Дагестанского филиала АН СССР и ознаменовалась открытием ряда ценных памятников, относящихся и к интересующему нас времени³⁸, недостаточная публикация изученных объектов препятствует всестороннему использованию их в данном сообщении.

Самыми важными и основными компонентами нашей периодизации памятников северо-восточного Кавказа будут памятники каякентско-хорочоевской культуры, бытовавшей в восточных районах Чечни и в Дагестане (в виде двух локальных вариантов)³⁹. Такое название она получила по первым исследованным могильникам у селений Каякент и Хорочой. Основной формой её погребальных сооружений были массивные гробницы в виде каменных ящиков. Руководящими типами каякентско-хорочоевской культуры являются: керамика с поверхностью, грубо обмазанной глиной, и довольно редкие

³⁷ Очерки истории Адыгеи, т. I. Майкоп, 1957, стр. 34—42; Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани. Краснодар. 69, 84.

³⁸ Этот раздел сообщения построен с использованием данных полученных мною от научного сотрудника Дагфилиала АН СССР В. Г. Котовича, которому выражаю свою глубокую признательность.

³⁹ А. П. Круглов. Ук. соч., стр. 51.

украшения в виде браслетов, височных колец в полтора оборота и мелких сурьмяных привесок. Очень редки предметы вооружения. При наличии уже нескольких могильников, исследованным оказалось пока только одно поселение этой культуры.

Окончательно не уточненным до сих пор остается время бытования каякентско-хорочоевской культуры. Нахождение образцов керамики этой культуры на Сержень-Юртовском поселении Чечни IX—VIII вв. до н. э., наличие в составе дагестанских могильных комплексов разнообразных сурьмянных украшений, весьма типичных для центрально-закавказской и кобанской культур, подтверждают синхронность раннего этапа каякентско-хорочоевской культуры с этими хорошо датированными культурами. Особенно в этом убеждает опыт исследования Сержень-Юртовского поселения и Зандакского могильника в Чечне, где каякентско-хорочоевская посуда сочетается с кобанским металлом.

Поэтому мы склонны первый период, на который приходится развитие и этой культуры, не особенно углублять за пределы XII в. до н. э., а закат ее ограничить раннескифским периодом, который характеризуется нарезным орнаментом на керамике, датируемой скифскими наконечниками стрел VII—VI вв. до н. э.⁴⁰ Ранний период этой культуры (XII—X вв. до н. э.) представлен в Чечне Хорочоевским, Белгатоевским и другими могильниками, а в Дагестане Сулакскими курганами, Таркинскими и другими могильниками и Нижне-Сигитминским поселением, в материале которых еще нет железа. Наиболее поздним будет Каякентский могильник, отличающийся иной отделкой и орнаментацией керамики.

Второй период культурного развития северо-восточного Кавказа характеризуется окончательным закатом каякентско-хорочоевской культуры и появлением новых памятников, по признанию дагестанских археологов генетически связанных с предшествующим этапом, но осложненных взаимосвязями с позднекобанской культурой и с Закавказьем⁴¹. Одновременно он характеризуется и первыми признаками железа. По существу это и будет предскифский период раннего железа. К этому периоду относятся Дагбашский⁴², Талгинский⁴³, Мургерганский и другие могильники края (табл. I и II).

⁴⁰ А. А. Ивановский. По Закавказью. Материалы по археологии Кавказа, т. VI, М., 1911, стр. 35—36.

⁴¹ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. Уч. записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. VIII, 1960, стр. 343—346.

⁴² М. И. Пикуль. Дагбашский могильник. Уч. записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. IX, 1961, стр. 296.

⁴³ М. И. Исаков. Талгинский могильник. КСИИМК, вып. 67, М., 1957, стр. 126.

ХРОНОЛОГИЯ

АРХЕОЭПИГРАФИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ РАЙОНА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

СЕВЕРНО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ Пятигорские и окрестные комплексы				ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАВКАЗ Новоселие (Светлоград)				СЕВЕРНО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ Историко-этнографический комплекс (Светлоград)			
Монеты	Серебряные монеты (ауреусы)	Серебряные монеты	Серебряные монеты	Серебряные монеты	Серебряные монеты	Серебряные монеты	Серебряные монеты	Серебряные монеты	Серебряные монеты	Серебряные монеты	Серебряные монеты

Рис. 2

Наконец, к третьему, точнее скифскому периоду, дагестанские археологи справедливо относят ряд новых памятников, содержащих скифские элементы материальной культуры⁴⁴. Его крайние даты могут ограничиваться серединой VII века и IV веком до н. э. Из этих объектов особенно интересными оказываются Аркаское и Макинское поселения, Карабудахкентский и другие могильники Дагестана. Особенно характерным для позднего этапа местной культуры будет Хабединский могильник, исследованный покойной М. И. Пикуль⁴⁵.

При дальнейшем анализе всех упоминавшихся памятников Дагестана возможно удастся в пределах этих двух периодов выявить и самостоятельные археологические культуры. Это дело будущего. Пока же культурные особенности этих объектов, кроме местных, определяют скифо-савроматские, а позднее и раннесарматские элементы.

Разумеется, отнесение того или иного археологического памятника к тому или иному периоду особенно применительно к северо-восточному и северо-западному Кавказу, а тем более возможно точная его датировка, представленная в таблицах, не могут считаться окончательными. Дальнейшая публикация и углубленное изучение широкого круга аналогичных памятников и древних культур Кавказа несомненно кое-что уточнят в нашей периодизации. В основном же хронологическую последовательность упоминаемых памятников, при современном состоянии наших знаний, можно себе представить именно в том виде, как она изображена на наших таблицах I и II. Это — первый опыт хронологии археологических объектов раннежелезного века всего Северного Кавказа.

---

⁴⁴ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. Материалы по археологии Дагестана, т. I. Махачкала, 1959, стр. 139.

⁴⁵ М. И. Пикуль. Хабединский могильник. Материалы по археологии Дагестана, т. II. Махачкала, 1961, стр. 135.

ПЕТРОГРАФИКА ГОРНОЙ АВАРИИ.

Среди архитектурных памятников Дагестана особенно интересны древние постройки с каменными блоками, на которых высечены различные знаки, фигуры людей и животных — петроглифы. Такие камни с рисунками известны почти по всему Дагестану, но особенно много их в высокогорной Аварии — той части Дагестана, в которой живут народы, говорящие на аваро-андо-цезских языках.

Петроглифы характерны не только для Дагестана, они обнаружены в соседней Чечено-Ингушетии¹, Северной Осетии², в районе Теберды³. По мере удаления от Дагестана к западу количество этих памятников уменьшается, сюжеты их упрощаются. Следовательно, можно сказать, что петроглифы более всего характерны для культуры народов восточной части Северного Кавказа.

Петрографика Аварии давно привлекала к себе внимание ученых, хотя и не в такой степени, как чудесные рельефы, покрывающие постройки аула Кубачи. Первая работа, специально посвященная петроглифам Аварии, принадлежит А. С. Башкирову. Он делит древние изображения на две группы: символическую (рисунки геометрических начертаний, спирали, лабиринты) и с реально-бытовыми сюжетами. Автор описывает целый ряд петроглифов из аулов Тидиб, Ругуджа, Корода и др. В дальнейшем А. С. Башкиров снова возвраща-

¹ Вгипо Plaetschke. Die Tschetschenen. Hamburg, 1929, стр. 41, 53 и др., рис. 2, 3, 7—10, 14 и др.; В. Миллер. Терская область. МАК 1, 1888, стр. 38—39, рис. 53—55; М. Акбулатов. Материалы по обследованию Чечни. Архив Лоиа, д. ГАИМК, № 216, за 1928 г.

² Исследование Л. П. Семенова, И. П. Щерблыкина и А. П. Круглова. Архив ЛОИА, д. ГАИМК за №№ 181 за 1928 г., 234 за 1937 г., № 210 за 1925 г., № 299 за 1934 г. В Курталинском ущелье Сев. Осетии петроглифы были осмотрены В. И. Марковиным в 1962 г.

³ К. Петрович. Чудесный памятник археологии Карачая. Архив ЛОИА, д. № 16, за 1940, лл. 20—50, 65—82, фото и рисунки.

⁴ А. С. Башкиров. Петрографика Аварии. Труды секции археологии РАНИОН, V, М., 1930, стр. 126—132.

стся к данной теме. Он намечает два направления в искусстве резьбы народов Дагестана: «северную резьбу» — примитивную, близкую рисункам типа graffiti, и «южную пластику» — монументальные рельефы аула Кубачи, Амузга и др.⁵. Искусству южных районов — кубачинской пластике — А. С. Башкиров склонен находить аналогии в монетах Персии и южного Кавказа⁶. Такое резкое членение искусства дагестанцев вряд ли верно. Примитивные памятники резьбы, близкие детским рисункам, известны из южных районов⁷; здесь же встречается резной узор, не находящий аналогий в соседнем Азербайджане⁸. В северных районах (Авария, Кумыкия) также встречается великолепная резьба, не уступающая искусству южных районов. К тому же многие из сюжетов «южной пластики» находят аналогии в примитивной «северной резьбе» (петроглифах).

Другой исследователь Н. Б. Бакланов считает, что «искусство современного Дагестана следует отнести к области примитивных искусств во всех отношениях: и в смысле идей или заданий, и в смысле применяемого материала, и в смысле техники обработки использованного материала»⁹. Камни с петроглифами он склонен рассматривать как случайные, взятые из построек прежней, более развитой культуры¹⁰.

Известный этнограф Е. М. Шиллинг также не прошел мимо оригинального искусства аваро-андийских народов. В изобразительном искусстве Дагестана он намечает два слоя: «слой развитого искусства растительного стиля», родственному искусству соседних с Дагестаном народов (искусство аулов Кубачи, Казикумуха и др.), и «слой искусства областей внутреннего Дагестана», под которым он объединяет районы с петроглифами, керамическое производство аула Балхар, ковровое производство аула Хунзах. Между намеченными «слоями» искусств промежуточное место у него занимают древние юве-

---

⁵ А. С. Башкиров. Резьба по дереву и камню в Дагестане. Сборник «Художественная культура Советского Востока». М., 1931, стр. 106—107.

⁶ А. С. Башкиров. Искусство Дагестана. М., 1931, стр. 78, 79.

⁷ Л. И. Лавров. Археологические разведки в верховьях р. Самур. МАД, I, Махачкала, 1959, стр. 177—181, рис. II—IV.

⁸ Г. Н. Любимова, С. О. Хан-Магомедов. Народная архитектура южного Дагестана. М., 1956.

⁹ Н. Бакланов. Художественная культура Дагестана. «Новый Восток», кн. 5, М., 1924, стр. 255. С такой оценкой искусства народов Дагестана согласиться нельзя. Напомним хотя бы об искусстве ковроделия, мастерские аулов Кубачи, Унцукуль, Балхар, Гочатль.

¹⁰ Н. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана. Вып. I, Л., 1935, стр. 12; его же. Архитектурные сооружения Дагестана, III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии (доклады). М.—Л., 1939, стр. 22.

лирные центры — аулы Бежита, Арчи¹¹. Членение Е. М. Шиллинга близко делению А. С. Башкирова.

В самое последнее время вышла работа искусствоведа П. М. Дебирова «О художественных образах в народно-декоративном искусстве аварцев». В этой оригинальной работе автор анализирует ряд петроглифов, дает их классификацию и беглое описание¹².

Таков краткий обзор основной литературы по петроглифам. Однако ни в одной из указанных работ не дается даже приблизительно полного описания их и систематизации. В предлагаемой статье мы пытаемся систематизировать материал¹³ и по возможности датировать его. Смысловое значение петроглифов указывается в виде отдельных комментариев, а работа в целом представляет серию очерков.

* * *

Резные камни обычно вмонтированы в старые постройки: большие многоэтажные дома, башни, мечети и размещаются большей частью по фасадам зданий, у окон и дверей. Естественно, что в аулах, где дольше всего сохранялись черты архаического быта, таких построек с петроглифами довольно много. Таковы аулы бывшего «вольного» аварского общества Гидатль — Урада, Мачада, Тидиб, Гента, Хотода, Накитль, Тлях и др. Гидатлинцам довольно близки по культуре багулалы и чамалаяльцы. Постройки их аулов (Хуштада, Эчеда и др.) также покрыты петроглифами.

Техника исполнения петроглифов изучена А. С. Башкировым¹⁴. Обычно они наносились на сглаженную поверхность каменного блока, большей частью рисунки углублены в камень, реже выступают плоским рельефом. Изображения в большинстве случаев контурны. Линии рисунка мягки, округлы. Только типологически более поздние петроглифы углублены в камень в виде пятна. Таково, например, изображение лошади в хутуре у аула Цуриб (рис. 6, 45). Иногда рисунки

¹¹ Е. М. Шиллинг. Изобразительное искусство народов горного Дагестана. Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, кн. 9, М. 1950, стр. 47—75.

¹² П. М. Дебиров. О художественных образах в народно-декоративном искусстве аварцев. Ученые записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. VI, Махачкала, 1959, стр. 200—232. Искусствоведческий анализ автором, к сожалению, не сделан.

¹³ Данная работа построена на полевых материалах, собранных художником Митуричем (1951 г.), Д. М. Атаевым (Дагестанская археологическая экспедиция последних лет), на наблюдениях и материалах В. И. Марковина (по Закавказью, Дагестану, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии) и данных литературы.

¹⁴ А. С. Башкиров. Петрография Аварии, стр. 127 и сл.

перевернуты. Смысл их явно был утерян и каменщик не знал, как правильно положить такой камень. Но большей частью блоки с рисунками по характеру обработки не отличаются от камней постройки. Такова, например, башня с петроглифами у дома Хаду Гитино в сел. Тидиб¹⁵.

По тематике изображений резные камни мы склонны условно разбить на несколько групп:

1. Изображения крестов.
2. А) Свастики-спирали, лабиринты, вавилоны.
Б) Солярные и астральные знаки.
4. Изображения человеческих рук¹⁶.
3. Изображения людей и животных.

1. Камни с изображениями крестов.

Сейчас из различных частей Аварии известно более 50 камней с изображениями крестов. Они обнаружены в селениях Тидиб, Мачада, Урада, Накитль, Хотода, Гента, Хуштада, Тляк, Кванада, Ашильта, Кудияб-Росо и в местечке Датун¹⁷.

Если к этим памятникам присоединить скульптурные воспроизведения крестов из сел. Гиничутль, Хунзах (местность «Гад раал»), Урада, Батлаич, Ботлих, Гоцатль¹⁸, то наш список пунктов, где были найдены крестообразные изображения, станет более полным.

Наиболее простыми изображениями равноконечного креста являются петроглифы из сел. Урада и Хотода (рис. 1, 1, 2), эти изображения по форме наиболее близки так называемому греческому кресту.

Более усложненными вариантами того же креста являются петроглифы из сел. Хуштада, Урада и Тидиб (рис. 1, 3—10);

¹⁵ Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа. СЭ, № 4, 1947, стр. 192.

¹⁶ На приложенных рисунках приведены названия селений, в которых найдены петроглифы, автор публикации и размеры петроглифа. Материалы Д. М. Атаева и В. И. Марковина даны без сносок. Таблицы составлены В. И. Марковиним.

¹⁷ Только отдельные из них опубликованы. См. Е. М. Шиллинг. Изобразительное искусство народов горного Дагестана. Доклады и сообщения ист. фак. МГУ, кн. 9, М., 1950, стр. 80—84, рис. 38—42; Г. Я. Мовчан «Из архитектурного наследия аварского народа». СЭ, № 4, 1947, стр. 193, рис. 1; А. С. Башкиров, Петрография Аварии, стр. 130, рис. 2; Д. М. Атаев. Христианские древности Аварии. Ученые записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. IV, 1958, стр. 166—173, табл. П. М. Дибиров. Указ. соч., стр. 210, рис. 3.

¹⁸ Р. Магомедов. Завоевание арабами Дагестана в VII—IX веках. Махачкала, 1940, стр. 7, рис.; Т. Е. Гудава. Две надписи (грузинская и грузино-аварская) из Дагестана. Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 30, Тбилиси, 1954, стр. 192, рис. 1, 2; Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 165—175.

некоторые из хуштадинских изображений связаны между собой зигзагообразными линиями и солярным знаком. Близкий по трактовке крест в сопровождении солярных символов обнаружен в сел. Мачада (рис. 1, 11). Однако у него сильно удлинена нижняя часть, что делает его более похожим на кресты латинского типа. На одном из петроглифов сел. Урада (сцена выхода на охоту) сочетаются оба типа крестов (рис. 1, 12). Серия изображений равноконечных крестов с плавно расширяющимися концами происходит из сел. Тляк, Тидиб, Урада, Кваната и Мачада (рис. 1, 13—18). Такие кресты часто называют «византийско-сирийскими или мальтийскими». Среди петроглифов особенно важны плиты из сел. Тидиб, Урада, Хотода (рис. 1, 12, 16, 21), на которых сочетаются кресты различных форм («латинский» и «византийский», «греческий» и «латинский», «византийский» и «греческий»). Эти петроглифы ясно указывают на одновременность бытования крестов различных форм.

Различные варианты крестов можно видеть на петроглифах из селений Мачада, Тляк, Хуштада, Кваната, Урада, Тидиб и Ашильта. Перекрестия у них завершаются расширениями (рис. 1, 19), раздвоенными окончаниями (рис. 1, 16, 28), дугами (рис. 1, 30), кружочками (рис. 1, 32, 33) и планочками (рис. 1, 36, 37). Некоторые из них перекрещиваются небольшими планами или дужками (рис. 1, 38), иногда завитками (рис. 1, 39, 41, 42). Крест из сел. Урада отдаленно напоминает свастику (рис. 1, 40).

У многих крестов между перекладинами помещены круги, точки, квадратики, пересеченные диагоналями и вписанные друг в друга (рис. 1, 21, 23, 41, 42 и др.). Многие кресты сопровождаются изображениями животных, растений, спиралей, солярных знаков, рук и проч. (рис. 1, 14, 25; 7 и др.). Некоторые петроглифы представляют композиционно сложные сочетания крестов (рис. 2, 5—9). Известны изображения крестов — «Голгоф» из сел. Тидиб (рис. 7, 4), а петроглифы из сел. Гента представляет собой шестиконечный крест (рис. 7, 2).

Таковы основные формы крестов на аварских петроглифах.

* *
*

Изображение креста появляется задолго до возникновения христианской символики. Знаки в виде крестов найдены среди наскальных изображений и в орнаментике посуды эпохи бронзы¹⁹. Известны для этого времени и бляхи-подвески с

¹⁹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941, табл. XXIV.

крестами²⁰. В могильнике Карабудахкент I (II—III вв. н. э.) было найдено металлическое зеркальце, украшенное крестом²¹. Кресты известны и в древнегрузинской языческой символике богини солнца Кал-Бабар²². Мусульманское население Северного Кавказа до сих пор не всегда осмысливает крест как чисто христианский символ. В Чечне на мечети XIX в. в сел. Бачиюрт среди декоративного резного фриза четко выделяются равноконечные кресты с начертанными на них словами «Аллах» и «Мухаммад». На оконных тимпанах мечети в сел. Дарго высечены кресты «византийского» типа. Упомянувшие нами камни с крестами из сел. Хуштада и Тлях (рис. 1, 6, 24) вмонтированы в стены мечетей. Сказанное позволяет сделать вывод о длительности традиций в изображении креста на Кавказе. Поэтому христианская символика несомненно воспринималась горцами в процессе христианизации как нечто близкое.

Долгое время о христианстве в Дагестане почти не было фактического материала. П. К. Услар, изучавший фольклор и языки дагестанских народов, едва прослеживал следы этой религии в Дагестане²³. А. В. Комаров также считал, что христианство не имело широкого распространения среди горцев²⁴. Только М. М. Ковалевский сообщает о первых реальных находках, связанных с христианством. Так, на упоминаемом им подсвечнике имеется армянская надпись с местным дагестанским именем жертвователя: «Игун Согратль Мухайский²⁵» (Согратль-селение в нагорном Дагестане).

В настоящее время усилиями этнографов, археологов и лингвистов добыт интересный материал, относящийся ко вре-

²⁰ А. А. Миллер. Элементы «неба» на вещественных памятниках. Изв. ГАИМК, вып. 100, Л. 1933, стр. 133.

²¹ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. МАД II, Махачкала, 1961, стр. 210, рис. 35, № 76.

²² В. В. Бардавелидзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, стр. 171.

²³ П. К. Услар. Начало христианства в Закавказье и на Северном Кавказе. Сборник сведений о кавказских горцах, 1869, т. II, отд. I, стр. 17.

²⁴ Труды предварительного комитета V археологического съезда в Тифлисе, 1882, стр. 124.

²⁵ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. I. М., 1890, стр. 147, 148.

мени бытования в горах христианской религии²⁶, выявлены христианские могильники у сел. Урада, Тидиб, Хунзах, Батлаич, Тинди, Кванада, Ругуджа, Ений. Обнаружены руины церквей в Ураде, Тидибе, Датуни, Гоцатле, Хини, у хутора Заи близ Хунзаха. Установлено, что имелись церкви у хутора Кубачи, а в городе Дербенте «Джума-мечеть» была переделана из христианской базилики в VII в²⁷.

Христианство в горных районах Дагестана, особенно в Аварии, упрочилось в X—XII вв. — в эпоху, когда средневековая Грузия достигла вершины своего политического и культурного развития²⁸. Судя по приписке XIV в. к евангелию Магалашвили, Дагестан входил в епархию Курмухского митрополита²⁹. Первое проникновение мусульманства в центральную, нагорную часть Дагестана документируется арабской надписью 1333 г. н. э., вмонтированной в стену мечети квартала Самилял в сел. Хунзах.

Следы христианства сохранились в аварском языке и фольклоре. Так, слово «гъатІан» означает христианский храм, а «гъатІанкъо» — день «гъатІана», т. е. «день церкви» — воскресенье. Среди аварцев распространены имена христианского происхождения: ГІандунник (Андроник), КІушкІантІи (Константин), Базалай (Василий), ХаритІон (Харитон), Елена, Тамара и др.³⁰. Однако было бы неверным считать средневековое население Дагестана христианами, живущими с именем Иисуса «во все дни до скончания века». М. М. Ковалевский пишет: «Самые догматы христианства настолько остались чуждыми даже картвельским горцам, что о самом Христе хевсуры не имеют почти никакого представления, хотя и покрывают свои платья и предметы домашнего обихода

---

²⁶ Н. Ф. Яковлев. Новое в изучении Северного Кавказа. «Новый Восток», 1924, № 5, стр. 238—252; Н. Я. Марр. Албанская надпись. КС ИИМА, XV, М, стр. 10; Т. Е. Гудава. Две надписи (грузинская и грузино-аварская) из Дагестана; А. С. Чикобава. Грузинско-аварские надписи XIV века в Дагестане. «Известия Грузинского филиала АН СССР», 1940, т. I, стр. 234—237; Р. О. Шмерлинг. Храм близ сел. Датуна в долине реки Аварское Койсу. II научная сессия ИИГИ. Тбилиси, 1956, стр. 9—10 (тезисы доклада); В. Г. Котович. Археологические работы в Горном Дагестане. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 45, 46; А. Р. Шихсаидов. О проникновении христианства и ислама в Дагестан. Ученые записки ИИЯЛ, т. III, 1957, стр. 54 и сл.; Д. М. Атаев. Каменные кресты из окрестностей Хунзаха. МАД, I, Махачкала, 1959, стр. 182—185.

²⁷ М. И. Артамонов. Древний Дербент. СА VIII, 1946, стр. 143; С. О. Хан-Магомедов. Дербент. М., 1958, стр. 61.

²⁸ История Грузии. Тбилиси, 1960, стр. 87—104.

²⁹ С. И. Макалатия. Хевсурети. Тбилиси, 1940, стр. 28, 29. Об этапах распространения христианства в Дагестане см. Р. М. Магомедов. Хронология истории Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 19—37.

³⁰ Д. М. Атаев. Христианские древности Аварии, стр. 178.

изображениями креста»³¹. Осетины, хевсуры, пшавы, сваны, будучи христианами, на деле исповедовали своеобразное сочетание христианства со значительной долей язычества. Подобное явление, видимо, имело место и среди дагестанцев. Территориальное совпадение обнаруженных могильников с местами находок явно хрестинских крестов и петроглифов с крестами позволяет последние (петроглифы с крестами) также относить к кругу памятников местного христианства.

* * *

Равноконечные кресты с расширяющимися концами (византийско-сирийского типа) наиболее характерны для христианских памятников Кавказа³². Таково изображение креста VII в., найденное среди руин церкви селения Джрвеж в Армении³³. Близкий по виду крест изображен на надгробье 1013 г. из бывшего Александро-Афонского монастыря в Зеленчукском ущелье³⁴. Такими крестами украшены монастырский храм «Пресвятой богородицы» 1198 г. в Хиландаре на Афонской горе³⁵ и храм Тхаба-Ерды XII в. в Ингушетии³⁶. Подобные кресты часто изображались на иконах³⁷ и в рукописях XII—XIII вв.³⁸, прикрепленные к длинным древкам употреблялись они пшавами в христианско-языческих церемониях³⁹. Изображение, близкое кресту, (рис. 1, 26) было найдено в Хунзахе (местность «Тад раал»). Этот камень датируется грузинской надписью X—XI вв. Таким образом, кресты византийско-сирийского типа чаще всего встречаются на памятниках X—XIII вв. Кресты удлиненных пропорций с закруглениями и утолщениями на концах также очень часто встречаются среди кавказских древностей в виде предметов и изображений. Наиболее ранние из них (IX—X вв.) найдены в предгорном Дагестане — в могильнике у аула Агачкала (сер-

31 М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 153.

32 А. С. Хаханов. Экспедиции на Кавказ в 1892, 1893 и 1895 гг. МАК, VII, 1898, стр. 48.

33 Н. М. Токарский. Джрвеж I, Ереван, 1959, стр. 33.

34 В. Ф. Миллер. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. МАК, вып. 3, М., 1893, стр. III, 118, рис. 81.

35 Христианские древности и археология, кн. 1, 1855, стр. 17, черт. 3.

36 В. Миллер. Терская область. Археологические экспедиции, МАК, вып. I, М., 1888 г., стр. 21; Е. И. Крупнов. Грузинский храм «Тхаба-Ерды» на Северном Кавказе. КС ИИМК, вып. XV, 1947, стр. 116—125.

37 Н. Кондаков. Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии. СПб, 1890, стр. 6, 7, 13, рис. 4.

38 А. Ш. Мнацаканян. Армянское орнаментальное искусство. Ереван, 1955, стр. 130—131, рис. 304, 309.

39 П. С. Уварова. Поездка в Пшавию, Хевсуретию и Сванетию. МАК, X, М. 1904, стр. 12—14, табл. 11.

доликовый нателный крест из склепа 6 и бляшка с крестом с территории Некрополя)⁴⁰. Такие кресты изображены на серебряной пластине головного убора в ст. Натухайской⁴¹ и на зеркале из сел. Дзивгис в Северной Осетии⁴², железные кресты этого типа найдены в святилище у сел. Эрзели в Ингушетии⁴³ и в церкви на городище Верхний Джулат (ст. Змейская, Северная Осетия)⁴⁴ и т. д. Все эти предметы могут быть датированы XII—XV вв. Последняя категория крестов, перекрещенные (рис. 1, 38; 2, 7—9), с разным количеством концов и соединенные в разных комбинациях, также характерна для памятников XI—XV вв. (Аджарские храмы, Сергиевская церковь в Феодосии, кресты в Айриванке и т. д.).

Это позволяет сделать вывод, что основная масса крестов на изучаемых петроглифах по типам может быть отнесена к XI—XIV вв., т. е. к периоду до проникновения ислама в Аварию. Такая дата подтверждается найденными в Аварии крестами с надписями. В беде и болезнях верующие славяне чертили кресты на стенах храмов с мыслью о помощи свыше. Крестами освящались дороги и границы владений. Крестом изгоняли злых духов⁴⁵. Кресты с надписями, найденные в Аварии, также содержат просьбы о «помиловании» и помощи. Однако на петроглифах они сочетаются с солярными знаками, спиральями, свастиками, с изображениями растений и животных (рис. 1, 14, 25, 37 и др.). Эти дополнения к кресту позволяют видеть в таких петроглифах более конкретные просьбы: изобилия, урожайности, благополучия. Здесь крест выступает как главная сила, которая может дать то, что так необходимо человеку. Могущество креста усиливают солярные и свастические знаки. Изображения на таких петроглифах сделаны особенно аккуратно — на них возлагались большие надежды. В сочетании с солярными знаками, а также животными и растениями, кресты уже нельзя рассматривать только как христианский символ, такой петроглиф является вероятно и результатом языческих молений.

---

⁴⁰ Раскопки К. Ф. Смирнова в Дагестане в 1950 г. См. К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 113—119.

⁴¹ В. Сизов. Восточное побережье Черного моря. МАК, II, М., 1889, стр. 89, табл. XV, I.

⁴² В. Миллер. Ук. соч., МАК, I, стр. 54, табл. XI, 2.

⁴³ Коллекция музея г. Грозного. Работы Л. П. Семенова и Е. И. Крупнова в 1929 г.

⁴⁴ В. А. Кузнецов и О. В. Милорадович. Археологические исследования в Северной Осетии в 1959 г. КСИА АН СССР, вып. 86, 1961, ст. 95, 97, стр. 39.

⁴⁵ В. П. Даркевич. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси. СА, № 4, 1960, стр. 58.

II. Свастики-спирали, лабиринты, вавилоны.

Среди петроглифов Аварии часто повторяются свастические мотивы. Свастики из селений Эчеда (дом Алиева И.), Хуштада, Мачада (рис. 3, 1—4) представляют наиболее простую форму подобного рода изображений. Другая группа их (селения Мачада, Хуштада, рис. 1, 23; 3, 5—7) характеризуется дополнительными изгибами и усложнениями композиции. Далее изгибы свастик закругляются, приобретая еще более стремительное вращательное движение (селения Мачада, Хуштада, Саситли, рис. 1, 23; 3, 7), а затем превращаются в сложные одиночные спирали и ряды их (селения Накитль, Мачада, Урода, Хуштада, Тиндиб, Тлях, рис. 3, 8—14). Свастика, как основа, постепенно теряется в таких спиралях (селения Тиндиб, Накитль, Эчеда, рис. 3, 15—20) и часто разрывается. Узор сохраняет только общее сходство со спиралями, выходящими из свастик (таковы узоры из селений Эчеда, Мачада, Накитль, рис. 3, 17, 19 и др.). Наряду с «закругленными» свастиками в Аварии встречаются свастики из трех лопастей («триквестр» сел. Анди-мечеть, рис. 3, 21) и с пятью завихрениями (сел. Хотода, рис. 3, 22).

Последнее изображение близко простым спиралям с завитками, обращенными в разные стороны. Спирали — очень частый мотив в дагестанских петроглифах. Они не однотипны. Сочетание спиралей разнообразно как и разнообразна их конфигурация (рис. 3, 23—37). Часто они образуют сложные витки, напоминая основу позднейшего орнаментального мотива у кубачинцев — тутта⁴⁶ (рис. 3, 39—43). Иногда спираль напоминает волну (сел. Урада, рис. 3, 34).

Помимо свастик и спиралей, среди петроглифов встречаются изображения лабиринтов и вавилонов. Упрощенным узором, очень отдаленно напоминающим лабиринт, является изображение из селений Накитль, Хуштада (4, 1), а рисунок из сел. Тидиб (рис. 4, 2) — простой вавилон. Довольно простым лабиринтом является петроглиф из сел. Тидиб (рис. 4, 3). В этом лабиринте отсутствует центр, в который ведут запутанные «ходы». Лабиринт из сел. Гоор (рис. 4, 4) более сложен и, наконец, лабиринты из сел. Тидиб, Мачада и Урада (рис. 4, 5—7) представляют собой изображения наиболее характерные для Кавказа. Их можно сравнить с рисунками лабиринтов из сел. Махческ в Сев. Осетии⁴⁷ и Капчугай в плос-

⁴⁶ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура М.—Л., 1949, стр. 92, рис. 33.

⁴⁷ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докбанского периода. МИА, 23, М.—Л., 1951, стр. 65, рис. 24.

костном Дагестане⁴⁸. Сейчас известны вавилоны — петроглифы из селений Хуштада и Тидиб (рис. 4, 9—12) в Аварии, в плоскостном Дагестане обнаружены они среди наскальных изображений у сел. Капчугай⁴⁹, а за пределами Дагестана — в Азербайджане⁵⁰, Северной Осетии (Верхний Джулат)⁵¹.

Свастика⁵² — очень распространенный символ. Еще для эпохи энеолита известны свастические рисунки на анатолийской керамике (Турция)⁵³. В эпоху бронзы и в последующее время этот знак был широко распространен. Остановимся на некоторых кавказских находках. На поселении эпохи бронзы у г. Машук в районе Минеральных Вод найден обломок сосуда с наlepным свастическим узором⁵⁴. Керамика с подобным шнуровым узором обнаружена на территории городища у Нахичевани-на-Дону⁵⁵, в могильниках скифского времени у сел. Мужичи и ст. Нестеровской в Ингушетии сделаны находки керамики и бронзовых налобных блях со свастиками⁵⁶. Такие предметы известны из Азербайджана (сел. Кедабек)⁵⁷, Южной Осетии (сел. Тли)⁵⁸. Ко III—IV вв. до н. э. относится бронзовое зеркало с литым узором, близким свастическому. Оно происходит из могильника Карабудахкент I в Дагестане⁵⁹.

С появлением христианства свастика не исчезает и употребляется наряду с различными формами крестов. В недалеком прошлом свастика в сочетании с крестами являлась излюбленным мотивом в вышивках хевсур. Спирали, близкие по

---

⁴⁸ В. И. Марковин. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР. СА, XX, 1954, стр. 333, рис. 10; его же. Наскальные изображения в предгорьях северо-восточного Дагестана СА, 1958, № 1, стр. 149, рис. 4.

⁴⁹ В. И. Марковин. Наскальные изображения..., стр. 149, рис. 4.

⁵⁰ Работы И. Г. Нариманова.

⁵¹ В. А. Кузнецов и О. В. Милорадович. Археологические исследования в Северной Осетии в 1959 году. КСИА АН СССР, вып. 86, 1961, стр. 95.

⁵² Название «свастика» индийского происхождения.

⁵³ James Mellaart. Excavations at Hacilar. «Anatolian studies», vol. VIII, Ankara, 1958, стр. 139, рис. 5, 23.

⁵⁴ Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. Сообщения ГАИМК, № 3, 1931, стр. 30, рисунок.

⁵⁵ Б. Лукин. Фрагмент архаической керамики с Кизитиринского городища, орнаментированной свастическими узорами. Записки Северо-кавказск. красного общества археологии, истории и этнографии. Кн. I (том III), вып. I, Ростов-на-Дону, 1927, стр. 23—26.

⁵⁶ Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 105, рис. 8, 1; его же. Древняя история Северного Кавказа. М. 1960, стр. 287, 288, 487, рис. 49, 5, табл. I XVII, 4.

⁵⁷ А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, VI, М. 1911, стр. 104, 105, табл. VI, 9.

⁵⁸ ОАК за 1890 год. СПб, 1893, стр. 107, рис. 43.

⁵⁹ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 179, рис. 10, № 147.

движению свастикам самых различных форм, до сих пор вырезаются горцами всего Кавказа на деревянной утвари и мебели. Свастика — наиболее распространенный символ огня. В древней Индии специальный инструмент для добывания огня имел ручки в виде свастики. Округлообращающаяся свастика связана как символ не только с огнем, но и с солнцем. Свастики, свернутые в спирали, наиболее ярко и полно символизируют движение. Движение по кругу — одна из характерных черт многих ритуальных действий горцев Кавказа. «Круговое движение, как одна из общих форм служения астральным божествам, надо думать, генетически восходит к почитанию небесных светил»⁶⁰. У горцев Кавказа огонь, очаг и аксессуары, связанные с ними (очажная цепь, котел), занимают огромное место в различных обрядах. Например, в Куррахском районе (Дагестан) невеста обязана была переходить через пылающий костер. Можно вполне согласиться с мнением А. С. Башкирова, что свастическо-спиральные композиции «имеют за собой силу магического апропея, отгоняющего все злое от жизни человека»⁶¹.

По поверьям мусульман-дагестанцев, лабиринт — это изображение неприступной крепости Хейбар, которую не без помощи сверхестественных сил взял Али — сподвижник и зять пророка Мухаммеда. Однако, такое толкование почти ничего не дает для понимания причин, побудивших изображать лабиринты.

Эти знаки большей частью встречаются у дверных проемов, на надгробьях (у изголовья погребенного), на деревянной резной посуде⁶². Так, за пределами Аварии подобные изображения известны в южном Дагестане — на мечети аула Хурюк, на крепостной стене у южных ворот г. Дербента⁶³, на могильном камне у сел. Кушитль⁶⁴ и т. д. Уже это указывает на их охранное значение. Здесь опять-таки нельзя не согласиться с мнением А. С. Башкирова, рассматривающего их как «апропей входа, защищающий и оберегающий вход от проникновения всего злого»⁶⁵. Лабиринт охранял покой мертвых, оберегал жилье от зла. Лабиринт на посуде можно рассматривать как своеобразное пожелание, чтобы она не пустовала. Все злое должно было запутаться в извилинах изображения.

---

⁶⁰ В. В. Бардавелидзе. Древнейшие религиозные верования..., стр. 196.

⁶¹ А. С. Башкиров. Петрографика Аварии, стр. 128.

⁶² А. А. Миллер. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. Материалы по этнографии, т. IV, вып. I, изд. Русского музея. Л., 1927, стр. 25, 31, 44, 45, табл. I, рис. 10.

⁶³ А. С. Башкиров. Петрографика Аварии, стр. 129, 130.

⁶⁴ Г. Н. Любимова, С. О. Хан-Магомедов. Народная архитектура южного Дагестана. М., 1956, стр. 92, 94, рис. 74.

⁶⁵ А. С. Башкиров. Указ. соч., стр. 130.

Вавилоны аварских построек, по нашему мнению, близки по значению лабиринтам. В Хевсуретии круг является магическим ограждением. Часто внутри него изображаются перегородки и круг приобретает вид лабиринта или фигуры, близкой вавилонам⁶⁶. Видеть в подобных рисунках своеобразные знаки собственности, как это делал Н. Е. Макаренко⁶⁷, мы не имеем оснований. Трудно видеть в них и архитектурный эталон, начертанный перед строительством здания⁶⁸. М. И. Артамонов склонен придавать таким знакам магическое значение⁶⁹, а С. П. Толстов рассматривает их как изображения общинного дома, которые символизировали обращение — просьбы о помощи к духам-хранителям рода⁷⁰. Такая трактовка смысла вавилонов близка дагестанской петрографике.

Датировка камней с рисунками вавилонов производится по аналогии с подобными изображениями на кирпичах Цимлянского левобережного городища⁷¹, межвом камне «Степана»⁷², церкви Верхнего Джулата, где также был найден вавилон⁷³ — XI—XIII вв. н. э. Эта датировка примыкает к датам петроглифов с крестами, а так как вавилоны, лабиринты, спирали и свастики сочетаются зачастую с однотипными солярными знаками, то такая датировка, округленная до XI—XIV вв., будет вполне логичной.

Как уже говорилось ранее, все рассмотренные знаки-символы сочетаются с целым рядом солярных эмблем. Встречаются солярные знаки и самостоятельно.

III. Солярные и астральные знаки.

Среди знаков этой категории можно выделить солярные знаки и знаки-звезды. Реже встречаются изображения луны («месяца»). Петроглифы — солярные знаки встречаются в виде простых кругов (сел. Урада, Тидиб, Мачада, рис. I, 36, 40),

⁶⁶ В. Бардавелидзе, Г. Чита я. Хевсурский орнамент. Тбилиси. 1939, стр. 54, табл. III.

⁶⁷ Н. Е. Макаренко. Археологическое исследование 1907—1909 годов. ИАК, вып. 43, спб, 1911, стр. 33.

⁶⁸ Б. А. Рыбаков. Архитектурная математика древнерусских зодчих. СА, № 1, 1957, стр. 89.

⁶⁹ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Изв. ГАИМК, вып. 131, Л., 1935, стр. 105.

⁷⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М. 1948, стр. 73—74; его же. К вопросу о протохорезмийской письменности. КСИЦМК, вып. XVI, 1947, стр. 40—41.

⁷¹ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 94 и сл.

⁷² П. Н. Третьяков. Сельское хозяйство и промыслы. История культуры древней Руси, т. I, М.—Л., 1957, стр. 61.

⁷³ В. А. Кузнецов, О. В. Милорадович. Археологические исследования в Северной Осетии в 1959 году, стр. 98.

кругов с точкой в центре (сел. Мачада, Накитль, рис. 1, 21, 24), кругов со штрихами-радиусами и дужками, выходящими из центра (сел. Тидиб, Хуштада и др. рис. 5, 1,3—6 и др.). Известны также солярные знаки, трактованные как розетки (рис. 5, 6, 8), иногда они напоминают крест (сел. Хуштада и др. рис. 5, 2, 3). Лунарный знак («месяц») изображен на петроглифе из сел. Мачада, где он сочетается со свастикой и крестами (рис. 1, 23). Звездные знаки более многочисленны. Среди них выделяются многоконечные, в частности шестиконечные звезды («могендовид» — звезда Давида). Таковы петроглифы из сел. Хуштада, Мачада (рис. 3, 1; 5, 6). Обнаружены также петроглифы с пятиконечной, четырехконечной и трехконечной звездами (рис. 4, 11; 5, 13). Иногда такие знаки — символы небесных тел — образуют целые картины. Таково, например, изображение креста на фоне звездного неба (камень из сел. Мачада, рис. 1, 11), звезды и «солнце» (сел. Мачада, рис. 5, 6) «солнце» (сел. Хуштада, рис. 5, 1) и т. д. Солярные знаки — знаки солнца, солнечного диска, круги различного вида — излюбленный изобразительный мотив с самых древних пор по всему Кавказу. Таковы многочисленные бляшки — подвески из памятников различных культур эпохи бронзы и раннего железа. Известны солярные изображения и на ранне- и позднесредневековых предметах. Солярные знаки в сочетании со спиральями у кавказских горцев составляют декоративное убранство деревянной мебели и различной посуды. Солярными знаками в Дагестане, Сев. Осетии и др. районах Кавказа украшался «корневой столб» — мощная деревянная колонна с двувалютной капителью, поддерживающая перекрытие в жилье. У аварцев такой столб («тлолбол х'уби») символизировал единство и мощь большой семьи. Повредить его — это оскорбить хозяев дома. Такой столб переносился в новый дом, купить дом с «корневым столбом» — это значит приобрести «счастье и мощь» дома. Гость, пребывавая под такой колонной, становился членом семьи⁷⁴. Несомненно знаки, изображенные на таком важном предмете, как «корневой столб», были тоже очень важны и усиливали его мощь и значение. Солярные знаки, свастики и кресты украшали опорные столбы в старых дарбази Грузии (такой столб назывался мать-столбец — «деда бодзи»). Вероятно эти столбы имели значение, близкое аварским столбам⁷⁵. Солярные знаки в виде розеток, бутанов и проч. до сих пор употребляются для украшения надгробий у всех мусульман Кавказа и Востока и восходят к домусульманской эпохе. Можно рас-

⁷⁴ З. А. Никольская. Из истории аварского жилища. СЭ, 2, 1947, стр. 157—162.

⁷⁵ С. И. Макалатия. Атенское ущелье. Тбилиси, 1958, стр. 30, рис. 3.

смагивать их как пережитки языческих оберегов. По сути дела ритуальные хлебцы и печенье горцев Кавказа (у армян, грузин, азербайджанцев) также являются символами солнца (круглой формы) и луны (в виде полумесяца, у грузин — «шотис-шори») ⁷⁶. Хлебцы самых различных форм (круглых, полусферических, в виде креста) посвящались сванами бо- жеству Хоша — владыке неба и творцу мира ⁷⁷. Несомненно такое широкое распространение солярной символики не слу- чайно. Вместе с тем известно, что круг — ограничение прост- ранства с древних пор имеет магическое значение. Так, до сих пор у сванов существует поверье, что злые духи не способны перейти пространство, обнесенное кругом ⁷⁸. Почти всеми на- родами Кавказа камни с естественными отверстиями счита- ются имеющими магическую силу. В Хунзахе (Авария) был камень, через который в XIX в. пролезали жители аула при эпидемиях. В Армении через подобные камни проводили бес- плодных женщин ⁷⁹. Эти факты можно объяснить только од- ним — связью круга с магическим желанием оградить себя от зла.

Нам представляется, что изучаемая серия петроглифов представляет собой сочетание молений, обращенных к солн- цу — великому светилу с более простым магическим дейст- вием — магическим ограждением от всего нежелательного с помощью круга. Такое сочетание вполне возможно. Вместе с тем солярные знаки близки по своему смыслу свастике и могут часто совпадать с нею (см. раздел II).

Звезды реже фигурируют в кавказской символике, хотя они известны в местных христианских древностях. Декор ал- тарных преград церкви V—VI вв. сел. Потоleti (Боржомский район Грузии) и XII в. в сел. Цебельда (Абхазия) содержит шестиконечные звезды. Многоконечная звезда изображена на киворни VII в. в церкви с. Гвелдеси ⁸⁰. Шестиконечные звезды можно видеть на средневековых армянских миниатюрах ⁸¹. Подобные знаки, в сочетании с солярными, можно трактовать, как знаки, связанные с культом небесной сферы. Однако, про- никновение одного треугольника в другой в шестилучевой звезде (рис. 5, 6) А. Ш. Мнацаканян осмысливает как «идей- ные символы, выявляющие смысл и взаимосвязь родительской

⁷⁶ Г. Ф. Чурсин. Фигурные обрядовые печения у кавказских на- родов. Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тби- лиси, № 6, 1930, стр. 19, 20.

⁷⁷ В. В. Бардавелидзе. Указ. соч., стр. 175.

⁷⁸ Там же, стр. 153.

⁷⁹ Г. Ф. Чурсин. Амулеты и талисманы кавказских народов. Ма- хачкала, 1929, стр. 17—18.

⁸⁰ Экспозиция Гос. музея изобразительных искусств Грузии.

⁸¹ А. Ш. Мнацаканян. Армянское орнаментальное искусство. Ереван, 1955, стр. 375, рис. 789.

пары и детеныша⁸². Это и остроумно и эротично в своей основе. Мы не можем согласиться с правильностью такого осмысления, ибо сочетание креста и звезд часто встречается в христианском искусстве, а, как известно, христианство весьма недвусмысленно высказывалось о греховности земного рождения и такая символика несомненно была бы уничтожена. К тому же известны факты почти повсеместного распространения неприкрытых фаллических культов на Кавказе⁸³ и эти культы не нуждались в столь замысловатой символизации. Изображение звезды и ее символическое отношение к астральным культам несомненно.

Все остальные знаки часто сочетаются не только с крестами, спиралями, но и с изображениями различных сцен, а также с силуэтами рук (рис. 7, 4, 5).

IV. Петроглифы с фигурами людей и животных.

Наиболее ранним петроглифом, выполненным в манере плоского рельефа, представляется камень с изображением мчащегося всадника из аула Мачада (дом Махмудова, рис. 6, 1). Всадник с копьем в руке стремительно несется на врага, ноги коня стилизованы. Этот петроглиф близок кубачинским рельефам, стиль которых возник под влиянием сасанидского искусства⁸⁴. Более того, петроглиф из сел. Мачада сохраняет определенные черты графики кобанских бронз⁸⁵. Он стоит особняком среди изучаемых изображений. Основная масса петроглифов этой группы выполнена в иной манере — линейный рисунок с попыткой передачи объемов слегка углублен в камень. Наиболее архаичными среди этой серии петроглифов являются изображения оленей и туров из сел. Хуштада, Мачада, Нижний Батлук и Тлях (рис. 6, 2—9). Характер животных не уловлен, только такие наиболее характерные черты, как рога, указывают на их породу. Эти рисунки несколько напоминают изображения на скалах Нарра-тюбинского хребта у сел. Ленинкент и в районе г. Буйнакск⁸⁶.

⁸² А. Ш. Минацкая и др. Указ. соч., стр. 608.

⁸³ Коллекции фаллов хранятся в музеях Армении, Чечено-Ингушетии, Краснодарского края, фаллические фигурки в музеях Грузии, Дагестана, Сев. Осетии.

⁸⁴ А. С. Башкиров. Искусство Дагестана (резные камни). М. 1931, стр. 58; 59, табл. 68; И. А. Орбели. Албанские рельефы и бронзовые котлы. Сборник «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938, стр. 324.

⁸⁵ Б. В. Техов. К вопросу изучения бронзовой культуры горной полосы Юго-Осетии. Известия Юго-Осетинск. НИИ АН Груз. ССР. Вып. XI. Цхинвали, 1962, стр. 302—305, рис. 5.

⁸⁶ В. И. Марковин. Наскальные изображения в предгорьях северо-восточного Дагестана. СА, № 1, 1958, стр. 148, 155, рис. 1.

Данная группа петроглифов стилистически простейшая. К ней примыкает петроглиф из сел. Эчеда дом Исы Алиева — (рис. 3, 2), на котором два оленя-тура (?) сочетаются с зигзагом и свастикой. Примитивен также рисунок двугорбого верблюда с широкими лапами—подушками (сел. Хуштада, рис. 6, 7). Петроглифы из сел. Мачада и Хуштада с изображениями туров (рис. 6, 9, 10) выполнены мягкими, округлыми линиями и являются переходными к основной массе настенных изображений. На одном из таких рисунков изображен тур, в тело которого впились — дротики — бандерильи (рис. 6, 9). Основная масса петроглифов выполнена скупым линейным контуром, но весьма выразительно: у животных подчеркнуты наиболее характерные признаки — рога, бороды, половые особенности (рис. 6, 11 и др.). Однако животные изображены большей частью статично, среди них узнаются лишь олени и козлы (туры или безоаровые козлы) — в этом большое отличие настенных рисунков от древних наскальных изображений Капчугая, Ленинкента, Кумторкалы и Буйнакса, где обнаружены живые сцены с бегущими и пасущимися животными, а среди животных можно легко узнать туров, безоаровых козлов, кабанов, оленей, лис⁸⁷.

На петроглифах Аварии рисункам животных часто сопутствуют солярные знаки, свастические спирали, кресты (рис. 1, 21; 3, 15; 5, 21 5, 7, 8; 6, 24), нацеленные луки (рис. 5, 5; 6, 27). Некоторые изображают сцены охоты (рис. 5, 2, 6; 6, 23, 24 и др.), при этом туловище охотника обычно изображено очень схематично — в фас, а его оружие (простые и сложные луки, копья) — в профиль. Всадники и кони так же являются одним из излюбленных петроглифических мотивов. Это вполне понятно: при былом дагестанском бездорожье верховая лошадь являлась зачастую единственным видом транспорта. Наиболее архаичны изображения коней и всадников на камнях из сел. Тидиб, Тлях, Урада, Хуштада (рис. 6, 30—34). На многих из них лошадь узнается только по седлу. Другие петроглифы достаточно конкретны: у коней намечены грива, выгнута шея, показаны уши, подчеркнуты половые признаки (рис. 6, 36—42). На таких петроглифах у всадников лицо изображено в профиль, руки согнуты в локтях, они держат лук или копьё. На петроглифе из сел. Тидиб один из всадников держит копьё с трехзубым полотнищем — знаменем (рис. 6, 40). Оседланного коня под узцы ведет всадник на рисунке из сел. Урада (рис. 1, 12). Наиболее поздними петроглифами этой серии является рисунок оседланного коня из сел. Хуштада (рис. 6, 44) и петроглиф из сел. Тлях, где в руках у всад-

⁸⁷ В. И. Марковин. Наскальные изображения в Дагестане. Известия ВГО, т. 85, Л., 1953, стр. 210, 211, рис. 3—5.

ников изображены кривые сабли и кремневые ружья (рис. 6, 43).

Остановимся еще на петроглифе из Хуштада (рис. 6, 46). На нем изображен поединок воинов в островерхих шлемах, в руках у них копья, двузубые вилы, лук. Ноги воинов согнуты, что придает сцене динамичность. Скорее всего здесь изображена ритуальная пляска, наподобие тех действий в масках-шлемах, которые еще недавно устраивались в ауле Кубачи⁸⁸. Отдельные человеческие фигуры на петроглифах встречаются очень редко, такова крестообразная фигура из сел. Тидиб (рис. 6, 48), фигура с распростертыми руками из сел. Хуштада (рис. 6, 49), фаллическое стилизованное изображение (Хуштада, рис. 6, 50) и крестообразный знак среди зигзагов, совершенно отдаленно напоминающий изображение летящего человека (сел. Хуштада).

Изображения животных — баранов, быков, оленей — начиная с эпохи энеолита повсеместно распространены по Кавказу. Это или налепные изображения на керамике, или прочерченные по сырой глине рисунки, лепные фигурки, стилизованные ручки, подвески в виде головок и фигурок животных из металла. В горном Дагестане для V в. до н. э. известны культовые места (Арчо, Согратль, Дидо), где вместе с металлическими фигурками животных были найдены статуэтки человеческих мужских и женских фигур⁸⁹. В средние века не исчезают традиции изображения животных. Так, для VIII—IX вв. известны прорезные бляхи с изображением коней, оленей и т. д.⁹⁰. Они исполнены в более совершенной манере, чем петроглифы. Дата петроглифов намечается крестами, сопутствующими животными композициями. Наиболее поздние из них (всадники с кремневками) — XVII—начало XIX вв. Культ животных, судя по обилию их изображений, проходит сквозь всю многовековую историю кавказских народов. Совсем недавно в виде баранов, коней делались надгробья. В Дагестане близ сел. Кудияб-росо на старом кладбище возвышаются стеллы, завершающиеся стилизованными головами животных⁹¹. Вероятно, они должны были охранять покой мертвых. В Дагестане до сих пор бытуют сосуды с ручками в виде животных, которые являются оберегами (амулетами).

⁸⁸ Е. И. Шиллинг. Кубачинцы и их культура, стр. 159 и сл.

⁸⁹ А. П. Круглов. Культовые места горного Дагестана. КСИМК, XII, 1946; П. В. Мегрелидзе. Археологические находки в Дидо. СА, XV, 1951.

⁹⁰ Д. М. Атаев. Археологические исследования у Главного Кавказского хребта. Ученые записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. VII, Махачкала, 1960, стр. 198, 199; его же. Археологические исследования в Дидо. СА, № 1, 1961, стр. 128, рис. 2, 6.

⁹¹ Сообщено В. И. Марковину М. Агларовым — сотрудником Дагестанского ИИЯЛ.

Сосуды с такими ручками не имели крышки, а «сосуд без ручки-закрывать надо» (лезгинская поговорка). В сказках дидойцев сохранились представления о том, что животные могут охранять от нечистой силы⁹². У многих народов мира тотемное животное могло беспрепятственно убить человека, скот. Пережитки культа животных можно видеть в поговорке аварцев: «то, что затронул своей пастью волк — оставь ему»⁹³. Известный этнограф Г. Ф. Чурсин отмечает, что многие кавказские народы пекли ритуальные хлебцы в виде фигурок людей, животных с целью обеспечить благополучие, счастье или обилie изображаемого⁹⁴. У аварцев в народных верованиях многие животные, в том, числе и змея (зигзаги на петроглифах, змеевидные спирали), являются хранителями дома⁹⁵. У аварцев и дидойцев талисманами, спасающими от болезней, являются шерсть, шкура и кости волка. Волчий глаз, если его носить при себе, помогает долгому бодрствованию (андо-цезские народы, дидои). Такие же верования связаны с медвежьими частями⁹⁶. Черепа лошадей, туров и оленей у народов Дагестана так же являются оберегами. Во многих дагестанских сказках конь выручает попавшего в беду человека и даже отделенная от туши конская нога является лучшим оружием в руках героя.

Таким образом, и эта группа петроглифов могла возникнуть не только как выражение эстетических потребностей средневекового населения Аварии, а в первую очередь как символика, имеющая практическое значение.

У. Петроглифы с изображениями рук.

Таких камней не очень много. На петроглифах из сел. Хуштада рука сочетается со свастикой (рис. 7, 1), на камнях из сел. Гента, Тидиб — с крестами и солярными знаками (рис. 7, 2, 4). Спираль и руку видим на петроглифе из сел. Накитль (рис. 7, 3). Плита, вмонтированная в стену мечети сел. Тлях (рис. 7, 5), покрыта сложным рисунком: руки (одна с крестом), солярные и звездные знаки. У многих народов изобраа-

⁹² А. Ф. Назаревич. Отобранное по крупицам (из дагестанской коллекции пословиц и поговорок). Махачкала, 1958, стр. 93.

⁹³ Там же, примечание 3.

⁹⁴ Г. Ф. Чурсин. Фигурные обрядовые печения у кавказских народов. Бюллетень кавказского историко-археологического института в Тифлисе, № 6, 1930, стр. 19.

⁹⁵ Г. Ф. Чурсин. Этнографический очерк аваров. Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе, № 4, Тифлис, 1928, стр. 7.

⁹⁶ Г. Ф. Чурсин. Амулеты и талисманы кавказских народов. СМОМПК, 46, Махачкала, 1929, стр. 9.

жения руки встречаются в качестве амулета, оберега. Арабы Алжира рисуют руку на стенах, чтобы удалить из дома злых духов⁹⁷. Широко известен охранный жест — кукиш. В Дагестане на свежееобмазанном доме женщина оставляет отпечаток руки, вкладывая в это тот же смысл, что и арабы Алжира⁹⁸. Известно, что хевсуры, тушины прибывали у дверей отрубленные руки врагов, при этом «сила убитого врага, воплощенная в его руке, становилась на стражу победителя»⁹⁹. Изображения руки являлись своеобразными знаками мастеров — строителей зданий (чеченцы, пшавы и др.). В Грузии камни с изображениями рук в XII—XVIII вв. ставились на границе владений (смысл: «это мое») ¹⁰⁰. У армян рука — благословляющая десница. Серия таких десниц — футляров с мощами рук апостолов Фомы, Якова Алфея и др. — хранится в Эчмиадзинском и др. соборах. Знак «рука» имеет значительную древность. Такие подвески известны среди кобанских бронз, «кукиши» как амулеты имели большое распространение в начале нашей эры. В сел. Агачкала (Дагестан) в склепе IX—X вв. (раскопки К. Ф. Смирнова, 1948 г.) была обнаружена халцедоновая печатка с изображением руки и звезды. В данном случае рука, как символ власти и мощи владельца, должна была скреплять его распоряжения.

Итак, изображение руки является оберегом (благословляющая рука) и символом власти.

* *
*

Мы рассмотрели все основные элементы аварских петроглифов¹⁰¹. Теперь, суммируя наши выводы, попытаемся остановиться на смысле некоторых из них¹⁰². А. А. Миллер еще в 20-х годах писал, что сочетание охотничьих сцен с различными знаками «дает новое доказательство в пользу допущения религиозного смысла этих композиций»¹⁰³. Сейчас это не вызывает сомнений. Обратимся к композициям с крестами. Сочетания креста, зигзага и колосков и цветов на камнях из

97 Г. Ф. Чурсин. Амулеты... стр. 7.

98 А. С. Башкиров. Петрография Аварии, стр. 131.

99 Г. Ф. Чурсин. Указ. соч., стр. 8.

100 Г. А. Цимакуридзе. Основные вопросы дактилоскопии в советской криминалистике. Тбилиси, 1957, стр. 10.

101 Часть петроглифов пока не может быть расшифрована.

102 Понятку некоторой расшифровки отдельных пятнадцати камней с привлечением понятий «верхнего и нижнего неба» делает П. М. Деби-ров. О художественных образах..., Ученые записки ИИЯЛ, т. VI, Махачкала, 1950, стр. 226—228. Автор почти не датирует свой материал.

103 А. А. Миллер. Изображение собаки в древностях Кавказа. Известия РАИМК, т. II, 1922, стр. 295.

сел. Тлях, Тидиб, Датун (рис. 1, 14, 29, 35, 37) несомненно являлись молениями о даровании урожайности, а если учесть, что зигзаг — древнейший символ воды (змеи как олицетворения водных стихий)¹⁰⁴, то можно предположить, что такие камни могли быть поставлены во время засухи, с пожеланием урожая. Так же мы склонны трактовать и изображение звезды и растений из сел. Тидиб (рис. 5, 11). Как обращения ко всем небесным силам о даровании благополучия можно рассматривать петроглифы с изображениями небесных тел и селений Мачада, Тлях, Кудняб-росо и др. аулов (рис. 1, 11, 27; 5, 1, 3, 6).

Рисунки креста и вавилона, звезды и вавилона (Тидиб. рис. 1, 36; 4, 11) не являются ли молениями, чтобы все нечистое исчезло, а светлое восторжествовало? Здесь крест усилен солярным знаком, а звезда — вавилоном. Также можно трактовать и лабиринтообразную спираль с звездными знаками из сел. Хуштада (рис. 4, 1). Лабиринт, сочетающийся с конем и крестом (сел. Гоор, рис. 4, 4), конечно, не олицетворяет собой «героя-полубога, связанного с преисподней»¹⁰⁵.

Сложные религиозные воззрения вряд ли характерны для членов данного общества. Нам представляется все это намного реальнее, конкретнее и проще. Не может ли, отправляясь в трудный путь, средневековый житель гор изобразить своего коня и над ним лабиринт, чтобы все злое, подстерегающее его в пути, запуталось в нем и поездка была счастливой? Любые действия, ритуалы служили прежде всего конкретным целям, насущно необходимым человеку. Очень опасен поход в нем может погибнуть и конь, и человек, направляющийся в тяжелый путь, и его родственники выбивают на камне фигуры коня и всадника, окружая их солярными знаками, крестами, и даже в фигурку коня и всадника вписывают крест. Стрела противника, которая может принести смерть, обращается в противоположную сторону, и даже водные стихии (зигзаги) должны служить ему (сел. Хотода, рис. 1, 21). И чем труднее задание, которое нужно было выполнить средневековому жителю гор, тем сложнее было его моление, тем больше на петроглифе различных магических знаков. Изображая охоту, животных, человек мог стремиться не только обеспечить себе охотничий успех, но и сохранить поголовье полезных животных. В одной чеченской сказке говорится, что если сохранить все кости убитого животного, не переломав их, оно возродится. С подобной целью можно было животное и нарисовать.

¹⁰⁴ И. Мещанинов. Змея и собака на вещевых памятниках архаического Кавказа. Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН, т. 1, Л., 1925, стр. 242.

¹⁰⁵ П. М. Дебиров. О художественных образах..., стр. 227.

Сочетания рук, крестов и солярных знаков (Тидиб, рис. 7, 4), особенно рук в позе адорации — моления, еще более подчеркивают примитивно-религиозный характер петрографики. Напомним, что у большинства культовых статуэток V в. до н. э. руки также подняты вверх. Трудно представить, чтобы без связи с предшествующими эпохами могло возникнуть искусство петроглифов.

В аварской петрогравике христианская символика (кресты, звезды) являются, вероятно, налетом на древние культовые действия и верования. Несомненно в изучаемых изображениях слиты воедино и пережитки наиболее древних культовых обрядов (охотничья магия) и более поздние наслоения (мощные группы знаков «апотропеев»). Петрогравика аварцев — местное явление. Целая серия аварских ковров XIX в., хранящихся в Дагестанском музее, близка по орнаментальным мотивам рисункам петроглифов (рис. 8).

С проникновением в горы Дагестана ислама в XII—XV вв.¹⁰⁶ древние культы преобразуются, частично исчезают, но полностью не утрачиваются. Все те предметы, которые ранее горцы клали в могилы, теперь изображаются на надгробьях. В орнамент вплетаются розетки-солярные знаки, адорирующие руки на надгробьях сопровождаются надписями с именем аллаха и пророков. Даже обращение к небесным силам, столь характерное для народов всего Востока, находит отражение в Коране («клянусь солнцем и утренней светозарностью его, и луною, когда она последует за ним, клянусь днем...») ¹⁰⁷. Исчезает искусство петроглифов и только иногда горцы снова обращаются к нему. Так возникают группы всадников с кремневками. Не продиктованы ли они трудностями местных локальных войн и не могли ли возникнуть, не взирая на устои Корана, в надежде на помощь языческих богов? Сейчас трудно на это ответить.

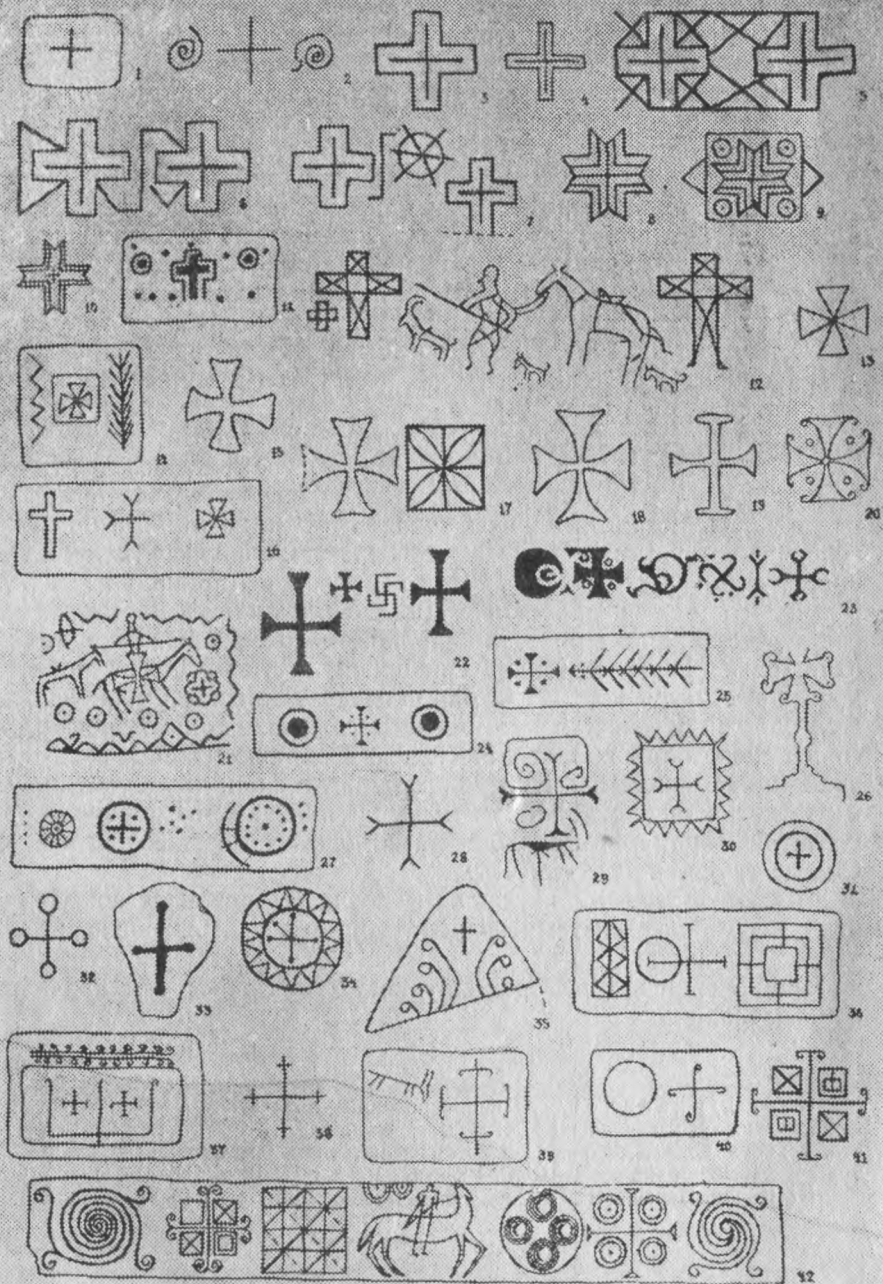
Только тщательное изучение петроглифов позволят дополнить и еще более систематизировать прекрасный петроглифический материал.

Свои очерки авторы рассматривают как опыт подобной систематизации.

---

¹⁰⁶ А. Шихсаидов. О проникновении христианства и ислама в Дагестан. Ученые записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. III, 1957, стр. 76; М. С. Саидов. О некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах ДАССР. Ученые записки ИЯЛ, т. III, стр. 131.

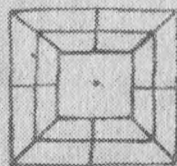
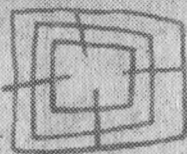
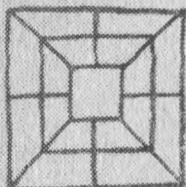
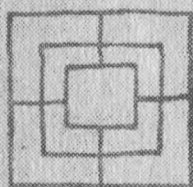
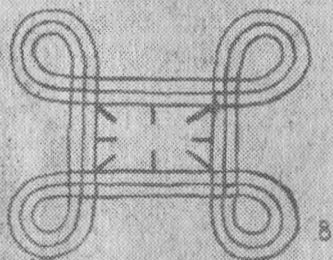
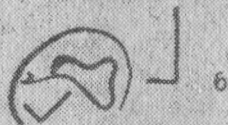
¹⁰⁷ Коран. Перевод Г. С. Саблукова. Казань, 1907, стих 91—«Солнце».

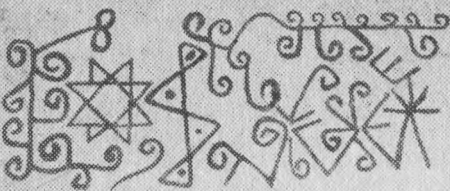
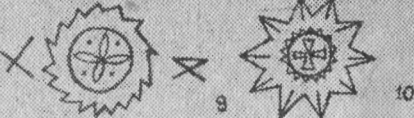
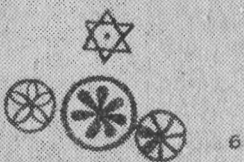
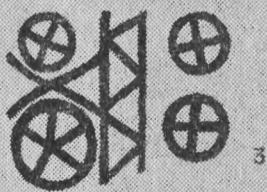
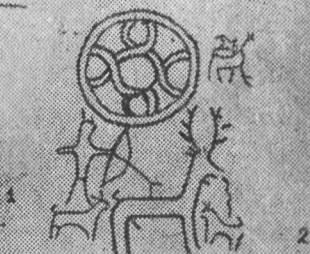
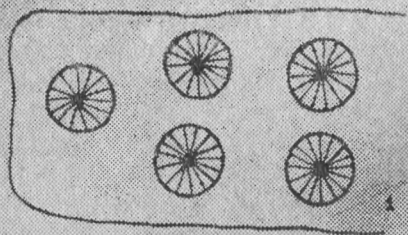

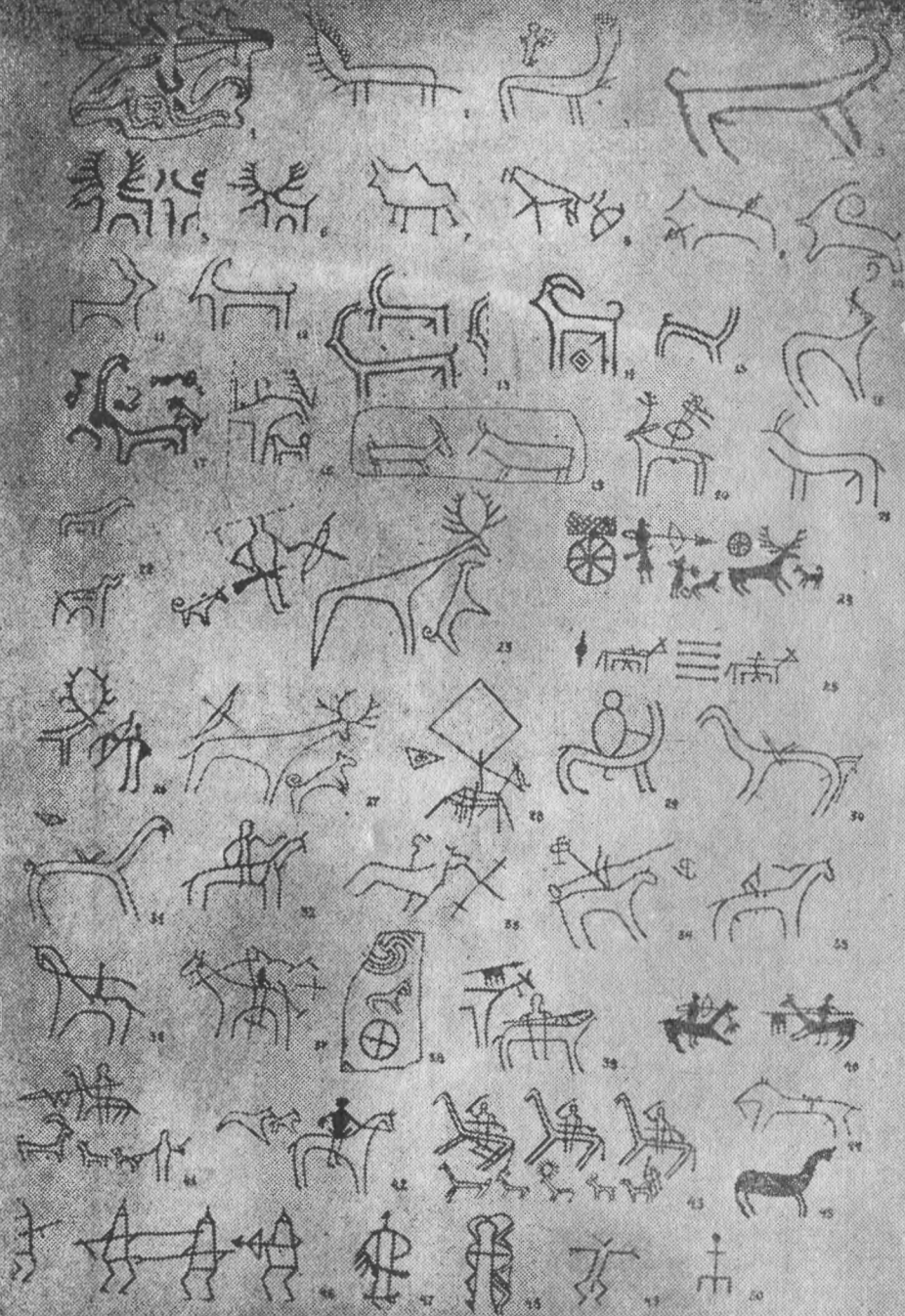

12

1

2

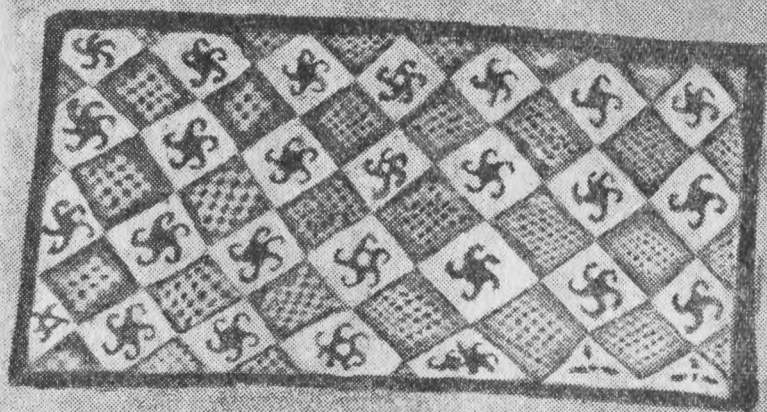
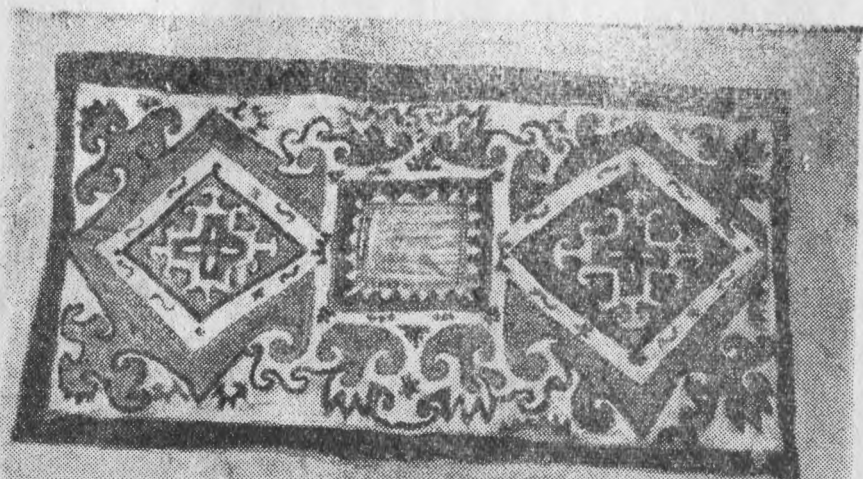
3

4

5

БИБЛИОГРАФИЯ

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ДАГЕСТАНСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР ЗА 1963 ГОД.

ИСТОРИЯ

БАГОМЕДОВ А. Деятельность Дагестанской партийной организации по улучшению руководства сельским хозяйством (1953—1960 гг.). — Ученые записки (Ин-т истории, языка и лит. Дагест. фил. АН СССР), т. XI, Серия историческая, 1963, с. 3—28.

В статье обобщён опыт работы партийной организации Дагестана в борьбе за подъем с.-х. производства, за претворение в жизнь постановлений пленумов и ЦК КПСС за последние годы.

БАРКУЕВ К., АХМЕДОВ М.-К., ШИХСАИДОВ А. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей. — Ученые записки (Ин-т истории, языка и лит. Дагест. филиала АН СССР), т. XI, серия историческая, 1963, с. 173—185 с илл.

О некоторых данных из истории Дагестана XV — первой четверти XIX вв., помеченных на полях рукописей, хранящихся в Ин-те истории, языка и лит. Дагест. филиала АН СССР.

ВИЛИНБАХОВ В. Артиллерия Шамиля. — Ученые записки (Ин-т истории, языка и лит. Дагест. филиала АН СССР), т. XI. Серия историческая, 1963, с. 159—172 с илл.

О создании Шамилем своей артиллерии и использовании ее с 1843 г. в боевых действиях на восточном Кавказе.

ГАДЖИЕВ А. Из истории общественно-политической и философской мысли в Дагестане. — Ученые записки (Ин-т истории, языка и лит. Дагест. фил. АН СССР), т. XI. Серия историческая, 1963, с. 66—95.

Об истоках формирования и развитии общественно-политических и философских взглядов прогрессивных и революционных деятелей Дагестана конца XIX — начала XX вв. — Н. Батырмурзаева, Д. Коркмасова, М. Дахадаева.

ГАДЖИЕВ А. Г. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. [Ред. Г. И. Милованов]. Махачкала, 1963. 353 с. (Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, языка и лит. им. Г. Цадасы).

В работе выявлены исторические корни сближения русского народа с народами Дагестана. На ярких, многочисленных фактах показана борьба трудящихся горцев в союзе с русским народом за установление советской власти в Дагестане.

ГЪАЖИЕВ АДИЛЬ-ГЕРЕИ. Дагыстанда алдынлы, революциячи идеялары яйыгда «Тангчолпан» журналны агъамияты. Гаджиев Адильгерей. Роль журнала «Тангчолпан» («Утренняя заря») в распространении прогрессивных и революционных идей в Дагестане 1917—1918 гг. — Дослукъ (Дружба). Лит. — худ. и обществ. — полит. альманах. Махачкала, 1963, № 2, с. 104—114 — На кумык. яз.

ГАДЖИЕВ В. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII века — Ученые записки (Ин-т истории, языка и лит. Дагест. фил. АН СССР), т. XI. Серия историческая, 1963, с. 116—137.

В статье дается анализ борьбы народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII в.

ГАСАНОВА А. И. Раскрепощение женщины-горянки в Дагестане (1920—1940 гг.). [Отв. ред. доктор исторических наук Г. Д. Даниялов]. Махачкала, 1963. 157 с. Библиогр.: с. 152—156. (Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, языка и лит. им. Г. Цадасы).

Первое, наиболее полное научное исследование многогранной деятельности партийных и советских органов в решении труднейшей задачи — раскрепощения женщины-горянки и вовлечения ее в социалистическое строительство. Работа написана на основе новых архивных материалов и литературных источников.

ГОЙГОВА З. А. Народы Чечено-Ингушетии в борьбе против Деникина. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Научн. руководитель доктор ист. наук Г. Д. Даниялов. Грозный, 1963. 16 с. (Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, языка и лит. им. Г. Цадасы).

ДЕСТЕБЕКОВ Н. Мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по оказанию помощи Дагестану в восстановительный период (1921—1926 гг.). — Ученые записки (Ин-т истории, языка и лит. Дагест. филиал АН СССР), т. XI. Серия историческая, 1963, с. 29—50.

В статье рассказывается, как В. И. Ленин, Коммунистическая партия, Советское государство организовали неоценимую

материальную и техническую помощь трудящимся Дагестана в восстановлении народного хозяйства, в возрождении и ускоренном развитии производительных сил республики.

КАЙМАРАЗОВ Г. Ш., КЕРИМОВ И. К., КОЙСТИНИЕН Г. С., МЕЛЕШКО А. Г. Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. [Авторский коллектив — канд. ист. наук: Г. Ш. Каймаразов — гл. 5, И. К. Керимов — гл. 1, 2, 6 и заключение, Г. С. Койстинен — гл. 4, А. Г. Мелешко — гл. 3. Отв. ред. доктор ист. наук Г. Д. Даниялов]. Махачкала, Дагкнигоиздат, 1963. 471 с.

Среди опубликованных работ, посвященных одному из самых значительных периодов истории Дагестана, носящих в основном обзорный характер и не лишенных некоторых неточностей, данная монография является наиболее полным исследованием.

КЕРИМОВ И. К. История профсоюзного движения в Дагестане (1905-июнь 1941 гг.). Ред. Г. А. Аликберов. Махачкала, 1963, 192 стр. (Дагест. филиал АН СССР. Институт истории, языка и лит. им. Г. Цадасы). Библиогр.: с. 285—290.

Первая научная монография о профдвижении в Дагестане. Автор показывает, как профсоюзы на всех этапах строительства социализма являлись активными помощниками Коммунистической партии Советского Союза.

КИЧЕВ М. Из истории борьбы за упрочение Советской власти в Дагестане (1920—1921 гг.). [Ред. Г. А. Аликберов]. Махачкала, 1963, 103 с. (Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, языка и лит. им. Гамзата Цадасы). Библиогр.: с. 100—102.

О героической борьбе частей Красной Армии, красных партизан и бедноты Дагестана против антисоветского мятежа Гоцинского.

КИЧЕВ М и БУТАЕВ М. Дагестан за годы Советской власти. (Хроника). [Ред. Г. А. Аликберов]. Махачкала, Дагкнигоиздат, 1963, 159 с.

Краткая хроника важнейших событий в истории Дагестанской АССР с 1920 по 1962 г.

МАГОМЕДОВ А. Расцвет и сближение советских народов на путях к коммунизму. [Ред. Г. А. Аликберов]. Махачкала, 1963, 81 с. (Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, языка и лит.).

На конкретном материале из жизни народов Советского Союза и народов Советского Дагестана показаны расцвет и сближение советских социалистических наций и народностей на путях к коммунизму.

МАРШАЕВ Р. Қазикумухское шамхальство в русско-турецких и русско-персидских отношениях во второй половине XVI — начале XVII вв. — Ученые записки (Ин-т истории, язы-

ка и лит. Дагест. филиала АН СССР), т. XI. Серия историческая, 1963, с. 138—158.

В статье освещаются внешнеполитические связи Дагестана в этот период, определена роль и значение Казикумухского шамхальства.

МИЛОВАНОВ Г. Освещение революционного движения 1905—1907 гг. в Дагестане в работах историков. (Историографический обзор). — Ученые записки (Ин-т истории, языка и лит. Дагест. филиала АН СССР), т. XI. Серия историческая, 1963, с. 96—115.

Критический анализ работ советских историков, опубликованных в Дагестане в 1925—1957 гг.

МИЛОВАНОВ Г. И. Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане (90-е гг. XIX в. — июнь 1941 г.). Ред. А. С. Гаджиев. Махачкала, 1963. 214 с.; 1 л. табл. (Гос. комитет Совета Министров РСФСР по координации науч.-исслед. работ. Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, языка и лит. им. Г. Цадасы).

В исследовании собран и обобщен огромный фактический материал, на основе которого показаны исторические условия и особенности формирования пролетариата Дагестана в дооктябрьский период, его борьба за социальное и национальное освобождение. Автор показал в последующих главах коренное изменение положения рабочего класса Дагестана после победы Октябрьской революции, его развитие как неотъемлемой части рабочего класса Советского Союза.

МУНЧАЕВ Ш. О деятельности Дагестанской областной партийной организации по созданию оборонительных сооружений на территории республики в годы Великой Отечественной войны. — Ученые записки (Ин-т истории, языка и лит. Дагест. фил. АН СССР), т. XI. Серия историческая, 1963, с. 51—65.

В статье показана деятельность областных партийных и советских организаций в годы войны по созданию оборонительных сооружений в республике.

САИДОВ М. С. Дагестанская литература XVIII—XIX вв. на арабском языке. — В кн. Труды XXV международного конгресса востоковедов. Москва. 9—16 авг. 1960 г., т. 2. М., 1963, с. 118—123.

СКАЗИН Е. В. Дагестан в советской исторической литературе. [Ред. Г. А. Аликберов]. Махачкала, 1963. 196 с. (Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, языка и лит.).

Аннотированный научно-библиографический указатель опубликованных на русском языке в советской периодической и неперидической печати работ и материалов по вопросам истории, этнографии и археологии Дагестана по 1961 г. вкл. как в Дагестане, так и за его пределами. В указатель вклю-

чено 1400 названий (книг, брошюр, сборников, рецензий, подборок документов и заметок). Книга снабжена указателем имен.

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ. Ред. колл.: Даниялов Г. Д. (отв. ред.), Аликберов Г. А., Гаджиева С. Ш., Гаджиев В. Г., Муркелинский Г. Б., Микаилов Ш. И., Омаров А. С., Юсуфов Р. Ф. Махачкала, 1963. (Гос. комитет Совета Министров РСФСР по координации науч.-исслед. работ Дагест. филиал АН СССР. Институт истории, языка и лит.). т. XI. Серия историческая. 200 с. с илл., 1 л. илл.

В данном библиографическом перечне в содержании тома раскрыты росписи статей отдельных авторов.

ХАШАЕВ Х.-М. Пережитки шариата и вредных адатов. [Ред. Н. Алиева]. Махачкала, Дагкнигоиздат, 1963. 32 с. Библиогр.: 12 названий.

ШИГАБУДИНОВ М. Рабочее движение на Северном Кавказе в революции 1905—1907 гг. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Научный руководитель доктор наук Г. Д. Даниялов. Тбилиси, 1963, 25 с. Библиогр.: 3 назв. (АН Грузинской ССР, Институт истории им. акад. И. А. Джавахишвили). — На правах рукописи.

АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ.

АТАЕВ Д. М. Височные привески с четырнадцатигранныком (из Дагестана). — Сов. археология, 1963, № 3, с. 231—235.

В статье дается классификация височных привесок, очерчен ареал их распространения, высказан ряд соображений автора об их генезисе.

АТАЕВ Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). [Отв. редактор канд. ист. наук В. Г. Котович]. Махачкала, 1963. 254 с. с илл.; 2 л. табл., карт. (Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, языка и лит. им. Г. Цадасы).

В работе дана хронологическая классификация и археологическая периодизация новых материалов, а также описание хозяйственной и культурной жизни средневековой Аварии.

АТАЕВ Д. Дагьистаналда гьарулал археологиялъул щехрехазул чамго хIасилал. [Атаев Д. Некоторые результаты археологических раскопок в Дагестане]. — Гьудулльи (Дружба). Лит. — худож. и общественно-полит. альманах. Махачкала, 1963, № 3, с. 80—87. — На авар. яз.

Изложен результат исследований многих археологических объектов, обобщен некоторый новый археологический материал, главным образом о памятниках Аварии.

АТАЕВ Д. Основные итоги историко-археологического изучения средневековой Аварии. — Ученые записки (Ин-т истории, языка и лит. Дагест. филиала АН СССР), т. XI. Серия историческая, 1963, с. 186—199.

Наряду с обзором работ дореволюционных и, главным образом, советских авторов, приводятся данные по истории средневековой Аварии.

ГАДЖИЕВ А. Г. Этническая антропология Дагестана. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Научный руководитель доктор биол. наук проф. Г. Ф. Дебец. М., 1963, 15 с. Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР). На правах рукописи.

ГАДЖИЕВ А. Г. О влиянии колыбели (бешика) на величину головного указателя у детей. — Краткие сообщ. (Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая), т. 28, 1963, с. 114—118.

ИХИЛОВ М. М. Дуствилин хзанда. [Ихиллов М. М. В дружной семье народов]. — Дуствал (Дружба). Лит. худож. и обществ. — полит. альманах. Махачкала, 1963, с. 107—114. — На лезгин. яз.

О современном быте и культуре лезгин Дагестанской АССР.

ИХИЛОВ М. М. Старый и новый Куруш. (Культура и быт лезгинского переселенческого аула). — Сов. этнография, 1963, № 4, с. 166—172.

ОСМАНОВ М. О. Поселения и жилища даргинцев. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Работа выполнена в Институте истории, языка и лит. им. Г. Цадасы Дагест. филиала АН СССР. М., 1963, 19 с. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). — На правах рукописи.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

АБАКАРОВА Ф. Очерки даргинской дореволюционной литературы. [Ред. Р. Расулов]. Махачкала, 1963. 146 с. (Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, языка и лит. им. Г. Цадасы).

Первое научное исследование о даргинской художественной литературе конца XIX — начала XX вв. Дан анализ произведений представителей как устной (Батырай, Сукур Курбан, Мунги Ахмед), так и письменной (Рабадан Нуров, Азиз Иминагаев и др.) литературы. Показаны взаимосвязи даргинской литературы с литературами других народов Дагестана и с русской классической литературой.

АБАКАРОВА П. Сайгид Абдуллаевла гьала-гьаларти хабурти. Абакарова Ф. Первые рассказы Сагида Абдуллаева (1903—1952 гг.) — Гьалмагьдеш (Дружба). Лит. — худ. и об-

ществ.-полит. альманах. Махачкала, 1963, № 1, с. 107—111.— На даргин. яз.

Литературно-критический анализ рассказов «Жизнь семьи Запира», «Как учился Гази». «Лекарство для живота». Определено их значение в развитии даргинской прозы.

ХИУСАЙНАЕВ Абачара. Яла лагьмур шачлану. [Гусейнаев Абачара. Самая высокая ступень]. — Дусшиву (Дружба). Лит. — худож. и обществ. — полит. альманах. Махачкала, 1963, № 2, с. 3—6 с портр. — На лакск. яз.

О развитии в творчестве Расула Гамзатова лучших традиций дагестанской поэзии и его новаторстве. (К присуждению Ленинской премии народному поэту Дагестана Расулу Гамзатову за книгу «Высокие звезды»).

ЗУЛЬФУКАРОВА М. Цадаса Хамзатил комедияби. [Зульфукарова М. Комедии Гамзата Цадасы]. — Гьудулльи (Дружба). Лит. — худож. и обществ.-полит. альманах. Махачкала, 1963, № 3, с. 97—104. — На авар. яз.

ИМАМКУЛИЕВА ЗУЛЕЙХА. Гиччинеv тамчыда уллу гюнешни герсетме бола. [Имамкулиева Зулейха. И могут маленькие капли большое солнце отражать]. — Дослукъ (Дружба). Лит. — худож. и обществ. — полит. альманах). Махачкала, 1963, № 1, с. 101—102. На кумык. яз.

О жизнеутверждающем пафосе поэзии Расула Гамзатова. К выдвижению сборника стихов «Высокие звёзды» на соискание Ленинской премии в 1963 году.

ТО ЖЕ — Дусшиву (Дружба. Лит. — худож. и обществ. — полит. альманах). Махачкала, 1963, № 1, с. 112—113. На лак. яз.

ТО ЖЕ — Дуствал (Дружба. Лит. — худож. и обществ. — полит. альманах). Махачкала, 1963, № 1, с. 137—138. На лезгин. яз.

ИМАМКУЛИЕВА З. Революцияльул трибун. В. В. Маяковский гъавун 70 сон тлубаялде. [Имамкулиева З. Трибун революции. К 70-летию со дня рождения В. В. Маяковского]. — Гьудулльи (Дружба. Лит. — худож. и обществ.-полит. альманах). Махачкала, 1963, № 2, с. 113—118. На авар. яз.

О революционном пафосе, партийности и народности поэзии В. Маяковского.

ТО ЖЕ — Дослукъ (Дружба. Лит. — худож. и обществ. — полит. альманах). Махачкала, 1963, № 2, с. 62—70. На кумык. яз.

ТО ЖЕ — Дусшиву (Дружба. Лит. — худож. и обществ. — полит. альманах). Махачкала, 1963, № 2, с. 100. На лак. яз.

ЛЕБЕДЕВ В. Р. Хамзатовла литературно-критический пикруми. [Лебедев В. Литературно-критические взгляды Расула Гамзатова]. — Гьалмагъдеш (Дружба). Лит. — худож. и обществ. — полит. альманах. Махачкала, 1963, № 4, с. 131—137. — На даргин. яз.

МИКАГИЛОВ Ш. И. Дагьистан чIухIараб роххалал хабар. [Микаилов Ш. И. Весть, обрадовавшая весь Дагестан]. — Гьудуллы (Дружба). Лит. — худож. и обществ. — полит. альманах. Махачкала, 1963, № 2, с. 3—8 с порт. — На авар. яз.

Об идейно-художественных достоинствах поэзии Р. Гамзатова. К присуждению Ленинской премии за книгу «Высокие звезды».

СОКОЛОВА Л. М. Дагестан в русской советской литературе. Ред. Е. Сказин. Махачкала, Дагкнигоиздат, 1963, 100 с.

О дагестанской тематике в произведениях русских советских писателей, их роли, а также М. Горького в развитии дагестанской советской литературы.

ХАЛИЛОВ Халил. ХьхьичIавасса лакрал балайлул хIакьраву. [Халилов Халил. Об одной народной песне]. — Дусшиву (Дружба). Лит. — худож. и обществ.-полит. альманах. Махачкала, 1963, № 4, с. 105—110. — На лакск. яз.

О песне «Бурхай Изажа», возникшей в XV веке.

ХАЛИЛОВ Х. «ЦIуртти». [Халилов Х. Звезды]. — Дусшиву (Дружба). Лит. — худож. и общественно-полит. альманах. Махачкала, 1963, № 3, с. 111—113. — На лакск. яз.

О сборнике стихов «Звезды» лакского поэта Абдуллы Мирзаева.

ХАЛИЛОВ Х. ЦIунил жушчала. (Чаринов МухIуттиннул «Язи бувгьуми» буккаврин бувну). [Халилов Х. Снова с нами. («Избранное» Мугутдина Чаринова)]. — Дусшиву (Дружба). Лит. — худож. и обществ.-полит. альманах. Махачкала, 1963, № 1, с. 96—102. — На лакск. яз.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

АБДУЛЛАЕВ Э. Лакку мазрал тарихрал масьалартту. [Абдуллаев И. вопросы истории лакского языка]. — Дусшиву (Дружба). Лит. — худож. и обществ.-полит. альманах. Махачкала, 1963, № 1, с. 103—110.

АБДУЛЛАЕВ И. Х. Категория грамматических классов в лакском языке (в сравнении с аварским и даргинским языками). Автореферат дисс. на соискание учёной степени канд. филол. наук. Науч. руководитель — академик АН Грузинской ССР, проф. А. С. Чикобава. Махачкала, 1963. 22 с.

ГАДЖИЕВ М. М. Синтаксис лезгинского языка. Часть II. Сложное предложение. Отв. ред. У. А. Мейланова. Махачкала, 1963. 203 с. (Гос комитет Сов. Мин. РСФСР по координации науч. — иссл. работ Дагест. филиала АН СССР. Ин-т истории, языка и лит. им. Гамзата Цадасы).

Первый опыт научного исследования синтаксического строя современного, главным образом литературного лезгинского языка, а также устно-разговорной речи.

ИБРАГИМОВ Г. Х. Звуковая система цахурского языка— Известия АН Азерб. ССР. Серия обществ. наук, № 6, с. 51—60. Резюме на азерб. яз.

В статье исследованы диалектные особенности и основные звуковые процессы цахурского языка на основе говора сел. Мишлеш цахурско-сувагильского диалекта.

МАГОМЕДОВ А. Г. Собственно-последлоги и последлоги — изолированные формы имён глаголов и наречий в современном кумыкском литературном языке. Автореферат дисс. на соискание учёной степени канд. филол. наук. Махачкала, 1963. 30 с. (Дагест. филиал АН СССР. Институт истории, языка и лит.).

МУРКЕЛИНСКИЙ Г. Б. О сложно-подчиненном предложении в дагестанских языках. — В кн.: Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана. Материалы научной сессии Кабардино-Балкарского науч.-иссл. ин-та и Ин-та языкознания АН СССР. Нальчик, 1963, с. 76—82.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

	Стр.
М. Ходжаев. Развитие энергетики Дагестана.	5
Я. Фельдман. Об опережающем росте производительности труда.	19
С. Губарев. Подготовка педагогических кадров в Дагестане в годы второй пятилетки.	36
И. Лоов. Борьба за восстановление грозненской нефтяной промышленности (1920—1925 гг.).	51
Э. Аквердиев. Рабоче-крестьянская инспекция Дагестанской АССР (1921—1923 гг.).	73
А. Исрапилов. Из истории создания временных органов советской власти в Дагестане.	97
М. Шигабудинов. Из истории борьбы рабочих Северного Кавказа за объединение в профсоюзы (1905—1907 гг.).	131
Ф. Феодаева. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во второй половине XVIII.	155
Б. Малачиханов. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане.	175

ЭТНОГРАФИЯ

П. Дебиров. Резьба по стуку в средневековом Дагестане.	205
А. Исламмагомедов. Некоторые вопросы эволюции аварского жилища в XIX—XX вв.	257
М. Османов. Некоторые вопросы даргинской топонимики.	283
С. Агаширинова. Патронимия у лезгин.	308

АРХЕОЛОГИЯ

Е. Крупнов. Раннежелезный век северного Кавказа.	325
Д. Атаев, В. Марковин. Петрография горной Аварии.	342

БИБЛИОГРАФИЯ

Ф. Казбекова. Библиография трудов научных сотрудников Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР за 1963 г.	375
--	-----

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ

Том 14

серия историческая

Редактор издательства **Е. Чернигова**

Техн. редактор **Э. Геллер**

Сдано в набор 17/VIII-1964 г. Подписано в печать 6/I-1965 г.
Формат 60×92¹/₁₆. Объем 24 п. л. Тираж 1000.
С02901. Зак. 501. Цена 1 руб. 71 коп.

Типография Дагестанского филиала АН СССР
г. Махачкала, 5-й жилгородок, корпус, 10.